

DISCOURSE-P Дискурс Ни

Научно-практический альманах

РHILOSOPHY - ФИЛОСОФИЯ
РOLITICS - ПОЛИТИКА
РOWER - ВЛАСТЬ
РUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Ди-Ни

Выпуск 7

Новый левый дискурс

Институт
философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук

Выпуск подготовлен
при поддержке гранта
Президента Российской Федерации
№НШ-2228.2003.6

Екатеринбург
2007

DISCOURSE-P
ДИСКУРС
Ни

УЧРЕДИТЕЛИ:

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ДОМ УЧЕНЫХ»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ДИСКУРС-ПИ»

Адрес редакции:

620144 г. Екатеринбург
ул. 8 Марта, 68, комн.3.

Телефоны:

(343) 251-70-58
(343) 251-77-85

E-mail: dipi@nm.ru
www.discourse-pm.ur.ru

При перепечатке
ссылки на альманах
«Дискурс-Пи»
обязательны.

Редакция
не несет ответственности
за особенности
дискурса авторов

Тема следующего выпуска:

«»

ISSN 1817-9568

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.А. Александров
Л.М. Андрюхина
О.Г. Дука
Е.Г. Дьякова
Ю.Г. Ершов
К.В. Киселев
Ю.В. Конецкий
О.В. Коркунова
В.О. Лобовиков
И.П. Малинова
Б.С. Модель
И.М. Модель
С.В. Мошкин
Д.В. Нежданов
Л.И. Рыженко
Д.Л. Стровский
Е.М. Сурина
И.Б. Фан
Л.Г. Фишман
А.Э. Якубовский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В.В. Алексеев
Б.Б. Багиров
С.Е. Вершинин
А.В. Гайда
М.Е. Главацкий
Б.В. Емельянов
А.Д. Кириллов
В.Б. Куликов
К.Н. Любути
М.А. Малышев (Мексика)
Д.А. Миронов
В.Ф. Олешко
А.В. Перцев
В.И. Разумов
В.Н. Руденко
В.М. Русаков
А.Е. Спасский
Е.А. Степанова
Е.С. Тулисов
М.А. Фадеичева

Ответственный секретарь

Е.Г. Грибовод

© Составление О.Ф.Русакова, 2007
© Дискурс-Пи. Научно-практический
альманах, выпуск 7. 2007.

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова Дискурс левого поворота.....	9
--	---

Новый левый дискурс

М. А. Фаденчева Новая «левизна»: болезнь без диагноза	12
---	----

В. Н. Руденко Позиционирование левых в политической символике.....	14
--	----

Марио Магайон Анай (Mario Magallion Anaya), Мексика Латиноамериканский утопический дискурс XIX - начала XX веков.....	17
--	----

О. Ф. Русакова Дискурс новых латиноамериканских левых: от Че Гевары до Чавеса. Концепт «Наша Америка»	20
--	----

С. Н. Некрасов Социализм между формацией и цивилизацией: Внецивилизационный процесс или возвращение в лоно цивилизации?.....	22
--	----

М. С. Ильченко Не(о)марксистский дискурс эпохи постмодерна	25
--	----

К. С. Романова Новый левый дискурс: история психологии цвета	27
--	----

Д. А. Максимов Соблазны дискурса протеста	29
---	----

А. Г. Шабуров Концепт (не)справедливости в новом левом дискурсе.....	31
--	----

Е. А. Иванова Дискурс «агонистической демократии» Шанталь Муфф.....	32
--	----

С. В. Кайгородов Политические режимы и левый дискурс в современной России	34
--	----

В. В. Стрекалов Продвижение новых левых в России На примере Кемеровской области	38
--	----

Галерея

Б. В. Емельянов Левее всех левых. Анархистское кредо Михаила Бакунина	39
--	----

Е. Д. Галинская Социализм: pro et contra (мысли Ф.М.Достоевского).....	41
--	----

Роберто Гонсалес Инохоса, Мексика Эдуардо Николь: Жизнь и творчество	44
--	----

Эктор Самур, Сальвадор В поисках новой парадигмы: Игнасио Эльякурия (1930-1989)	46
--	----

Антропология

О. В. Коркунова Антропологические воззрения Э.Кассирера как предпосылка развития философских исследований в XX веке	48
---	----

Е. В. Власова Левая, правая, где сторона?	50
---	----

Ф. П. Фурман Народничество: от народолюбия через народоведение — к народоводству	52
---	----

А. Е. Спасский Типологизация человека.....	56
--	----

Геополитика

Б. Битти, США Американо-Китайские отношения	57
---	----

Р. С. Мухаметов Геополитические интересы России	59
---	----

Персона

Оправдание марксизма как развивающегося учения Интервью с Т. И. Ойзерманом (И. Б.Фан)	61
--	----

Юбилей

Члену-корреспонденту РАН М. Н. Руткевичу 90 лет.....	66
Профессору В. В. Киму — 75 лет	66

Философские беседы

Милан Тасич, Сербия Михаило Маркович. Разговор с философом	67
--	----

«Революции делаются властью»- «марксизм умрет со смертью капитализма». Интервью с Б.Ю. Кагарлицким (И. Б. Фан)	70
--	----

«На наших глазах - удивительные процессы, Определяющие новейшую историю!» Интервью с Р. Саквой (И. Б. Фан)	75
--	----

Парадигмы и процессы

К. Н. Любутин, В. М. Русаков Тенденции трансформации современного философского дискурса.....	78
---	----

О. А. Матвейчев Смерть политологии	80
С. В. Мартыанов Особенности цитирования в современных политических текстах: Сравнительный анализ	86
Е. Г. Дьякова «Информационное неравенство» с позиций социального конструкционизма: Кто является носителем риторики требовательного характера?	90
А. С. Кузнецов Развитие научных школ парадипломатических исследований в западной политической науке	92
Л. М. Андрюхина Трансформация научности в менеджмент- и бизнес-дискурсе	94
Е. А. Степанова Религия как символ нового пути России	95
Е. В. Никитина Зачем городу искусство	100
В. С. Данилова, Н. Н. Кожевников Сознание и дискурс сетевого мира	101
И. П. Чупина Духовные и художественные ценности ремесленничества	104
А. А. Коряковцев Молодежность как репрессивный дискурс	106
З. Г. Хайбуллина Социальная справедливость в политике государства	109
А. Я. Криницкий Государственная молодежная политика: Мнение молодежи	111

Игра в бисер

В. О. Лобовиков От цифровой фотографии к цифровой философии (Цифровые технологии философствования – важное дополнение к аналоговой философской традиции и направление современного дискурса)	113
---	-----

Тропы метода

Н. А. Комлева Фантомное письмо как феномен культуры	116
А. И. Тропников Маркетинговый подход в партологии: «слияния» или «поглощения» – проблема выработки теоретико- методологических оснований	120

Е. Н. Голыгин Методы анализа когнитивной сферы политических деятелей	122
---	-----

Р. А. Зайнетдинова Ю.М. Лотман в контексте современной западной философии	124
--	-----

К. Накатоми, Япония О синтезе теории относительности и квантовой теории	129
--	-----

Трибуна

С. В. Мошкин Непроясненное прошлое	131
--	-----

Четвертая власть

В.Ф. Олешко Дискурс журналистской профессии: Не только цех, корпорация – но и сообщество!	133
--	-----

Ю. В. Чемякин Корпоративная пресса и формирование духовных ценностей	135
---	-----

И. М. Модель, Израиль Политическая жизнь в зеркале израильских СМИ и общественного мнения (Субъективные заметки молодого израильтянина)	137
---	-----

А. Д. Трахтенберг Интернет и анти-капитализм: Технология против инструментального разума	141
---	-----

Политические технологии

К. В. Киселев Идеология как технология	143
--	-----

И. А. Савченко Политическое действие как технологический институт	145
--	-----

О. Е. Гришин Партийный брендинг и политическая символика	147
--	-----

В. В. Уфимцев Выборы в госдуму превратились в «хороший» фарс	149
--	-----

А. В. Новоселов «Альтернативная публичная политика»	150
---	-----

В. А. Белов Менталитет народа как объект политтехнологий	153
--	-----

Конференц-зал

О.Ф. Русакова, А. Е. Спасский

Вторая международная конференция по дискурсологии,
посвященная памяти Ж. Бодрийяра
(21 ноября – 14 декабря 2007 г.,
Екатеринбург – Тюмень - Челябинск) 154

Дискурсы о дискурсе: проблема региональной
идентичности в обсуждении участников сессии
«дискурс региональной идентичности»,
21 ноября 2007 г., Тюменский Государственный
Университет 156

Отчет о сессии «Культура как взаимодействие
дискурсов» 158

Круглый стол «марксизм и постмодернизм:
Особенности дискурса» 159

Доклады

О. Б. Подвинцев

Проблема «Величия России» и современная идейно-
политическая борьба 160

Т. Д. Венедиктова

Жертвы соблазна как агенты культурных революций
(К апологии «наивного» читателя) 161

А. Д. Ахунова

Диалог как дизайн-концепция организации музейной
экспозиции 164

А. В. Бакина

Роль дискурса и прав человека в контексте
Осуществления геополитической экспансии 166

М. М. Колышкина

Миф или исчисляемая реальность?
О проектировании туристского имиджа 168

Афористикон

М. А. Малышев, Мексика

Превратности бытия человека
(афоризмы и ироничные изречения) 170

Клуб дядюшки Лю

О. Ф. Русакова

Триумф духа (По мотивам книги О. Матвейчева
«Суверенитет духа») 173

К. Н. Любутин

Занимательная кимология 174

А. А. Коряковцев

«Дюпонизмы»: «новому веку — новый язык!» 175

Эссе

Л. Г. Фишман

Наш поистине волшебный мир 176

К. В. Киселев

О революциях, юбилеях и прогрессе 178

А. М. Воробьев

Мистер президент 179

М.Ф. Казанцев

Саки-боки 183

Поэтик

Л. Столович 187

Св. Светлая 188

Л. Ладейщикова 189

Ю. Конецкий 190

**Новые книги по философии,
политологии, социологии и
праву (Е. М. Сурина)** 192

Editor's preface

Rusakova O. F.	
Discourse of left turning	9

New left turning

Fadeicheva M. A.	
New "leftishness": disease without diagnosis.....	12

Rudenko V. N.	
Positioning of leftists in political symbolic	14

Mario Magallion Anaya, Mexico	
Latin American utopian discourse XIX – the beginning of XX century.....	17

Rusakova O. F.	
Discourse of new Latin American leftists: from Che Guevara to Chaves.....	20

Nekrasov S. N.	
Socialism between formation and civilization: above civilization process or return to the bosom of civilization.....	22

Ilchenko M. S.	
Neomaxist discourse of postmodern epoch	25

Romanova K. S.	
New left discourse: history of psychology of color	27

Maksimov D. A.	
Temptations of protest discourse.....	29

Shaburov A. G.	
Concept of un/fairness in new left discourse	31

Ivanova E. A.	
Discourse of "agonistic democracy" Shantal Moff.....	32

Kaigorodov S. V.	
Political regimes and left discourse in modern Russia	34

Strekalov V. V.	
Promoting of new leftists in Russia on the example of Kemerovskaya oblast	38

Gallery

Emelianov B. V.	
Leftier all other leftists: anarchy credo of Michael Bakunin ...	39

Galinskaya E. D.	
Pro et contra. (Thoughts of Dostoevsky)	41

Roberto Gonzalez Inhoza, Mexico	
Eduardo Nikole: life and creativity	44

Héctor Samour, Salvador	
In search of new paradigm: Ignacio Ellacuria (1930-1989)....	46

Anthropology

Korkunova O. V.	
Anthropological views of Cassirer as the reason for developing philosophical researches in XX century	48

Vlasova E. V.	
Left, right, where is side?.....	50

Furman F. P.	
Narodnik movement: from narodolubia via narodovedenie to narodovodstva	52

Spasskiy A. E.	
Typology of man	56

Geopolitics

Bob Beatty, USA.	
US-China relations.....	57

Mukhamentov R.S.	
Geopolitical interests of Russia	59

Person

Justification of Marxism as developing idea. Interview with T. I. Ozerman (Fan I. B.).....	61
---	----

Jubilee

Corresponding member of the Russian Academy of Science Rutkevich M. N. – 90 years old	66
--	----

Professor Kim V. V. – 75 years old.....	66
---	----

Philosophical discussions

Milan Tasic, Serbia	
Mihailo Markovich. Talk with philosopher	67

"Revolutions are made by authorities". "Marxism will die with death of capitalism". Interview with Kagarlitskiy B. Y. (Fan I. B.).....	70
--	----

"In our days there are surprising processes which determine our new history". Interview with Sakva R. (Fan. I. B.).....	75
---	----

Paradigms and processes

Lubutin K. N., Rusakov V. M.	
Tendencies in transformation of modern philosophical discourse.....	78

Matveichev. O. A.	
Death of political science.....	80

Martianov V. S.	
Peculiarities of quoting in modern political texts: comparative analysis	86

Diakova E. G. “Informational inequality” from the position of social constructivism: who is repository of demand style rhetoric?.....	90
Kuznetsov A. S. Development of scientific schools in paradiplomacy studies in western political science	92
Andruxhina L. M. Transformation of scientificity in management and discourse-analysis	94
Stepanova E. A. Religion as a symbol of a new way of Russia	95
Nikitina E. V. For what is art to city?	100
Danilova V. S., Kozhevnikov N. N. Consciousness and discourse of net world.....	101
Chupina I. P. Spiritual and art values of craftsmanship.....	104
Koriakovtsev A. A. Youthness as repressive discourse	106
Khaibullina Z. G. Social fairness in the state politics	109
Krinitzky A. Y. Government policy about youth: the opinion of youth.....	111
“Beads game”	
Lobovikov O.V. From digital picture to digital philosophy. (Digital technologies of philosophical thinking – important supplement to analogy philosophical tradition and and new direction of the modern discourse).....	113
Tropes of method	
Komleva N. A. Phantom letter as phenomenon of culture.....	116
Tropnikov A. I. Marketological approach in partylogy: blending or absorbing – the problem of creation the theoretical-methodological bases.....	120
Goligin E. N. Methods of analysis of cognitive sphere of policy makers	122
Zainetdinova R. A. Y. M. Lotman in the context of modern western philosophy	124
Nakatomi K. On the synthesis of the theory of relativity and quantum theory	129

Tribune

Moshkin S. V. Unclear past	131
--	-----

The fourth power

Oleshko V.F. Wats Professional discourse of the media: corporation, community?	133
---	-----

Chemiakin Y. V. Corparative media and formation of spiritual values.....	135
--	-----

Model I. M. Israel Political life in the mirror of Israel mass media and public opinion (subjective notes of young Israeli).....	137
---	-----

Trakhtenberg A. D. Internet and anti-capitalism:technology against tool intellect	141
--	-----

Political technologies

Kiselev K. V. Ideology as technology	143
--	-----

Savchenko I. A. Political action as technological institute.....	145
--	-----

Grishin O. E. Party branding and political symbolic	147
---	-----

Ufimtsev V. V. Elections to Government Duma turned into a «good» farce.....	149
--	-----

Novoselov A. V. Alternative public policy.....	150
--	-----

Belov V. A. Mentality of people as the object of political technology.....	153
--	-----

Conference chamber

Rusakova O. F., Sapsskiy A. E. The second international conference on discursology, in memory of Jean Bodriar (November 21—December 14, 2007 Ekaterinburg- Tumen – Cheliabinsk).....	154
---	-----

Discourses about discourse: problem of regional identity in discussions of participants of the panel “Discourse of regional identity”. November 21, 2007, Tumen State University.....	156
--	-----

The report on the session «Culture as an interaction of discourses»	158
--	-----

Round-table “Marxism and postmodern: specifics of discourse”.....	159
--	-----

Reports:

Podvintsev O. B.

Problem of the “greatness of Russia” and modern
thought and political struggle 160

Venedictova T. D.

Victims of temptation as agents of cultural
revolution (To apology of «naïve» reader) 161

Akhunova A. D.

Dialog as design concept of museum exhibition 164

Bakina A. V.

Role of discourse and human rights in the context
of doing geopolitical expansion..... 166

Kolishkina M. M.

Myth or countable reality? On projection of
touristic image 168

Aphoristics

Malishev M. A., Mexico.

Vicissitudes of human being.
(Aphorisms and ironic phrase)..... 170

Uncle Lu's club

Rusakova O. F.

Triumph of soul (On the base of O. Matveichev book
“Sovereignty of soul”) 173

Lubutin K. N.

Entertaining Kimology..... 174

Koriakovtsev A. A.

“Duponisms”: “New century—new language” 175

Essay

Fishman L. G.

Our really magical world 176

Kiselev K.V.

About revolutions, jubilee and progress 178

Vorobiev A. M.

Mr. president 179

Kazantsev M. F.

Saki-boki 183

Poetic

Stolovich L. 187

Svetlaya S...... 188

Ladeischikova L. 189

Konetskiy Y...... 190

New books on philosophy, political science, sociology and law (Surina E. M.)

..... 92

ДИСКУРС ЛЕВОГО ПОВОРОТА

Русакова Ольга Фредовна
доктор политических наук, профессор,
зав. отделом философии Института философии
и права УрО РАН

Дорогие читатели!

Прошедший 2007 год оказался чрезвычайно юбилейным в плане крупных дат и политических событий, связанных с левым дискурсом. В этом году отмечалось 90-летие сразу двух русских революций – Февральской и Октябрьской. Потребность каким-то образом сформулировать историко-политическую сущность столь глобальные события, изменившие не только облик России, но и мира в целом, привел в активное движение и столкновение самые разные дискурсы. В возобновившихся дискуссиях историков, философов и политологов относительно того, каким образом означивать в ретроспективном ракурсе Февраль и Октябрь, было бесспорным лишь одно: эти две революции явились звеньями одной цепи, вехами одного исторического вектора – левого поворота.

Девяностолетие левого поворота российские общественно-политические круги и СМИ освещали и комментировали неоднозначно. Центральные телевизионные каналы по-прежнему, придерживались стратегии информационного замалчивания крупной даты. В соответствии с нею была проведена операция смысловой подмены: в новостных программах 7-е ноября отмечалось как день исторического парада 1941 года на Красной Площади. При этом ничего не говорилось, почему данный парад состоялся именно в этот день. Об юбилее Октября государственные СМИ вспоминали в основном через показ традиционного шествия КПРФ по Тверской.

На протяжении всего юбилейного года идеологи правящего политического класса страны настойчиво проводили преемственную линию между Октябрем 1917 года и массовыми репрессиями 1937 года. Тем самым из сферы официального историко-политического дискурса исключались иные трактовки

большевистской революции. Кроме того, в СМИ проводилась определенная параллель между «цветными революциями» как главной угрозы существующей власти, для преодоления которой мобилизуются боевые отряды «Наших», и Октябрьской революцией. Понятно, что указанные трактовки стали выражением определенного политического заказа – заказа на дискредитации левого дискурса.

Однако официальные идеологи власти просчитались в своих усилиях вытеснить левый дискурс на периферию общественного сознания россиян. Проведенный недавно Левада-Центром опрос общественного мнения показал: по сравнению с 1997 годом все больше граждан России принимают левый дискурс, более того, говорят о своей готовности разделить позицию большевиков, которую те занимали в 1917 году («The New Times». 05.11.07. С. 7).

Правые круги трактуют итоги данного опроса как проявление ностальгии по советскому прошлому, как идеализацию эпохи. При этом высказываются опасения, что поворот влево негативно скажется на демократизации и модернизации страны. Идеологи левой ориентации, или нового социализма, напротив, считают левый поворот добрым знаком, поскольку в нем проявляется стремление масс к сопротивлению олигархическому строю и политическому монополизму со стороны партии власти.

В настоящем выпуске альманаха поднимаются острые вопросы конкурентной борьбы в сфере определения смыслов и значений ключевых событий в истории нашей страны. Данные вопросы специально рассматриваются в рубрике «Трибуна», представленной статьей ее постоянного ведущего С.В.Мошкина «Непроясненное прошлое», а также в эссе К.В.Киселева «О революциях, юбилеях и прогрессе».

2007-й год – это еще и 40-летие гибели команданте Эрнесто Че Гевары, который является легендой и символом нового левого движения. С его именем совершалась студенческая революция во Франции в мае 1968 года. Он – кумир всех антиглобалистов. Но особенно Че Гевара почитаем в странах Латинской Америки, где в последнее время произошел значительный поворот влево.

Сегодня представители политического руководства Чили, Никарагуа, Эквадора, Мексики, Венесуэлы, Боливии открыто заявляют о своей приверженности антикапитализму, т.е. левой ориентации. Президент Венесуэлы Уго Чавес неоднократно обнародовал свои левые взгляды, выступал с критикой мирового империализма, прежде всего американского, предлагал внести в название Венесуэльской республики термин «социалистическая». В Боливии президент Эво Моралес публично называет себя геваристом и социалистом XXI века.

В связи с тем, что целый латиноамериканский континент выступает реальным носителем и транслятором левого дискурса, в настоящем выпуске альманаха мы публикуем работы трех крупных ученых из стран Латинской Америки, в которых предметом исследования является левый дискурс, представленный в творчестве латиноамериканских мыслителей XIX – XX вв. Это – статья доктора философии, ведущего сотрудника Центра по координации и распространению латиноамериканских исследований UNAM Марио Магайон

Анаия «Латиноамериканский утопический дискурс XIX – начала XX веков» (Мексика), статья Роберта Гонсалеса Инохосы, посвященная жизни и творчеству Эдуардо Николь (Мексика), статья доктора философии Эктора Самура, посвященная генезису и развитию системы философско-политических взглядов Игнасио Эльяжури (Сан Сальвадор). Об особенностях современного латиноамериканского левого дискурса читайте также мою статью «Дискурс новых латиноамериканских левых: от Че Гевары до Уго Чавеса. Концепт «Наша Америка».

Не прошла незаметно для интеллектуальной жизни России и такая дата, как 165-летие со дня рождения теоретика анархизма, князя Петра Алексеевича Кропоткина. Слушатели радиостанции «Эхо Москвы» недавно дружно проголосовали за то, чтобы богатая левыми идеалами жизнь этого выдающегося русского ученого и революционера получила освещение в эфире передачи «Наше все».

Интерес к народничеству, к особенностям его левого дискурса начинает заметно возрастать в гуманитарных кругах. Мы считаем, что мировоззренческий, идеологический и социально-практический комплекс народничества, образующий своеобразный дискурс, нуждается в своем современном прочтении и глубоком осмыслении с позиции методологии дискурс-анализа. Данные вопросы поднимаются нашими авторами – руководителем рубрики «Галерея», профессором Б.В.Емельяновым в статье, посвященной теоретике и практику анархизма, лидеру народничества Михаилу Бакунину, и Ф.П. Фурманом в статье «Народничество: от народолюбия через народоведение – к народоководству».

В современном мире, включая и Россию, мировоззренческой базой нового левого дискурса выступает некий синтез идей марксизма, неомарксизма и альтерглобализма. Можно отметить несколько узловых точек такого интегрального сближения. Во-первых, к марксистскому дискурсу вызывают антикапиталистические интенции антиглобалистов. Программная работа лидера антиглобалистов Алекса Каллиникоса так и называется – «Антикапиталистический манифест». Согласно марксизму, мощному наступлению капиталу по всему фронту может противостоять только организованная сила, им же самим порожденная (капитализм сам порождает своего могильщика). В новых условиях, по мнению антиглобалистов, такой силой может стать новый Интернационал, объединяющий противников олигархической глобализации. Его лозунг звучит вполне помарксистски: «Антиглобалисты всех стран, объединяйтесь!».

Во-вторых, антиглобалистам весьма импонирует диалектический метод, применяемый марксистами к анализу противоречий капиталистического общества. Диалектический закон, который говорит о «снятии» противоположностей в результате перехода системы в новое качество, наводит на мысль о том, что будущее человечества – не глобализм с человеческим лицом, а нечто иное – глобальное гражданское общество. Отсюда – лозунг «Глобализация снизу».

В-третьих, для антиглобалистов весьма актуальной представляется марксистская теория отчуждения, раскрывающая тайны капиталистической эксплуатации. Весьма показательно, что сам термин «эксплуатация» совершенно исчез из лексикона либеральных партий и партий власти, возникших на постсоветском пространстве. Концепт отчуждения не только возвращает в современное политическое дискурсное поле понятие эксплуатации, но и с помощью него позволяет

раскрыть антигуманистическую суть транс-национального и государственного катализма, выявить истоки политической пассивности масс. В итоге неолиберальная риторика о справедливости рынка и государственных естественных монополиях в свете концепта отчуждения выглядит как идеологическое прикрытие эксплуататорской сущности современной политики глобализации, как миф и ловушка для наивных и бедных.

В-четвертых, антиглобалисты берут сегодня на вооружение марксистский метод классового подхода, требующий усматривать за любыми отношениями больших групп людей экономические, политические и иные интересы определенных социальных сил, и прежде всего тех, которые получают максимум выгоды от неолиберальной глобализации. Современная глобализация одаривает своими плодами лишь незначительную группу супербогатых людей, а также класс чиновников, сросшийся с государственно-олигархическими структурами. Этим объясняется непрерывный рост экономического, социального, информационного неравенства в современном обществе.

В-пятых, марксизм вскрывает самовоспроизводящую колониальную природу крупного капитала, его стремление к разрушению национальных и региональных барьеров, к подчинению себе местных рынков и культур. Как с позиций неомарксизма, так и альтерглобализма, политика колониализма есть неотъемлемая черта неолиберальной олигархической глобализации. Согласно данной политике, целым группам стран, отдельным регионам предуготована роль колоний, подлежащих непрерывной эксплуатации в интересах избранного меньшинства, ядра глобализаторского авангарда.

О том, каким образом марксистские и альтерглобалистские идеи образуют своеобразный синтез в новом левом дискурсе, можно узнать, познакомившись с материалами трех интервью или бесед, опубликованных на страницах настоящего выпуска альманаха. Это – текст беседы с известным сербским философом, неомарксистом, профессором белградского университета Михаило Марковичем, который прислал в редакцию альманаха наш зарубежный коллега Милан Тасич. Два других интервью подготовила для альманаха постоянная ведущая рубрики «Персона» И.Б.Фан: интервью с выдающимся российским философом, автором многих фундаментальных работ по теории и методологии марксизма Теодором Ильичем Ойзерманом и интервью с Борисом Юльевичем Кагарлицким – директором Института глобализации и социальных процессов, редактором журнала «Левая политика», лидером антиглобалистского движения в России.

В ряде публикаций рассматривается проблема возможного объединения в единый дискурсный ансамбль марксистского и постмодернистского дискурсов. Данной теме был посвящен специальный «круглый стол», который состоялся в рамках Второй Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика», посвященной памяти Жана Бодрийера (21 ноября – 14 декабря 2007 г.). Отчет о конференции и серия представленных на ней докладов опубликованы в рубрике «Конференц-зал».

Перемещение левого дискурса с периферии символического пространства политики в его центр – яркая примета нашего времени. К примеру, еще недавно такой важный концепт левого дискурса как социальная справедливость был лишен пристального внимания со стороны российского политического

класса. Теперь же, данный концепт стал чуть ли не базовым для целого ряда политических партий России. В русле данного тренда стали активно разворачиваться теоретические исследования концептосферы левого дискурса. Об особенностях этого процесса читатели могут узнать, познакомившись со статьями Е.Г.Дьяковой, А.Г.Шабурова, С.В.Кайгородова, З.Г.Хайбуллиной.

Предметом анализа для наших авторов выступает не только концептосфера левого дискурса, но также система его знаково-символических форм. Тем, кто интересуется вопросами левой символики, предлагаем познакомиться со статьями В.Н.Руденко, К.С.Романовой, Е.В.Власовой.

Новый левый дискурс рассматривается нашими авторами во всем многообразии его проявлений и форм, включая и такие, которые В.И.Ленин когда-то назвал детской болезнью «левизны» в коммунизме. Подробно о дискурсе такого рода говорится в статье М.А.Фадеевой «Новая «левизна»: болезнь без диагноза». Любопытные грани нового левого философского и политического дискурса раскрываются в статьях К.Н.Любутина, В.М.Русакова, С.Н.Некрасова, Д.А.Максимова, В.В.Стрекалова, А.В.Новоселова.

Постоянным читателям альманаха, думаем, приятно будет узнать, что в рубрике «Афористикон» мы продолжаем публиковать афоризмы и иронические высказывания нашего друга в Мексике, члена редакционного совета альманаха М.А.Малышева.

Для тех, кто интересуется современными проблемами геополитики, мы предлагаем познакомиться со статьей коллеги из США Боба Битти «Американо-китайские отношения».

Среди гостей редколлегии альманаха «Дискурс-Пи» - видный британский политолог, активно публикующийся в России, Ричард Саква. Интервью с ним читайте в рубрике «Философские беседы».

Также в числе зарубежных авторов - уже известный нашим читателям доктор философии из Японии Киеказу Накатоми, который выступает на страницах альманаха с методологической статьей, посвященной философско-методологической проблеме синтеза теории относительности и квантовой теории. Предыдущая статья была посвящена проблеме философского синтеза христианства, буддизма и ислама (Дискурс-Пи. Выпуск 5. Екатеринбург, 2005. С. 51 – 54).

Вновь на страницах альманаха публикуется наш бывший коллега по Институту философии и права УрО РАН, проживающий ныне в Израиле, доктор политических наук, профессор И.М.Модель. Обращаем внимание читателей на его статью, посвященную вопросам отражения политической жизни общества в израильских СМИ, опубликованную в

рубрике «Четвертая власть». В той же рубрике помещены статьи постоянных авторов альманаха А.Д.Трахтенберг и Ю.В.Чемакина, в которых исследуются современные технологии массмедиа.

В этом выпуске в альманахе значительное место отводится работам, посвященным проблемам теории и методологии политической науки. Надеемся, что разобраться в противоречивых процессах развития современного политологического дискурса читателям в какой-то степени помогут статьи О.А.Матвейчева, С.В.Мартьянова, А.С.Кузнецова, А.И.Тропникова, Е.Н.Голыгина.

Прошедший год оказался богатым на солидные юбилеи и важные события в жизни деятелей Уральской философской школы. В октябре 2007 году научная общественность отмечала 90-й юбилей основателя Уральской философской школы, члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора Михаила Николаевича Руткевича. Редколлегия альманаха от всей души желает своему учителю здоровья и продолжения активной творческой деятельности. В рубрике «Юбилеи» мы публикуем информационную статью о жизни и творчестве М.Н.Руткевича.

Мы также поздравляем с 75-летним юбилеем другого видного деятеля Уральской философской школы - доктора философских наук, профессора Владимира Васильевича Кима, который, как считает наш знаменитый Дядюшка Лю, является основоположником целой дисциплины под названием «кимология».

Проблемы культуры и антропологии продолжают глубоко интересовать редколлегию и авторов альманаха. В рубриках «Антропология», «Парадигмы и процессы», «Тропы метода» помещены статьи, посвященные антропологическим воззрениям Э.Кассирера (автор О.В.Коркунова), новым моделям типологии человека (автор А.Е.Спаский), символической роли религии в развитии России (автор Е.А.Степанова), культуре сетевого мира (авторы В.С.Данилова и Н.Н.Кожевников), фантомному письму как культурному феномену (автор Н.А.Комлева).

Традиционно значительное внимание в альманахе уделяется исследованиям политических и управленческих технологий (статьи Л.М.Андрюхиной, К.В.Киселева, И.А.Савченко, О.Е.Гришина и др.). Как всегда, удивляют необычностью выбора объекта, а также ракурса его рассмотрения, статьи Л.Г.Фишмана и М.Ф.Казанцева.

Надеемся, что наши читатели найдут в альманахе близкие им по духу и исследовательским интересам материалы, а размещенные в нем статьи о новом левом дискурсе станут стимулом для продолжения научных изысканий в области политической дискурсологии.

М. А. Фадеичева

НОВАЯ «ЛЕВИЗНА»: БОЛЕЗНЬ БЕЗ ДИАГНОЗА

**Фадеичева
Марианна Альфредовна**

доктор политических наук,
доцент, главный научный
сотрудник Института философии
и права УрОРАН

E-mail: fm366@mail.ur.ru

Посвящается 90-летию Октябрьской (1917 г.)
социалистической революции в России.

Вопрос об идеологической принадлежности, об идеологическом статусе той или иной политической партии можно отнести к разряду вечных, то есть философских, что связано с изменяющимися условиями постановки самого вопроса, ответ на который может дать политическая философия, свойственная определенной эпохе. Большинство положений, отражающих «левую» идеологию в России, остаются по-прежнему актуальными, так же, как это было во времена социалистического переворота девятнадцатого столетия. Знаток европейской партийной жизни О. Киркхаймер еще в конце 60-х гг. XX в. назвал политические партии «всеядными» и «разношерстными», а Э. Гидденс в 90-е гг. того же века сомневался в целесообразности деления на левых и правых. В настоящее время эти определения и сомнения стали актуальными для политических партий в Российской Федерации. Если до недавнего времени в единственной партии имелись четкие представления о стратегии и тактике революционной борьбы, имелась солидная теоретическая основа, содержащаяся в четко сформулированной партийной программе, отражающей идейный облик партии, то в условиях российского постмодерна, по существу являющегося «неопостсовдепом», все идейные критерии стали релятивными, контекстными и консенсусными. Однако социологические замеры упорно свидетельствуют о приверженности большинства левой идеологии.

Непреодолимые и непреодоленные симптомы российской партийной «левизны» обобщил В.И. Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», которую он написал в преддверии II конгресса Коминтерна в апреле-мае 1920 года. В то время настоящих, истинных коммунистов, большевиков, «русских марксистов» на пути их революционных преобразований перманентно подстерегали опасности с двух сторон, и справа, и слева. Каждый уклон был по-своему опасен, поэтому приходилось бороться на два фронта: против правого оппортунизма как соединения реформистской теории и соглашательской тактики, а также против «левого» оппортунизма с его доктринерством и сектантством. И если «ученые дураки и старые бабы II Интернационала» страдали от старческой болезни оппортунистической «правоты», то молодые коммунисты в силу своей неопытности и недостаточной теоретической подготовленности страдали от детской болезни «левизны», заключавшейся в догматизме и сектантстве (сектантской тактике).

Последнее было гораздо опаснее, так как этот диагноз установить было гораздо сложнее при широкой распространенности самой этой болезни. Большая опасность «левого» оппортунизма была связана с его прикрытием «левой» фразеологией, играющей на чувствах масс. Так и 90 лет спустя после социалистической революции в России на «левом» фланге находится значительно больше партий, апеллирующих к чувствам, к «голосованию сердцем», щедро раздающим обещания «все поделить» по справедливости. Исторически были обозначены «грехи» левизны: мелкобуржуазная революционность с присущими ей чертами анархизма, что в свою очередь подталкивало к авантюристическим, а, следовательно, к контрреволюционным действиям. Сектантство означало недооценку революционных возможностей трудящихся, и, как следствие этого, неумение и нежелание бороться за переход масс на свою сторону.

Симптомы «разношерстного и всеядного» современного «левого» движения, которое следовало бы назвать не «новыми левыми», так как этот «идеоним» (имя идеологии) уже закреплён за определенным движением середины XX в., а «постнеолевыми» партиями и общественно-политическими движениями, можно обнаружить в ультрареволюционной теории, авантюристической тактике, делающей ставку на революционное насилие, в спекуляции на революционном энтузиазме, нетерпении и отчаянии масс. Если в начале XX в. было затруднительно разделить социум на буржуа и пролетариев, выделить носителей «левой» идеологии, хотя все же выделялись средние слои, группы мелкой буржуазии, студенчество и т.д., то в начале XXI века в силу усложнившейся социальной стратификации это становится абсолютно невозможным. Если В.И. Ленин видел «левизну» как болезнь роста молодых коммунистических партий, то почти через сто лет это представляется хронической болезнью, не связанной с социальными стратами, не связанной с возрастом партий, не связанной с коммунистической идеей.

Симптоматичным представляется и то, что левые революции эпохи постмодерна уже не могут самоопределиваться в идеологических терминах. Ни их названия, ни самоназвания не относятся к сущности революционных преобразований. Это – не буржуазно-демократические и не социалистические революции, но «бархатные», «оранжевые», «цветочные» и прочие, хотя в этих названиях мы выходим собственно за пределы РФ, за пределы революции, которая свершилась в начале 90-х годов XX века, но для нее так и не нашлось ни идеологического, ни метафорического определения.

Кроме вопроса о власти – основного вопроса всякой революции, не менее важным является вопрос о врагах революции. Нахождение врага – это вопрос о сущности революции и революционном самоопределении. Именно поэтому В.И. Ленин воздаст должное врагам социалистической революции в России, утверждая, что своей особой закалкой и окончательной победой в революции большевизм обязан своим врагам. Как ни удивительно, главным врагом оказывается «левый» оппортунизм, так как его источником были многочисленные мелкобуржуазные элементы в России ввиду особенностей ее социального состава. Большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелкобуржуазной революционности. Ее «левая» сущность была

обусловлена социальными особенностями мелкого собственника, мелкого хозяйчика. В соответствии с тем, как описывает его В.И. Ленин, это социальный тип, имеющий во многих европейских странах очень широкое массовое распространение, испытывающий постоянное угнетение, невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и связанное с этим разорение. Эти обстоятельства психологически объясняют легкий переход таких типов к крайней революционности. Однако такие типы не способны проявить выдержку и стойкость, организованность и дисциплину. Такая революционность представляется крайне неустойчивой и бесплодной. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа быстро становится покорным, апатичным, как отмечал В.И. Ленин, склонным к фантастике и увлечению любым «модным» буржуазным течением. Через 90 лет этому типу с трудом можно найти аналог, возможно, что это – вынужденно занятый физическим трудом «бич», «пролетарий умственного труда» или бюджетник-отщепенец.

Современные левые также как и 90 лет назад отличаются особой нетерпимостью и непримиримостью, нежеланием идти на тактически оправданный, идеологически допустимый компромисс. В.И. Ленин рассматривал этот вопрос на примере вопроса о работе в «реакционнейшем парламенте» в 1908 г. (именно в этом году «левые» большевики были исключены из партии из-за упорного нежелания принять участие в буржуазном парламенте), и на примере Брестского мира. В отношении последнего замечалось, что надо было находить компромисс даже с «бандитами германского империализма». Для объяснения того, что «есть компромиссы и компромиссы», что надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромисса, он использует «простое и популярное сравнение». В ленинском примере речь идет о том, что надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело их поимки и расстрела, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. Это умение представляется и в настоящее время чрезвычайно важным. И через 90 лет умение договариваться, использовать переговорные тактики, приходить к консенсусу при решении важнейших социально-политических вопросов по-прежнему остается недостижимым идеалом и даже отсутствующим в политических ожиданиях, а поиск врагов представляется излюбленным занятием, что являет «левую» сущность практически всех без исключения сегментов спектра политических сил.

Немаловажным оказывается то, что «левизна» в современном мире в условиях глобализации распространяется как моровое поветрие. Иначе говоря, левые движения имеют международное значение или резонанс. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» говорится о международном значении русской революции. В.И. Ленин видел неизбежность ее повторения в международном масштабе: повсеместно должно произойти то, что было у нас. Однако звучало и предостережение, что после победы пролетарской революции в передовых странах или хотя бы в одной из них Россия сделается не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле)

страной.

Оценивая успех в борьбе со всяким оппортунизмом, Ленин определял мерило успеха в этой борьбе, – это победа на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., когда через несколько дней после «пролетарского переворота 25. X. 1917» меньшевики были «разбиты наголову», получив 0,7 млн голосов (с учетом Закавказья – 1,4 млн голосов) против 9 млн голосов, собранных большевиками. Оценивая революцию в России, Ленин анализировал условия ее победы, условия успеха партии большевиков, которые видел в решительной борьбе с правым и особенно левым оппортунизмом. К условиям победы были отнесены железная партийная дисциплина и полная поддержка партии рабочим классом. Однако эти условия также должны были быть объяснены: как мог большевизм выработать и успешно осуществить строгую централизацию, навести железную дисциплину? Ответ заключается в исторических особенностях России. Прежде всего – это возникновение большевизма на прочном фундаменте – теории марксизма. Как замечал Ленин, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, революционного героизма и прочих испытаний марксизм как единственно верную революционную теорию, выстрадала свой особый русский марксизм. После пятидесятилетней страдальческой предыстории начинается собственно большевистская история, короткая, но яркая и драматическая, возникшая на марксистской «гранитной теоретической базе». Эти первые 15 лет, к которым относятся годы подготовки революции (1903-1905), годы революции (1905-1907), годы реакции (1907-1910), годы подъема (1910-1914), годы первой всемирной империалистской войны (1914-1917), вторая революция в России (с февраля по октябрь 1917), стоят всех остальных следующих 75 лет.

Примечательно и поучительно, что на этой же теоретической базе сложились квазиреволюционные замашки левого оппортунизма. Это вполне закономерно, так как существует механизм, который мы можем назвать механизмом абсурдизации идеи. Именно об этом говорил Ленин, критикуя «левых» доктринеров революции. Он отмечал, что самое верное средство дискредитировать политическую идею и повредить ей является ее преувеличение, распространение за пределы ее действительной применимости, доведение ее до абсурда, тогда она сама превращается в абсурд. Такого рода медвежьей услугой, по его мнению, оказали европейские (голландские и немецкие) левые, однозначно утверждая абсолютное превосходство Советской власти над буржуазно-демократическим парламентом.

Действительно, в начале XX века в России была политическая партийная идеологическая сила, уравновешивавшая правое и левое, она переживала борьбу с меньшевизмом, то есть оппортунизмом и социал-шовинизмом, и с «левым» коммунизмом. Через 100 лет призрак аутентичного раннего коммунизма окончательно рассеялся, оставив свои фрагментированные бледные «левые» тени. Революции не будет, не будет даже тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому. На симулякры не распространяется основной закон революции.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕВЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Н. Руденко

**Руденко
Виктор Николаевич**

доктор юридических наук,
директор Института философии и
права УрОРАН

Символика левых общественных объединений, особенно политических партий, занимает заметное место в современной эмблематике и векселологии. Ее обилие в различных вариантах по сравнению с единообразием советского времени является показателем размежевания, произошедшего в рядах левых сил еще в конце прошлого столетия, отсутствия единства этих сил в настоящее время. Символ в сжатом виде характеризует политическое кредо той или иной политической партии или движения. Поэтому посмотрим, посредством каких символов позиционируют себя современные левые в нашей стране.

При обращении к теме бросается в глаза отсутствие либо размытость символики новых левых, доминирование традиционного красного цвета, использование в эмблемах и на флагах изображений красных или золотых звезд, серпов и молотов, пшеничных колосьев. Красный стяг – символ Коммунистической партии Российской Федерации, Российской коммунистической рабочей партии, Союза коммунистической молодежи Российской Федерации и др. Во время советской власти в нашей стране красный цвет рассматривался как символ пролитой крови, пролетарской революции и коммунизма. Использование этой символики в наши дни свидетельствует о приверженности политических партий и движений традиционалистским ценностям народовластия, защиты интересов трудящихся, построения бесклассового коммунистического общества, идеям пролетарского интернационализма.

Красные знамена традиционалистских политических партий и движений, впрочем, иногда подвержены корректировке. Так, относящаяся к крайнему левому флангу Радикал Демократическая партия России (РДПР)¹ поместила в крайнем левом углу своего флага белую и синюю полосы, остальное же пространство полотнища флага занял красный цвет. В данном случае использование российского триколора, с одной стороны, указывает на то, что партия является российской, а, с другой стороны, демонстрирует желание изменить российскую государственность на основе коммунистической идеологии. К подобному приему прибегал и Фронт национального спасения. В 1993 г. в левой части его флага был помещен имперский черно-желто-белый триколор, а в правой изображение на красном фоне главной фигуры широко известного плаката военного времени «Родина-мать зовет!».

В символике левых использование красного цвета нередко стало сопрягаться с изображением символов, свидетельствующих

о крайнем радикализме политических партий и движений. Левая ультрареволюционная символика представлена на флаге Авангарда красной молодежи (АКМ): изображение автомата Калашникова и аббревиатуры АКМ вписано в помещенную на флаге звезду, обозначенную черными контурами. Эта символика наводит на мысль о близости Авангарда красной молодежи боевым организациям вроде итальянских красных бригад.

Кроме того, символы, традиционно связываемые с левыми движениями, стали использовать левые национал-социалистические, а фактически ультраправые нелегальные политические партии и движения, возвращенные на левой коммунистической идеологии, но отвергающие идею широкого интернационализма и пролетарской солидарности «трудящихся». Красное знамя, серп и молот широко представлены в символике Национал-большевистской партии (НБП), национал-большевистского «Черного фронта» и др. В частности, на флаге НБП в белом круге помещены черные серп и молот, а в другом варианте – граната «лимонка», призванная вызвать ассоциации с фамилией лидера партии Э. Лимонова. Первый вариант флага НБП невольно вызывает ассоциации с флагом фашистской Германии, на котором в белом круге вместо серпа и молота была помещена свастика. Примечателен и флаг «Черного фронта»: на красном фоне одноглавый черный орел, держащий в правой лапе меч, а в левой серп. На груди орла помещено изображение молота. В данном случае националистами в качестве главной фигуры использован древний символ римской империи, снабженный пролетарской атрибутикой – серпом и молотом. Это сближает данную символику с символикой одноименной организации левых национал-социалистов, созданной в фашистской Германии О. Штрассером. Символом «Черного фронта» О. Штрассера, противоборствующего с Гитлером, были скрещенные молот и серп.

В то же время символика современных левых в России свидетельствует о существенном пересмотре ими своих политических платформ. Это выражается в признании демократического механизма достижения и осуществления власти в рамках существующего государственного строительства, в отказе от радикального изменения отношений собственности, в приверженности рыночной экономике и др.² В частности, недавно созданная партия «Справедливая Россия» имеет эмблему и флаг, выполненные в цветах российского флага. Однако красная полоса на флаге, в отличие от официального государственного символа, непропорционально широка. До 2005 г. избирательный блок, а затем политическая партия «Родина» использовала красный флаг с изображением ее символа, представляющего собой наименование партии желтыми буквами внутри развевающегося красного стяга. С 2005 г. эта партия изменила свой флаг: им стало желтое полотнище, символизирующее, по всей вероятности, как это было в масонской символике XVIII в., чистоту и благородство побуждений. Эмблема же партии, помещенная на флаге, осталась прежней. На первомайской демонстрации, прошедшей в 2007 г., партия Родина использовала и другой символ. На стилизованном российском флаге, полосы

которого размещены под углом, была изображена фигура медведя, борющегося со змеей. Вероятно, сторонники партии, хотели этим подчеркнуть свою связь с российской государственностью, нацеленность на решение внутригосударственных вопросов. Помимо красного цвета использовало на своем флаге синий цвет общественное политическое движение «Союз народовластия и труда», зеленый цвет – Аграрная партия России. Можно привести и другие подобные примеры, связанные с вытеснением красного цвета в символике левых и замещением этой символике цветами флага России и другими символами, а то и вовсе с отказом от коммунистической и социалистической символики. Так, созданная Р. Абрамовичем партия «Новые левые» стала использовать красный стяг с черной звездой в красном и зеленом обрамлении. «Российская партия жизни», «Народная партия России», партия «Патриоты России» отказались от коммунистической символики вообще. Правда, при разработке новых символов не обошлось без казусов. Партия «Патриоты России» поместила на желтой эмблеме и желтом флаге изображение радуги. Это вызвало у многих ее оппонентов ассоциации с движением сексуальных меньшинств на Западе, которые традиционно выступают под знаком радуги³. Так или иначе, изменение символики свидетельствует об отходе левых от традиционных коммунистических идей, выработанных на различных международных совещаниях коммунистических и рабочих партий, съездах КПСС и т.п. Представляется, что в данном случае можно говорить об определенном сближении указанных политических партий и движений с идеями социал-демократии. Симптоматично, что флаг Социал-демократической партии России выполнен в том же духе: он представляет собой национальный российский флаг, в левом верхнем углу которого помещено изображение руки, держащей розу – признанного символа социал-демократии. В то же время можно утверждать, что отход от левой символики в перечисленных случаях вызван совершающимся замещением идеократических левых партий партиями проектными⁴, выступающими под левыми лозунгами, но, в конечном итоге, призванными разрушить левое движение и исключить из политической жизни страны затянувшееся противостояние партий власти (НДР, «Единая Россия») и левой оппозиции. В связи с этим нельзя не отметить и случаи заведомо «провокационного» использования традиционной красной символики проектными движениями, созданными сторонниками «Единой России» для управляемого замещения левого фланга. К таким проектным движениям можно отнести псевдоловое молодежное движение «Наши», выступающее под красным флагом с косым белым крестом.

В символике левых в современной России представлена не только традиционная коммунистическая и социалистическая символика, но и символика других традиционных левых движений. Особое внимание следует обратить на анархистские и анархо-синдикалистские символы: символ «А», вписанный в круг; знак @ или «А»; черные и черно-красные флаги; черный анархистский крест; черная взъерошенная кошка; черно-красные звезды; Веселый Роджер и др.

Символ «А», вписанный в круг стал использоваться в Европе с 1964 г. Он является начальной буквой слова «анархия» во многих европейских языках. Круг означает порядок всех вещей. Символ в целом может читаться как «Анархия мать порядка»⁵. В России данный символ представлен на одной из разновидностей флага Ассоциации свободных социалистов

анархистов (АССА).

Черный флаг – традиционный символ анархизма и, наряду с красным знаменем, всего левого движения. В 1831 г. он символизировал рабочее движение во Франции, Италии, Испании и позже был усвоен анархистами как символ бунтарства⁶. После падения Парижской коммуны, выступившей под красным знаменем, он символизировал скорбь по погибшим коммунарам. 21 ноября считается Днем черного знамени⁷, который отмечается анархистами России и других стран. Использование анархистами черного флага, нетипичного для государственной символики, обусловлено тем, что черный цвет в эмблематике иногда рассматривается как символ вечности, мудрости, свободы. За рубежом черный флаг часто в сочетании с символом А используется, главным образом, анархистами несиндикалистского толка. В России в классически чистом виде черный флаг в настоящее время является символом Питерской Лиги анархистов⁸. В несколько измененном виде – черный флаг с зеленой вертикальной полосой у древка используется Альянсом казанских анархистов (АКА).

Черно-красный флаг – символ анархо-синдикализма, в котором черный цвет означает свободу, а красный сопротивление⁹. В нынешнем его виде – в виде полотнища, разделенного по диагонали на две половины – красную и черную, данный флаг впервые был поднят в 1931 г. анархо-синдикалистами Испании. В конце прошлого века черно-красный флаг стали использовать не только анархо-синдикалистские группы, но и другие анархистские группы. В связи с этим разница между черным и черно-красным флагами стала постепенно исчезать. Красный и черный цвета служат символами и нового левого «автономного движения», появившегося в Европе в конце XX века. Его участники, как отмечает К.Лиман, считают себя стихийными анархистами. Среди них распространены красное знамя с черной звездой, черное знамя с черепом и костями и красное либо черное знамена с эмблемой движения за захват пустующих домов («сквоттеров») – молний в виде буквы «N» в круге¹⁰. В современной России черно-красный флаг из горизонтальных красной и черной полос неофициально использует уже упоминавшаяся выше Ассоциация свободных социалистов-анархистов (АССА). Эта же ассоциация имеет черный флаг с зеленым тузом пик. Иркутская организация анархистов-синдикалистов использует черно-красный диагональный флаг, на котором, как уже упоминалось в правом нижнем углу помещено изображение красной звезды с символом «А».

Анархистский черный крест, увенчанный сжатым кулаком – символ международной Организации черного креста, борющейся за ликвидацию тюрем. В нашей стране данный символ известен с начала прошлого века. В новейшей истории России он, в частности, используется так называемым российским отделением Черного креста в Санкт-Петербурге¹¹.

Черная взъерошенная кошка (дикая кошка) является символом радикального анархо-синдикализма, призывающего к стачкам. Символ разработан в начале XX в¹². В России его можно встретить на изданиях анархистской организации «Автономное действие» и на сайте этой организации. «Автономное действие» использует символ черной кошки как отдельно, так и в сочетании с диагонально разделенной черно-красной звездой, на которую наложено изображение черной кошки¹³.

В анархистской среде возможно использование и других вариантов диагонального флага: черно-пурпурного

(анархо-феминизм), черно-зеленого (эко-анархисты) и соответствующих им звезд с диагональным разделением цветами. Другими символами лево-анархистских движений, которые можно встретить не только на флагах и эмблемах, но и в политическом граффити на городских стенах, являются: символ экономических анархистов – «А» в круге, наложенное на символ пацифизма; символ «Ешь богатых» Веселый Роджер с перекрещенными вилкой и ложкой и мн. др.¹⁴. Одной из организаций левого толка с анархистской символикой, представленных в странах, образовавшихся в результате распада СССР, является так называемая R.A.S.H. (англ. Red & Anarchist Skinheads или Содружество красных и анархистских скинхэдов), позиционирующая себя в качестве антифашистской леворадикальной скинхэдской организации. В символике этой международной организации представлен черный круг с тремя красными или белыми стрелами внутри, обозначающими свободу, равенство, солидарность¹⁵.

Анархистской атрибутике весьма близка и символика современных российских троцкистов. Троцкисты выступают под красным флагом, на котором помещена черная звезда со сжатым кулаком. Такой символ можно увидеть на манифестациях, проводимых Революционной рабочей партией (РРП), а также на сайте этой партии под названием «Рабочая демократия»¹⁶.

Отметим также, что в ряде эмблем, используемых современными левыми, встречаются портреты В.Ленина, И. Сталина. В частности портрет М. Сталина помещен на эмблеме Сталинского блока за СССР, принимавшего участие в выборах в Государственную Думу 1999 г. В то же время приметой времени является замещение образов отечественных вождей образом Че Гевары. Личность Че Гевары фетишизирована в последние годы анархистами, коммунистами, троцкистами по всему миру. Для левых он – символ свободы, обретенной в борьбе, символ человека, который по оценке Ж.-П. Сартра смог полностью реализовать себя¹⁷. Фетишизация Че Гевары особенно характерна для молодежных левых движений. В Российской Федерации изображение революционного романтика можно увидеть на красном флаге Революционного коммунистического союза молодежи – РКСМ (б).

На рубеже XX - XXI столетий на политическую сцену в нашем государстве вышли представители антиглобализма и альтермондиализма (альтерглобализма). Внутри этих многоликих сетевых политических движений современности весьма весомое место занимают левые. Антиглобалисты и альтерглобалисты пока не выработали единой узнаваемой символики. На своих эмблемах они чаще всего изображают земной шар и голубя с оливковой ветвью в клюве (в виде эмблемы мира голубя впервые в 1949 г. изобразил П. Пикассо). В России эту символику можно встретить на сайте проектного движения ВАЛ – созданной в 2005 г. при поддержке «Единой России» Всеобщей альтерглобалистской лиги. Однако упомянутая символика не пользуется популярностью у левых. Левые антиглобалисты и альтерглобалисты предпочитают использовать символ того же кубинского лидера – Че Гевары, чей образ в последнее время стал еще и символом антиамериканизма. Кроме того, и те и другие зачастую выступают совместно с анархистами, троцкистами, другими леворадикальными организациями. В свою очередь анархисты и троцкисты все чаще позиционируют себя в качестве альтерглобалистов. Поэтому не исключено, что в будущем левые альтерглобалисты будут использовать уже

имеющуюся анархистскую или троцкистскую символику либо выработают специфическую альтерглобалистско-анархистскую и т.д. атрибутику. Данный вывод подкрепляется фактами. Например, в качестве символа альтерглобалистского Российского социального форума, используется сжатый кулак, вписанный в красный лучистый круг, помещенный на черном фоне¹⁸. Участниками форума являются левые альтерглобалистские организации и движения «Коллективное действие», движение «За права человека», движение «Альтернатива», «Левый фронт», движение «Социалистическое сопротивление», Ассоциация движений анархистов, Ассоциация марксистских организаций, экологические, профсоюзные организации и др. Как видно из материалов сайта института «Коллективное действие», левые альтерглобалисты выступают также под красным флагом, в центре которого помещена обведенная черным контуром звезда с ликом команданте Че Гевары¹⁹. Наконец, на том же сайте среди сторонников альтерглобалистов представлено исповедующее идеологию народничества с элементами марксизма, анархизма и «теологии освобождения» движение сопротивления им. Петра Алексеева (ДСПА), чьим символом является красный флаг с черным кругом, в который вписана красная пятиконечная звезда. Эта символика очень близка вышеописанной анархистской и троцкистской символике.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в нашей стране имеет место замещение традиционной коммунистической и социалистической символики идеократических партий на нейтральную символику проектных партий. В то же время получает все большее распространение символика идеократических лево-радикальных, в том числе анархистских и троцкистских организаций, политических партий и движений. Налицо быстрое распространение альтерглобалистской символики. Подобный процесс наблюдается и в европейских странах. Анархистские, троцкистские, альтерглобалистские организации представляют собой мелкие группы. Но в связи с активизацией создания проектных партий в России в обозримом будущем можно ожидать пополнения их рядов из числа молодых левых, что вызовет дальнейшее распространение данной символики.

P.S. Изображения символов левых партий и движений представлены нами на внутренней части обложки альманаха.

1. В данной статье во всех случаях, не оговоренных специально, использованы материалы по символике политических партий России с официального сайта Российского центра флаговедения и геральдики «Vexillologia» (http://www.hrono.ru/heraldic/flagi/mod_part.htm).

2. Отмеченное характерно не только для России, но и для других стран, в частности, стран Латино-Карибской Америки. См.: Давыдов В.М. Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные ориентиры и международная проекция. Материалы доклада на Общем собрании Отделения общественных наук РАН (26 марта 2007 г.). М., 2007. С. 19-25.

3. См. об этом: Свирь Т. Дмитрий Рогозин ударился в «патриотизм» (<http://yoki.ru/social/politics/48201-1/>); Подобный же казус произошел на Украине с символикой Всеукраинского объединения демократических сил «Злагода». См.: Вересень М. Под флагом меньшинства (<http://www.zn.ua/1000/21015/>).

4. О дифференциации партий на идеократические и проектные см.: Киселев К.В. Партийное проектирование в современной России: роль идеологии // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург: Уро РАН, 2007. Вып. 7. С. 231-239.

5. См. на сайте http://ru.wikipedia.org/wiki/термин_«Анархистская_символика».

6. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 1995. С. 405.

7. Сегодня день Черного знамени (<http://www.obozrevatel.com/news/2006/11/21/145713.htm>).
8. <http://novsvet.narod.ru/43liga.htm>
9. Цовма М. Символы анархии (<http://new-novsvet.narod.ru/o47-16.htm>)
10. Лиман К. Знамя анархистов (<http://g-l-a.hut1.ru/stati/Anarch12.htm>)
11. См. на сайте http://ru.wikipedia.org/wiki/термин_«Анархистская_символика»
12. Там же.
13. <http://avtonom.org/index.php?sid=30>

14. См.: <http://xedin-anarhist.narod.ru/Simvilika.htm>
15. <http://ru.wikipedia.org/wiki/RASH>; См. также: Антонов А. Разные скинхэды (<http://www.prima-news.ru/news/articles/2002/6/13/10862.html>)
16. <http://www.revkom.com/>
17. Ковалева А. Александр Хабаров: «Че Гевара давно превратился в раскрученный бренд». Проклятие Че Гевары. Особая магия героя революции. (<http://www.izvestia.ru/culture/article34755/>)
18. См.: <http://ikd.ru/taxonomy/term/18>
19. Там же.

Марио Магайон Анайя

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Марио Магайон Анайя

доктор философских наук, профессор, ведущий сотрудник Координационного Центра по Распространению Латиноамериканских Исследований Национального Автономного университета Мексики (CECyDEL UNAM)

История и утопия

Если мы мысленно «пробежим» по дорогам истории Латинской Америки и стран Карибского бассейна, то обнаружим, что борьба за свободу и независимость, начавшаяся восстанием черных рабов Гаити в 1804 году, исторически была ознаменована событиями и структурными преобразованиями, укладывающимися в рамки зависимого капитализма, и нашедших свое отражение в развитии идей и практики борьбы, связанной не только с формированием наций, но и направленной против капиталистической эксплуатации и угнетения, за утверждение идеалов справедливого будущего.

На протяжении почти всей латиноамериканской истории XIX века мы встречаемся с предшественниками освободительных концепций социализма, разбавленных идеями томизма, номинализма, либерализма и анархизма с четко выраженными чертами утопического мышления, стремившегося превзойти горизонт настоящей истории и заглянуть в будущий мир надежды, равенства и социальной справедливости. Среди предшественников социалистических идей мы находим такие фигуры как Симон Родригес, Симон Боливар, Франсиско де Миранда, Фрай Сервандо Тереза де Миер, Мигель Идальго, Хосе Мария Морелос, Эстебан Эчеверрия, Хосе Викторiano Ластаррия, Франциско Бильбао, Хуан Монтальво, Хосе Марти, Гонсалес Прада и Техера, Хосе Инхениерос, Рикардо Флорес Магон, Отилио Монтаньо. Многие из этих мыслителей опирались на идеалы Великой Французской революции, идеи французского либерализма, позитивизма, неокантианства, пантеизма, неотомизма и интуитивизма, и эта пестрая идеологическая амальгама питала собой теологические, метафизические и идеологические баталии.

Эти идейные сражения происходили на фоне вооруженных выступлений и социальных движений крестьян, рабочих,

индейцев, женщин, а также различных городских, сельских и культурных организаций, поднимавшим вопрос о необходимости экономических, социальных и политических преобразований в соответствии с историческими реалиями каждой латиноамериканской нации, образующих в своей совокупности Великое Отечество, о котором когда-то мечтал Симон Боливар, и которое отнюдь не всегда и отнюдь не во всем соответствует историческим тенденциям современного глобализующего мира. Поэтому сегодня, как никогда раньше, актуальна задача поиска преодоления господства неокOLONиального режима, замаскированного под мондиализм.

Современные размышления о модернизме и утопизме в латиноамериканской общественно-исторической реальности ведутся в плодотворном русле междисциплинарного анализа, позволяющего раздвинуть возможные горизонты сотрудничества между различными представителями социально-гуманитарного знания. В этих размышлениях участвуют философы и антропологи, историки и литераторы, социологи и юристы, экономисты и лингвисты, объединенные вокруг истории философских идей Америки и Карибского бассейна.

Утопическая концепция плюралистического и альтернативного латиноамериканского модернизма оказалась весьма живучей, несмотря на неоднократные заверения посмодернистской философии о её кончине. Последнего, к счастью, не произошло, ибо эта концепция имеет глубокие корни в региональной истории, а также в несправедливой и антидемократической современности, чуждой уз солидарности, объединяющей нас с другими, а значит, и чуждой коренным интересам всего человечества.

Следует отметить, что новые тенденции в эпистемологии и методологии латиноамериканских исследований, делают акцент на интегративном анализе и базируются на оптимизме и надежде на приход лучшего будущего на земле.¹ В этом контексте, откровенный диалог, теоретический поиск обогащает значение накопленного опыта и побуждает к более глубоким размышлениям по поводу утопического проекта латиноамериканского модернизма. В этом историческом горизонте ведется поиск утопической грамматики и аксиологической таксономии утопии экзистенциального проекта. Вслед за Жоржем Стайнера, мы понимаем под общей грамматикой «артикулированную организацию восприятия, размышления и опыта; нервную структуру сознания, когда последнее вступает в коммуникацию с самим собой и с другими (...). Надежда и страх являются

высшими фикциями, опирающимися на синтаксис. Они столь же неотделимы друг от друга, как и неотделимы от грамматики. Надежда несёт в себе страх не быть осуществленной; страх содержит в себе частицу надежды, предчувствие своего преодоления. Именно статус надежды является сегодня проблематичным. На любом уровне, за исключением тривиальности или сиюминутности, надежда предполагает трансцендирование, выход за пределы настоящего. В строгом смысле этого слова надежда опирается на метафизические предпосылки, и означает, возможно, не вполне оправданную инверсию, покупку «будущего», как сказал бы биржевой маклер. «Надеяться» - это акт речи, форма коммуникации, внутренняя или внешняя, которая предполагает слушателя, и таковым может быть наше собственное «я»².

В условиях разнообразия философских и социально-политических горизонтов истории Латинской Америки XIX - начала XX веков, утопический дискурс, исполненный надежды на преобразования социальной реальности, на освобождение трудящихся масс от гнета и эксплуатации, служил цементирующим началом поиска лучшего будущего. Для достижения этой цели применялись различные стратегии, направленные, с одной стороны, на преодоление обветшалых испанских традиций, а с другой, на освобождение от механического копирования моделей европейской культуры. Эта тенденция к самобытности не препятствовала, однако, беспощадной критике практики открытого или скрытого геноцида, осуществлявшегося правящей элитой против коренных народов и трудящихся масс. Именно в это время Хуан Монтальво, Хосе Марти и другие мыслители выдвигают прото-социалистическую, антиимпериалистическую программу, основанную на идеях анархосоциализма, марксизма, либерализма, теософии и романтики, программу направленную на поиски преодоления отчуждения, эксплуатации и нищеты народов Латинской Америки, на осуществление идеалов свободы, справедливости и социальной солидарности.

Справедливости ради следует отметить, что революционный утопист XIX – XX веков, независимо от своей идеологической ориентации, нередко рассматривал себя в качестве «народного избранника», истолкователя тенденций общественного развития и даже пытался возводить себя в ранг пророка «новой сакральности», рассматривавшей историческую реальность через призму антиномий добра и зла, левого и правого, революции и реакции, антиномий, претендующей на универсальное постижение человека. Этот антиномический лексикон, хотя и не чуждый определенного рационального зерна, в действительности стремился исключить из поля своего зрения тенденции, не соответствующие этому «тотальному» видению. Многие пророки утопии превратились в оракулов, не терпящие никакой критики в свой адрес и не желающие никого слушать. Из этого следует, что критика утопического сознания невозможна без критики и объективного анализа исторической реальности в различных её измерениях.

Диалектика истории проявляется, помимо всего прочего, в тексте, в дискурсе, в разнообразных смысловых, символических и семантических манифестациях. Будучи экспликативным и интерпретативным выражением, текст задает грамматический порядок повествованию и образует внутри себя виртуальные адресаты, ибо задача дискурса состоит в организации идей и понятий в определенную структуру, а стало быть, наррация – это отнюдь не невинный или нейтральный дискурс, а дискурс,

предполагающий определенную моральную ответственность.

Латиноамериканскую утопию XIX-XX веков мы можем встретить в текстах, документах и других исторических «артефактах». Анализируя политические и культурные программы интеллектуалов, мы наблюдаем, что в своих планах, программах и исторических предсказаниях они стремились предвидеть и предугадать все возможные варианты развития будущего. Нередко они даже ухитрялись встраивать свои утопические проекты в государственные программы.

Утопизм, анализируемый с позиции рациональности, предполагает осознание конечности человека, как исторического существа, который существует в рамках определенного времени, но который, одновременно, может выходить за границы наличного и непосредственно-данного. История должна быть понята как то, посредством чего человек выражает свое бытие и производит условия собственного существования, но существования, отмечанного печатью нестабильности. Хосе Гаос писал по этому поводу: «История – это выражение смысла бытия человека как существа неустойчивого. Без сознания этой предпосылки невозможно и немислимо обеспечить стабильность человеческого бытия. История в этом смысле - предпосылка бытия философии. История и философия - это две сознательные, четко зафиксированные и взаимно скоррелированные друг с другом манифестации человеческой природы, которая стремится выйти за собственные пределы: нестабильность, незащищенность, движение во времени тяготеет к стабильности, защищенности и к покою в вечности».³

История и историческое сознание «спасают» человека от коррозии временем. Можно сказать, что в этом «спасении» проявляется главная интенция истории, которая становится возможной только благодаря деятельности человека, устремленной к горизонту будущего. Утопические проекты отливаются в дискурс, в котором «революция» выступала в качестве парадигмы реального изменения, а революционный захват власти считался едва ли не единственной возможной формой осуществления утопий прошлого. Уругвайский исследователь утопизма Фернандо Аинса подчеркивает: «В этой проекции утопическое сознание «работает» внутри исторического настоящего, содействуя завоеванию власти путем прямого действия, то есть, путем вооруженной борьбы, восстания или революционного переворота. Утопический проект превращается в реальный дискурс тогда, когда революция выступает парадигмой реального изменения, и в этой перспективе единственным способом «осуществления» утопии является захват революционной власти».⁴

Анархосиндикализм

История показывает, что после установления господства Иберии над странами Латинской Америки господствующей идеологией колониального режима вплоть до обретения ими своей национальной независимости оставался христианский либерализм, на который оказывали определенное влияние идеи французского и английского либерализма. После свержения колониального режима возникает либерализм позитивистского толка, распространяется неосхоластика, спиритуалистические и пантеистические течения, такие, например, как крауизм и некоторые другие теософские доктрины.

Другим примером социального движения и тесно связанной с ним общественной мысли является анархосиндикализм (только в последние годы начинающий исследоваться новым поколением латиноамериканистов в различных его модификациях), который в конце XIX - начале XX века получил широкое распространение от Рио Гранде, на севере до Огненной Земли, на юге. Перед нами стоит задача восстановить и исследовать это обширное и ещё плохо изученное идейное наследие. Я хотел бы отметить, что этот поиск забытой исторической идеологии не есть простая дань «ностальгическому сентиментализму» и не попытка противопоставить её либеральным или марксистским догмам, а скорее, намерение восстановить живое значение прошлого анархизма в свете потребностей настоящей и будущей социальной борьбы в нашей Америке.

Анархизм в Латинской Америке и странах Карибского бассейна имеет богатую практику мирной и насильственной борьбы. История либертарного движения наполнена героическими усилиями по социальному и политическому переустройству латиноамериканского общества, по организации и пропаганде своих идей в литературных произведениях, на театральных подмостках, в педагогике и кооперативизме. Некоторые историки общественной мысли американского субконтинента проходят мимо или не придают должного значения анархистскому движению. Другие, игнорируя исторические факты, считают анархизм «маргинальной» и, что самое главное, утопической идеологией ничтожного и презренного меньшинства. Наконец, третьи, признают, что анархизм сыграл значительную роль в истории социалистических идей в Латинской Америке, но, тем не менее, исходя из его критического отношения к марксизму, они стремятся принизить его теоретическое значение, оценивают его идеи лишь как проявление «революционной незрелости», «абстрактного утопизма», «ремесленного бунта» рабочих, крестьян, этнических групп индейцев и «мелкой буржуазии».

Венесуэльский философ Анхел Мария Каппелетти пишет в этой связи: «Анархизм был не только идеологией пролетарских масс и обездоленных крестьян, прибывших на новый континент и чувствовавших себя обманутыми в своих надеждах на лучшую жизнь, ибо в действительности гнет старых монархий был заменен на не менее жестокое угнетение со стороны новых республиканских олигархий. Очень скоро анархистское мировоззрение было усвоено и автохтонными массами индейцев от Мексики (Залагоста из Чалько) до Аргентины (Факон Гранде из Патагонии). Очень редко обращают внимание на то, что анархистская доктрина самодетельного коллективизма в аграрном вопросе фактически совпадала с древним способом организации жизни индейцев Мексики и Перу, организации, предшествующей не только испанскому империализму, но и империализму ацтеков и инков. Анархистам, прибывшим к индейцам, не надо было внушать им какую-то экзотическую идеологию, а достаточно было просто оживить стихийные крестьянские идеи «кальпулли» и «айулли».⁵

Таким образом, в истории нашей Америки можно встретить богатство критических и аналитических идей анархистской ориентации всех спектров и политических оттенков – от экстремизма до толерантности по отношению к государству и его институтам. Тем не менее опыт либертарного движения Латинской Америки не внес ничего принципиально нового в философию анархизма. Однако в организационном плане и в практических действиях латиноамериканский анархизм

развил новые формы, неизвестные практике европейского анархосиндикализма. В конце XIX - начале XX века в различных латиноамериканских странах анархизм проявлял себя по-разному. Например, Рабочая Региональная Организация Аргентины (FORA) была настолько радикальной, что Национальный Совет Трудящихся Аргентины оценивал её как крайне экстремистское движение. Напротив, в Уругвае анархизм был более умеренным, а стало быть, и менее преследуемым со стороны государственных властей. В Мексике идеи лидера анархизма Рикардо Флореса Магона оказали значительное влияние на революционную борьбу против диктатуры Порфирио Диаса, а главная организация анархистского движения Мексики Дом Мирового Рабочего оказывала поддержку «красными батальонами» правительству Венустиано Каррансы в его вооруженной борьбе против отрядов Франсиско Вильи и Эмилиано Сапаты. Правда, несколько лет спустя руководители Генерального Совета Трудящихся (CGT) выражали свое несогласие с политикой президента Альваро Обрегона. Напротив, в Бразилии анархизм всегда находился вне закона и военная олигархия этой страны систематически чинила расправы над его сторонниками путем репрессий, ссылок и тюремных заключений.

С 1918 по 1923 годы в ряде латиноамериканских стран весьма широкое распространение получил «анархо-большевизм». В Аргентине, Уругвае, Бразилии и Мексике многие анархисты под воздействием Октябрьской революции 1917 года объявили себя сторонниками Ленина и выражали горячую поддержку советскому правительству, хотя при этом они не переставали считать себя анархистами. После смерти Ленина это течение постепенно сошло на нет, а сторонники Сталина уже не называли себя анархистами.

Почти во всех странах Латинской Америки и Карибского бассейна анархистские идеи оказали определенное влияние на литературу и искусство того времени. Многие влиятельные писатели, поэты и художники выражали им свои несомненные симпатии. Например, в Уругвае и в Аргентине в период с 1890 по 1920 годы большинство писателей в той или иной форме находились под влиянием анархизма. В других латиноамериканских странах воздействие либертарной идеологии на поэзию и литературу было даже более значительным, чем её влияние на рабочее движение. Справедливости ради, следует все-таки отметить, что только в Аргентине анархизм стал господствующим течением в литературно-художественных кругах, тогда как в других странах латиноамериканского континента анархистские интеллектуалы так и не смогли возвыситься до уровня художественной элиты или революционного авангарда и ещё в меньшей степени они были связаны с университетами или официальной культурой. В этом, пожалуй, состоит главное отличие анархизма от идей социализма и марксизма.

Перевод с испанского М. А. Малышева

1. Хорошим примером этого междисциплинарного усилия может служить сборник, составленный под руководством Орасио Черутти Гульдберга и Оскара Агуэра. Horacio Cerutti Guldberg, Oscar Agüera (Coordinadores), *Utopía y nuestra América*, Ecuador, Abya-Yala, 1996.

2. George Steiner, *Gramáticas de la creación*. Madrid, Ciruela, 2002, pp. 15-16.

3. José Gaos. *Orígenes de la filosofía y de su historia*, Jalapa, Universidad Veracruzana, 1960, p. 21.

4. Fernando Aínsa. "Bases para una nueva función de la utopía en América Latina". En: *Utopía y nuestra América*, p. 10.

5. Ibid., "Prologo".

О. Ф. Русакова

ДИСКУРС НОВЫХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ЛЕВЫХ: ОТ ЧЕ ГЕВАРЫ ДО ЧАВЕСА. КОНЦЕПТ «НАША АМЕРИКА»

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук,
профессор, зав. отделом
философии Института философии
и права УрО РАН

Левый поворот сегодня выступает главным трендом мировых дискурсивно-идеологических и политических трансформаций. Авторитетные эксперты-международники отмечают, что на смену недавно доминирующему в политическом пространстве неолиберальному дискурсу приходит новый «main stream» - дрейф в сторону левой риторики, политики и идеологии (См.: В.Давыдов. Левый дрейф Латинской Америки // Свободная мысль, 2006, № 11-12).

В политическом плане наблюдается повсеместное электоральное продвижение сил левой ориентации. Здесь абсолютным лидером выступают страны Латинской Америки, где в последние годы на президентских выборах победу одержали представители левых партий (Уго Чавес в Венесуэле, Даниэль Ортега в Никарагуа, Хуан Эво Моралес в Боливии, Рафаэль Корреа в Эквадоре, Луис Инасио Лула да Силва в Бразилии, Таваре Васкес в Уругвае).

Происходит также усиление международных позиций традиционно левых стран на международной арене (коммунистические Китай и Куба). В рамках альтерглобалистского движения коммунистические и социалистические дискурсы сегодня занимают доминирующие позиции. Определенное полевание в настроениях граждан наблюдается и в современной России, где на последних выборах в государственную Думу второе и четвертое место получили представители КПРФ и Справедливой России, позиционирующей себя как лево-центристская, социалистическая партия, готовая войти в состав Социнтерна.

Появление левого тренда в глобальном политическом пространстве связано с рядом объективных обстоятельств, среди которых необходимо выделить главные: 1) кризис неолиберального реформаторства, повлекшего за собой ограничение экономического, политического и культурного суверенитета государств, а также - глобальные социальные издержки в виде усиления социального расслоения, вымывания среднего класса, дестабилизации рынка труда; 2) кризис курса «Рак Амтрикана», связанный с появлением серьезных экономических конкурентов США на мировой арене и ростом недовольства международной общественности имперским курсом США, направленном на насильственную демократизацию политических режимов ряда стран Европы и Азии; 3) кризис идеологии либерального фундаментализма, абсолютизирующей рынок и ценности общества массового потребления, утверждающей в

качестве главного жизненного ориентира понятие коммерческого и статусного успеха; 4) накопление в социальных низах протестного потенциала, связанное с увеличением разрыва в доходах и в доступе к общественным благам, возникшим между богатым меньшинством и бедным большинством; 5) ограничение экономического, политического и культурного суверенитета государств Латинской Америки как следствие «неолиберальной перестройки», и связанный с этим рост недовольства неолиберальными экспериментами со стороны националистически настроенной политической оппозиции.

Современный левый поворот закономерно приводит к появлению и распространению нового дискурсивно-идеологического комплекса, альтернативного дискурсу либерального фундаментализма. Структурными компонентами данного комплекса выступают как традиционные левые идеологемы и категории, так и новые левые дискурсы, возникновение которых обусловлено новейшими социально-политическими реалиями, к примеру, такими, как рост националистических настроений и появление «новых бедных».

Традиционными компонентами левого латиноамериканского дискурса выступают следующие дискурсивные ансамбли: 1) учение Маркса о преодолении капиталистического отчуждения и скачке из царства необходимости в царство свободы, 2) учение Ленина об империализме как высшей монополистической стадии капитализма, 3) идеи Бакунина и Кропоткина о самостоятельных ассоциациях народных масс, вытесняющих государственный аппарат, 4) идеи Троцкого о перманентной революции и создании социалистических Соединенных Штатов Латинской Америки, 5) концепт «Наша Америка», получивший свое обоснование в работах Хосе Марти и его последователей, 6) идеи Мао и Че Гевары о партизанских очагах как точках распространения мировой социалистической революции.

В последнее время латиноамериканский левый дискурс приобрел дополнительные черты, которые, в целом, соответствуют современным тенденциям развития политического дискурса в информационном обществе. Одной из таких черт стало активное использование популистской риторики и технологий шоу-политики. Признанным виртуозом в этой области является президент Венесуэлы Уго Чавес.

Чавесу удалось путем использования массовых коммуникаций – ежедневные (кроме субботы и воскресенья) выступления в роли ведущего на государственном телеканале *Venezolana de Television* (аудитория - 90% венесуэльцев), - убедить бедное большинство населения Венесуэлы, которое ранее чувствовало себя брошенным на произвол судьбы собственной властью, что теперь государство за него, что оно (население) - уже не бесправный объект управления, а влиятельная политическая сила. «Власть Чавеса, - отмечает аналитик «Русского News-Week», - держится не столько на благотворительных программах – оппозиция предлагает не меньше, - сколько на сильнейшем чувстве вовлеченности в функционирование страны, которое

Чавес сумел дать народу и которому оппозиция не сумела ничего противопоставить» (Баунов А. Чем Чавес, тем лучше //Newsweek, 04.12 -10.12. 2006).

Чавес – талантливый шоу-мен. Его телепрограмма «Алло, президент!» - масштабный проект, в котором последовательно реализуется изобретенная Чавесом «Боливарианская альтернатива для Америки», пользующаяся большой популярностью в антиамерикански настроенных слоях населения страны, а также – в Аргентине, Бразилии и Боливии.

В дискурсе Чавеса можно обнаружить фрагменты из революционных высказываний Симона Боливара, Че Гевары, Фиделя Кастро, отрывки из работ Карла Маркса, а также Библии и работ экономиста Джона Гэлбрайта. Любой, рассказываемый им сюжет, неизменно оборачивается иронической критикой американского империализма. «Во время одной из недавних передач, которую президент посвятил дню Святого Валентина, он потешал зрителей и слушателей, объясняясь в любви Кондолизе Райс: «Ты про меня совсем забыла, Что с тобой? Я не могу без тебя» (Пряничкин К. В гостях у Уго // Коммерсант ВЛАСТЬ, 12 марта 2007).

Как талантливый политик и оратор, Чавес может говорить на языке, понятном любой аудитории. Ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Э.Дабаян отмечает: «С простыми людьми он использует сленг, понятный только людям с улицы. Если же он выступает в аудитории, где сидят образованные люди, он оперирует философскими понятиями, демонстрирует знание истории» (Цит. по: Асадова Н. Уго Чавес // Коммерсант ВЛАСТЬ, 4 декабря 2006).

Следует заметить, что в латиноамериканском новейшем левом дискурсе явно доминируют три идеологические стратегии: 1) критика американского гегемонизма с позиций марксистской теории капитализма и империализма; 2) стратегия ресурсного национализма (См.: Возвращение первородства //Русский Newsweek. 14 –20января 2008. № 3, сочиненная с социалистической риторикой, к примеру, президент Боливии Эво Моралес определяет социализм как жизнь в гармонии с Пачамайой – матушкой-землей, 3) предложение в качестве альтернативы неолиберальной модели устройства глобального мира концепта латиноамериканского пути к обществу подлинной народной демократии и культурно-исторической идентичности - разновидность национальной идеи под названием «Nuestra América», т.е. «Наша Америка».

В контексте концепта «Наша Америка» поднимаются волнующие многих критиков неолиберальной глобализации вопросы: Какова судьба демократии и самобытной культуры разных стран в глобальном обществе? Какова роль разных наций и государств в глобализирующемся мире? Каким образом может быть преодолен разрыв между богатыми и бедными странами?

Для понимания истоков данного концепта необходимо обратиться к знаменитому философско-публицистическому эссе великого Хосе Марти «Наша Америка», написанному еще в 1891 г. Именно в нем Х. Марти впервые ввел в оборот ставшее в последующем ключевым понятие — «Наша Америка», ключевым в латиноамериканской философско-исторической литературе и культуре в целом. Оно, прежде всего, было призвано утвердить существование самобытного народного мира Латинской Америки в его противостоянии поработавшему влиянию Соединенных Штатов Америки. Х. Марти считал, что именно в индейцах, метисах, креолах заключены исторические

силы Латинской Америки. Мыслитель провозгласил идею своеобразного народного мира Америки, который включает все многообразие этнических и расовых слоев. Ему была чужда идея какой-либо национальной ограниченности. Он считал, что идеал «всеконтинентального» мышления, идеал человека, как носителя высокой духовности способен преодолеть навязываемые североамериканским империализмом расизм, вульгарный прагматизм и агрессивность. Он категорически отвергал всевозможные проявления расизма, пороки буржуазной цивилизации, построенной на зверском угнетении огромного числа народов, которым отказывают во всем — свободе, человеческом достоинстве, праве на историческое развитие. Х. Марти стал основоположником новой общеконтинентальной идеологии антиимпериалистического американизма, оказавшей огромное воздействие на политические процессы.

Сегодня ведущую роль в продвижении дискурсивно-идеологического комплекса, обозначаемого как «Наша Америка», играет профессиональное сообщество, объединенное в Центр по координации и распространению латиноамериканских исследований (CCyDEL) при Национальном Автономном университете Мехико (UNAM) в Мексике, основателем которого был выдающийся знаток истории и культуры Латинской Америки, философ Леопольд Сеа.

Деятельность Центра получила освещение в статьях Орасио Черути Гульдберга (Мексика) «Идентичность «Нашей Америки», Яманду Акоста (Уругвай) «Наша Америка» в контексте фундаментальных идей», Марио Магайюна Анайя (Мексика) «Современное состояние демократии и политики в Латинской Америке», Эктора Самура (Сальвадор) «Философия, глобализация и освобождение», Мануэля де Хесус Коррала (Мексика) «Становление демократии с позиции коммуникации», опубликованных Издательским Домом «Дискурс-Пи» в книге «Современная мысль Латинской Америки: идентичность и глобализация» (Серия «Звезды современной мысли», Екатеринбург, 2006).

В статье Я.Акосты концепт «Наша Америка» рассматривается как культурно-цивилизационный ответ на вызовы неолиберального проекта модернизации и глобализации. Данный концепт, по мнению автора, позволяет критически оценить действия современных «цивилизаторов» как истинно варварские и расистские, ибо «тот, кто порождает и распространяет межрасовое противостояние и вражду, совершает грех против Человечества».

С позиций «Нашей Америки», отмечает Акоста, процесс глобализации должен осуществляться не извне, а изнутри. Его девиз такой: «...войди в наши республики, мир; однако основа должна быть из наших республик». Мир (порядок) – это сегодня мир глобальных и всеохватных торговых отношений. Лидеры неолиберальной глобализации, действуя извне, распространяют свой порядок то путем военного государственного переворота и установления диктатур, как это было в Южной части Латинской Америки в семидесятые годы прошлого века, то путем непосредственного развязывания войны, для признания которой было введено понятие «гуманитарные войны». Перед лицом этого навязанного «мира», пишет Акоста, концепт «Наша Америка» воплощает в себе идею о государственном суверенитете республик Латинской Америки, а также идею признания их в качестве демократий участия. Этот республиканско-демократический смысл «нашеамериканизма»,

утверждает автор, выступает проявлением диалогичного разума, который, считая возможным идеальное общество коммуникации, и, исходя из эмпирического референта культурного разнообразия, делает ставку на диалог как возможность обоснованного и демократического разума.

Для того, чтобы укрепить автономию латиноамериканских стран в этом диалогичном процессе демократического самопостроения, правительство должно Хорошее правительство – это то правительство, которое отвечает нуждам народа. В этом смысле «Наша Америка» предлагает критерий, с помощью которого можно выделить логику системы правления, которая намерена стать мерой хорошего правительства. «Не выйдет хорошего правителя и не будет хорошего правительства у того, кто, основываясь на логике, производной от капитала, предопределенной применением или угрозой применения силы мировых держав, использует правительство как силу, упорядочивающую народ, находящийся на своей территории, ценой жертв этого народа, ценой его труда и потребления произведенных им благ».

«Наша Америка», подчеркивает Акоста, акцентирует внимание на том, что проблема независимости имеет не столько институциональную природу, сколько ментальную. «Проблема независимости состоит не в преобразовании форм, а в преобразовании мышления» Поэтому, говоря об институциональных преобразованиях, необходимо уделять первостепенное внимание духу институтов.

Дух институтов, которые распространяют мировые державы, служит исключительно их интересам. Изменение духа, который несет «Наша Америка», имеет своей целью порвать с обобществляющей имперской неолиберальной логикой, исходя из которой так называемое расширение свободного мира – это расширение рыночных свобод, свобод, которыми могут наслаждаться лишь победители рынка свободной

конкуренции. «Наша Америка», говорится в статье, предлагает осуществить радикальное преобразование духа: «Нужно объединиться с угнетенными в борьбе за общее дело, чтобы усилить систему, направленную против интересов и привычек управления угнетающих».

Будучи духовной ориентацией, концепт «Наша Америка» инициирует институциональное преобразование, при котором регулирующие рамки жизни в обществе не признают, не предполагают и не допускают разделение на угнетателей и угнетенных. Речь идет о постоянно подтверждающей свое право на существование в созидающей перспективе — универалистской альтернативе перманентного объединения с угнетаемыми, как способа предотвращения консолидации системы угнетения.

Эта духовная ориентация рассматривается в качестве нового типа рациональности, альтернативного доминирующим логикам господства и угнетения. Она трактуется как рациональность освобождения, которая крайне необходима для того, чтобы нейтрализовать иррациональность господства и угнетения в лице нигилистического и циничного капитализма, принявшего глобальный масштаб в начале XXI века.

В заключение отметим, что дискурсивно-идеологический комплекс новых латиноамериканских левых, представленный концептом «Наша Америка», в значительной степени близок по своим мировоззренческим и политическим установкам набирающей силу левой идеологии в современной России. Российская левая мысль сегодня пытается объединить в единый дискурсивный комплекс марксистскую антикапиталистическую парадигму, критику политики и идеологии неолиберализма, социалистические идеи солидарности и справедливости и так называемую «общенациональную идею», которые, вместе взятые, призваны объединить демократические силы нации в одно целое.

С. Н. Некрасов

СОЦИАЛИЗМ МЕЖДУ ФОРМАЦИЕЙ И ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ: ВНЕЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛОНО ЦИВИЛИЗАЦИИ?

**Некрасов
Станислав Николаевич**

доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
философии УрГСХА

Перестройка социалистического общества как момент общей мутации постсовременности проводилась под лозунгом возвращения в лоно мировой цивилизации. Культурологи в понимании цивилизации бессильны – необходимо привлечение большого материала из области социальных наук для объяснения нынешнего исторического процесса. То, что мы находимся

в истории не вызывает сомнения – вне истории находится первобытное общество, где действуют естественные природные закономерности.

Понятие цивилизация постигла судьба понятия культура – множество определений. Из всего множества дефиниций можно выделить основные и принципиальные. На наш взгляд, их три: классическое, ценностное, культурологическое. Первое сформировалось в общественном сознании в XVI–XIX вв. и выражено полно Л. Морганом и Ф. Энгельсом – цивилизация выступает у них как этап исторического развития, приходящий на смену родовому строю и достигающий полной зрелости при капитализме. В этом смысле цивилизация знаменует победу производительного принципа над собирательным и присваивающим хозяйством. В этом плане цивилизация, в конечном счете, совпадает с промышленностью, что означает – цивилизация достижима в полностью индустриализованном

обществе.

Для Энгельса цивилизация оказывается той ступенью общественного производства, на которой разделение труда, обмен деятельностью и товарное производство достигают полного расцвета, а значит, производят переворот во всем прежнем (патриархальном) обществе. Натуральное производство все более вытесняется производством на обмен, в результате в обществе разделяются функции владения и распоряжения предметом, пользования предметом – возникает некая «расчлененка» социального процесса. Люди становятся частичными индивидами или социальными функциями отдельных компонентов процесса. Возникает всеобщий антагонизм индивидов и классов в обществе, поскольку удовлетворение личных потребностей идет через общественное распределение. В этом вообще корень эксплуатации человека человеком как важнейший признак цивилизации. Это общество нуждается в особой организации, которая сдерживает непримиримую борьбу «всех против всех» и обеспечивает консенсус. Такая организация получила название государства. По латыни *civitas* и есть государство, *civilis* означает гражданский и государственный. Личность (социальное, общественное) противостоит здесь государственному – второе и есть цивилизация. Очевидно, что в классическом понимании цивилизация представляет собой общество, в котором никто не производит для своего потребления (экономическая компонента), и общество, не могущее заниматься самоуправлением (политическая составляющая).

Ценностное понимание цивилизации характеризует ее как модернистское состояние, приходящее на смену варварству, традиционному аграрному обществу. Идеал цивилизации здесь – «всеобщее правовое гражданское общество» И. Канта. В обществе живут свободные люди, противовесом к которым выступают принудительные государственные законы. Описанное общество совпадает с идеальным образом буржуазного общества в его классической форме британского капитализма, где ценности не реализуются, но декларируются. Гражданское общество Канта является одновременно буржуазным еще по одной причине – в немецком языке буржуазное и гражданское общество звучит идентично: *buergerliche Gesellschaft*.

Однако здесь возникает культурологическое понимание цивилизации, идущее от Н.Я. Данилевского: культурно-исторические типы, развитие которых не может быть сведено к единому идеалу. В XX в. В. Дильтей и О. Шпенглер развили представление о множестве самостоятельных культур, которые в качестве организмов превращаются в особые цивилизации. А. Тойнби всячески избегает давать определение цивилизаций и допускает туманные указания на то, что цивилизация есть фаза в развитии культуры и эквивоки, которые создают мифологемы британской империи, а в целом универсальны для любой властной парадигмы. Таким образом, культурологическое понимание цивилизации в отличие от ценностного не является буржуазным, оно просто пустое. Единственным пониманием цивилизации, достойным внимания настоящей науки, является классическое ее определение. О каком же возвращении в лоно цивилизации может идти речь в научном смысле?

Формационный и цивилизационный подходы: цивилизация возвращается в детство

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к сравнению цивилизационного и формационного подходов

к истории. Известно, что Маркс рассматривал азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства как прогрессивные эпохи общественно-экономической формации. В эту формацию он не вносит первобытное общество, не включает и коммунизм. Первое является доисторическим обществом, где господствуют естественные законы человеческой социальности – здесь производство как основа историчности человека еще не стало основой жизни людей, а значит, здесь нет способа производства со всеми свойственными ему экономическими законами. Напротив, коммунизм полагается в качестве начала подлинной человеческой истории, где развитие общества подчиняется не законам истории, но воле самих людей («Скачок из царства необходимости в царство свободы»). Ну а дальше ясно – «в царство свободы дорогу грудью проложим себе!». Приведенное понятие формации идентично понятию цивилизации в классическом его понимании. Следовательно, четыре перечисленных способа производства и есть четыре основных этапа развития цивилизации, на вершине которого находится буржуазное общество. Это – апогей цивилизации и даже ее «апофигей».

Очевидно, что между цивилизационным и формационным подходами нет противоречия – речь идет о наведении на резкость и укрупненном видении в случае с цивилизационным подходом. Между ними нет научного противоречия, но действует яркое ценностное противопоставление, когда сторонники ценностного подхода не желают признавать наличие внутри цивилизации объективных исторических законов смены способа производства. Обратимся к Марксу. Он не включает социализм в свой список, но вносит в него понятие азиатского способа производства. Получается, что азиатский способ находится в рамках экономической общественной формации, однако он отличается от иных стадий цивилизации степенью зрелости. В нем нет развитого рынка (есть восточные шумные базары), нет свободы предпринимательской деятельности (какой ужас!), нет правового состояния общества (шах с кадиями судит спорщиков). Социализм также обладает всеми цивилизационными признаками, однако некоторые признаки он имеет в гипертрофированной форме – это что-то вроде сверхцивилизации. Таковыми выступают проклятая либералами тяга социализма к производству ради производства, экономия на потребительских фондах, абсолютизация промышленного производства и производства средств производства вместо производства предметов потребления, бюрократический формализм, заорганизованность и всеобщая забота (полный ужас был, когда милиция занималась всеми тунеядцами и вместе с поэтами подчищала в ЛТП алкоголиков, не предоставляя человеку законное буржуазное право на глупость).

Социализм, следовательно, является периодом кризиса цивилизации как таковой – это гипертрофия цивилизационных усилий по наведению порядка в обществе, а значит, гибель социализма означает одновременный закат всей цивилизации – крах периода цивилизационного развития общества как такового. Спусковым крючком заката цивилизации является социалистический кризис, поэтому переход цивилизации в состояние постсовременности и есть гибель цивилизационного периода развития человечества. Кризис социализма разрешился не переходом к новой и более прогрессивной общественной формации, но кризис привел к возвращению, реставрации прошлого: цивилизация достигла в лице социализма своей

вершины, а с вершины есть только один путь – вниз.

Похоже, что цивилизационный подход не способен объяснить крах социализма как такового и это происходит благодаря тому, что произошло прекращение естественно-исторического типа социальной эволюции через революции, прекращение цивилизации. Цивилизация в облике социализма изжила себя. Однако продолжение прогрессивного развития человеческого общества означает не конец истории как таковой, но завершение линейного развития и переход к спиральному движению с элементами прошлого. Впереди у человечества повторение пройденного. Именно поэтому формационный подход сегодня актуален как никогда – в будущих состояниях общества он позволяет угадать черты предшествующих стадий развития.

Нынешнее буржуазное общество в его классической форме выигрывает у социализма вследствие недоразвитости его до социализма как сверхцивилизации – в капитализме не хватает сверхиндустриализма и остается место для развития частной инициативы и информационного управления. В истории эволюции жизни на земле происходят регулярные катастрофы (и вовсе не в духе Кювье): специализированные и более сложные формы погибают, а упрощенные и менее специализированные находят новую нишу и выживают. Но резервы капитализма на исходе и рыночная регуляция не позволяет уже столь быстро мутировать – остается главный резерв античеловеческая глобализация на основе ограничения индустриализма как основы цивилизации! Цивилизация рубит сук, на котором сидит. Господство частной собственности не позволяет освободить индивидуальное и общественное от взаимных ограничивающих обятий и не дает развиваться двум началам экономики.

Резервы цивилизации исчерпаны: находящееся в ее рамках социализм и капитализм не могут решить своих проблем, не покинув материнское лоно цивилизации. Это означает крах социализма и капитализма. Подобно заключенному в сталинском лагере, современный капитализм уже сказал социализму: «Умри ты сегодня, а я завтра!». Социализм и капитализм возвращаются в лоно цивилизации, а сама цивилизация возвращается в свое прошлое – в детство раннего накопления капитала и сверхэксплуатации, рабства на хлопковых плантациях. Кризис Римской империи и ожидание новой ночи Средневековья представляют не самые страшные угрозы распада цивилизационной ткани – впереди борьба всех против всех (как в голливудских антиутопиях, где банды будущего соперничают из-за бочки бензина), уже осуществилась реставрация всеобщего примитивного натурального хозяйства, как в ельцинской России, где большая часть населения использовала «ягодные деньги» и кормилась со своего огорода, не имея цивилизационной инфраструктуры – почты, клуба, фельдшерского пункта, школы, дороги, детского сада. Такова естественная реакция на многовековое господство разделения труда и формирование частного человека-винтика производственной функции. Нынешний человек должен быть готов к исполнению роли «швеца, жнеца и на дуде играющего».

Неизбежность второго рождения социализма: неоантичность

Исходя из того, что социализм уже явился историческим повторением азиатского способа производства (в историческом смысле не надо двух понятий: социализм и азиатский способ – это одно и то же), очевидно предположить, что сменщик

азиатского способа – античный способ производства явится на смену упраздненного социализма. Мы вправе ждать античности полисного периода с присущей ей диалектичностью форм собственности. Синтетическая форма собственности античного полиса объединяла индивидуальную и общественную собственность народа. Однако такое возрождение античности возможно только на основе новейших технологий и возможно на базе отрицания социализма как предельной формы обобществления средств производства. Так как капитализм является еще не предельным способом обобществления средств производства, то возрождение античности (неоантичность) следует приветствовать на почве российского бывшего социализма!

Социализм представляет собой «коммунизм в его первой форме» и выступает как «всеобщая частная собственность», для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общиной как всеобщим капиталистом. Таков портрет реального социализма в СССР и в странах народной демократии. В «Критике Готской программы» этот социализм «сохраняет еще родимые пятна старого общества», из недр которого он вышел. Главный родимым пятном является «узкий горизонт буржуазного права». Здесь капиталистические отношения не уничтожаются, а наоборот, доводятся до крайности, до высшей их точки. Поэтому путь от социализма вперед, к реализации коммунистического общественного идеала не ведет назад – к капитализму, напротив, этот путь проложен в мир синтетического квазиантичного (неоантичного) общественного строя, не выросшего на «навозе рабства».

«Мы будем жить в прекрасном новом мире» и этот новый строй сменит социализм на новом витке истории подобно тому, как ранее на смену азиатскому способу производства пришел античный способ. То, что в СССР и в мировой системе социализма произошла реставрация капиталистического строя еще не свидетельствует о возвращении после краха социализма общества в некое лоно общечеловеческой цивилизации. Социализм – не блудный сын цивилизации, а вырвавшийся вперед лидер социального прогресса, который выводит за пределы цивилизации к повторению формационных периодов прошлого на новой прогрессивной основе. Именно поэтому не имеет смысла говорить в духе цивилизационного подхода о некой единой цивилизации и противопоставлять этот подход формационному.

В новом мире ведущая роль будет принадлежать новым социальным группам, занятым интеллектуальным трудом, а ведущая роль среди интеллектуалов окажется у интеллигенции. Подъем приватизации до индивидуализации, обеспечение каждого условиями производства собственной жизни (собственностью на землю и рабов как у древних греков) позволит обеспечить без обмана реальное наделение каждого собственностью. Эта мечта о собственности для каждого вообще недостижима при господстве рыночной экономики и как лозунг использовалась для обмана многомиллионных масс трудящихся (им обещали, что все станут миллионерами, а в рекламе МММ девочка сообщала, что у нее будет «в-о - о -т такой миллион» и она станет миллионершей). Античное общество обеспечивало всех и это обеспечение счастьем происходило естественным путем для каждого человека (не-человеком считались рабы, женщины, метеки, несобственники).

В новом обществе исчезает зависимость индивидов от закона разделения труда, причем не по-утопически в духе Ш. Фурье и В. Маяковского («землю попашет, попишет стихи»), а естественным путем, как и всевластие денег и рыночной стихии. Здесь возникает простор для реализации личной инициативы, а коммунистический принцип «каждому по его потребностям» реализуется в той мере, в какой средства производства распределяются между людьми по их потребностям для реализации их сущностных сил и способностей. Античная полисная экономика не знала безработицы, люмпенов и страха за существование.

Будущее общество будет строиться на информационных технологиях и средства материального производства не будут занимать решающего места в общественном производстве, а потому у общества не могут возникнуть опасения по поводу наделения отдельных индивидов чрезмерной долей средств материального производства. Это будет безопасно так же, как безопасно сегодня носить с собой электронный кошелек - карточку с энной суммой. Отнять информацию у производителя

невозможно даже в том случае, если она уже продана и куплена. Поэтому победа коммунизма является не предметом политических дискуссий, революций, но самого желания масс, их стремления к коммунистическому общественному самоуправлению.

Новое общество впоследствии мы будем называть синтетическим коммунизмом – синком, или синтетизм. Будут ли люди бороться за синком под руководством синкоммунистической партии России? Время покажет, но на капиталистическом западе синкоммунизм невозможен, поскольку западные страны еще не прошли стадию социалистического полного обобществления. Естественные социальные законы прекращают свое действие и начинается с 2003 г. (как предрекал Заратустра, говоря о стране Водолея) новый «золотой век». На наш взгляд, это квазиантичность (неоантичность) и представляет собой состояние синтетического коммунистического общества, в котором воля и сознание масс начинает играть решающую роль в переустройстве общества.

М. С. Ильченко

НЕ(О)МАРКСИСТСКИЙ ДИСКУРС ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Ильченко
Михаил Сергеевич

магистрант факультета
политологии и социологии УрГУ

Утверждения представителей постмодернизма о том, что марксистская теория превратилась в нарратив, ударили по левым даже сильнее, чем те могли себе представить. Они лишили их той среды обитания, которая стала для них привычной в последние несколько десятилетий. Смирившись с невозможностью радикального преобразования общества «позднего» капитализма, левые взяли курс на его всестороннюю и обстоятельную критику. Появившиеся в результате обширные теоретические изыскания марксистов-интеллектуалов долгое время служили колыбелью левой политической мысли, а заодно и пристанищем тех, кого привыкли называть представителями «альтернативной культуры». Постепенно лишаясь всякого влияния на реальную политику, левые, тем не менее, чувствовали себя в таких условиях весьма комфортно. Пусть «теоретический» или «академический», но всё же какой-то «островок свободы» они сохраняли. Вместе с вступлением в дискурсивный «диалог» с постмодернизмом они потеряли и его.

Вряд ли возможно сколько-либо определённо сказать, когда вместо методологии и теории марксизма речь стала идти о марксистской риторике и дискурсивной игре. Очевидно то, что взлёт и необыкновенная популярность постмодернистской философии в западных академических кругах не прошла мимо левых интеллектуалов. В стремлении осознать собственную идентичность традиция так называемого неомарксизма,

отошедшая от принципов ортодоксального марксизма столь же далеко, сколь и от реальной практики, не избежала искушения от обращения к отдельным постмодернистским концепциям. Иллюзию концептуальной близости обоих направлений могла составить их очевидная критическая направленность и неустанный поиск укоренённых в социальной природе механизмов подавления и угнетения. Однако иллюзия продолжалась недолго, и уже вскоре подобные «заигрывания» обошлись левым очень дорого.

При сохранении минимальной приверженности традициям классического марксизма, сама постановка вопроса о его соединении или «взаимодействии» с постмодернизмом представляется абсурдной. Во всех своих базовых методологических установках это две абсолютно разные, а по большинству аспектов – противоположные, мировоззренческие парадигмы. О каких бы то ни было пересечениях между ними речь может идти исключительно на уровне дискурсивной коммуникации. Использование отдельных терминов, заимствование риторики, игра дискурса, принимающая порой причудливые формы, – всё это оказывается возможным лишь в языковом дискурсивном пространстве. Попадая в его границы, представители западного марксизма оказывались на «чужой» территории и начинали играть по «чужим», незнакомым им правилам.

По сути дела, всё взаимодействие постмодернизма и марксизма (если в данном случае вообще уместно говорить о каком-либо «взаимодействии») сводилось к своеобразному «поглощению» последнего бесконечными дискурсивными матрицами. Впечатление о том, что марксистское учение обретает таким образом свою новую жизнь, оказалось обманчивым. Тенденции возникновения подобного рода стихийных синтезов свидетельствовали скорее об обратном – утрате левыми сколько-либо прочной теоретической платформы. Кагарлицкий довольно остро отметил, что в такой ситуации «осколки марксистской

теории всплывают в идеологическом бульоне вперемешку с фрагментами структуралистского дискурса и постмодернистской критики».¹

Примечательно, что в этих условиях попытка методологического соединения марксизма и постмодернизма, получившая колоссальную популярность в гуманитарной среде Запада, была крайне болезненно воспринята представителями обоих направлений. Эту попытку предпринял американский философ Фредрик Джеймисон. Достаточно обоснованная, а в ряде случаев абсолютно оправданная критика американского мыслителя, тем не менее, не способна скрыть очевидную вещь – Джеймисон остался столь же убеждённым марксистом, сколь тонко сумел вплести в свой анализ элементы постмодернизма. Более того, не будет преувеличением сказать, что работа «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» стала в своём роде абсолютно логичным следствием теоретических исследований культурной сферы западного марксизма. Их закономерным итогом, разрешившим целый комплекс противоречий и одновременно обнаружившим новые.

Идея культурной автономии всегда была одним из важнейших принципов в исследованиях неомарксистов. Несмотря на то, что в отдельных концепциях зависимость культурной сферы от производственных отношений признавалась весьма ощутимой, «определённую степень защиты от экономических сил» она всё же сохраняла.² Существование этой «критической дистанции» подчёркивает и сам Джеймисон, объясняя его стремлением вывести культурный объект за пределы влияния капиталистической системы.³ Однако иллюзия существования «островков свободы» в области культурного и, прежде всего, в искусстве сохраняется совсем недолго. В своём фундаментальном труде «Диалектика просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймер, задавшись целью выявить действие репрессивных механизмов за пределами экономического базиса, прибегают к анализу культурного поля. Понятие «культуриндустрии» прочно укореняется в научном критическом дискурсе, являя собой масштабную метафору производства-потребления смыслов в масс-медийном пространстве.

Конечно, здесь ещё нет идеи тотального проникновения культуры во все поры социальности, нет растворившегося в бесконечном пересечении стилей автора. «Культуриндустрия» – это скорее освоение нового материала для анализа. Не столько обличение действительности, сколько предчувствие ещё больших перемен. Однако основные нити, за которые впоследствии ухватывается Джеймисон в своей критике постмодернистской культуры, у франкфуртцев уже присутствуют. Уже чувствуется зыбкая грань, отделяющая массовый продукт от авангардного искусства, уже слишком частой для тонкого эстетства становится практика стилизации, а игра смыслов замыкается на самой себе. В сущности, Джеймисону остаётся лишь подвести черту под этапом модернистского искусства, записать в классики Джойса и Пикассо и объявить о наступлении эпохи «позднего капитализма».

Джеймисон отвергает идею всякой дистанцированности культуры от производственной сферы и при этом не возвращается к жёстким схемам экономического детерминизма. Он, по сути, максимально плотно смыкает структуры базиса и надстройки, растворяя сферу экономики в пространстве культуры. Брошенная им между делом фраза о том, что сегодня «всё культурно», на

самом деле как нельзя более точно отражает общее состояние дел. Эпоха «позднего капитализма» рассматривается им как эпоха пастиша. Эпоха пародии, ставшей реальностью. Эпоха, когда смерть автора, торжество копии и игра стилей сами становятся нормой, образуя пространство безграничной культуры.

И, действительно, при ближайшем рассмотрении концепции Джеймисона его приверженность критической традиции западного марксизма не вызывает сомнений. Работа Джеймисона становится её логическим итогом, впитавшим и выразившим собой дух эпохи и преобладающие в гуманитарной среде настроения. Однако работа эта выходит в свет тогда, когда борьба в дискурсивном пространстве признаётся самими левыми уже безнадежно проигранной. И если одна часть левых интеллектуалов предпочитает сосредоточиться на существовании в автономных «островках культуры», то другая обращает острие своей критики против постмодернизма. Так, ведущий лидер антикапиталистического движения Алекс Каллиникос вменяет постмодернистам склонность к «навязчивой озабоченности культурными проблемами»⁴ вместо сосредоточенности на материальном. А Джон Зерзан, в свою очередь, отмечает: «Оскорбительно не только то, что «всё является культурой», культурой потребительских товаров, но и то, что постмодернизм принимает это, отказываясь от оценочных суждений и качественных выводов»⁵.

Осознав безнадежность участия в дискурсивной игре и сокрытую в ней ловушку, левые устремляются вырваться из неё всеми возможными способами. Отсюда – безудержные попытки нащупать «подлинность» и «реальность» через брошенные постмодернистам обвинения в бесконечных симуляциях и оправдании общества спектакля. Отсюда же – игра в «дискурс отрицания», которую следует расценивать сколь удачной, столь и неизбежной. Использование риторики антиглобализма, антикапитализма и антиамериканизма – возможно единственно очевидно зримая форма существования левого движения в настоящее время, на определённом этапе способная выступить своего рода брендом всего движения. Однако проблема заключается в том, что левые, в таком случае, опять же обречены действовать в чужой системе координат. И если Наоми Кляйн пишет о том, что «нет никакой пользы от использования языка антиглобализма»⁶, то необходимо сначала задать вопрос «а существует ли он вообще?». Когда весь дискурс сводится к чистому отрицанию в форме обличения и критики, он приобретает тот самый лозунговый характер, о котором писал Барт.

Но что же можно в конечном счёте противопоставить симулирующим реальность дискурсам, неизбежно включающим в своё пространство любую критику? Лидерам нового поколения левых кажется, что они могут дать этому весьма чёткий ответ – действие. Именно на реальную практическую деятельность сделали ставку те, кто отказался от «озабоченности культурными проблемами». Таковым, в частности, стал опыт антикапиталистического движения. Неслучайно всё тот же Зерзан в статье, посвящённой обстоятельной критике постмодернистской философии восклицает: «Ну, а пока – где наша энергия, протест, стремление построить неизуродованный мир?»⁷

Появление за последнее время многочисленных леворадикальных организаций являются, казалось бы, лишь подтверждением и воплощением в жизнь этого призыва.

Однако в этом случае заставляют задуматься слова другого мыслителя, как раз и возвестившего ранее о превращении марксизма в нарративность. Рассуждая о силе и потенциале марксистской теории в современных условиях, Лиотар отмечает: «...невозможно скрыть, что социальная основа принципа разделения, классовая борьба исчерпала себя и даже утратила всякую радикальность»⁸. За этой фразой несложно разглядеть вполне свойственную постмодернистам жёсткость и даже некоторый цинизм, но, тем не менее, вырастающий из неё вопрос для левых остаётся открытым: способно ли радикальное действие стать продолжением того, чего уже не существует?

1. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М., 2007. С. 155.
2. Clark J. Fredric Jameson's Postmodern Marxism// <http://www.colorado.edu/Sociology/Mayer>
3. Jameson F. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism// Publisher: Duke University Press. Place of Publication: Durham, NC. Publication Year: 1991. P. 48.
4. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 19.
5. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. С. 157.
6. N. Klein. Reclaiming the Commons// New Left Review. (II). 9. 2001. P. 87.
7. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. С. 157.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

К. С. Романова

НОВЫЙ ЛЕВЫЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ЦВЕТА

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук,
доцент, старший научный
сотрудник Института
философии и права УрО РАН

Освоение мира отдельным индивидом связано с представлениями об эксклюзивности этого процесса и гипертрофическим ощущением первичности и новизны переживаний. На самом деле, как говорит народная мудрость: «Новое – это хорошо забытое старое». Новый левый дискурс в этом смысле не исключение. Он имеет глубокие исторические психологические и социальные корни, изучив которые можно более полно понять суть настоящего.

Психофизиологической или психофизической проблеме, состоящей в интерпретации механизмов, обеспечивающих взаимодействие и гармонию между индивидом и средой его обитания, (включая как природу, так и социум), уделяется большое внимание во многих философских учениях. В наше время психофизическая проблема является одной из стержневых в антропологии. Биологическая составляющая, присущая индивиду через его личностные качества, отражающие черты социума, в «снятом» виде (в гегелевской терминологии) становится активным фактором в надбиологических системах (социальных, технических и др.)

Как в свое время отмечал Н.А Бердяев: «Отношения между человеком и обществом представляются парадоксальными. Извне, из объекта человеческая личность есть лишь малая часть общества, изнутри, из субъекта общество есть часть человеческой личности, ее социальная сторона»¹.

Понятие – правое, левое это знаки симметрии. Принцип симметрии – эвристический и методологический принцип научного познания, потому что любые симметрии являются эмпирическими обобщениями. Двусторонняя зеркальная симметрия, имеющая место в природе, известна как наиболее типичная структурная особенность живых организмов (зеркальная симметрия листьев, человеческого тела, человеческого мозга.

Поскольку человек выступает как мера вещей (Протагор), то он естественно и сам обладает свойством ассиметрии.

Внешний мир является ассиметричным относительно внутреннего ибо то, что находится во внешнем мире слева (в левом полуполе зрения), в интеллекте располагается справа (в правом полушарии головного мозга). Возникшие во французском парламенте политические понятия «левые» и «правые» весь XX век, да и в настоящее время терзали Россию (и не только ее) своей неоднозначностью. Являясь как бы противоположными политическими явлениями, они в своей деятельности смыкаются, зачастую переходя друг в друга. Это объясняется на ряду с другими причинами также человеческим фактором, и в первую очередь, структурой самой психики.

В социальной философии на данный момент не существует генерального дискурса (идеологической системы), способного дать достаточную интерпретацию современных политических процессов и коммуникативных практик. Социально-психологические особенности человека в том, что он воспринимает жизнь во всех ее проявлениях (природных, социальных, политических и др) во всей полноте своих чувств, в том числе запахов, красок и т. д.

Разноцветье мира и жизни сопутствуют человеку с рождения. Психология человека такова, что принятие значения цвета не всегда им осознается, потому что тяга (объективизация) к тому или иному цвету осуществляется на подсознательном уровне и определяется состоянием субъективных душевных чувств и ощущений. (Люшер) Учеными разных научных дисциплин установлено, что цвет обладает и биологическими и информационными свойствами энергии, и энергии не только физического поля, но и психологического поля. Если бы цвет был только объективной стороной нашего восприятия (к примеру, длинной волны «по Ньютону»), то все бы люди одинаково предпочитали определенные цвета независимо от возраста, пола, настроения.

Цвет – это некий язык, который мы не знаем из-за его неосознаваемого характера и отсутствия адекватного обучения. Тем не менее, культура социума, в которой обитает человек, имеет историю смыслового значения цвета. Однако многие исследователи цветовой семантики к сожалению констатируют, что сегодня мы ее не знаем. Наши познания в основном исчерпываются весьма скудными знаниями

о том, например, что белый цвет - невесты, черный цвет – траура, красный – революции. В то время как наши предки воспринимали цвета и оттенки гораздо тоньше. В наше время восприятие цвета грубеет, утрачивает свою философичность и многозначительность. Как утверждает Н.В. Серов – цвет практически всегда, везде и во всем является выражением качества. Без понимания значения цвета и отношения у нему человека невозможно ни представить не выразить не измерить качества нашего интеллекта, нашей души. Этот автор также выдвигает идею о том, что цвет изначально заложен в человеке с генами матери и отца, с архетипами как говорил Карл Густав Юнг. Не пора ли восстановить наше знание о смысле архетипов или коллективного бессознательного (по Юнгу)? В данном случае под архетипом понимается формирующийся в филогенезе культурно-генетический ноумен восприятия, определенные информационные характеристики которого могут быть выявлены по его цветам.²

С прошлых веков ученые знали, что эмоции вызывают изменение физиологических состояний – пульса, дыхания, скорости реакции, силы, страха. И эти же изменения вызывают у нас действия различных цветов. Все это говорит о прямом влиянии цвета на психику и физиологию человека. Например, наш интеллект в красном цвете переоценивает реальное время, а в синем – недооценивает. А когда мы далее узнаем, что «красный» - это цвет мужской эмоции, а «голубой» - цвет женской эмоции, то становится понятным, почему на свидание «мужчина» всегда приходит вовремя, а «женщина» всегда опаздывает по природе своей, по природе цвета.

Политическая символика цвета возникла в незапамятные времена. Имела определяющий сословный смысл и подчеркивала властное положение Государственная символика – официальное толкование цвета государственного флага, главных государственных эмблем, а также цветов, которые исторически фиксировались тем или иным народом или страной как национальные, хотя в истории национальные и государственные цвета не всегда совпадают. Как очевидно из публикаций В.В.Похлебкина, современная политическая символика цвета начала формироваться в основном со времен французской революции. Ее коренное отличие от использования цвета в геральдике состоит в том, что она не связана геральдическими традициями и может применять цвета, не употребляемые в классической геральдике (например, розовый, оранжевый, коричневый)³. Цветовые характеристики социальных явлений, включая политические, не только дают возможность логически воспринимать происходящие процессы, но и эмоционально переживать их, усиливая их логическое постижение.

Красный цвет символизирует во всем мире революционную борьбу против эксплуататоров. Впервые, как упоминают античные авторы, его использовали во Фригии восставшие рабы, которые в качестве отличий носили красные фригийские колпаки. Красный цвет использовался во время многих антифеодальных восстаний. Последним стихийным использованием красного цвета в доимпериалистическую эпоху явились красные знамена во время восстания тайпинов в Южном Китае в середине XIX века.

По данным В.В.Похлебкина, в Европе красный цвет получил значение символа восставших против монархической тирании и, начиная с 1789 года, когда он был отнят как регальный цвет у короля (символ власти) и стал цветом санкюлотов и якобинцев,

носивших красные «фригийские» шапочки и шарфы. Далее в истории красный цвет становится цветом революционных масс, участвующих в буржуазно-демократических революциях своими отдельными отрядами или объединениями. С 1871 года, после Парижской коммуны, красный цвет становится символом пролетарского международного движения.⁴ Именно как символ пролетарского революционного движения с 1876 года красный цвет принимают русские революционеры, а с 1898 года красное знамя становится партийным знаменем РСДРП.

Интересно, что история собственно рабочего движения связана так же с черным цветом как его символом. Как отмечает В.В. Похлебкин, в Западной Европе со времен Лионского восстания ткачей в 1833 году черный цвет символизировал рабочее движение во Франции, Италии, Испании, и в этом качестве как символ бунтарства был принят анархистами всех стран. (Так 21 ноября 1991 года Конфедерация анархо—синдикалистов в Москве провела день 160-летия «Черного знамени»)

Черные сотни в России сформировались в конце XV века в низовой среде московских ремесленников и мелких торговцев, которые твердо держались святоотеческой веры и национальной традиции и враждебно приняли реформы Петра, после которых Россия раздвоилась на дворянскую империю и религиозное мужицкое царство, на гладко выбритый, в обтяжных панталонах, высший свет и бородатое, в тулупах простонародье. В то же время, черный цвет в странах Центральной, Северной и Восточной Европы отождествлялся в основном в XIX веке с клерикализмом, а отсюда позднее, с конца XIX века вообще с реакцией. В России политический смысл этот цвет приобрел, отождествляясь с черносотенством, ультра национализмом начиная с 1902-1903 годов, а особенно после революции 1905-1907 годов. Все партии правее кадетов считались накануне 1917 года черными.

В 1917 году красный цвет становится символом коммунизма. Именно в это время в сравнении с красным цветом приобретают политическое значение и его оттенки: розовый, – цвет оппортунизма в мировом рабочем движении, малиновый – цвет анархо-синдикалистских группировок и партий в рабочем движении (вместо черного или наряду с ним). Оранжевый цвет также исторически связан с политической борьбой. Впервые как политический символ применялся в Нидерландах начиная с XVI века так называемыми оранжистами, партией консервативных бюргеров, интеллигенции, мелкого дворянства. Оранжисты сохраняют свою партию до нашего времени и имеют в качестве партийных знаков оранжевые шапочки, шарфы или воздушные шары, с которыми выходят на политические демонстрации. Новое прочтение смысла оранжевого мы наблюдаем в настоящее время в период «оранжевой» революции на Украине. Коричневый цвет в истории политики появляется как производный от черного, хотя в хроматическом (физическом) плане он ближе к красному. Как отмечает Н.В.Серов: «Германский нацизм приблизительно семьдесят лет назад добавил к черному архетипу итальянского фашизма оранжевый архетип утопического социализма, что в итоге дало коричневый цвет. Коричневый – архетип нацизма»⁵. В отличие от итальянских «чернорубашечников» (1919), для которых черный цвет символизировал бунтарство, германский фашизм отождествлялся с «коричневыми» по цвету униформы штурмовых отрядов Гитлера.(1921-1945гг). Результаты их антигуманной деятельности, направленной на уничтожение

народов Европы и Советского Союза получили определение «коричневой чумы», вызывая тем самым психологическое неприятие этого символа. В заключение можно сказать, что цвет оказывает на человека давление через выражение собственной сущности. Собственное особенное отношение к цвету определяется субъективным содержанием душевной жизни, симпатиями и антипатиями. Но при этом надо иметь в виду, что цвет обладает индивидуальностью в той мере, в какой им обладают наши архетипы.

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Сов. Писатель, 1990. С. 253.
2. Серов Н.В. Цвет культуры: психология культурология физиология.-Спб.:Речь. 2004 – С. 13-20. С 557.
3. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики М.: Международные отношения, 1995. С. 392.
4. Там же с.405.
5. Серов Н.В. Цвет культуры: психология культурология физиология. С 93.

Д. А. Максимов

СОБЛАЗНЫ ДИСКУРСА ПРОТЕСТА

Максимов
Дмитрий Аркадьевич

аспирант Института философии и
права УрО РАН

Протестное поведение не имеет и не может иметь четкого теоретического и институционального основания. Дискурс протеста как таковой, если он не является инструментом во взаимодействии политических сил, свободен от идеологических границ. Протестное мышление – это явление социокультурного порядка, историческая и политическая роль которого – факторы второстепенные. Протест – это деривационная категория конфликтологии, имеющая свое отражение также в социальной психологии, социальной философии, этике и ряде других гуманитарных дисциплин.

В широком смысле протестный дискурс – это явление антропологического характера, поскольку он может незримо влиять на сознание человека, противопоставляя его внешним факторам политического, экономического, социального и культурного порядка; протест определяет превосходство «я» над окружающим миром; протест обуславливает в той или иной степени модель поведения человека.

В политологическом контексте протест можно рассматривать как универсальную категорию, которая проявляется во взаимодействии политических субъектов, служит формой политического участия и выражения общественного мнения. Феномен протеста является элементом такой политической картины, где ключевую роль приобретает именно отношение к политическим решениям и действиям. «В течение трех последних десятилетий в западной социологии и политологии резко возрос интерес к неинституционализированной политике, вызванный как широким распространением в стабильных демократиях так называемых новых общественных движений, так и возросшим вниманием к перспективам политического развития модернизирующихся стран. Формирование новой области знания - исследований общественных движений и связанного с ними феномена протеста - сопровождалось бурными теоретическими дебатами, нашедшими отражение в ряде парадигматических

сдвигов в объяснительных моделях»¹.

Действительно, в исследовании общественных движений и феномена протеста следует, прежде всего, сослаться на возможную смену парадигм образа мышления как минимум на двух уровнях – национальном и мировом. Без признания изменений в познавательных характеристиках сообщества на данном временном отрезке говорить о последовательной эволюции протестного дискурса как формы выражения общественного мнения не допустимо. Для того чтобы адекватно показать трансформацию мировосприятия современного человека, необходимо обозначить специфические черты и особенности новой картины глобального мира.

Однако философия протеста подразумевает наличие исходных положений и концептуальных оснований, существующих вне зависимости от времени и пространства. В данном случае протест есть не что иное, как продукт сознания и мыслительной деятельности человека. Народничество, антисистемный протест 1960-х, выступления антиглобалистов и другие примеры социально-политической активности можно проанализировать, исходя из общих оснований. Альбер Камю, размышляя над причинами исторического или метафизического протеста, говорил: «Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятного и несправедливого удела человеческого. Однако слепой мятежный порыв требует порядка среди хаоса... Цель бунта – преображение. ... Человек – единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть»². В данной работе под общими основаниями протеста будет пониматься метафизическая природа бунта, который для удобства можно назвать отрицанием. Тем не менее, в отличие от классической интерпретации эгоистического нигилизма это отрицание несет позитивный целеполагающий характер. Инициатива несогласия подразумевает наличие противоречия, которое следует разрешить. В этом кроется и диалектическая природа «мятежного порыва», берущая свое начало в сознании. Сознание диктует пределы границы, в которых может сохраняться противоречие, так или иначе подавляющее и игнорирующее индивидуальность человека - все то, что он хочет сберечь в себе самом и окружающем мире. Иными словами, стремление к бунту – само существо протеста – это попытка и желание суждения. В конструктивном протесте кроется стремление к критическому отношению к миру. «... Порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нестерпимое, и в смутной убежденности бунтаря в своей доброй

воле, а вернее, в его впечатлении, что он «вправе делать то-то и то-то». Бунт не происходит, если нет такого чувства правоты... Сознание рождается у него [раба] вместе с бунтом»³. Вместе с рождением сознания формируется и ценностное отношение к объекту протеста и окружающему миру в целом. Противоречие в форме «всевозможного гнета» и иных дестабилизирующих обстоятельств как бы наступает на границы терпимости человека и вызывает на начальном этапе элементарное отторжение, схожее по смыслу с реакцией «Хватит!». Практически сразу же это отторжение перерастает в осознание непримиримости с «унизительным порядком». Непримиримость, в свою очередь, вызывает ощущение идентичности со стороной, отрицающей данный порядок, - то есть, с сопротивлением. Сопротивление подразумевает уже не просто отрицание внешних угнетающих факторов, но и несогласие с самим порядком, вызывающим эти факторы. Как только установленный ранее «неподходящий» порядок осознается как объект протеста или сопротивления, он становится предметом противоречия, принесшего конфликт. Сопротивляющаяся сторона начинает защищать свои права, отождествляет их с собственной ценностью и значимостью, а также осознанно противопоставляет себя тому порядку, в котором эти права соблюдаться не могли. Пусть ценность еще остается неясной, но когда бунтующий человек ценит защищаемое им право выше, чем самого себя, он интуитивно верит в нечто «устойчиво постоянное, достойное, чтобы его сберечь». «...Утверждение, присущее любому мятежному действию, простирается на нечто, превосходящее индивида в той мере, в какой это нечто избавляет его от предполагаемого одиночества и дает ему основание действовать»⁴. Мы можем утверждать, что ощущение ценности делает ее как бы предсуществующей, требующей объяснительного выражения, но, несомненно, предполагающей разрешение конфликта и уважение к естественному человеческому сообществу, с которым отождествляет себя бунтующий человек. Таким образом, речь идет, во-первых, об обоснованности и конструктивной направленности протеста, а во-вторых, о солидарности как о важнейшей характеристике протеста. Под конструктивной направленностью автор данной работы понимает стремление к «священному» разумному человеческому порядку – стремление к некоему универсуму, идеальному состоянию. Может ли протест, в данном случае, бунт потенциально привести к установлению заведомо несправедливого порядка, вспоминая опыты революций? На самом деле бунт есть лишь движение от индивидуального опыта к идее, в то время как революция начинается с идеи.

Важно ответить на следующий вопрос: «В чем же заключается противоречие, против которого направлен протест?». Вне зависимости от области конфликта и его широты, данное противоречие подразумевает противоположность

провозглашенного реальному (фактическому). Этим объясняется то, что феномен протестного мышления и особенного его дискурсного выражения характерен традиционному обществу западного типа, нежели ориентального. На Западе представления человека о свободе развивались намного быстрее, чем фактическая свобода. На Востоке же практически отсутствует традиция сомнения в авторитете и абсолютной непогрешимости власти. Система восточных отношений предполагает наличие данных раз и навсегда ответов на все возможные вопросы. Например, Камю говорит, что «бунтарский дух может возникнуть только в тех социальных группах, где теоретическое равенство скрывает огромные фактические неравенства»⁵. Опять же в менталитете восточного человека заложено признание неоспоримости и высшего назначения господства и иерархии.

Несмотря на то, в какой области общественно-политической и экономической жизни общества называют конфликты - будь то социальное и экономическое неравенство, ограничение свобод и прав индивида, экологические проблемы и т.д. – смысл заключается в кризисных состояниях постиндустриального общества. Противоречия, развивающиеся в этих состояниях, вызваны «углублением социального разделения», несоответствием теоретических конструкций их практическому воплощению. Современное западное общество находится в замкнутом круге: необходимость сохранить достигнутые позиции обязывает к консервации парадоксальных моментов.

Соответственно, протестный дискурс – пока существует противоречие, – потенциально возможен и актуален, поскольку он идет от индивидуального опыта и напрямую связан с выражением критической позиции индивида. Ценностная сторона протеста заключается не столько в устранении каких-либо различий или несоответствий социального характера, а в стремлении к гражданскому участию. Ральф Дарендорф, описывая современный социальный конфликт, заметил, что «он связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами. Речь, таким образом, идет о правах, реализующих положение гражданина как статус»⁶. Хотя, конечно, вопрос реализации гражданских прав – это тема иного характера.

1. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, том 1, выпуск 4. Стр. 42.

2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. Стр. 126.

3. Там же. Стр. 128.

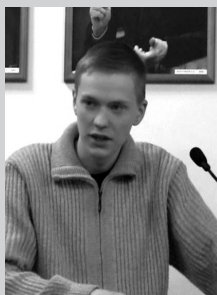
4. Там же. Стр. 129.

5. Там же. Стр. 132.

6. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. Стр. 55.

А. Г. Шабуров

КОНЦЕПТ (НЕ)СПРАВЕДЛИВОСТИ В НОВОМ ЛЕВОМ ДИСКУРСЕ

**Шабуров
Алексей Геннадьевич**

магистрант факультета
политологии и социологии УрГУ

Для левого дискурса концепт справедливости, в первую очередь социальной, всегда был крайне важен. Действительно, само словосочетание «социальная справедливость» изначально воспринимается как нечто левое – во многом за счет того, что мы чаще всего слышим его от политиков и идеологов, так или иначе причисляющих себя к левым силам. Однако можем ли мы утверждать, что левый дискурс предполагает какое-либо определенное содержание справедливости, или же следует говорить лишь о неких идеологических интерпретациях данного концепта, не выходящих за рамки привычной идеологической борьбы? Кроме того, необходимо понять, какова логика использования концепта справедливости – другими словами, каким образом он оказывается встроен в структуру левого дискурса и какова его функциональная нагрузка.

Поскольку справедливость является сущностно оспариваемым понятием¹, то она не может быть монополизирована какой-то одной идеологией либо идеологическим направлением. Более того, в политическом плане (в отличие от морально-этического и социального) справедливость можно назвать «пустой концепцией» – в том смысле, что её можно наполнить самыми разными, порой прямо противоположными, значениями, и все они будут иметь право на существование в политико-идеологическом пространстве. И здесь левый дискурс не имеет преимущества перед остальными, он не способен сделать справедливость «своей» идеей, точно также как либерализм не смог сделать «своей» идеей свободу, будучи вынужденным в конечном счете обратить свое внимание и на равенство, и на ту же справедливость. И в этом плане показателен тот факт, что в политической теории конца XX века наибольшее распространение получили именно либеральные трактовки справедливости.

Однако на уровне «обыденной идеологии», в конкретной политике, ситуация несколько иная. Справедливость по-прежнему связана с левым дискурсом, и набирающие силу новые левые движения не спешат отказываться от её использования. В таком случае, необходимо выяснить, чем оказывается наполнен этот концепт, какие смысловые нагрузки он несет, а конкретнее – какой общественный порядок, какую политическую систему левый дискурс понимает как справедливую, и как эта справедливость может быть достигнута. Для этого следует обратиться непосредственно к идеологическим текстам, в нашем случае – к речам и произведениям наиболее популярных левых политиков и теоретиков последних лет.

В частности, рассмотрим текст выступления президента

Венесуэлы Уго Чавеса под названием «Многополярный мир как глобальная альтернатива. Взгляд Венесуэлы». Уже из заглавия понятно, что справедливость для Чавеса – это многополярный мир, что справедливость может быть реализована только в глобальных масштабах, и что справедливость – это альтернатива существующему мировому порядку, который автоматически оценивается как несправедливый. Эти три положения присущи всему новому левому дискурсу, а особенно его латиноамериканскому варианту.

Далее, Чавес говорит о «равновесии, мире и гармонии» как о характерных чертах справедливого мирового порядка², но очевидно, что никакой нагрузки, кроме эмоциональной, это утверждение не несет. В качестве конкретных инструментов достижения справедливости предлагается революция и последующая национализация крупной промышленности (что и было осуществлено в Венесуэле) – традиционные левые рецепты, применявшиеся в истории неоднократно, но так и не приведшие к торжеству справедливости.

Мы видим, что такая интерпретация справедливости не является слишком оригинальной и по идее не должна приносить каких-либо политических дивидендов политическим силам, использующим её. Но очевидно, что это не так – иначе бы нам не пришлось говорить о новой волне левого движения. Более того, если мы обратимся к другим идеологическим текстам левого толка, мы увидим примерно ту же картину. В частности, известный теоретик антиглобализма Ноам Хомский видит справедливость «в самостоятельных действиях трудящегося народа и в идеях и практической деятельности свободолюбивых социалистов»³, но и такой интерпретации явно недостаточно для наделения справедливости какими-либо конкретными политическими характеристиками, тем более, носящими системный характер.

Все вышесказанное не позволяет нам говорить о левом дискурсе как о дискурсе справедливости, и взаимосвязь этих дискурсов, судя по всему, несколько сложнее. Дальнейший анализ позволяет нам утверждать, что мы имеем дело с особым дискурсом, который можно условно назвать дискурсом (не)справедливости – что должно подчеркнуть факт взаимной увязки концептов справедливости и несправедливости, являющейся одной из характерных черт левых идеологий.

В самом деле, описанию различных форм несправедливости в левом дискурсе уделяется больше внимания, чем предложениям по реализации проекта справедливости. Так, и Чавес, и Хомский критикуют неолиберализм как идеологию глобальной несправедливости, закрепляющую угнетение, подавление и неравенство в планетарном масштабе. В данном случае важны не конкретные интерпретации, а сам факт обращения к несправедливости – причем обращения в форме обличения, направленного на различные социально-политические явления, так или иначе знакомые большинству общества.

Обличение несправедливости выполняет в левом дискурсе несколько функций. Во-первых, оно постоянно служит актуализации левой идеологии, не позволяет ей оторваться от политической реальности, в которой всегда находится что-то,

что можно назвать несправедливым. Во-вторых, такое обличение создает сильный эмоциональный заряд, вызывает у аудитории левого дискурса чувство неприятия существующего положения вещей, что в дальнейшем позволяет предлагать обществу те или иные проекты преобразования имеющейся социально-политической системы, которые могут иметь различную степень радикальности, но при этом неизменно носить деструктивный по отношению к этой системе характер.

Кроме того, такое пристальное внимание к несправедливости позволяет левым идеологам обходиться без подробной интерпретации справедливости, что, безусловно, расширяет круг сторонников или, как минимум, симпатизирующих. Сначала аудиторию привлекает яркое и эмоциональное обличение несправедливости и стоящих за ней сил (а они обязательно должны там стоять, ведь в противном случае в несправедливости некого будет обвинить и, следовательно, не с кем будет бороться); затем следует не менее красочное, но менее содержательное описание будущего, справедливого, мирового порядка – причем оно подается в таких терминах, с которыми трудно не согласиться.

Поскольку интерпретация справедливости в левом дискурсе всегда следует после интерпретации несправедливости, то создается ощущение её (справедливости) большей значимости, приоритетности для данного дискурса, что и позволяет нам в итоге думать о справедливости как о преимущественно левой концепции, хотя, как мы видели, это не вполне верно.

Описанная роль концепта (не)справедливости позволяет нам лучше понять причину политических успехов новых левых движений. Во-первых, стоит отметить, что в своей диагностике существующих социально-политических проблем левые идеологи не так уж не правы – поэтому придание этим проблемам необходимой негативной эмоциональной окраски позволяет привлечь на свою сторону огромные массы людей, уже почувствовавших эти проблемы на себе.

Во-вторых, современный мировой порядок позволяет

говорить уже о глобальной несправедливости, то есть бороться сразу со многими врагами – с Вашингтоном, с транснациональными корпорациями, а также (при определенном уровне фантазии) с хорошо всем знакомой «мировой закулисой». Кроме того, с этими врагами можно бороться исключительно виртуально, при этом извлекая из этой борьбы реальную политическую выгоду, в первую очередь, в виде электоральной поддержки. Кроме того, акцент на глобальных проблемах позволяет не обращать внимания на проблемы локальные либо списывать эти локальные проблемы на очевидную для всех мировую несправедливость.

В-третьих, можно говорить о том, что новая левая идеология, вооружившись по-новому интерпретированным концептом (не)справедливости, заполняет образовавшийся в конце XX века идеологический вакуум, нарушает некий идеологический консенсус – привлекая тем самым на свою сторону заскучавших было радикалов, в первую очередь, среди молодежи.

Таким образом, концепт (не)справедливости позволяет новому левому дискурсу сочетать как конструктивные, так и деструктивные черты, обходя тем самым многие противоречия, с которыми сталкиваются другие идеологии и движения. Сейчас пока трудно говорить о политических последствиях распространения этого дискурса – возможно, мы будем свидетелями победы левых сил в тех или иных странах; но можно утверждать наверняка, что в итоге мы вряд ли станем свидетелями исчезновения несправедливости или торжества справедливости, а значит, воспроизводство идеологического дискурса неизбежно продолжится.

1. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. С. 318.
2. Чавес У. Многополярный мир как глобальная альтернатива. Взгляд Венесуэлы // Свободная мысль-XXI, 2005, № 2. С. 8.
3. Хомский Н. Прибыль на людях. – М.: Праксис, 2002. С. 60.

Е. А. Иванова

ДИСКУРС «АГОНИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» ШАНТАЛЬ МУФФ

**Иванова
Евгения Александровна**

студентка факультета
политологии
и социологии УрГУ

Теоретико-философские изыскания Шанталь Муфф представляют собой довольно интересную попытку реабилитировать тяжело переболевшую недугами социализма левую идею. Вместе со своим соратником по перу Эрнесто Лакло Муфф предлагает выйти из тесных границ марксистской парадигмы и, - не отказываясь от прописных истин левой политики, - вместе с тем переформулировать ее основные цели. Так традиционная марксистская установка на преодоление

капитализма и эмансипацию рабочего класса в их прочтении превращается из ключевой задачи в рядовую. Смысл подобного развенчания знаменитой теории состоит в освобождении пространства для новых социальных движений левого толка, чьи пестрые политические программы вряд ли могут вписаться в марксистскую систему координат. В этой связи, утверждают Муфф и Лакло, главная цель левых сил отныне должна состоять в том, чтобы в полную силу зазвучали все голоса, каждый из которых обладает своей собственной неискоренимой дискурсивной идентичностью¹. Именно эта инициатива становится центральным лозунгом «радикальной демократии» - совместного проекта постмарксистских теоретиков, призванного исправить огрехи популярных демократических теорий. Своеобразным продолжением этой концепции явилась разработанная уже самой Шанталь Муфф теория «агонистической демократии», которая предлагает свой выход из образовавшегося на стыке старых моделей дискурсивного тупика.

Концепцию «агонистического плюрализма» - таково второе ее наименование – Муфф фактически целиком выводит из критики двух господствующих в современной теории либеральных трактовок демократии: агрегативной и делиберативной. И если первая, постулирующая тезис о том, что демократия является всего лишь средством достижения реальных целей, мало занимает Муфф² в силу своей очевидной ущербности, то вторая, напротив, представляет для нее живой интерес. Посему неслучайно, что основные положения агонистической теории - а именно, о легитимности и плюрализме - совпадают с магистральными направлениями критики Муфф в адрес совещательной модели демократии, одним из виднейших авторов которой является Юрген Хабермас.

В фундамент своего теоретического конструкта Муфф закладывает реабилитированную идею власти, которая была дискредитирована усилиями «школы общения». В рамках этой школы фактически утверждается мысль о наличии обратной зависимости между властью и демократией: «чем более демократическим является общество, тем меньший объем власти присутствует в его социальных отношениях»³. Более того, власть объявляется потенциально способной раствориться в пространстве идеального дискурса, в недрах которого зарождается легитимность, основанная на всеобщем рациональном консенсусе. Муфф развенчивает эту красивую утопию и возвращает нас на землю, утверждая идею о гегемонистской природе социального порядка.

По ее мысли, власть вплетена в канву социальных отношений. Более того, являясь их неотъемлемой частью и основой, она конструирует саму социальную объективность. Именно поэтому, с точки зрения Муфф, установка на устранение власти является нонсенсом. Задача демократической политики состоит отнюдь не в уничтожении власти, а, напротив, в нахождении таких ее форм, которые бы максимально сочетались с демократическими ценностями. Одновременно с этим, теряет всякий смысл постулируемое сторонниками «совещательной демократии» утверждение о тотальной несовместимости власти и легитимности. Муфф пишет: «демократия нуждается в том, чтобы совершенно сконструированный характер социальных отношений дополнялся совершенно прагматическими основаниями притязаний на легитимность власти»⁴. В этой точке «агонистическая демократия» Муфф и хабермасовская совещательная модель принципиально расходятся.

Тем не менее, существует еще один проблемный пункт, порождающий, пожалуй, еще более острые противоречия между этими теориями. Парадокс здесь заключается в том, что вопрос этот по идее должен выступать в качестве связующего звена, а не разделительной линии. Речь идет о плюрализме.

Идею приверженцев «демократии общения» о том, что принцип плюрализма обеспечивается достижением идеального *modus vivendi*, Муфф объявляет несостоятельной. Отправным пунктом ее рассуждений выступает тезис Маркса об антагонистической природе социальной жизни. «Учитывая неискоренимость плюрализма ценностей»⁵, посыл о существовании некоего рационального решения конфликта следует считать ложным - утверждает постмарксистский теоретик. Более того, подобные заблуждения, полагает Муфф, чрезвычайно опасны – поскольку политический конфликт, если ему не дать естественного выхода, рано или поздно проявит себя в более жесткой форме⁶. В этих условиях целью демократической

политики становится не преодоление противопоставления мы/они, что в принципе невозможно, а нахождение такой формы его установления, которая была бы совместима с плюралистической демократией. Эту задачу Муфф и возлагает на «агонистическую демократию».

В рамках структуры указанной модели выделяются два отличных друг от друга базовых элемента – «политическое», где разворачивается все многообразие антагонистических социальных отношений, и «политические образования», которые «обозначают множество практик, дискурсов и институтов, направленных на установление определенного порядка и организацию совместного существования людей в условиях, которые всегда чреваты возникновением конфликтов, поскольку на них воздействует измерение «политического»»⁷. Функция «политических образований», таким образом, состоит в укрощении «политического», в редуцировании потенциального антагонизма. Примечательно, однако, что Муфф не говорит ни слова о наличии обратной связи между этими структурными элементами. Оставив в стороне причины ее молчания, следует задаться вопросом: имеет ли место такое взаимовлияние? Представляется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Более того, можно со всем основанием говорить о том, что процессы, протекающие в сфере «политического» в значительной степени определяют содержание политических практик и направленность дискурса. Так, возникновение террористической угрозы на южных рубежах России потребовало создания новых специализированных структур, направленных на борьбу с терроризмом, а также переориентации деятельности некоторых уже существующих.

Следуя условиям заданной модели, нацеленной на конструирование плюралистической демократии через создание единства в ситуации конфликта и несходства⁸, Муфф осуществляет операцию, которая в данном контексте приобретает принципиальное значение. Она фактически удаляет из своего проекта традиционное для марксистской теории понятие «антагонизм», определяемое как «противоречие, характеризующееся непримиримой борьбой враждебных сил»⁹, заменяя его более «мягким», расширяющим пространство для компромисса понятием «агонизм». Враги отныне становятся соперниками, «с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся»¹⁰. Тем не менее, речь здесь не идет о конкурентах в либеральном понимании этого слова. Ибо, согласно Муфф, последние ведут борьбу за господство в рамках существующей системы гегемонии, тогда как «агонистические» соперники оспаривают саму гегемонию¹¹.

Говоря на языке «агонистической демократии», конечная цель любой демократической политики должна состоять в преобразовании антагонизма в агонизм, который подразумевает уважение принципов свободы и равенства граждан, а также обоюдное признание всеми права каждого иметь собственные взгляды и защищать собственные интересы, даже если они противоречат нашим. Вместе с тем, Муфф предлагает смириться с неизбежностью социальных антагонизмов, которые, однако, могут и должны быть направлены в более спокойное русло, сохраняя при этом живой импульс борьбы, без которой невозможно существование «политического».

1. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. - University of Newcastle, 25-27 September 2006. - p.2.

2. Там же. – р.5.
3. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 193.
4. Там же. – с.193.
5. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). - с. 195.
6. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. - University of Newcastle, 25-27 September 2006. – p.8.

7. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с.194.
8. Там же. – с. 194.
9. <http://slovari.yandex.ru>
10. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 194.
11. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. University of Newcastle, 25-27 September 2006. – p.10.

С. В. Кайгородов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ЛЕВЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Кайгородов
Сергей Владимирович**

директор Уральского института
экономики Санкт-Петербургской
Академии Управления и
экономики

Для рассмотрения современного состояния и перспектив развития левого дискурса, необходимо определиться с содержанием понятий. Как правило, различают два аспекта этих категорий – экономический и политический. «Правый» в экономике – приоритет частной собственности, экономической свободы, рынка, минимизация влияния государства на экономику. Правый в политике – консерватор, сторонник постепенных, эволюционных изменений, без нарушения законов. Это позиция близкая к современному либерализму. Левый в экономике – общественная (государственная) собственность, централизованное планирование, социальная справедливость (или равенство). Левый в политике – сторонник радикальных революционных изменений во имя «общего блага», посредством массовых выступлений, не соблюдая законы. Экономический аспект является формулированием целей изменений (развития), а политический аспект определяет средства, с помощью которых эти цели достигаются.

Средства достаточно полно и подробно описываются с помощью понятия «политический режим».

Можно построить совершенно четкую логическую последовательность политических режимов: тоталитарный, авторитарный, демократический, либеральный и анархический. Логика данной последовательности очень простая от режима с максимальным, практически стопроцентным влиянием на общество, до полного отсутствия какого-то влияния (анархия), через три промежуточных состояния с уменьшением влияния при каждом переходе. Рассматриваемые таким образом политические режимы, представляют собой некоторые идеальные модели, аккумулирующие в себе наиболее характерные, типичные черты реальных политических систем, находившихся в некоторые периоды своей истории в состояниях, близких к соответствующим моделям. Другими словами, идеальные модели, как и любой другой науке, могут рассматриваться только как феномен соответствующей теории. Реально существующие системы, как правило, содержат в своем составе элементы различных идеальных моделей.

Процесс анализа реальной системы состоит в нахождении в ней элементов идеальных систем и в построении модели, которую можно называть реальной. Основная исследовательская задача в данном разделе политической науки состоит, таким образом, в построении двух моделей – идеальной и реальной. Изложенный выше подход к исследованию политических режимов (можно назвать его систематическим), отличается от других подходов, которые имеют место. Можно выделить некоторые из них: редукционистским можно назвать подход при котором все многообразие реальной системы сводится к какой-то одной идеальной модели; эклектичным можно назвать подход, приписывающий реальной системе самые различные черты, без обоснования и без расшифровки смысла подобной операции; метафорическим можно назвать подход, фиксирующий некоторые очевидные черты реального режима и дающий им свои названия в виде метафор, а не научных понятий. Не вдаваясь в подробное рассмотрение режимов, попытаемся определить для каждого из них одну определяющую черту, которая однозначно выделяет данный режим из всех других, и которую можно назвать качественной характеристикой режима. Для тоталитарного режима такой характеристикой мы считаем существующую «монолитность» общественного сознания и его единство с властью, на которое обращалось внимание в работе Л. Гозмана и А. Эткинда. Достижение такого состояния можно считать одной из главных целей власти при любом режиме и предварительным условием эффективного достижения всех других более содержательных целей. Однако нельзя забывать какими средствами и жертвами достигается этот результат при тоталитарном режиме. Единство общества в этом случае является результатом навязывания каждому индивиду такого состояния его сознания, которое соответствует существующим в данной системе стандартам. Для нас в данном случае не так важно кто является субъектом, формирующим и навязывающим эти стандарты, а также средства и методы, которыми обеспечивается это единство сознания. В существовавших в XX веке тоталитарных режимах этим субъектом было государство. Но это совсем не означает, что не может быть других субъектов, достигающих другими методами похожего результата. Это могут быть и экономические структуры и элементы гражданского общества. Такие же результаты могут обеспечиваться и существующими механизмами в самом общественном сознании. Для нас сегодня важно понять, что данное качество тоталитарной модели может воспроизводиться и в условиях сильно отличающихся от уже существовавших в XX веке.

Качественной характеристикой авторитарной модели в некоторых работах считают высокую квалификацию

системы управления, которая обеспечивает эффективное развитие системы и ее преобразование в демократическую модель. Квалификация власти проявляется в ее способности формулировать адекватные ситуации цели общественного развития и выбирать соответствующие средства для их достижения. Можно сказать, что наличие данного свойства является достаточным условием для того, чтобы режим можно было бы считать подлинно авторитарным. Режим, в котором присутствуют все второстепенные свойства (отсутствие или слабость «обратных связей», недопущение «посторонних» в политическую сферу, жесткий характер используемых средств и др.), но отсутствует главное свойство можно называть только «формально авторитарными». Эффективность такого режима будет, скорее всего, очень низкой, их можно считать патологическими, негативно оценивать и стараться их избегать. Нормальный авторитарный режим может обеспечивать высокую эффективность, динамичное развитие и собственную трансформацию в режим демократический. На некоторых этапах развития общества такой режим оказывается крайне необходимым. Политическая история США является убедительным примером эффективности авторитарной модели, а конституция этой страны, существующая практически без изменений уже более двухсот лет, свидетельствует о высокой квалификации ее авторов. Подобный акцент на квалификации системы управления позволяет более точно ставить акценты в политике партий, оппонированных власти ее следует критиковать не за попытки авторитарного поведения, которые могут быть и необходимыми и достаточно квалифицированными, а за конкретные решения, не обладающие необходимым уровнем квалификации. Но здесь возникает другой сложный вопрос уже о квалификации оппонентов власти. Квалификация любого участника политического процесса может определяться только по результатам его деятельности теоретическим или практическим.

Считается, что реально существующие авторитарные режимы более разнообразны, непохожи один на другой, по сравнению с режимами демократическими. Единственный критерий, который объединяет эти режимы, по признанию многих авторитетных политологов отсутствие выборов (С. Хантингтон, И.А. Ильин). Одной из важнейших причин такого разнообразия является большая зависимость существующих при авторитаризме порядков от субъективных качеств личности, стоящей на вершине иерархии.

Демократическая модель более сложная и выделить одно ее свойство как качественную характеристику трудно. И все же это, видимо «принцип большинства», т.е. следование при решении важных государственных вопросов за мнением большей части населения, а также реализация интересов большинства или реальный учет этих интересов. Строгое выполнение демократических процедур при выявлении мнений недостаточно для того, чтобы считать режим демократическим. Необходимы более содержательные и строгие критерии, причем не только из собственно политической, но и из экономической сферы, в которой и реализуются интересы. Именно в этой сфере мы имеем дело не с процессом, а с «конечными результатами демократии». Это могут быть такие критерии как осуществляемое государством перераспределение доходов, и зависящая от него имущественная дифференциация граждан, и общий уровень жизни населения. Государства, соответствующие этим критериям, иногда

называют «социалистическими» («шведский социализм»), хотя в последнее время чаще употребляется более точный термин «социальное государство».

Либеральная модель как и демократическая прошла несколько этапов развития, но является еще более сложной из-за своей гораздо большей прогрессивности во многих отношениях. Можно сказать также, что реализация данной модели имеет более длительную историю. По этим причинам описать либеральную модель одним принципом или свойством не представляется возможным, и придется отдельно описывать каждый из пройденных либерализмом этапов. Первый этап, который можно назвать «экономический либерализм» состоял в минимальном вмешательстве в экономику, которая благодаря такой «свободе» успешно прошла этап первоначального накопления и бурного развития. Ни о каком либерализме в политической или социальной сфере в тот период не было и речи. Для того чтобы сдерживать стихийные выступления рабочих требовалась сильное государство. Можно сказать, что основной принцип этого этапа принцип «экономической свободы». Насколько обоснованно с современной точки зрения называть либеральным государство, реализующее одностороннюю политику «экономического либерализма» вопрос бессмысленный. Так сложилось исторически, что эта идеология была в 19 в. прогрессивной, и ее реализация дала в конечном счете позитивные результаты.

Можно предположить, что либерализм на Западе в 19 в. и тоталитаризм в России в 20 в. выполняли разными средствами, не слишком, кстати различающимися по степени своей жестокости, функцию концентрации капитала и обеспечивали таким образом один и тот же процесс - индустриализацию. Массовый политический террор в России был явлением из другого ряда и не может быть понят, рационально истолкован и оправдан. Можно считать это особенностью конкретной формы режима «догоняющего развития», осуществленного в нашей стране.

Следующим за экономическим этапом либерализма считают социальный этап, в качестве главного принципа которого можно рассматривать принцип консенсуса (согласия) при принятии наиболее важных решений. «Согласие» на усиление вмешательства государства в экономику и на большие уступки в социальной сфере стало возможно лишь тогда, когда на это согласился класс собственников, которых сама жизнь подтолкнула к этому согласию. Главными факторами, обеспечившими это изменение политики были, видимо, технический прогресс и рост организованности сил, противостоявших «экономическому либерализму».

Третий этап современная форма либерализма делает акцент на правах человека, причем можно подчеркнуть, как делают это некоторые российские авторы, критикующие либерализм за некоторые крайности (например, А.И. Солженицын и А. Подберезкин) на всяких правах всякого человека. Позволить себе такое может далеко не всякое государство, прежде всего по причине недостатка материальных средств для обеспечения реализации данного принципа.

Последняя в данном ряду модель анархия. В 19 в. анархизм был противовесом «экономического либерализма», выступавшему в качестве идеологического оправдания проводимой политики буржуазных государств, охранявших права имущих на эксплуатацию наемного труда. Главной

чертой его был антиэтатизм, имевший основанием вывод о принципиально принудительном характере государственной власти. Модель общества, которая создавалась в теориях анархизма, в современной терминологии может определяться как «самоуправление», которое строится «снизу» и не содержит никаких ограничений для творческого развития каждого человека. Можно сказать, что анархизм 19 в. предвосхитил некоторые черты третьего этапа либерализма, например, идею приоритета прав человека. Предлагавшиеся для достижения поставленных целей средства были различны. Хорошо известны расхождения поэтому вопросу двух самых крупных фигур русского анархизма М.А.Бакунина, который был сторонником революции («левый»), и П.А.Кропоткина, считавшего эволюционный путь единственно возможным («правый»). Рассматривая анархизм, мы полностью остаемся в рамках чисто теоретических моделей, потому что найти примеры целенаправленной их реализации не представляется возможным государству со всеми своими атрибутами продолжает существовать, не собираясь складывать свои полномочия, прежде всего потому, что само общество не готово обходиться без него. Отказ власти от любых решительных действий нельзя трактовать как либерализм. Это соответствует лишь некоторому обыденному, но не научному пониманию либерализма. Либеральными могут быть цели, но приниматься и реализовываться они могут вполне авторитарно. Такое сочетание целей и средств может привести к позитивным результатам с большей вероятностью, нежели какое-либо иное сочетание (либеральные цели и либеральные средства и др.).

Можно говорить не об анархизме, а об анархии, как таком реальном состоянии государства, при котором власть не имеет возможности (или желания) оказывать какое-то воздействие на общество. Это состояние не является продуктом чьей-то целенаправленной деятельности, а устанавливается в результате сложения действия различных исторических факторов. Все структуры государства при этом не только существуют, но и создают видимость бурной деятельности. Государственный аппарат может даже и возрастать. Безвластие обнаруживается уже в отсутствии четко формулируемых и широко пропагандируемых государством общественно значимых целей (как стратегических так и тактических). Подобные состояния неоднократно возникали в российской истории и обозначались метафорой «смутное время».

Если оценивать политические режимы с позиций «правый – левый», то к левому можно однозначно отнести режим тоталитарный (радикальные средства, апелляция к массам). Сюда же можно отнести и анархию, и по применяемым средствам (массовые нарушения законов), и по получаемым результатам (радикальные, революционные изменения). Авторитарный, демократический и либеральный режимы можно отнести к «правому» направлению.

Можно сказать, что время «чистых форм» прошло и каждый реальный политический режим представляет собой комбинацию элементов из режимов почти всего этого «набора» - от тоталитаризма до анархии. Причем этот «плюрализм» режимов существует не только на верхнем уровне государственной власти, но и на других ее уровнях - региональном и местном. Можно предполагать, что только подобная конфигурация власти и может быть достаточно эффективной, потому что позволяет более точно учесть особенности каждого объекта, на который направлено ее воздействие. Задача исследователя найти эти

элементы, определить «вес» или долю каждого, а также их основания, перспективность или консервативность и т.п.

Питер Ф. Друкер - классик американской теории управления, признавал, что в развитых странах общество и государства стали плюралистическими, причем каждое по-своему и беспрецедентным путем, и каждое по-новому. Теории, утверждавшие существование единого организационного центра правительства - в каждой стране, устарели, не успевают за изменениями реальной жизни. В развитом обществе, утверждает он, существует множество центров власти, находящихся вне правительства. Подобный плюрализм не является, по мнению П. Друкера, чем-то совершенно новым, он существовал и раньше, но если прежде он основывался на власти, то теперь он основывается на функции. (Друкер П.Ф., 1994, с.110, 120).

В некоторых работах в современных политических режимах находят элементы очень похожие на тоталитаризм. Считают, что о тоталитаризме можно говорить всегда, когда имеем дело с агрессивным психологическим (или идеологическим) воздействием на человека, предназначенным для того, чтобы навязать ему какие-то требования, нормы поведения, лишаящего человека свободного выбора. В «классическом» тоталитаризме субъектом воздействия было государство, а средством воздействия - идеология, в современных формах субъектом является гражданское общество или поставщики товаров и услуг, средством воздействия - социальная психология, с механизмами рекламы, психологического давления и т.п. Людям навязываются потребности, без которых можно прожить (идеология потребительского общества), навязывается «психология успеха», которая заставляет постоянно стремиться к чему-то большему. В классическом варианте тоталитаризма людей пытались увлечь глобальными целями, в современном, наоборот, приземленными, реальными целями, но для их достижения приходится постоянно «напрягаться» и в работе и в отдыхе («цивилизация досуга»), что и требуется.

Джордж Сорос в своей работе «Кризис мирового капитализма...» вводит понятие «рыночный фундаментализм», который, по его мнению «представляет сегодня большую опасность для Открытого Общества, чем тоталитарная идеология... Мировой капитализм позволил рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть во все сферы деятельности, даже туда, где им нет по существу места... Сам рыночный фундаментализм наивен и нелогичен: рыночные силы, если им предоставить полную власть, даже в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывает хаос и в конечном счете могут привести к падению мировой системы капитализма... Капитализм и Демократия не идут рука об руку, как считается. Демократия нужна капитализму в качестве противовеса, так как он не ведет к равновесию» (Сорос, 1999, с. XXIII).

К.С. Гаджиев рассматривает «горизонтальный тоталитаризм», который в классической форме существовал в форме доноительства граждан друг на друга. В современных формах он выражается в психологическом давлении со стороны окружения, заставляющего следовать установленным в обществе правилам и нормам (Гаджиев, 1999, с. 20).

Рассматриваются различные формы политического манипулирования: «медиократия», «информационный фашизм», «информационный тоталитаризм», наиболее широко и эффективно применяемые в США.

Не будет преувеличением утверждать, что практически вся активная часть американского общества искренне считает свой образ жизни и свою систему ценностей универсальными, являющимися наилучшими для всех людей мира, и понимает задачу их всеобщего распространения и внедрения во все человечество как свою историческую миссию, сходную с религиозной... Феномен «демократического фашизма», «демократического тоталитаризма», «демократического террора» еще ждет тщательного, разностороннего и, самое главное, беспристрастного изучения. Такое изучение в принципе не может начаться сегодня, когда еще не осела пыль развалин, а кровь жертв не впиталась в землю. Однако уже в настоящее время становится неоспоримым, что, провозглашая на словах ценности «открытого общества» и энергично навязывая их формальные признаки всем зависимым странам, США каждым своим практическим шагом отвергают их содержательную часть (Практика глобализации, 2000, с. 225, 226).

Р. Даль, рассматривающий множественность центров власти («полиархия»), пишет, что в США правительства разных уровней (федеральное, штата и местное) находят много способов для вмешательства в экономику, например:

страховка на случай потери работы; пенсии по старости; налоговая политика, направленная на предотвращение инфляции и экономического спада; обеспечение безопасности продуктов, лекарств, транспорта; система здравоохранения; медицинское страхование;

образование; продажа акций, облигаций, других ценных бумаг;

создание административно-территориальных зон; установление стандартов и норм в строительстве; страхование экономических рисков, борьба с монополизмом и иные ограничения свободной предпринимательской деятельности; регулирование тарифов и квот на импорт;

лицензирование врачей, юристов, бухгалтеров и других специалистов;

регулирование деятельности промышленных фирм с целью охраны окружающей среды или ликвидации уже нанесенного ей вред (Р.Даль, 2000, с.168).

Это можно определить как элементы авторитарного режима в либеральной в целом экономике.

Важным позитивным изменением можно считать ставший повсеместным отказ не только от революции как средстве решения социальных проблем, но и от радикальных действий и программ. Уже цитированный П. Друкер приводит примеры, которыми можно проиллюстрировать это утверждение:

Ф.Миттеран, считает он, пришел к власти с честолюбивой программой превращения Франции в страну «социалистического чуда», с которой ему пришлось расстаться ровно через пять месяцев. С тех пор ему решал лишь две задачи: удержаться на посту президента и назначить на ключевые посты в правительстве и бизнесе своих сторонников. Другой «долгожитель» в политике - Г.Коль по мнению Друкера тоже не проводил никакого политического курса и не выдвигал никакой политической программы, а решал проблемы по мере их возникновения. Отсутствие в данный период каких-то глобальных проблем можно считать следствием достаточно высокой квалификации как этих политиков, так и тех, кто руководил до них и привел систему в столь благополучное состояние. Показателем квалификации можно считать и осознание ими не важности глобальных целей и планов (Друкер, 1994, с. 157).

Французский либерал Г. Сорман называет «принципом Хайека» идею, состоящую в признании независимости общественной жизни от наших знаний и действий, чем и обоснован отказ от радикальных действий (Сорман, 1992, с. 59).

В России подобный отказ происходит хотя бы на теоретическом уровне, можно сослаться на работу Е.Гайдара «Государство и эволюция». В практике отказаться от применения средств и методов, которые нужно квалифицировать как «левые» гораздо сложнее. До равновесия между «левым» и «правым» еще далеко. Она продолжает колебания между крайностями, нередко совмещая несовместимое (например, «радикальный, революционный либерализм»).

Литература:

- Гаджиев К.С. Политическая философия / Отд-ние Эконом. РАН; научн.-ред. совет изд-ва «Экономика». - М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. - 606 с.
- Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Издательство «Евразия», 1995. - 203 с.
- Гозман Л., Эткинд А. От культа власти к власти людей//Нева, 1989, N 7, с.156-179.
- Даль Р. О демократии/Пер. с англ. - М.: Аспект Пресс, 2000. -208 с.
- Друкер Питер Ф. Новые реальности (в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении). М.-"Бук Чембэр Интернэшнл", 1994- 377 с.
- Практика глобализации: игры и правила новой эпохи.(Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А.) - М.: ИНФРА-М, 2000. - 344 с.
- Сорман Г. Либеральное решение.- Пер. с франц. - М.: Изд-во «Новости», 1992. - 272 с.
- Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности. Пер. с англ. - М.: ИНФРА-М, 1999. -XXVI, 262 с.

В. В. Стрекалов

ПРОДВИЖЕНИЕ НОВЫХ ЛЕВЫХ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Стрекалов
Василий Валентинович

аспирант Кемеровского государственного университета
г. Новокузнецк

Объективный процесс уменьшения электоральной базы левых сил в связи с сокращением численности традиционно лояльной части населения старшей возрастной группы, ротация состава данной группы и их взглядов заставляет идеологов данного политического спектра искать способы повышения популярности в иной среде. Разрабатываются и апробируются различные политические и избирательные технологии для решения указанной задачи. Применяются как организационные методы, вроде выдвижения и регистрации молодых кандидатов, так и сугубо коммуникативные. Так, на выборах в Городской Совет народных депутатов Новокузнецка по нескольким избирательным округам в качестве кандидатов от КПРФ были зарегистрированы граждане в возрасте 27-35 лет, что было призвано разрушить стереотип негибкости, отсталости коммунистической идеологии. Однако, как показали результаты голосования, данный ход не имел особых успехов. Воспитанный электорат КПРФ ориентирующийся на поддержку кандидатов своей партией и голосующий по этому принципу, в массе сделал выбор в пользу претендентов, глубоко не вникая в изучение биографии и программы действий, предложенных соискателями. В то же время явный недостаток агитационно-пропагандистской информации и иных сведений по контрасту с активной кампанией «партии власти» не способствовал привлечению широких слоев избирателей. Таким образом, даже при низкой явке в пределах 30 %, «молодые коммунисты» набрали не более 20 %, в то время как их оппоненты одержали убедительные победы в 32 из 35 округах с результатом 45-60 %.

Отмечена растущая гибкость левых сил в налаживании отношений с политической элитой регионов и действующей исполнительной властью, что может способствовать преодолению административного ресурса. Так, в результате переговоров, «партия власти», изначально ставившая целью занять 33-35 мест в Городском Совете из 35 возможных и допуская возможное прохождение 1-2 независимо выдвинутых, непартийных кандидата, согласилась «уступить» местному отделению КПРФ один вакантный мандат. Правда, КПРФ пришлось согласиться на снижение агитационной активности по всем остальным округам ради одного «гарантированного» мандата.

Заметны попытки поиска новой коммуникативной и дискурсивной концепции, которая принесла бы успех в популярности и продвижении левых сил. Так, новокузнецкие коммунисты на прошедших выборах в преддверии кампаний на Госдуму и Облсовет предприняли попытку опробовать

идею восприятия общественным сознанием «новой левой силы». Основными признаками ребрендинга стали универсальность, гибкость, отход от жесткой идеологии и другие. Вновь предлагаемая коммуникативная концепция звучит примерно как «Новые коммунисты: вернем все достижения, преимущества советского времени при сохранении современных демократических завоеваний». Как показал анализ реакций аудитории, полученных в результате проведения фокус-групп и опрос общественного мнения, новое построение в массе населения старше 30 лет воспринимается скорее позитивно, но содержит опасный сегмент недоверия, поскольку многие не верят, что возможно «успешно совместить несовместимое». Чтобы сделать новое коммуникативное построение жизнеспособным и эффективным, следует активно его внедрять, используя образную наглядную аргументацию.

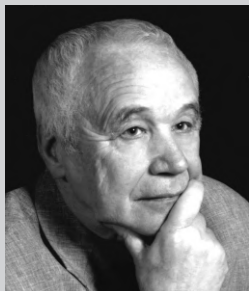
Следует отметить, что нерешительность КПРФ в осуществлении идеологического ребрендинга (смены позиционирования) приводит к созданию политтехнологами «партии власти» альтернативных декоративных левых сил, эксплуатирующих близкие указанному построению с целью оттягивания и распыления голосов «титulyных коммунистов». Опасения же КПРФ продиктованы желанием сохранить весомую часть радикального электората - сторонников «сталинского направления» и др.

Под достижениями и преимуществами советских времен предлагается понимать экономическую и общественную стабильность, наличие ощущения уверенности в «завтрашнем дне», достаточные средние справедливые доходы, низкую инфляцию, сильное государство и др. Одним из коммуникативных манипулятивных ходов в этом направлении левые силы собираются использовать «козырь» апелляции к приятным ностальгическим воспоминаниям об идеальной советской жизни, преимущества которой можно вернуть, воссоздать вновь. Предлагается продолжать использовать популистскую социальную риторику.

Под достижениями нынешнего времени, которые следует сохранить, понимается свобода слова, некоторые демократические завоевания, товарное многообразие, а также признается необходимость сохранить и защищать частную собственность. Последнее обстоятельство фактически трансформирует саму коммунистическую идею, делает понятие «коммунизм» скорее узнаваемым брендом, чем реальной идеологией.

Таким образом, следует отметить объективно складывающиеся исторические предпосылки, вынуждающие левые силы предпринимать попытки эффективной трансформации своего образа в общественном сознании для расширения электоральной базы. В противном случае возможно снижение их популярности и электоральной поддержки до уровней, не позволяющих формировать серьезное представительство в органах власти.

ЛЕВЕЕ ВСЕХ ЛЕВЫХ Анархистское кредо Михаила Бакунина

**Емельянов
Борис Владимирович**

доктор философских наук,
профессор УрГУ

Европейская известность пришла к М. Бакунину рано, когда 27-летний студент Берлинского университета познакомился с лидером немецких леворадикалов младогегельянцем Арнольдом Руге и опубликовал в его популярном журнале «Deutsche Jahrbücher» свою статью «Реакция в Германии (Очерк француза)» под псевдонимом Жюль Элизар. Статья эта примечательна тем, что автор в ней выступил предвестником революционного обновления не только Европы, но и России. А последние фразы статьи можно расценивать как первую формулировку анархистского кредо Бакунина: «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидаемый источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» (Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т.3. М., 1934. С. 149). Глубина мысли Бакунина очевидна: закономерную «страсть к разрушению» он объявляет «вечно созидаемым источником жизни».

Вся последующая жизнь Бакунина показала, что «дух разрушения и уничтожения» был положен им в основание революционной деятельности, антиэтатизма и атеизма. В правильности выбранной им мировоззренческой установки Бакунина убедили беседы с немецкими и французскими коммунистами и социалистами Вейтлингом, Кабе, Консидераном, Ламенне, Луи Бланом и особенно с идеологом анархизма Пьером Прудоном. Между ним и Прудоном устанавливается многолетняя дружба. Бакунин был уже знаком с «азами» штирнеровского анархизма, от которого он заимствовал одно из главных своих понятий – «бунт». Дополнив его идеей Прудона, что государство, являющееся инструментом подавления свободы, должно быть уничтожено и заменено свободным союзом свободных людей, Бакунин создает свою философию анархизма, а слово «свобода» с этого момента и до конца жизни не исчезает из выступлений, статей и документов написанных Бакуниным.

Царское правительство, жандармы III отделения следили за все возрастающей радикализацией взглядов Бакунина. В декабре 1843 г. шеф жандармов приказал ему возвратиться в Россию, но Бакунин отказался, решив навсегда остаться политическим эмигрантом. Тогда Николай I подписал указ, лишавший Бакунина всех прав и приговаривающий его, в случае возвращения в ссылку в Сибирь. Когда в январе 1845 г. этот указ напечатали парижские газеты, русский эмигрант в газете «Реформа» публикует открытое письмо, в котором дает резкую отповедь царизму.

Жизнь показала, что не наука и философия, а политическая борьба составляли основу его жизни. Начиная со второй половины сороковых годов, Бакунин до конца жизни постоянно находился в центре революционной борьбы, более двух десятком лет участвовал в панславистском движении, сражался на баррикадах революции 1848 г. в Париже, Праге, Германии. В 1849 г. в Саксонии Бакунина арестовывают и приговаривают к расстрелу, а через два месяца выдают австрийским властям, которые приговаривают его к смертной казни через повешивание. Но и австрийское правительство не привело приговор в исполнение, а в 1851 г. выдало Бакунина николаевским жандармам, которые упрятали его на 6 лет в казематы Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепости.

В крепости Бакунин написал свою «Исповедь», которая до сих пор вызывает противоречивые оценки. Не назвав никаких имен, он рассказал в ней о формировании своего мировоззрения, о жизни революционера-эмигранта, изложил свои взгляды на положение дел в России и славянских странах. Спустя почти 10 лет в письме к Герцену и Огареву он писал: «Я одного только желал: не примириться, не резиньироваться, не изменяться, не унизиться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане, сохранить до конца в целостности святое пламя бунта» (Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. Женева, 1896. С. 70-71). Председатель Государственного Совета Чернышев, которому рукопись была направлена для экспертизы, не нашел в ней и «тени серьезного возврата к принципам верноподданного» (Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т.4. М., 1935. С. 551).

При новом царе Александре II заключение в крепости было заменено на ссылку в Сибирь, из которой Бакунин через 4 года бежал летом 1861 г. Оказавшись в Европе, он вновь включается в революционную деятельность. В 1863 г. он принимает участие в польском восстании. После его подавления Бакунин окончательно переходит на позиции анархизма.

В главном своем, правда, незавершенном труде «Государственность и анархия» (1873) он изложил основы своей анархической доктрины. Главная для всех анархистов черта – антигосударственность: «Мы объявляем себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственного устройства вообще... Таковы убеждения социальных революционеров, и за это нас называют анархистами» (Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 437). Государство – зло и «насилие, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а, в крайнем случае, бесцеремонного и откровенного» (Там же. С. 314). Это зло должно быть уничтожено путем разрушения государства. Конечно, Бакунин понимает, что любая совместная деятельность людей должна быть согласована и организована путем управления. Он только против такого управления, которое централизовано, сосредоточено в одних руках и идущее «сверху вниз». Чтобы достичь подлинной свободы людей управление рабочих организаций, областей, народов должно быть федеративно организовано «снизу вверх» по принципу самоуправления.

«Таков широкий народный путь, путь действительного и полнейшего освобождения, доступный для всякого и потому действительно народный, путь анархической социальной революции, возникающей самостоятельно в народной среде, разрушающей все, что противно широкому разливу народной жизни, для того чтобы потом из самой глубины народного существа создать новые формы свободной общественности» (Там же. С. 434).

Ряд положений книги направлен против его постоянного оппонента К. Маркса и его главной идеи – диктатуры пролетариата. Эта критика на фоне исторического опыта человечества последнего столетия весьма показательна. С небольшими сокращениями она сводится к следующим положениям: «Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Напр., хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом...

Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо – вот почему мы враги государства.

Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?... Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы.

Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом так называемых народных представителей и правителей государства – вот последнее слово марксистов, так же как и демократической школы, – ложь, за которую кроется деспотизм управляющего меньшинства. тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли... Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, по которым, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека...

Марксисты чувствуют это противоречие и, сознавая, что управление ученых, самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, настоящею диктатурою, утешают мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая.

Тут явное противоречие. Если их государство будет

действительно народное, то зачем ему упраздниться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным? Своею полемикою против них мы довели их до сознания. что свобода. или анархия, т. е. вольная организация рабочих масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного развития и что всякое государство, не исключая и их народного. есть ярмо, значит, с одной стороны, порождает деспотизм, а с другой – рабство.

Они говорят, что такое государственное ярмо, диктатура есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения: анархия, или свобода, – цель, государство, или диктатура – средство. Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить.

На этом противоречии пока остановилась наша полемика. Они утверждают, что только диктатура, конечно, их, может создать народную волю, мы отвечаем, что никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство; свобода может быть создана только свободою, т.е. всенародным бунтом и вольною организацией рабочих масс снизу вверх» (Там же. С. 485-484).

Михаил Бакунин – апостол свободы, виднейший идеолог анархизма остался верен себе до конца жизни. Его анархистская доктрина имела во многом абстрактный характер, немало противоречий и ошибок. Но разве не являются верными и актуальными его критические замечания в адрес марксистской теории, бюрократии, всепоглощающего централизма? И разве не современен его гимн свободе, который он пел на страницах своих работ?

Закончим наш краткий очерк одним из таких высказываний о свободе в программе «Международного тайного общества освобождения человечества» (или «Интернационального братства»), написанной М. Бакуниным. Размышляя о необходимости создать идеальное общественное устройство, он пишет: «Целью данного общества является объединение революционных элементов всех стран для создания подлинного Священного Союза свободы, против священного союза всех тираний в Европе: религиозных, политических, бюрократических и финансовых. <...> Дело идет не о том, чтобы уменьшить свободу, необходимо, напротив, все время ее увеличивать, так как чем больше свободы у всех людей, составляющих общество, тем больше это общество приобретает человеческую сущность... Я могу быть свободным только среди людей, пользующихся одинаковою со мною свободой. Утверждение моего права за счет другого, менее свободного, чем я, может и должно внушить мне сознание моей привилегии, а не сознание моей свободы. <...> Но ничто так не противоречит свободе, как привилегия. <...> Полная свобода каждого возможна при действительном равенстве всех. Осуществление свободы в равенстве – это и есть справедливость» (Цит.по: Демин В.Н. Бакунин. М., 2006. С. 212-213).

СОЦИАЛИЗМ: PRO ET CONTRA (МЫСЛИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО)

Галинская
Елена Дмитриевна

инженер Федеральной
сетевой компании, студентка
философского факультета УрГУ

Среди принципов, лежащих в основе идей социализма, исходным, пожалуй, можно назвать неприятие социального неравенства. Причиной неравенства, причиной деления общества на угнетающих и угнетаемых является неравномерное распределение материальных благ. С другой стороны, несправедливое распределение материальных благ – это не только причина, но и следствие стратификации общества и разобщенности людей. Таким образом, уничтожение социального неравенства, достижение гармоничного состояния общества приверженцы социалистических идей полагают, прежде всего, в решении экономического вопроса.

Идеи и проекты социализма, находящиеся в центре общественной мысли России уже в 40-50-х годах XIX века и явившиеся ответом на определенные запросы национального духовного развития, были страстно восприняты Ф.М.Достоевским. Социалистические идеи оказали большое влияние на творчество писателя, они же сыграли драматическую роль и в самой его жизни. Участие Достоевского в кружке петрашевцев, арест, ожидание расстрела, четырехлетняя каторга и последующая ссылка – это общеизвестные факты его биографии.

Каторга, пережитые душевные потрясения во многом изменили взгляды Ф.М.Достоевского; произошла определенная «переоценка ценностей», был проведен критический анализ собственных его прежних социалистических воззрений.

Критика положений социалистических идей, критика следствий подобных установок человеческого духа содержится практически во всех произведениях его второго, послекаторжного, жизненного и творческого этапа. Реакция на произведения Ф.М.Достоевского этого периода со стороны революционно-демократических сил была острой. Уже в «Записках из подполья» журналом «Современник», в то время служащим отчасти социалистическим органом, была замечена полемика с автором романа «Что делать?». Тот же «Современник» обвинил Ф.М.Достоевского в том, что революционная молодежь опорочена в образе Родиона Раскольникова. А роман «Бесы» среди социалистов приобрел репутацию злобной карикатуры на революционное движение, памфлета против демократизма.

В «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевский признавался в своих заблуждениях: «Таким образом, за достижение цели мы приняли то, что составляло верх эгоизма, верх бесчувствия, верх

экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей...»¹

Однако примечательно то, что и так называемые «охранители самодержавия» весьма критично восприняли «нового» Достоевского. Так, к примеру, запрету официальной цензуры подверглись беседы старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы». Под запретом оказалось и чтение Ф.М.Достоевским на литературных вечерах «Легенды о Великом инквизиторе».

Идеи социализма были Ф.М.Достоевским критически пересмотрены, «откорректированы», однако окончательно не отвергнуты. Можно даже говорить о собственном варианте социализма Ф.М.Достоевского, который нам являют его публицистические и зрелые художественно-философские произведения, – о христианском социализме.

Критическая направленность Достоевского в отношении социалистических идей и, одновременно, признание бесспорности некоторых их положений определяют антиномичность его подхода к разрешению вопроса социализма.

Представления о создании будущего гармоничного общества, об устранении разобщенности людей и антагонизма между ними лежат в основе социалистических воззрений.

Единение человечества, достижение истинного братства между людьми – ключевая идея и философия Ф.М.Достоевского. Однако акцент делается им на духовном единении, которое является залогом бессмертия человечества. В отличие от христианства, христианский социализм Достоевского предполагает и это всеобщее единение, и обретение бессмертия не за гробом, но в нашей земной жизни. В отличие от социализма, путь к духовному единству у Достоевского не предполагает установления социального и экономического равенства. «Раньше чем не сделаешься в самом деле всякому братом,

не наступит братства»². Ф.М.Достоевский считает, что «без слуг невозможно в миру». Но он верит, что между слугой и господином возможно установление отношений, основанных на братской любви. Такое служение понимается как служение взаимное, как духовное обогащение обоих, так что слуга будет «свободнее духом, чем если бы был не слугой», а господин будет считать себя слугой своего слуги. Достоевский верит, что настанет день, когда даже «самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его»³.

Вопрос истинности таких воззрений или их утопичности – это вопрос веры. И, как говорил Ф.М.Достоевский устами своего героя, «доказать тут нельзя ничего», но можно убедиться «опытом деятельной любви».

Ф.М.Достоевский отвергает экономическое решение социального и нравственного вопросов, на котором настаивают социалисты. Такое решение он называет дьявольским искушением обращения камней в хлебы. На знаменах

социализма написано слово «свобода». Однако, по глубокому убеждению Ф.М.Достоевского, тот, кто мнит себя вершителем судеб человечества и руководствуется принципом всеобщего разрушения, понимает свободу как вседозволенность, тем самым отрицая ее.

Шигалев, один из персонажей романа «Бесы», по замыслу автора являющийся фанатичным приверженцем социалистических идей и «фанатиком человеколюбия», представляя проект социального устройства будущего общества, признается: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»⁴.

И, таким образом, хлеба будут куплены человечеством ценой свободы. Однако и послушание кардинально не решает экономического вопроса: «Ибо телеги, подвозящие хлеб всему человечеству, без нравственного основания поступку, могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества, что уже и было...»⁵

Вавилонская башня, служащая у Достоевского аллегорией социализма, строится путем смуты, террора, «радикального срезания ста миллионов голов». Кровь проливается здесь «по совести», «для общего дела» и для скрепления революционных боевых «кучек». «Счастливое» человечество в проекте Шигалева представляет собой стадо, находящееся в безграничном повиновении у тех, кто им повелевает. «Все рабы и в рабстве равны»⁶. Воля, свобода личности сохраняются только у управляющих стадом. Им же предоставляется абсолютная власть над большей частью человечества. Все будут приведены к «одному знаменателю», а для этого потребуются «всякого гения потушить в младенчестве».

Вопрос свободы человека и меры его нравственной ответственности тесно связан у Ф.М.Достоевского с представлениями о человеческой природе. Достоевский, в отличие от социалистов, постулирующих изначально добрую природу человека, но подвергнушуюся в дальнейшем отрицательному влиянию негармоничной социальной среды, считает человеческую душу сложной, антиномичной, включающей в себя два начала - ангельское и дьявольское. «Закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве»⁷.

Сравнивая позицию христианства и социалистов в отношении человеческой свободы и проводя прямую параллель между этими воззрениями и их воззрениями на сущность человека, Ф.М.Достоевский приходит к следующему утверждению: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»⁸.

По мнению Ф.М.Достоевского, социалистическое учение о среде неизбежно приводит к отрицанию метафизического аспекта личности, искры Божьей в душе человеческой. Выводы учения о среде основываются на представлении сущности человека как исключительно разумной и рациональной. Достоевский считает такой взгляд на человека ошибочным, ибо «натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно...» Не отвергая человеческий разум, Достоевский, однако, полагает, что логика - это «каменная стена».

Логике писатель противопоставляет «хотенье», т.е. свободную волю человека. Принудить человека к счастью, обустроив его жизнь на началах науки и разума, на принципах пользы и выгоды Ф.М.Достоевскому не представляется возможным.

Двойственность человеческой души, ее широкость, наличие в ней двух «бездн» акцентируется Ф.М.Достоевским неизменно. Однако более пристальное исследование его учения о двоякой природе человека позволяет заключить, тем не менее, о сохраняющемся влиянии социалистической идеи непротиворечивой, изначально доброй природы человека. И в самом деле: какой бы великий грех не таился в душе человеческой, святость этой души для Достоевского бесспорна; она служит залогом всеобщего спасения, на которое уповает человечество. В некотором смысле закон посмертного воздаяния Достоевским «отменяется». Душа человеческая должна быть спасена уже в силу того, что она душа человеческая.

Говоря о философских взглядах Ф.М.Достоевского, исследователи отмечают свойственный им христоцентризм. Однако Христос, являющийся для Ф.М.Достоевского живым свидетельством присутствия в человеческой душе Божественного начала и осуществления будущего всеобщего спасения, не трактуется им как Искупитель. По всей видимости, так же как и социалистами, первородный грех человечества Достоевским отрицается. Поэтому персонажи его произведений даже утверждают напрасность крестного подвига Христа и необходимость этот подвиг исправить. Голгофа для героев Ф.М.Достоевского (и, вероятно, здесь выражены сомнения самого их автора) означает не победу Христа над смертью, но Его бессилие перед ней.

Однако антиномичное мышление Ф.М.Достоевского и в этом вопросе задает парадоксы. Если первородный грех им отрицается (подтверждением чего служит признание Достоевским маленьких детей совершенно безгрешными), а влияние социальной среды не представляется основательным, тогда остается не проясненной та укорененность человека во зле, которую постулирует Ф.М.Достоевский.

Для Достоевского Христос, соединяя в себе Бога и человека, служит доказательством присутствия и в каждом человеке Божественного лика. Он служит доказательством возможности преображения человека по образу и подобию Божьему. Значение Христа таково, что те, кто «вослед науки хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа», «кончат тем, что зальют мир кровью».

Из духовного единения, единения во Христе свободных личностей, следует, по Достоевскому, всечеловечность. Для обозначения следствий объединения под знаменами социализма им используется другая философия, являющаяся противоположностью первой - всемство - и означающая результат нивелирования всякой личности, подавления любой индивидуальности.

Для достижения будущей «гармонии» одержимым «бесами» строителям земного рая прежде требуется произвести всеобщее разрушение. Шигалевщина утверждает разобщенность, безудержное насилие и шпионство. Каждый член общества шигалевского социализма «смотрит один за другим и обязан доносом».

В отличие от такой установки, достижение всеединства предполагает осознание всеобщей связи уже сейчас, в этом мире, еще пока не достигшем совершенства. По мнению героев

Ф.М.Достоевского и самого их автора, всё в мире связано между собой, и каждый человек связан со всем человечеством мистическими связями. Поэтому «все за всех виноваты», нет виновности или невинности, но есть совинность. Однако истинно и обратное: ни одна «милостыня», ни одно доброе движение души не остается втуне, через них личности приобщаются друг к другу.

Сила каждой отдельной личности заключается в общей, связующей силе, каждый человек живет именно ею; утратившие связи со своим народом, «корень потерявшие», теряют различие добра и зла, теряют Бога.

А без Бога в душе невозможно осознать собственную индивидуальность и человеческое достоинство. «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?»⁹ – так выразил эту мысль один из героев Ф.М.Достоевского. Без Бога невозможно достичь подлинного единения людей и всеобщей гармонии.

Иван Карамазов, герой романа «Братья Карамазовы», в своей статье о вселенской Христовой церкви, несомненно, выражает взгляды самого Ф.М.Достоевского на всеединство и на пути его достижения. Когда-нибудь, возможно, в конце времен, церковь должна заключить в себя государство. Церковь здесь понимается не в качестве социального института для отправления религиозного культа, церковь – это соборность и духовное единение во Христе. Такой взгляд на ее роль и значение противопоставляется тем социальным и политическим теориям, согласно которым церковь, наоборот, должна переродиться в государство и в нем исчезнуть, что будет означать торжество науки и цивилизации.

Отвергая анархические идеи как разновидность идей социалистических, усматривая в подобных теориях призыв к всеобщему разрушению и смуте, Ф.М.Достоевский был, тем не менее, сторонником безгосударственного общества. Государство и его институты он считал карательными учреждениями, не способствующими перевоспитанию преступника, но, скорее наоборот, укрепляющими его во зле. Этот скрытый анархизм Достоевского, его вера в возможность «безгосударственности», достижение которой, однако, не предполагает у него революционного пути, указывает на очевидное влияние социалистических идеалов.

По убеждению Ф.М.Достоевского, все попытки усовершенствовать государство не смогут привести к гармоничным отношениям между людьми, к подлинной свободе и счастью. Именно поэтому он относится критично не только к революционным методам улучшения государства, но и к либерализму, призывающему для этой цели к постепенному проведению социальных реформ. Более того, революционные социалистические идеи он относит к прямым следствиям либерализма. Таким образом, у Достоевского либералы, по своей сути являющиеся оппонентами революционеров, оказываются ответственными за возникновение революционной ситуации.

В романе «Бесы» Ф.М.Достоевский рисует либералов легкомысленными, недалекими, равнодушными к судьбе России. Более всего опасаясь прослыть не достаточно либеральными, они заигрывают с политическими авантюристами и в какой-то степени оказываются зараженными их идеями.

И революция, и социальные реформы предполагают первоочередное изменение все той же социальной среды. Но, по мнению Ф.М.Достоевского, человек должен быть озабочен не преображением мира и других людей, но собственным

преображением.

Ф.М.Достоевский был глубоко убежден в том, что духовное руководство и истинную свободу люди должны искать в Евангелии. Именно поэтому многие современные исследователи философии Ф.М.Достоевского называют его философом Откровения.

По Достоевскому, религия, вера в свое бессмертие есть основание нравственности человека: «Если Бога нет, то всё дозволено». Мораль у Достоевского означает живое ощущение Бога.

Идея внерелигиозной морали, утверждаемой социалистами («Человечество само в себе силу найдет, чтобы жить без добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдет...»¹⁰) Ф.М.Достоевским отвергается.

Атеизм, отрицание духовных ценностей, ориентацию на позитивистское учение Ф.М.Достоевский относит к имманентным чертам социализма. «Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно»¹¹.

Позитивизм, по Ф.М.Достоевскому, также приводит к отрицанию каких-либо нравственных оснований; ведь из позитивистского учения о среде следует, что «преступление не есть преступление, а есть лишь восстание против несправедливо угнетающей силы».

Поэтому и социалистическая идея в целом оказывается идеей безнравственной: «Социализм есть отрицание чести». Для установления социализма «одно или два поколения разврата необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь...» Социализм означает манипулирование сознанием народа и его нравственное разложение.

Замена религиозно-нравственных принципов принципами рациональными приводит к опасному нигилизму, когда «ничего нет ни нравственного, ни безнравственного».

Но, утверждая имманентность атеизма и нигилизма социалистическим идеям, указывая на связь социализма с материализмом и позитивистским учением, Ф.М.Достоевский в то же время отмечал предрасположенность самой природы человека к разрушению и отрицанию.

Дилемма христианства и социализма решается Ф.М.Достоевским как дилемма добра и зла, которая стоит перед каждым человеком. Таким образом, Достоевским вскрывается метафизический, религиозный аспект социализма и революции. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»¹².

Художественно-философские произведения Ф.М.Достоевского, несущие на себе отпечаток особенности его мышления – мышления антиномичного – не дают однозначных ответов на вопросы, которые волновали писателя.

Утверждая Христа в качестве духовного ориентира человечества, Ф.М.Достоевский не приемлет Его в полной мере в соответствии с христианским учением. Весьма негативно относясь к социализму, сам постулирует, хотя и скрытым образом, некоторые социалистические идеи. Резко противопоставляя социализм и христианство, в то же время утверждает, что это «всё те же вопросы, только с другого конца».

Однако, мысля антиномиями, вскрывая антиномичную природу человека и мира, Ф.М.Достоевский приближается к

мышлению апофатическому, религиозному в своей основе. Социальное и культурное пространство не отделено у Ф.М.Достоевского от пространства метафизического, но встроено в него. Таким образом, жизнь, со всеми ее социальными и политическими потрясениями, приобретает глубокий смысл и значение. А история народов предстает как грандиозная история религиозных исканий человечества, его стремления к единению и бессмертию.

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – Москва: Современник, 1989. – С.373.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Москва: Современник, 1989. – Ч.2. – С.342.

3. Там же. – С.357.
4. Достоевский Ф.М. Бесы. – Москва: Правда, 1990. – С.395.
5. Достоевский Ф.М. Идиот. Москва: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 1998. – С.391.
6. Достоевский Ф.М. Бесы. – Москва: Правда, 1990. – С.408.
7. Там же. – С.390.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – Москва: Современник, 1989. – С.47.
9. Достоевский Ф.М. Бесы. – М.: Правда, 1990. – С.234.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Москва: Современник, 1989. – Ч.2. – С.342.
11. Достоевский Ф.М. Бесы. – М.: Правда, 1990. – С.256.
12. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Современник, 1981. – Ч.1. – 125 с.

Роберто Гонсалес Инохоса

ЭДУАРДО НИКОЛЬ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Роберто Гонсалес Инохоса

профессор-исследователь
Гуманитарного факультета
Автономного университета штата
Мехико, Мексика

13 декабря 2007 года исполняется столетие со дня рождения выдающегося мексиканского философа Эдуардо Николь. Ученики и коллеги, знавшие мыслителя, единодушно отмечают, что он учил мыслить и уважать достоинство своего ближнего; его тексты отличаются оригинальностью, ясностью, логической продуманностью, глубоким содержанием и изяществом стиля. Как любил говорить Николь, ясность и логичность философского дискурса – залог духовного здоровья его автора.

Полное имя нашего автора - Эдуардо Хосе Григорио Николь Франциска, и его жизнь отмечена двойным рождением: физическим появлением на свет и духовным становлением в качестве мыслителя. Физическое рождение Николь произошло в 1907 году, Испании, в Барселоне. После окончания в 1928 году философского факультета Барселонского университета будущий философ начинает свою карьеру в качестве переводчика. В 1929 году он избирается секретарем фонда Берната Метхе, в задачу которого входил перевод древнегреческих и латинских текстов на каталанский язык. В 1933 году Эдуардо Николь становится штатным профессором кафедры философии института Салмерона в Барселоне и его преподавательская деятельность продолжалась вплоть до окончания гражданской войны в Испании, после чего он был вынужден эмигрировать во Францию, а в июне 1939 году французский корабль доставил его в мексиканский порт Веракрус. Судьба уготовила ему пятьдесят оставшихся лет провести на своей новой родине - в Мексике. Так произошло второе рождение Эдуардо Николь как философа. Выступая на своем восьмидесятилетнем юбилее, на котором ему было присуждено почетное звание заслуженного профессора Национального Автономного университета Мексики, он сказал: «Здесь, в Мексике не очень принимают во внимание то, что мы

сделали и то, кем мы были раньше, поэтому можно сказать, что мы родились в 1939 году». (Maestros del exilio español, Las Jornadas, 1988, No. 4, p. 9)

С точки зрения Эдуардо Николь, в истоках всякой философии находится надежда. Надежда – это то, что дает необходимый импульс к поиску истины. Надежда присуща всякому человеку, имманентно воспринимающего себя в качестве существа несамодостаточного, а, стало быть, надежда - это компенсация, восполнение существования человека, обойденного вниманием богов или природы. Как существо надеющееся, человек вынужден проектировать себя в будущее, сознать себя в качестве конечного сущего. Можно сказать, что только будучи существом конечным, человек может на что-то надеяться. Именно надежда, имманентно присущая философии, сообщает смысл мудрости в её усиллии отыскать истину. Не достаточно утверждать, что всякая истина – это приобретение, необходимо добавить, что всякая истина требует немалых усилий для своего достижения, и это усилие превращает философа в её неустанный искателя. Истина – это результат любовного вслушивания в зов бытия. Здесь находится средостение двух фундаментальных понятий человеческого бытия – надежды и любви. Истина могла родиться только из соединения этих двух чувств. Можно сказать, что философ – это человек, решивший сотворить из любви к постижению истины собственный образ жизни. Но существует множество форм проявления любви. Разумеется, любовь всегда направлена на ближнего, ибо только через любовь человек может попытаться преодолеть в себе несамодостаточность, на которую изначально обрекли его природа или боги. Искать истину – значит, любить её, - значит, помогать своему ближнему, переноситься в бытие другого, тем самым, дополняя и обогащая собственное бытие. Постигание бытия в его явлении, в его выражении требует коллективных усилий, и оно, в известном смысле, задано человеческому разуму. Но истина, как выражение бытия, должна быть свободным от мелких или низменных интересов субъекта, её искателя.

В 1940 году Эдуардо Николь занимает должность штатного профессора факультета философии и словесности Национального Автономного университета Мексики. В 1941 году выходит в свет его первая книга Психология жизненных ситуаций (Psicología de las situaciones vitales). В 1946 году Николь публикует первым изданием вторую свою книгу Идея человека (La idea del

hombre). Это произведение - результат исследовательского проекта, осуществленного за счет стипендии, полученной из Фонда Рокфеллера. В 1950 году философ издает работу под названием Историзм и экзистенциализм, темпоральность бытия и разума (*Historicismo y existencialismo, la temporalidad del ser y la razón*), в которой прослеживаются контуры будущих идей, связанных с проектом осуществления реформы и революции в философии. В 1953 году выходит из печати Человеческое призвание (*La vocación humana*). В 1955 году Николь становится основателем и главным редактором философского ежегодника *Diánoia*. В 1957 году он публикует Метафизику экспрессии (*Metafísica de expresión*), один из главных своих трудов, оказавший значительное влияние на латиноамериканскую и европейскую мысль и являющийся несомненной вершиной в его творчестве. В 1965 году выходит в свет другая монументальная работа Николь под названием Принципы науки (*Los principios de la ciencia*), способная украсить любую философскую библиотеку мира. В 1972 году Николь публикует Будущее философии (*El porvenir de la filosofía*). В 1974 году он издает расширенный и дополненный вариант Метафизику экспрессии, а в 1977 году переиздает новую версию Идеи человека. В 1980 году выходит из издательства Реформа философии (*La reforma de la filosofía*), а в 1981 издается Агония Протея (*La agonía de Proteo*). В 1982 году появляется ещё один монументальный труд мексиканского философа: Критика символического разума, революция в философии (*La crítica de la razón simbólica, revolución en la filosofía*). В этом произведении осуществлен синтез идей, развитых Николем в своих предшествующих работах. В 1990 году печатается книга под названием Возвышенные формы речи: поэзия и философия (*Formas de hablar sublimes: poesía y filosofía*), которой суждено стать последним прижизненным изданием нашего автора. Скончался Эдуардо Николь 6 мая 1990 года в городе Мехико на 82 году жизни. Внешне бедная эффектными событиями, вся жизнь мексиканского философа была наполнена интенсивным творческим трудом, посвящена реализации главного его призвания – призвания размышлять. «Мое интеллектуальное усилие было весьма значительным, - пишет о себе Николь, - хотя результат (если честно признаться) не поднимался до той высоты, которую я мог бы себе пожелать в годы моей самоуверенной юности. Могу сказать, что в своем философском творчестве я стремился выразить две вещи: веру и метод. Веру в разум истины и метод, без которого разум не способен быть направленным в русло строгого дискурса» (*Eduardo Nicol. Palabras de agradecimiento. En: El ser y la expresión. Homenaje a Nicol. UNAM, México, 1990, pp. 29-30*). Эту веру в

разум истины можно также истолковать как надежду человека на самого себя, надежду на открытие истины посредством метода. Метод накладывает запрет на произвол и обязывает исследователя к уважительному отношению к другому, к объективному воспроизведению и анализу предмета исследования. Без метода разум неспособен осуществить логически-строгий дискурс, ибо метод – это очищение, это любовь к мудрости, которая, как и всякая подлинная любовь, освобождает человека от корыстных интересов. Можно утверждать, что в творчестве Николь любовь возвышается до уровня экзистенциального метода науки.

Главный вклад мексиканского мыслителя в сокровищницу философской мысли следует, на наш взгляд, искать в его онтологии, в идеи бытия, изложенной в Критике символического разума. Центральный тезис этой работы - мысль о том, что новый путь метафизику начинается с утверждения бытия не в качестве проблемы, а в качестве первичной очевидности. Бытие есть то, что находится у всех перед глазами, это первая и самая достоверное достояние человека. С точки зрения Николь, всякое вопрошание с необходимостью предполагает идею очевидности бытия. Наличие бытия – это то единственное, что давляет самое себя, покоится на своем собственном основании; как бы там ни было, а бытие всегда находится здесь, всегда присутствует.

Философия Николь именуется «феноменологической диалектикой» по весьма простой причине: человек всегда имеет дело с бытием, ибо сама реальность всегда реализует себя через явления, выступает в качестве феномена, который, выражая бытие, служит его разверткой, ибо бытие не может не проявлять себя во всяком сущем. Эта очевидность открывается человеку в диалоге. Логос - это диа-лог; смысл его интенции - в тяготении к другому. Отсюда вытекает задача - тематизировать бытие человека как экспрессию: ведь человек всегда выражает себя вовне, в мире созданного им духа и культуры.

Идею человека как экспрессии бытия Николь в свою очередь связывает с идеей человека как существа несамодостаточного. Человек - это единственное сущее, которое, чтобы существовать, обязано выражать себя в действии и в мысли. Посредством экспрессии каждый человек вступает в контакт с другим человеком. Экспрессия - это человеческий способ соединяться с другим, впускать бытие другого в окрестность собственного бытия. В то же самое время, экспрессия - это осуществление свободы; человек должен быть свободным уже потому, что по самой своей сущности он неполон. Смысл экспрессии - в онтологическом дополнении несамодостаточности человеческого бытия.

Перевод с испанского М. А. Малышева

Эктор Самур

В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ: ИГНАСИО ЭЛЬЯКУРИА (1930-1989)

Эктор Самур
(Hector Samur)

доктор философии, Университет Хосе Симеон Каньяс
Сан-Сальвадор, Сальвадор

Игнасио Эльякуриа Бескочеа родился в 1930, в Португалете (Бискайя, Испания). После обучения в колледже иезуитов в Тудела (Наварра), он стал послушником в Конгрегации Иисуса в 17 лет, продолжая процесс своего образования в Сальвадоре. Он изучал гуманитарные науки и философию в Кито (Эквадор) и теологию в Инсбруке (Австрия), где был учеником Карла Ранера. В Мадриде он начал тесно сотрудничать с баскским философом Хавьером Субири, работая под его руководством над докторской диссертацией по философии, точно следуя его философской мысли. С этого момента, Эльякуриа будет продолжительное время работать с Субири, спорадически бывая в Мадриде. В 1967 он возвратился в Сальвадор, приступив к образовательной деятельности в Центральноамериканском Университете “Хосе Симеон Каньяс” Сан-Сальвадора (UCA). Через несколько лет работы в качестве директора и доцента факультета Философии, в 1979 он назначен Ректором университета, в должности которого пребывал до тех пор, пока в 1989 он не был убит армией, в ходе гражданской войны той эпохи¹.

Его мысль развивалась как в области теологии, так и философии, политической социологии и университетского управления. Отсюда следует, что весьма нелегким делом является задача представить синтез всего самого значимого из всей его интеллектуальной продукции. Хотя мы будем концентрироваться здесь, прежде всего, на его философских идеях, необходимо хорошо понимать, что различные измерения его мысли не суть обособленные разделы, но являются связным целым.

Главные цели философских изысканий Игнасио Эльякуриа могут быть сведены к трем аспектам: а) развитие исторических новаций, критического и созидательного потенциала субирианской философии; б) применение его фундаментальных положений и философского метода Субири для разработки философии латиноамериканского освобождения; и с) использование вышеупомянутой философии для обоснования центральных идей его теологии освобождения.

Можно сказать, что в интеллектуальной работе, развернутой Игнасио Эльякуриа, субирианская философия показывает все свои возможности для построения философии и теологии освободительного характера, соответствующей латиноамериканской реальности. В ряде случаев Эльякуриа признавал, что его представления касательно понимания политического характера философии и теологии проистекали в большей степени из философии Субири, хотя и предполагали переработку с точки зрения решения проблем, которые выдвигала латиноамериканская реальность, и не стремился, следовательно, к точному повторению его мысли.

Эльякуриа особо ценил три главные темы философской мысли субирианства: тема реальности, развитая главным образом

в «О сущности», работе Х.Субири, рассматриваемой Эльякуриа как первая систематическая попытка философского осмысления того, чем в действительности является структура, и того, что является реальностью с точки зрения структуры; тема интеллекта (интеллигенции), решительно развитая в известной трилогии о чувственной интеллигенции (чувствующего ума), в которой, согласно Эльякуриа, появляется “trans-идеалистическое и trans-материалистическое единство” двух моментов человеческого ума; и тема личности человека как личностной реальности, действительность, связанная со всеми реальными вещами но, в свою очередь, связанная с самой реальностью как основание его собственной личной жизни.

В этом направлении, Эльякуриа написал серию статей о философии Субири, в которых он анализирует те критические и систематические моменты, которые могут быть полезными, чтобы строить философию “действительно латиноамериканскую” и чтобы философско-теоретически противостоять проблемам, выдвигаемым исторической ситуацией Латинской Америки, особенно Сальвадора и Центральной Америки: его реалистическо-сенсорное понятие ума, его укоренение существования и чувственности в реальности, его физическо-реалистической интерпретации метафизики, его понятие существования человека как открытой материальной сущности и его материальный взгляд на историю.

В Философии Исторической Реальности, его единственной собственно философской книге, Эльякуриа принимает главные метафизические, антропологические положения философии Субири, чтобы учесть, во всей ее комплексности, структуру и динамизм исторической реальности, понятой как объект и исходный пункт отправления философии, и с политическим прицелом осмысливать и освещать соответствующую историческую практику освобождения, главные стороны других форм политической практики, которые появились в латиноамериканском континенте в шестидесятых и семидесятых годах, и которые, по мнению Субири, оказывались частичными и недостаточными, тем более что они оставляли в стороне существенный облик исторической реальности, что это структурное, динамическое и открытое единство².

С субирианской точки зрения, которую принимает Эльякуриа, исторический динамизм - динамизм возможностей. Человеческая история состоит не в чем ином, как в последующем создании новых возможностей вместе с «закупориванием» или оставлением полей других. В силу этого история не должна пониматься как неумолимый прогресс к идеальной цели. История, историческая реальность, не предопределяется, но свершается с начала человеческой активности на основании системы возможностей, возникающей в каждой ситуации и в каждом моменте исторического процесса. Это приводит к тому, что необходимо учитывать историческую практику, приводя ее в соответствие в каждом моменте исторического процесса, для обеспечения возможности освобождения и самого большого раскрытия реальности. Этически-политическая задача философии, как теоретического момента исторической практики, будет состоять в том, чтобы учитывать критику и вносить творчество в это

освобождение истории.

Эльякурия также ориентировал свои философские усилия на обоснование фундаментальных положений теологии освобождения. Эльякурия считал, что вклад субирианской философии в вышеупомянутую теологию был столько же эпистемологическим, сколь и метафизическим. В смысле эпистемологическом он указывал на положения Х. Субири, которые дают смысл методу теологии освобождения: сотворчество между умом и реальностью; превознесение интеллигентности Логоса над логичностью ума; критика западной мысли, которая в действительности оставила реальность, замкнувшись в сущности и в чувстве; характер неустранимо-материальный всей интеллектуальной активности; и необходимость учитывать все возможности чувственности в каждом из способов интеллигенции.

В метафизическом отношении он указывал на вклад в обоснование основных положений теологии освобождения: о структурном динамическом характере реальности; о метафизической значимости исторического; понимании истории как области, где свершается качественный расцвет реальности; о теологической важности истории: нет единственной истории, потому что само создание - проекция дополнительной жизни, божественной троичности (триединства); процесс освобождения и свободы - человеческое осуществление божественного; бесконечность Бога, попавшая в историю, ломает конечные пределы; история в его представлении - проявление и опыт Бога; предмет истории не индивидуальный герой, а человеческий род; признание единства материального и биологического компонентов истории, так как он не признает идеалистических или трансценденталистских отговорок.

Представления Эльякурия касательно политическо-освободительной задачи философии были расширены и углублены, и они приобрели все более широкую историческую перспективу. В его последней речи в Барселоне, в ноябре 1989, по случаю вручения Центральноамериканскому университету международной премии Альфонсо Комин, Эльякурия вновь подтвердил необходимость освободительной задачи интеллектуальной работы в рамках его радикальной критики цивилизации капитала и его альтернативного предложения цивилизации труда (или «бедности»). В это время Эльякурия уже знал о трудностях и неудачах революционных процессов в Латинской Америке, особенно в Никарагуа, Гватемале и Сальвадоре, перестройки в Экс-Советском Союзе, тяжелых проблемах и последствиях так называемого «реального социализма», также как и о препятствиях, которые противостояли прогрессивным силам эпохи, в социокультурном все более постсовременном и консервативном контексте. Однако, он продолжал верить в силу и действенность его идей о политической миссии философии и парадигмы освобождения.

В этой речи, Эльякурия говорил о необходимости того, чтобы продвигать новый исторический проект для того, чтобы повернуть вектор мировой цивилизации к «универсальной и солидарной перспективе народного большинства». Для Эльякурия, нынешняя цивилизация капитала расширила разрыв богатых и бедных, укрепила процессы эксплуатации и угнетения с более изощренными формами, расхитила природные ресурсы планеты и обрекла на дегуманизацию. «Копроисторический» анализ отбросов нашей цивилизации - утверждал Эльякурия, - «похоже, показывает, что эта цивилизация тяжело больна».

Сегодняшние факты на национальной и мировой сцене подтверждают в основном этот диагноз и показывают необходимость того, чтобы — полагал Эльякурия, — «повернуть историю, направить ее в другом направлении», с целью «предотвратить зловещую и фатальную развязку» человечества. Утопический горизонт этого преобразования должен быть строительством цивилизации труда, заменяющей цивилизацию капитала, в которой первенство принадлежит работе гуманизации, в противоположность капиталу, который является главной причиной господствующего зла в исторической реальности, систематического нарушения прав человека, которому сегодня подвергается большинство разоренного человечества, главным образом сосредоточенного в Латинской Америке, Африке и Азии.

Первый шаг в этом преобразовании состоял бы, согласно Эльякурия, «в том, чтобы быть подпитывать и вызывать коллективное сознание необходимости существенных изменений». Другой фундаментальный шаг состоял бы «в том, чтобы создавать экономические, политические и культурные модели», альтернативные, которые бы делали возможным преобразования, необходимые для движения к предложенному утопическому горизонту. Не приходится говорить о легкости задачи, потому что идеологизирующие «накаты» противоречат ей, обосновывая предполагаемую доброту и натуральность так называемых «либеральных» западных демократий и капитализма как единственных и окончательных альтернатив для человечества. Отсюда необходимость снимать с этой «идеологической ловушки» маску и строить модели, которые бы в плодотворном обмене теории и практики дали эффективный выход идеалам, которые не были бы двусмысленными и приемлемыми для масс в историческом освободительном строительстве. Эльякурия не был догматичным в представлении о возможностях разработки критической освободительной мысли, он настойчиво философски обосновывал идею о том, что интеллектуальная активность всегда должна подчиняться исторической реальности и ее требованиям, стараясь преодолевать любую идеологизированную схему. Главное состоит в том, чтобы работать на основе исторического опыта, чтобы проверять преимущества и невыгоды этого или другого направлений философской мысли. «Соединение теории и практики, в которой практика выдвигает неожиданные вызовы и теория предлагает гипотезу проверки вместе с возможными горизонтами, которые, в свою очередь, должны быть проверены или отринуты новой практикой, — только и может быть дорогой, по которой мы продвигаемся к приемлемым решениям. Решения, которые, в свою очередь, должны быть сделаны на основе теории, которую бы критически выносили».

1. 16.11.1989: Игнасио Эльякурия и 5 его товарищей: Сегундо Монте, Игнасио Мартин Баро, Амандо Лопес, Хуан Морено и Хоакин Лопес, иезуиты, проповедники, сторонники освобождения своего народа и мученики борьбы за правосудие; и две их домашние работницы, мученики за веру, Хулиа Эльба и Селина, мать и дочь, пали от рук карательного спецподразделения батальона Atlacatl, в Сальвадоре (Ред).

2. здесь необходимо иметь в виду особенности учения Х. Субири о реальности, в котором он «критикует Гуссерля за то, что тот не придавал необходимого, с т.з. Субири, значения связи интенционального сознания с реальностью, а также за отделение сущности от мира фактической реальности, в результате чего реальность была «потеряна» в его системе... Задачу философии Субири видит в обращении к реальности как целому» (Совр. зап. философия. Словарь. М., 1991. С.291)-Ред.

О. В. Коркунова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Э.КАССИРЕРА КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 20 ВЕКЕ

Коркунова
Ольга Владимировна

доктор философских наук,
профессор, зав.кафедрой
философии УрГУПС

В современной философии очень популярны культурологический подход, социо-исторический анализ, постмодернизм. Их функционирование часто оценивается как отрицание парадигмы философии классического рационализма. Однако, диалектика учит, что за прерывом всегда стоит непрерывность. Раскрывая ее, мы лучше понимаем эволюцию философского знания. С этой точки зрения анализ антропологический взглядов Э. Кассирера представляет несомненный интерес, позволяя глубже понять суть и значимость данных философских направлений.

Э. Кассирер задал то направление развития философии, двигаясь в котором исследователь находит и устанавливает связь между философской антропологией, философией культуры и философией истории.

Свой подход Э. Кассирер обосновывает так. Человек существует за счет постоянного выражения своего бытия в формах социальной жизни. Поэтому антропология как философия существования должна заняться изучением того, как происходит этот процесс, но этим она вступает в область философии культуры и философии истории. По сути, Э. Кассирер, превращая антропологию в философию существования, определяет ее исследовательское поле как сферу форм социальной жизни, сферу культуры и истории. Этим он вносит два важных момента в развитие философской антропологии. Первый видится в следующем. М. Шелер, создавая философскую антропологию как науку, исходил из естественной природы человека и констатировал, что понять сущность его как целого нельзя без культуры и истории. Двигаясь от анализа эволюции биологического и психического, он пришел к выводу, что сущность человека выражена в духе, сферой реализации которого и являются культура вместе с историей. Этим же путем шли его последователи, стремясь раскрыть связь между сферой природы и сферой духа в бытии человека.

Э. Кассирер создает противоположное М. Шелеру направление исследования сущности человека. Он ставит задачу сосредоточиться на тех формах существования человека, которые напрямую выражают его сущность – это культура и история как формы деятельности духа. Через их связь с миром природы можно проследить физические условия социальной жизни людей.

Таким образом, акцент с эволюции от биологического к социальному переносится на структурно-функциональный подход к исследованию сущности человека.

Второй момент также имеет важную методологическую особенность. Э. Кассирер видит специфику мира духа и соответственно сферы культуры и истории в том, что они составляют область объективных ценностей, в отличие от мира природы, который есть мир вещей. Эту свою позицию Кассирер базирует, с одной стороны, на анализе узловых моментов развития представлений о сущности человека, выделенных им в истории философии. С другой стороны, он дает свое прочтение кантовскому пониманию трансцендентального, которое приводит его к собственному видению человека. Кратко рассмотрим оба момента.

Делая краткий экскурс в историю философии, Э. Кассирер показывает, что антропологическая проблематика всегда была связана с проблемами космогонии, проблемами происхождения и устройства мира. Он обращает внимание на то, что еще в «первичных мифологических объяснениях мироздания рядом с примитивной космогонией обнаруживается примитивная антропология» [1, 5]. Вопрос о происхождении мира переплетается с вопросом о происхождении человека.

В древнегреческой философии достигается уже дифференциация физического универсума и универсума человека. Здесь расставлены приоритеты. Греки исследуют сначала физический универсум, затем универсум человека. Связь, гармония между ними зависят от умения человека достигать согласия с самим собой. «Кто живет в согласии с самим собой, своим внутренним миром, живет в гармонии с внешним универсумом» [2, 10]. Кассирер выделяет позицию Сократа, который считал, что сущность человека заключена во внутренней установке его души, в том, как он оценивает себя.

Новое время, отмечает Э. Кассирер, дав новую космологию, дало основу и для новой философско-антропологической позиции. «Человек как живое существо выделяется из физического мира как мира неживой природы. Он помещается в бесконечное пространство и существует в нем одинокой исчезающе малой точкой» [3, 17]. В этой ситуации человек осознает неограниченную силу своего интеллекта и соизмеряет свои силы с бесконечностью физического универсума. Проблема человека получает глубоко рационалистическое решение. Связь между физическим универсумом и миром человека обеспечивается математическим разумом.

В XIX веке наступает следующий этап в развитии антропологической тематики. Ее проблемы решаются на основе теории эволюции. Сначала теория эволюции уничтожила границы между различными формами органической жизни. Жизнь стала осознаваться как единый непрерывный поток. Затем встал вопрос о включении в общий процесс эволюции мира культуры и цивилизации. Но объяснение этого давалось на основе лапласовского детерминизма.

Следующим этапом стало создание эмпирической картины человека, основанной на раскрытии отдельных сторон человеческой природы. Из них Э. Кассирер выделяет три – те, что созданы Ф. Ницше, З. Фрейдом и К. Марксом.

Подводя итог этому экскурсу, он отмечает: «... размышления о природе человека последовательно базировались на метафизике, теологии, математике, биологии. Теперь такой силы нет» [4, 25].

Выход Кассирер видит в феноменологическом методе, который позволяет описать жизнь как реальность. Он показывает, что жизнь разнообразна и у человека она имеет новые отличительные черты. Человек живет не просто в более широкой реальности, а в новом измерении реальности.

Она достигается благодаря тому, что человек открыл новый способ приспособления к окружающему миру. Он не противостоит физической реальности непосредственно. Его ответная реакция на внешнее воздействие опосредована символическими формами. «Человек живет не только в физическом, но и в символическом универсуме» [5, 28]. Этот универсум выделяется из физического универсума как мир объективных ценностей. А его частями являются язык, миф, религия, искусство, т.е. мир культуры.

Именно эта символическая сеть сплетает сложную ткань человеческого опыта. Поэтому трансцендентальное не уходит от эмпирического опыта, а ведет вглубь его – в сферу чистого разума, чистых идей. В результате человек постоянно обращен на самого себя. Он создает и конструирует картину природы, опираясь на свой опыт и силу разума.

За внешним человеком всегда стоит внутренний человек, который проявляет себя в первом. Понять того и другого можно путем изучения телесной структуры, которая дает совершенный образ внешнего и внутреннего миров человека. Внутренний мир – это мир подлинного человека.

Этим тезисом Э. Кассирер задает новый подход к анализу человеческого опыта. Суть его сводится к нескольким положениям. Во-первых, человеческий опыт не ограничивается сферой эмпирического опыта. Он показывает, что И. Кант, разрабатывая учение о трансцендентальном, проложил путь к исследованию условий существования всякого опыта человека. Трансцендентальное, по мнению Э. Кассирера, это метод, способ проникнуть вглубь опыта, вглубь разума, который есть условие существования всякого опыта человека. Благодаря этому человек выходит в сферу чистого опыта, чистых идей. Эта сфера составляет собственное пространство существования разума, в котором он реализуется, т.е. постигает самого себя до того, как начнет применяться к миру вещей.

Вместе с тем эта сфера есть сфера чистого творения и как таковая она есть сфера, в которой дух творит формы, занимается формосозиданием. В чем же заключается эта формосозидающая работа? Это «истинная» работа разума, которая обеспечивает самовозобновляющуюся работу духа в экзистенции. А она заключается в том, что человек должен непрерывно восстанавливать мир, чтобы жить в нем и властвовать в нем. Следствием такой формосозидающей деятельности является то, что с развитием культуры формируется новая направленность в существовании человека – интравертность как повернутость внутрь себя. Формируется внутренний мир человека и внутренний человек, который есть подлинный человек.

Мир подлинного человека, отмечает Кассирер, это мир

души и духа. Его связь с внешним миром осуществляется посредством символических форм, т.е. символического универсума. Эту связь он детально анализирует посредством анализа функционирования языка. Звучание слова является ярко выраженной формой связи внешнего и внутреннего. Звук есть нечто внешнее по отношению к человеку. И в то же время он выражает его переживания, внутреннее состояние. Язык переводит внешнее во внутреннее и обратно. Но делает это благодаря тому, что реализует созидательную силу духа, который формирует чувственный материал в чувственные символы. Деяния духа, таким образом, выступают предпосылкой содержания культуры. Культура становится сферой, в которой воплощается, реализуется формосозидающая деятельность духа, осуществляемая в сфере чистого разума. Это показывает, считает Кассирер, что реальная ценность жизни в том, что человек постоянно ищет самого себя, и в каждый момент существования испытывает условия своего существования.

Дух реализует свою свободу в культуре, которая воплощает в себе символический универсум и вместе с тем выступает процессом самореализации духа. Язык дает новый, не существовавший до того синтез Я и Мира, который происходит в символической форме. Он – основное духовное средство движения от мира ощущений к миру идей. Благодаря символу человек постигает предмет, самого себя и закономерности своего творчества. В связи с этим Э. Кассирер высказывает интересную идею о том, что «все формы культуры создают единый Космос человечности» [6, 209].

При такой трактовке духа он выражает несогласие с точкой зрения М. Шелера, что дух и жизнь противостоят друг другу. Дух как деятельность творения, формообразования есть преобразование в самой жизни, считает Э. Кассирер.

Итак, Э. Кассирер в своей антропологии делает акцент на единство природы и духа. Это позволяет ему выявить неразрывную связь антропологической проблемы с космогонией и показать, что отношение к внешнему миру у человека опосредуется символическими формами. Благодаря этому он выявляет связь между двумя проявлениями духа: культурой как сферой формотворчества и внутренним миром человека. Он конкретизирует представление о трансценденции человека как движении от внешнего к внутреннему, что дает выход в сферу чистого разума, чистого творения.

Э. Кассирер конкретизировал представления о духе и духовном. Он окончательно закрепил позицию ограничивать рассмотрение духа сферами культуры и истории. И дал более определенную характеристику духа как творческой способности человека, которая заключается в формотворчестве. Вместе с тем структурно-функциональный подход позволяет Э. Кассиреру найти новые моменты в решении этой проблемы. Благодаря ему он выделяет все богатство структурных компонентов сферы духовного. Характеристика духа как формотворчества раскрывает непосредственную связь между духом и разумом человека. Для Э. Кассирера дух воплощается в деятельности чистого разума и поэтому выражает интеллектуальную жизнь человека. В свете этого появляется новое видение трансцендентального как выхода за границы эмпирического опыта в сферу чистых идей. Э. Кассирер выдвигает тезис о том,

что разум сначала действует в этой сфере, создавая формы. А затем обращается к эмпирическому опыту, соединяя и наполняя эти формы чувственно-наглядным содержанием. В этом процессе раскрывается то, как дух творит действительность.

В результате Э. Кассирер не только раскрывает деятельность духа, но еще более конкретизирует понятия «духовное» и «дух». Духовное предстает сферой реализации духа, т.е. тем, что дух воплощает в жизнь. Как таковое, оно включает в себя культуру, историю и определенный уровень внутреннего мира человека – интеллектуальную деятельность разума. Таким образом, внешняя и внутренняя стороны духовной жизни человека оказываются связанными воедино.

Но Э. Кассирер выделяет два новых компонента духовного. Во-первых, объективные ценности. Этим закладывается аксиологический аспект исследования духовного мира человека и духовной жизни общества. Во-вторых, символическая реальность. На роль символов в исследовании духовного указывали и до него. Но он в полной мере показал их роль и значимость, подняв статус символов до самостоятельного вида реальности. Э. Кассирер показал, что живя в созданном им мире культуры и истории, человек только через эту реальность взаимодействует с внешним миром.

Такое видение духовного добавило новые моменты и к трактовке духа. Дух как формотворчество есть деятельность, в ходе которой создаются культура и история. Дух опирается на разум человека и поэтому выражается в его интеллектуальных

способностях. Но дух создает не только вещи, но и объективные ценности – все, что значимо для человека. Отсюда перед духом человека встает еще одна задача: освоение и оценка мира культуры и истории. Она решается через работу с символической реальностью, умение понимать и оперировать символами.

По сути, Э. Кассирер впервые показывает, что с развитием цивилизации духовная жизнь человека обретает два аспекта. 1) Формотворчество. 2) Деятельность по освоению культурно-исторического наследия. Соответственно и духовное развитие человека идет по двум линиям: развитие творческих способностей, или как модно говорить сегодня, его креативности, и посредством образования – расширения культурного кругозора. Именно поэтому Э. Кассирер говорит, что дух преобразует жизнь, так как деятельность духа позволяет человеку непрерывно восстанавливать мир и вести поиск самого себя, своей идентичности.

Литература:

1. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. // Проблема человека в западной философии. – М., 1988, С. 5.
2. Там же, С. 10
3. Там же, С. 17
4. Там же, С. 25
5. Там же, С. 28
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы // Культурология XX век. Антология. – М., 1995, С. 209.

Е. В. Власова

ЛЕВАЯ, ПРАВАЯ, ГДЕ СТОРОНА?..

**Власова
Елена Владимировна**

кандидат философских наук,
доцент, зав. кафедрой философии
УрГМА

Топография человеческого тела всегда была подвержена моральным критериям. Например, дуализм левого и правого, столь четко обозначенный у пифагорейцев, пронизывает всю греческую философскую мысль. Так, у Гомера с правым связаны активная сила и жизнь, а с левым – пассивная слабость и смерть. Это не кажется слишком уж удивительным, если мы вспомним, что в правой руке обычно держат копье, а в левой – щит. Фукидид – афинский историк, отмечал страх, который каждый воин испытывает, увидев свою правую часть открытой. У медиков гиппократовской школы считалось, что зачатие мальчика происходит в правой части матки, а девочки – в левой; что правый глаз зорче, что правая грудь сильнее, чем левая; что у беременной женщины устанавливается связь между мужским зародышем и правой грудью... Со времён Аристотеля вплоть до XX века считалось, что если мужчина перевяжет себе правое яичко, - будет девочка, а если перевяжет левое – будет мальчик. Любопытно и то, что пифагорейцы, также как и древние китайцы,

связывали правое с верхом, идентифицируя его с добром, а левое – с низом, идентифицируя его со злом. Именно с этим превосходством правого связаны некоторые привычки и обычаи, которым следовали пифагорейцы – акусматик: в храм было принято заходить справа, а выходить – слева; надевать обувь, начиная с правой ноги, а снимать, начиная с левой. Известен исторический прецедент, когда победа была достигнута за счёт нестандартного военного решения: наступления левым флангом.¹

У китайцев ян – мужское начало ассоциировалось с верхом тела, с правой его стороной, с наружными его поверхностями, в то время как инь – женское начало связано с нижней частью тела, с левой стороной и внутренними поверхностями. В южной Индии оппозиция правого и левого является элементом кастовой символики. Но правилом является моральная окрашенность: правое (мужское) – возвышенное, совершенное и сакральное, а левое (женское) – низменное, постыдное и профанное.

Оппозиция «возвышенного верха» - «низменного низа», впервые отчетливо сформулированная еще древними греками, прошла через все этапы развития европейской культуры и сохранилась по сей день. У Эразма Роттердамского, философа эпохи Возрождения, мы находим прямо-таки фрейдистский пассаж: «Юпитер... заточил разум в... тесном закутке черепа, а все остальное тело обрек волнению страстей. Далее, он подчинил его двум жесточайшим тиранам: во-первых, гневу, засевшему, словно в крепости, в груди человека, в самом сердце, источнике нашей жизни, и, во-вторых, похоти, которая самовластно правит

нижней половиной, до признака зрелости. Насколько силен разум против этих двух врагов, достаточно обнаруживает повседневная жизнь: пусть его вопит до хрипоты, провозглашая правила чести и добродетели, - бунтовщики накидывают своему царю петлю на шею и поднимают такой ужасный шум, что он, в изнеможении, сдается и на все изъясняет свое согласие»².

Замечательный интеллект своего времени остроумно высветил уже сложившуюся оппозицию «мужское – женское», рекомендуя «сочетаться браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своей бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума...». Со свойственной ему иронией он рассуждал: «Скажите, пожалуйста, разве голова, лицо, грудь, рука, ухо или какая другая часть тела из тех, что слывят добропорядочными, производит на свет богов и людей? Нет, умножает род человеческий совсем иная часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота. Таков, однако, источник более священный, нежели числа Пифагоровы, и из него все живущее получает свое начало»².

Чрезвычайно интересный вариант мифа об андрогинах мы находим в фольклоре славянских народов. В те времена, когда человек был единым целым, мужчину и женщину соединяла общая толстая жила, которую по наущению дьявола, порвала сама Ева. Некогда общая жила досталась мужчине, а женщине – лишь дырка. С того времени они ищут друг друга по всему свету, чтобы вновь срастись и стать единым целым³. Попытка совместить эту историю с библейской историей о сотворении женщины нашла своё отражение на одной из крестьянских православных икон. Из левого (!) ребра Христа (а не Адама!) растёт виноградная лоза – символ жизни. Она огибает крест и спускается с правой стороны. На ней – гроздь винограда.

У маори есть предание о том, что женщина для первочеловека была сделана им самим из собственного левого ребра. А в Европе, в те времена, когда вскрытие трупов было запрещено, предполагали, что у мужчин с левой стороны не 12, а всего лишь 11 рёбер⁴.

Человеческое тело и лицо не абсолютно симметрично. Более того, деформации усиливаются по мере жизни. Считается, что до 30 лет человек имеет то лицо, которое ему дано родителями, а после 30 – которое заслужил. Так что физиогномика, которая не без оснований считалась лженаукой, всё-таки имеет под собой некоторые объективные основания: функциональные изменения, закрепившиеся морфологически. Изучением этих изменений занимаются наследницы физиогномики – персонология и морфопсихология. Так, у людей с преобладанием левого полушария, более богата мимика правой стороны лица.

Большой интерес у людей всегда вызывал феномен леворукости. Иногда леворукость расценивалась как признак избранности, необычности и сверхъестественных способностей, как символ иного мира. Чаше левая сторона тела и левая рука выступают символами женского начала. В древних захоронениях мужские скелеты обычно лежат на правом боку, а женские – на левом. Левшей в человеческой популяции около 10%, причём мужчин в два раза больше, чем женщин. Среди них немало выдающихся личностей, таких например, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Ганс Гольбейн Младший, Наполеон, В. Даль, И. Павлов, В. Маяковский, Ч. Чаплин и другие. Несмотря на это, в обыденном сознании, а значит, и в языке закрепилось

представление о том, что левая рука – ленивица, неряха, «неловкая» (во Франции), «неуклюжая» (в Греции), «утомлённая и испорченная» (в Италии). В противоположность правой левая сторона всегда связывалась с неудачей, несчастьем, с происками нечистой силы и с бедой.

Главенство правой руки отражается во многих обычаях. У некоторых горных народов Кавказа принято было отрубать правую руку убитого врага и прикреплять её к дверям своего дома как знак абсолютной победы. Аксиологическая окрашенность столь значима, что иногда это приводит к своеобразному «разделению труда» между левой и правой рукой. Например, правоверный мусульманин старается не дотрагиваться до пищи левой рукой, а до интимных органов – правой, чтобы не осквернить её. В исламских странах у укравших (в первый раз) по законам шариата отсекают кисть правой руки. А «рука Фатимы» (правая) является не просто дверной ручкой, а своего рода оберегом, защищающим дом от злых сил.

Присмотримся повнимательнее к скульптуре Пьера – Огюста Ренуара «Собор». Две (заметьте, правые !) руки, выражающие целую гамму чувств, вызывают к небу, одновременно пытаясь договориться между собой. Скульптура чрезвычайно выразительная, красноречивая и заключающая в себе неоднозначный символический смысл.

Весьма отчётливо прослеживается отношение к левому и правому в народных приметах, присказках и поговорках. «Когда зудится правая рука, то это к деньгам, а когда левая – то к их потере». «Левый глаз чешется к слезам, а правый – к радости и веселью». «За левым плечом стоит чёрт – искуситель, за правым – ангел – хранитель». Встанешь с левой ноги – весь день будет неудачным.

В фольклоре различных народов очень часто помимо тем единства и целостности (андрогинизм) и аксиологии левого и правого встречается диалектическая идея трансформации одного в другое. Изменение правого (главного) в левое – типично женское. Убедительность такому превращению придаёт поэтапность. Мужчина-шаман использует сначала ритуальную значимость своей левой руки, а затем женскую одежду, превращаясь в женщину. Особенно наглядно этот механизм превращения показан в фильме Сергея Параджанова «Цвет граната», где поэта и его возлюбленную играет одна и та же актриса. Ещё одним механизмом феминно – маскулинной трансформации является мода. Её диапазон – от лёгкой культурной коррекции (например, накладки на бёдра или плечи) до полного преображения при помощи переодевания. Превращение правого в левое, мужчины в женщину, века в низ типично и для карнавальной культуры.

Этнографическая и историческая литература даёт нам богатейший материал для размышлений и обобщений. Так например, практически у всех народов была принята после рождения ребёнка его «доделка» или «переделка»: тельце надо было сформировать. Девочке талию делали тонкой, а бёдра широкими, чтобы, войдя в возраст, ей легче было носить своего ребёнка. Иногда кормилицы хватали через край: чтобы сделать утробу как можно больше, они совершенно раздавливали туго обмотанную пелёнками грудную клетку.⁵ Семантика духовного, творческого верха и рождающего низа прослеживается и в запрете на касание головы ребёнка чужим человеком, и в тибетском веровании о космической верёвке, прикреплённой к темени человека, по которой передаётся ему жизненная сила, и в

индийских представлениях о верхней чакре, и в представлении о том, что для оплодотворения женщины в неё через голову должен войти дух-эмбрион, а затем он по телу опускается в матку. Рост зубов ребёнка также отражает космогоническое единство верха и низа, неба и земли. Особое отношение к зубам нижней челюсти – широко распространённая универсалия культуры, особенно очевидная у архаичных народов. Существует даже культ нижней челюсти, которую отделяют от тела умершего и берегут, наделяя её способностью обеспечивать плодородие.

Вероятно, именно эти древнейшие представления побудили Платона, который размышлял о локализации в человеческом теле неоднородной души, предположить, что разумная часть души находится в голове, аффективная – в груди, а вожделеющая – в животе. По существу, эти предположения абсолютно аналогичны древнеиндийскому учению о специализации чакр и древнекитайскому учению о предназначении дян-тяней

(центров скопления жизненной энергии).

Поскольку человек всегда соотносил себя со своей средой обитания, то семантика правого и левого, верха и низа антропоморфно переносилась и на жилище, и на ландшафт, и на пространство, и на космос в целом. Таким образом, ценностное отношение объединило антропологию, культурогенез и космологию.

1. Видаль-Накэ П. Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. – 419 с.
2. Роттердамский Э. Похвала глупости. М., 1971 – 769 с.
3. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. – 335 с.
4. Этингген Л. Е. Мифологическая анатомия. М., 2006 – 528 с.
5. Гуревич Д., Рапсат – Шарлье М.-Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М., 2006 – 260 с.

Ф. П. Фурман

НАРОДНИЧЕСТВО: ОТ НАРОДОЛЮБИЯ ЧЕРЕЗ НАРОДОВЕДЕНИЕ — К НАРОДОВОДСТВУ

Фурман
Феликс Павлович

кандидат философских наук, доцент. г. Нижневартовск

История идейно-политического и культурно-исторического явления русского народничества весьма поучительна с точки зрения эволюции его центрального смыслового ядра – категории «народ». Однако, если быть более точными, то следует признать, что это была, скорее, мифологема, нежели сколько-нибудь строгая научно-теоретическая конструкция. Ее эволюция в народничестве, а тем более – ее судьбы в рамках более поздних идейно-политических течений выступают той «призмой», через которую просвечивает ряд закономерностей, помогающих понять и события современности¹.

В 70-е годы XIX века в центр общественно-политической жизни России выдвигается особенный феномен: беспредельное «народолюбие». По известному выражению Н. К. Михайловского появляются «кающиеся дворяне», которые вдруг всецело посвятили свою жизнь тому, чтобы загладить перед мужиком вековую вину барства-интеллигенции. В 1875 г. публикуется небольшая статья в «Неделе» о том, «почему литература пришла в упадок» никому прежде неведомого писателя П. П. Червинского. С нее фактически началась обширная литература журнальных и газетных статей, исследовавших основной тезис статьи: интеллигенция должна учиться нравственности у «деревни». Стремлением к идеализации народа отличалась так называемая «мужичья беллетристика». В то же время производится организация ряда специальных комиссий в Географическом и Вольном Экономическом обществах, посвященных научному констатированию замечательных «особенностей» нашей народной жизни.

Н. Бердяев писал: «Народничество есть столь же характерно русское явление, как и нигилизм, как и анархизм. У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен,

Достоевский и Бакунин, Л. Толстой и революционеры 70-х годов — одинаково народники, хотя и по-разному». Он объяснял, что народничество есть прежде всего «вера в русский народ». Под народом же нужно понимать трудящийся «простой народ», главным образом, крестьянство. По мнению Бердяева, русские народники всех оттенков верили, что в народе хранится тайна истинной жизни, скрытая от господствующих культурных классов. В основе народничества лежало чувство оторванности интеллигенции от народа. Интеллигенты-народники не чувствовали себя органической частью народа, народ находился вне их.

Он обращает внимание на значение чувства вины перед народом, которое играло огромную роль в психологии народничества: вся культура, полученная интеллигенцией, создана на счет народа, на счет народного труда и это налагает тяжелую ответственность на приобщенных к этой культуре. При этом, если религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой) верили, что в народе скрыта религиозная правда, то народничество безрелигиозное и антирелигиозное (Герцен, Бакунин, народники-социалисты 70-х годов) верило, что в нем скрыта социальная правда. Но все русские народники сознавали неправду своей жизни Настоящий человек, человек не подавленный чувством вины, грехом эксплуатации своих братьев, есть трудовой человек, человек из народа.

Еще более далеко идущий вывод, следовавший из народнических построений, отмечает Бердяев, — состоит в том, что культура сама по себе не есть оправдание жизни, она куплена слишком дорогой ценой порабощения народа. Народничество нередко бывало враждебно культуре и во всяком случае восставало против культурупоклонства.

С самого начала народничество, как общественно-политическое и прежде всего литературно-художественное и публицистическое явление, предстало сложным образованием, которое включало народничество славянофильского, религиозного типа, видевшее главную вину культурных, высших классов в отрыве от религиозных верований народа и от народного быта, а также — народничество социалистического

типа, которое видело вину культурных классов в том, что вся их жизнь и их культура основана на эксплуатации народного труда.

Н.Бердяев же обратил внимание на то, что ни один народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных слоях.

Все это неизбежно выливалось в поиски ответа на вопрос о путях преодоления чувства вины. Народники сформировали веру в особые пути развития России, в возможность миновать западный капитализм, в особое предназначение русского народа разрешить социальный вопрос лучше и скорее, чем на Западе. В этом сходятся революционеры-народники с славянофилами. В.Г.Короленко так характеризовал появление «народолюбия»: «представление о «народе» со времени освобождения занимало огромное место в настроении всего русского общества... Уже самое происхождение из народа давало своего рода патент на обладание истинно народной мудростью... Вот что тогда было широко разлито в сознании всего русского общества и из чего наше поколение, — в семидесятых годах подходившее к своему жизненному распытию, — сделало только наиболее последовательные и наиболее честные выводы. Если общая посылка правильна, то вывод действительно ясен: нужно «отрешиться от старого мира», нужно «от ликующих, праздно болтающих, обгагривших руки в крови» уходить туда, где «работают грубые руки» и где, кроме того, зреет какая-то формула новой жизни... Часть литературы легальной и вся нелегальная сделала из этого логические, нравственно наиболее честные выводы. А молодежь внесла присущий ей энтузиазм. И вот «революционное народничество» готово».

Стремление «возвратить долг народу» стало важнейшим побудительным мотивом деятельности народников. Однако способы «возвращения долга» понимались различными течениями в нем по-разному. Либеральные народники шли на службу в земство, стремясь к облегчению повседневной участи крестьян. Часть их, во главе с Н.К.Михайловским, видела главную задачу интеллигенции в том, чтобы внести в крестьянскую среду социалистические идеи, показать крестьянству преимущества коллективного ведения. Хозяйства. В противоположность им, революционные народники, считая, что «земство бесправно, оно лживая форма», — звали интеллигентную молодежь на путь подготовки революции. Так оформились главные направления. Идеологом бунтарского направления в народничестве стал М.А.Бакунин. Любая власть — подавление человеческой свободы. В будущем обществе, утверждал он, не будет никакого государства, люди будут совершенно свободны, а общество будет состоять из самоуправляющихся общин, артелей, народов. Он считал, что русский крестьянин — «прирожденный социалист». Нужно не внушать крестьянам социалистические идеи, а прямо звать их к немедленной революции. Более того, крестьянство готово к бунту, «ничего не стоит поднять любую деревню». Но «отдельные вспышки» недостаточны, хотя и способствуют воспитанию народа. Задача интеллигенции, по его мнению, состояла в организации «живой бунтовской связи между разьединенными общинами».

Вдохновителем пропагандистского направления стал П.Л.Лавров, считавший что революция будет иметь смысл лишь тогда, когда и народ, и сама революционная молодежь будут подготовлены к ней, когда будут усвоены социалистические взгляды. Без этого возможен лишь бунт, сопровождаемый

бессмысленным насилием.

Главной задачей интеллигенции Лавров считал длительную социалистическую пропаганду.

В отличие от других народников, П.Н.Ткачев отвергал принцип «освобождение народа должно быть делом самого народа». По его мнению, сам народ в силу своего невежества и «рабских инстинктов» «не может провести и осуществить идеи социальной революции». Эта задача ложится на плечи «революционного меньшинства», объединенного в конспиративную организацию. Ткачев настаивал на захвате власти и осуществлении революции в самое ближайшее время, поскольку русское самодержавие не имеет опоры. «Не готовить революцию, а делать ее!» — провозглашал Ткачев, предлагая «терроризировать» правительство. Как видим, различные направления, в конечном счете свои способы и методы формулируют исходя из представлений о свойствах «народа». Этим представлениям и верованиям предстояло вскоре пройти жесткую проверку. Пропаганда среди городских рабочих казалась многим народникам недостаточной. Молодежь воодушевлялась призывами Герцена, Бакунина, Лаврова — «В народ!».

Весной 1874 г. тысячи молодых людей, главным образом студентов, устремились «в народ».

«Хождение в народ» охватило 37 губерний. Особенно активно народники действовали в Поволжье, недавно пережившем неурожай и голод. Среди участников «хождения в народ» преобладали последователи Бакунина, рассчитывавшие на немедленный бунт, но были и сторонники Лаврова. Однако очень скоро становилось очевидным, сколь односторонними, умозрительными и упрощенными являются представления о народе, о методах работы с ним; поэтому нередко одни и те же люди сочетали в своем сознании пропагандистские и бунтарские взгляды.

Однако ожидания народников не оправдались. Ни призывы народников к бунту, ни их пропагандистские усилия успеха не имели. Большинство участников «хождения в народ» были схвачены самими крестьянами: в общей сложности было арестовано свыше полутора тысяч «пропагандистов», из них к дознанию привлекли 770, в том числе 158 женщин. По итогам «хождения в народ» царизмом в 1877 г. был организован самый крупный в российской истории политический процесс — «процесс 193-х». В итоге 28 человек были приговорены к каторге на срок от 3 до 10 лет, 32 — к тюремному заключению, 39 — к ссылке. По инерции большинство участников «хождения в народ» объясняли его провал недостаточным уровнем организации и полицейскими преследованиями. Отсюда был сделан логичный вывод: о необходимости создания единой организации. В 1876 г. из нескольких разрозненных кружков сложилась конспиративная организация «Земля и воля», названная в память о «Земле и воле» 1860-х гг. В программе «Земли и воли» основной целью организации провозглашались «анархия и коллективизм», она требовала «перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения», «полнейшей свободы исповеданий», «разделения теперешней Российской империи на части в соответствии местным желаниям». «Земля и воля» полагала, что добиться поставленных целей можно «только путем насильственного переворота, и притом возможно скорейшего, так как развитие капитализма и всё большее и большее проникновение в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства)

разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного мирозерцания». Свои практические задачи землеvolьцы видели в том, чтобы, во-первых, «помочь организовать элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства»; и, во-вторых, «ослабить, расшатать, т.е. дезорганизовать, силу государства, без чего не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного, плана восстания». Для этого предполагалось не только устраивать «прочные поселения и притоны» среди крестьян тех местностей, где «недовольство наиболее заострено», но и сближаться с антиправительственными «сектами религиозно-революционного характера» и даже привлекать «на свою сторону по временам появляющиеся в разных местах разбойничьи шайки». Невозможность легально вести пропаганду и полицейские преследования убеждали народников в необходимости политической борьбы, которой ранее они всячески избегали. Постепенно в среде молодых революционеров стало складываться стремление подтолкнуть революцию террором.

Впрочем, поначалу землеvolьческий террор носил, скорее, характер мщения. Оправдание Засулич свидетельствовало о глубоком возмущении общества действиями властей и сочувствии революционерам. Но, оправдав Засулич, суд присяжных фактически разрешил самосуд и террор. После оправдания Засулич террористические акты стали следовать один за другим. Правительство ответило на эти покушения арестами, были казнены 16 и высланы 575 человек. Из-за преследований со стороны властей народникам пришлось почти полностью прекратить пропаганду в деревне. Теоретический спор о правильности представлений о народе, как видим, решался в том числе – в практике ожесточенной политической борьбы, которая вступила тем временем в новую фазу. Появляется новая политическая сила и новая система воззрений на общество, «народ», «классы».

Отношения между русским народничеством и марксизмом, часто упрощенно изображаемые как противостояние, были гораздо сложнее, и народники отнюдь не ограничивались тем, что выступили против марксизма, но и испытывали на себе его глубокое влияние. Известно, что первая встреча марксизма с русским народничеством произошла до появления русского марксизма. Народники изначально не были врагами марксизма². После распространения марксизма в России народники более глубоко осознали несовместимость некоторых предпосылок исторического материализма со своими понятиями о возможном пути социального развития России, но в это же время отдельные народники продолжали изучать марксизм и пытались дискутировать с русскими последователями Маркса на марксистском языке. И снова в центре споров – оценка свойств «народа». Только теперь, с учетом достижений социологической теории и политической практики, речь идет не о «простом» народе или «трудовом», а о структурированном обществе, в котором различные элементы (различные социальные слои и группы (классы)) получают различную оценку по отношению к революции и степени «готовности» к социализму. Народничество в лице Н.Михайловского встало на позиции «субъективного метода», рассмотрения проблемы в духе дилеммы «героев и толпы». Примечательно, что старший брат В.И. Ленина – А.И.

Ульянов, считая себя последователем «Народной воли», в своей «Программе террористической фракции партии «Народная воля» считал городской рабочий класс основной революционной силой, а закон экономического развития и перехода от капитализма к социализму не всеобщим, а условным: «закон выражает историческую необходимость, которая управляет процессом перехода к социализму, если этот процесс проходит стихийно и если не происходит какого-либо сознательного вмешательства со стороны какой-либо социальной группы»³⁰.

Русский марксист Плеханов был догматически уверен в том, что отсталые страны (Россия) должны повторить этапы развития передовых стран. Сам Маркс к концу жизни отошел от простой эволюционистской точки зрения и, к досаде плехановской группы, склонялся, скорее, к народнической теории (хотя и оговаривал это рядом условий!). Но представления Плеханова о социализме, основанном на высокоразвитом и демократическом капитализме, оказались не менее утопичными, чем мечты народников о том, чтобы избежать человеческих жертв в ходе экономического прогресса. Практика политической борьбы остро ставила перед ним радикальный вопрос, сформулированный лидером большевизма В.Лениным: нужно ли слепо следовать закону стихийного развития общества и дожидаться вызревания экономических предпосылок (соглашаясь на неминуемые жертвы, в том числе – в результате оголтелого сопротивления эксплуататоров!), если их можно сознательно создавать после революционного захвата власти угнетенными? Насколько состоятельны могут быть упования на то, что продолжение капиталистической эволюции однозначно будет сопровождаться ростом буржуазных свобод, созреванием и всемерным развитием рабочего класса? Лев Тихомиров, теоретик народнической партии «Народная воля», по этому поводу сравнил Плеханова с миссионером, пытающимся убедить дикарей, что рабство есть «необходимый этап цивилизации и что поэтому им полезно стать рабами». Поэтому-то в первых работах Ленина подробно разъясняется огромное значение «субъективного фактора» — революционной сознательности и организованной воли (политической партии) в историческом процессе. Может быть в этом заключалось многозначительное молчание Г.Плеханова после Октябрьской революции 1917 г. ставшего перед мучительной дилеммой: осудить революционное восстание масс он как революционер не мог, а опасности последующего мало кому были ведомы.

М.Вебер, анализируя эту сложную проблему, показал, что особенности массового сознания усиленно эксплуатируются социал-демократией, пришедшей на смену народничеству, но, по его убеждению, «нет ни тени намека на то, что во чреве экономического «обобществления» содержатся в зародыше свободная личность или альтруистические идеалы... «Правильная» социал-демократия гонит вымуштрованную массу на духовный парад, суля ей вместо потустороннего рая рай на земле. Она приучает своих приверженцев подчиняться догмам и авторитетам, к бесплодным спектаклям массовых забастовок. После того, как эсхатологический момент движения останется позади, а поколение за поколением истратили свои силы на сжимание кулаков в карманах и скрежетание зубами, останется только умственная тупость и духовная усталость»³.

Капитализм как социально-экономическая система в «классическом» его состоянии не способен стать питательной средой для расцвета свободы, справедливости и демократии

— этот вывод Вебера уже в наши дни подтверждают такие теоретики и практики, как Милтон Фридман, Мишель Рокар, Людвиг Эрхард. М.Фридман, глава Чикагской школы, утверждал, что «свободная экономика с частным рынком не является гарантией гражданской, личной и политической свободы»⁴. М. Рокар против идеи о том, что лишь только процветающие страны могут жить в условиях демократии⁵. Демократия зависит от политической воли народа, от уровня экономического мышления избранных народом лидеров и от его способности понять необходимость перемен и оказать им действенную поддержку.

Пышно расцветшая в стране бюрократия вытесняла успешно работавший, подлинно демократический, как оценивает его Вебер, институт самоуправления — земство. Анализ истории и действий земства, данный Вебером, призван убедить в том, что это наиболее полнокровный, дееспособный и авторитетный в глазах общественного мнения страны институт. Уже фактом своего существования и последовательной работой на нужды общества он олицетворял борьбу против традиционного сословного распределения власти. Реформистские партии России начала века медлили в определении кардинальных задач по преобразованию деревни. Предлагались давно устаревшие, упрощенные меры, обходившие корень, фокус сельской жизни — крестьянскую общину. Вне этого контекста невозможно понять и три русских революции, и двусмысленность Февраля 1917 г. и его итогов. Такая ситуация не могла не разрешиться Октябрем.

Но как остро вновь встает проблема оценки качеств «народа», его «готовности» к социалистическим преобразованиям! Первые декреты Советской власти преисполнены убеждения в том, что самые широкие слои «трудового населения» страны — и в первую очередь рабочего класса, — вполне готовы и смогут осуществить социально-экономические преобразования тектонического масштаба: обобществить средства производства, ввести рабочий контроль и учет, наладить справедливое распределение, поддерживать общественный порядок и прекратить военные действия на фронтах, пресечь «вылазки контрреволюции» и т.п.⁶ Однако очень скоро⁷ в работах В.И.Ленина все более отчетливый характер приобретает переход от стихийной «разумности революционных масс» к необходимости создания особой «стройной, крепкой организации», только и способной наладить деятельность миллионов людей «с правильностью часового механизма». Он верен был духу марксизма, хотя заповедь классика тогда не была опубликована: «Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством»⁸ — поэтому не мог отдать контроль рыночным силам («невидимой руке рынка»). Хотя и предпринимет головокружительную попытку использовать эту силу в форме НЭПа.

Но потребность организовать и направить энергию масс неизбежно выльется в создание многочисленного бюрократического аппарата, теперь уже советского «рабоче-крестьянского», по поводу качества работы которого сам его первый Председатель скажет в сердцах, что «он — г.!» И вот уже вскоре Н.И. Бухарин будет вынужден констатировать, что «мы строим контроль над контролем и они исправляют 10%, а прожирают 20, 30, 50; поэтому такой контроль представляет колоссальный балласт на всем советском организме... Мы создаем ... контроль в квадрате, контроль в кубе... и в то же самое время воровство существует...»⁹. Еще будут политические кампании (и в партии, и в госаппарате, и в прессе) вовлечения и привлечения масс к «делу управления» и «строительства», но уже очень быстро по историческим меркам сцементируется мощный слой партийной и советской бюрократии, который бетонной стеной встанет на путях всевозможного самостоятельного творчества народа, либо загоняя его в извращенные «фаланстерии», либо до неузнаваемости извращая все, что будет порождено этой творческой самостоятельностью. Будет выстроена некая причудливая «иерархия авангардов»: русский народ во главе с рабочим классом, возглавляемым особой организацией, то ли завоевавшей право называться «ум, честь и совесть эпохи», то ли превратившейся в тайный «орден меченосцев».

Так народническое преклонение перед народом («служение ему» и «борьба за его счастье») в руках их идейно-политических наследников превратится в организованную систему жестокой социально-политической и экономической «выделки» народа руками самого народа.

1. Здесь мы не касаемся ряда актуальных аспектов этой темы, связанных, в частности, с анализом мифологемы «народность» в русской общественно-политической литературе, связанной немецкой общественно-политической традиции — от романтиков до национал-социализма.

2. Известно, что «классический» этап развития народнической мысли наступил после опубликования первого тома «Капитала», и не случаен тот факт, что первый перевод «Капитала» был издан в России благодаря народникам: перевод был начат Германом Лопатиным, близким другом Маркса, и закончен Николаем Даниельсоном, считавшим марксизм и народничество вполне совместимыми.

3. цит. по: Шпакова Р.П. Российское реформаторство глазами Макса Вебера. //Полис, 1998. №3. // Weber M. Russlands Ubergang zum Scheinkonstitutionalismus. // "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", 1907. Bd. XXIII, H. 1. с. 349

4. Фридман М. Четыре шага к свободе. — «Общественные науки и современность», 1991, № 3, с. 16.

5. Рокар М. Трудиться с душой. М., 1990, с. 194.

6. См.: Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. соч. Т.33. С.101.

7. Его же. Очередные задачи Советской власти. Там же. Т.36. С. 155, 263.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. ч.1. С.101-102.

9. Бухарин Н. Избр. труды. М., 1990. С.312.

А. Е. Спасский

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА. ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ДИСКУРСИВНОГО ПУТИ УСПЕХА

**Спасский
Александр Евгеньевич**

кандидат политических наук,
Генеральный директор
ООО ДРП «Локомотив»

Предлагаемая типологизация человека является частью Учения Дискурсивного Пути Успеха, выступает одним из самых важных инструментов дискурсивного воздействия на человека. Если конкретный человек существенно отличается от других, то и воздействие на него также должно отличаться. Это относится к человеку, предприятию, нации. Одной из проблем подобной типологизации выступает ее существование на границе между общественными и психологическими науками. Далее в работе используется пограничный термин «психосоцио» типы человека. Основы учения были разработаны группой Такэру. В последующем данное учение развивалось группой российских исследователей. И не только развивалось, но и практически постоянно использовалось.

Описание подобной типологизации человека мы предлагаем вашему вниманию.

1. ИСПОЛЬЗУЕМАЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА.

Сегодня известны и применяются несколько вариантов типологизации человека. У разных авторов человечество делится на 4, 5, 8 психо или социо типов. Лучшие типологизаций – две, базирующиеся на одной и той же теоретической платформе. Это западная модель, выделяющая 16 психотипов (с точки зрения психологии). И советская модель, выделяющая 16 социотипов (с общественной точки зрения). Обе модели основаны на выделении в человеке 4 характеристик. Их сочетание, 4×4 дает 16 психо или социо типов человека.

2. ПРЕДЛАГАЕМАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ.

Предлагаемая типологизация человека – фактически революция. В тоже время, она основана, на достаточно известном делении информационного взаимодействия человека на 3 основных фазы и на 9-ть основных классов характеристики человека. В каждом из 9 основных классов можно выделить еще по 3 класса второго порядка. Итого 27 (9×3) позиций для классификации типов человека. И даже странно, что авторы типологизации человека не заметили этой теоретической базы для себя.

Обычно используется два варианта оценки по каждой рассматриваемой характеристики. И для ряда характеристик другой вариант практически невозможен. Характеристики, оценивающие уровень чего-либо, на практике обычно делятся грубо на 3 уровня оценок: низкая, средняя, высокая. Это деление мы используем далее. Поэтому для подсчета количества классов

умножаем количество характеристик само на себя три раза. В результате получаем $(9 \times 3) \times (9 \times 3) \times (9 \times 3) = 19'683$ психо/социо типов человека. (Возможно 9 оценок.)

А. Первая фаза деятельности социопсихики человека – Восприятие информации.

- 1) **Ощущения.** А) Изнутри человека. Б) Слова. В) Реальности.
- 2) **Внимание.** А) Уровень. Б) Объем. В) Скорость переключения.
- 3) **Интерес.** А) Работа. Б) Хобби. В) Любовь.

Б. Вторая фаза деятельности социопсихики человека – Принятие решения.

- 4) **Восприятие.** А) Людей «книги». Б) Людей «телевиденья». В) Людей «Интернета».
- 5) **Мышление.** А) Интуитивное. Б) Стереотипное. В) Логическое.
- 6) **Память.** А) Эмоциональная. Б) Брендная. В) Схематизированная.

В. Третья фаза деятельности социопсихики человека – Реализация решения.

- 7) **Мотивы.** А) Люблю. Б) Верю. В) Нацелен действовать – Воля.
- 8) **Намерения.** А) Единения. Б) Власти. В) Выгоды.
- 9) **Способности.** А) Пассионарность. Б) Харизма. В) Лидерство.

Для достижения человеком успеха, главную роль играет последний класс – способности.

3. ВОПРОСЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ, ПРЕДЛАГАЕМОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ.

1) Почему понадобилось подобное существенное умножение типов человека?

Нельзя сказать – понадобилось. Просто даже грубая оценка человека гораздо богаче применяемой типологизации сегодня. Мы просто оценили основные характеристики человека. Поскольку их больше, чем в известных системах оценки, постольку и количество психо/социо типов существенно выросло.

Благодаря росту числа типов человека, его оценка становится существенно более точной. Ошибок становится во много раз меньше. Практически характеристика человека достаточно близко приближается к 100% точности прогноза его будущего поведения.

2) Возможно ли использование на практике подобного количества типов человека?

В отличие от стандартных методов, выделяющих 16 психо или социо типов, каждый из 19'683 предлагаемых нами типов строится самим исследователем из сочетания оценок всего 9 основных характеристик человека. Поэтому оценка человека не предполагает наличия толстых томов описания всех 16 типов, которые достаточно сложно освоить. Достаточно краткого описания всего 9-ти характеристик человека. И оценка каждого человека есть произведение 9 отдельных оценок с извлечением соответствующей степени. Поэтому предлагаемый метод существенно проще применяемого ныне.

3) *Как отнести конкретного человека к определенному типу?*

Для оценки, обычно используются достаточно сложные и длительные опросы каждого конкретного человека. На практике, однако, ты нуждаешься в быстрой оценке тех людей, которых заставить отвечать на твои вопросы по тесту – просто не реально. Поэтому мы используем гораздо более простой и менее точный вариант – самостоятельно оцениваем человека по его поступкам. Позже анализируем предположение его поведения и реальность и уточняем наши представления о данном человеке.

Для оценки смотрим один класс характеристик человека за другим и выбираем наиболее подходящий вариант для оцениваемого человека.

Общая социо/психо типология человека формируется как произведение 9 отдельных оценок с извлечением соответствующей степени.

Главное, что поведение человека определяется именно 9-тью классами. Зная их, можно оценивать и будущее поведения этого человека. Поскольку характер его поведения исходит из самой этой характеристики.

После накопления сравнения оценки и факта в поведении людей, при необходимости уточняем свою оценку.

Мы не рассчитываем на то, что все читатели и слушатели

примут предлагаемый вариант типологизации. Тем более, что здесь приведено лишь краткое описание метода. Наша задача привлечь к себе порядка 3% наиболее энергичных читателей или слушателей. С учетом того, что наш метод существенно проще и осуществляется быстрее применяемых ныне, полагаем, что будет обеспечен постоянный рост числа людей реально использующих его в своей жизни. Как показывает практика, использование подобной классификации усваивается очень быстро и дает немалые результаты в своей деятельности. В работе, дружбе и любви.

Фактически учение базируется на идее его постоянного развития. То есть, все что есть, лишь черновой вариант пути к истине. В каждом черновике обязательно есть то, что надо дорабатывать и уточнять. Это относится и к нашей работе. «Не стремись делать идеальное. Делай сегодня лишь то, что можешь. Развивайся и завтра сделай лучше».

Важно то, что учение не ставит перед собой задачу борьбы с другими учениями. В каждом есть своя истина. Надо просто объединять взгляды, даже враждующих между собой. Это относится и к взглядам разных людей. Поэтому, приглашаем работать вместе. Приходите к нам со своими идеями и работами. И мы будем, ссылаясь на вас, использовать и печатать все самое лучшее.

Боб Битти

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Боб Битти

профессор Университета Вашбюрен Топека, Канзас, США

Историческим признаком взаимоотношений между США и Китаем является сложность культурного взаимопонимания. Оба государства далеко не всегда выстраивали в отношении друг друга устойчивую и мудрую внешнюю политику, обе державы иногда своими действиями демонстрировали не понимание исторических и культурных факторов.

В начале XX века американский взгляд на Китай формировался через религиозных миссионеров и торговцев. В 1930-х годах и в период второй мировой войны США идеализировала Китай как своего демократического союзника, не обращая внимания на недостатки националистического режима Чан Кайши. Затем, в период с 1949 по 1971 годы отношения между двумя государствами приобрели идеологическую и стратегическую враждебность: отсутствовали любые дипломатические контакты и даже было прямое противостояние во время конфликта на Корейском полуострове. Все это претерпело значительные изменения после 1971 года, когда США и Китай установили дипломатические отношения, взяв курс на политику понимания взаимных интересов. Почему произошел этот сдвиг? Президент Ричард Никсон и китайский лидер Мао Цзедун оба видели общего противника в лице СССР. С точки зрения Китая, проблемной стала доктрина Брежнева 1969 года, которая давала права СССР сохранять единство внутри коммунистического блока посредством силы. Для Никсона, в условиях вывода американских войск из Вьетнама, важным было получить новый

баланс в азиатском регионе, при котором США были ближе и к Китаю и к СССР, нежели оба этих коммунистических государства друг к другу. Это стало началом долгосрочной геополитической стратегии США по отношению к Китаю, которую после Никсона продолжили следующие президенты, как демократы, так и республиканцы.

Однако данная политика в отношении Китая столкнулась с двумя важными событиями конца тысячелетия. Первым событием стало падение коммунизма в Восточной Европе и в СССР, которое началось с 1989 года. Республиканские антикоммунистические силы в США начали видеть Китай как недемократическое государство, требующее изменений, на левом фланге внутри демократической партии стали говорить о необходимости учитывать вопросы демократии и прав человека во внешней политике США, которые ушли на второй план со времен Джими Картера. Вторым ключевым событием стала резня на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, когда после открытия огня по китайским студентам, призывающим к демократическим изменениям, стало понятно многим в США, что это поворотная точка для изменения политики в отношении к Китаю. Однако, существовали и другие, конечно, мнения как оценивать это событие. Так президент Буш-старший и бывший госсекретарь Генри Киссинджер, считали, что Китай не несёт реальной угрозы США, а события на площади Тяньаньмэнь возникли не благодаря коммунистической идеологии, а из-за тех проблем, которые встали перед Китаем в связи с экономическими реформами капиталистического характера. После этих событий президент Буш даже послал секретную миссию в Пекин, чтобы подтвердить китайскому руководству, что эта ситуация не может сильно повлиять на взаимное отношение двух государств.

Когда президент Буш-младший пришел в 2001 году в Белый дом его администрация начала работу по снижению важности американо-китайских отношений, некоторые представители администрации даже стали говорить о Китае как об угрозе США. После террористических атак 11 сентября 2001 года в Вашингтоне и Нью-Йорке администрация Буша сделала ставку на борьбу с терроризмом и радикальным исламом, после чего Китай стал рассматриваться опять как важный и необходимый союзник, а внешняя политика США в отношении Китая сместилась с демократии и проблем прав человека на вопросы экономического и торгового сотрудничества.

Годы после 11 сентября принесли большие изменения в Китае, которые заставляют США посмотреть по-новому на «китайский расцвет». Эти изменения включают в себя приход к власти Ху Цзиньтау, экономический бум, быструю модернизацию, приобретения права на Олимпиаду 2008, военную модернизацию, рост энергопотребления, попытки налаживания двусторонних экономических соглашений с такими странами как Индия, Россия и Иран.

Таким образом, с 2005 года аналитики снова начинают рассматривать отношения Китая в свете его экономического роста и США в контексте положения американцев в мире после вторжения в Ирак. На основании рассмотрения этой ситуации возникло три политических воззрения (школы).

Представители первой школы считают, что миролюбивость Китая это уловка, которой китайцы пользуются, чтобы нарастить силы. Исходя из этой позиции, Китай будет искать способ обойти США, в том числе через поддержку врагов Америки. Соответственно, Китай — это угроза для США и его нужно пытаться изменить изнутри.

Вторая школа предполагает, что рост Китая неизбежен, поэтому США должны активно конкурировать с этой страной во всем мире и, особенно, в Азиатском регионе.

Третья позиция в этом вопросе разделяется большинством представителей демократической и республиканской партий, и предполагает, что рост Китая неизбежен, но может быть управляем со стороны США. Исходя из этого тезиса, предполагается, что необходимо продолжать помогать Китаю осуществлять глобальную экономическую и политическую интеграцию с остальным миром.

Эта последняя позиция разделяется президентом Бушем, первые же две школы в основном выражаются в книгах и журнальных публикациях, предупреждающих об опасности Китая. Существовали также сторонники осторожного отношения к Китаю и в Пентагоне, но они изменились после смены Дональда Рамсфельда новым министром обороны Робертом Гейтсом, который является протеже Буша.

В сентябре 2005 года заместитель госсекретаря Роберт Зелик в своей речи раскрыл то, что думает администрация Белого Дома о Китае. Зелик заявил, что США стремятся выстроить новую схему взаимоотношений с Китаем, в которой эта азиатская страна выступала бы в качестве ответственного игрока на международной арене, который бы не только пользовался преимуществами глобального мира, но и брал на

себя больше ответственности в глобальной экономической и политической дипломатии. При этом Зелик отметил, что США готовы сотрудничать и с недемократическим Китаем, хотя будет направляться и часть усилий на демократизацию этой страны.

Со стороны Китая мы можем наблюдать, что в последние годы, это государство чувствует, где лежат его стратегические интересы. Китай заинтересован в продолжении своего экономического и политического роста без тех социальных потрясений, которые были в конце 1980-х. Китай также озабочен нынешней мировой системой, в которой слишком большую роль играют США. Это озабоченность была выражена публично в 2005 году, когда Китай совместно с Россией заявили о невозможности монополии и доминирования одной силы в международных отношениях и недопустимости вмешательства во внутренние дела государств. Между тем, Китай не стал быть жестким антагонистом США и продолжил сотрудничество, так как его экономический рост существенно зависит от торговли с США (торговый оборот составляет 250 миллиардов долларов в год). Таким образом, оба государства заинтересованы в разностороннем сотрудничестве, которое, например, выразилось в разрешении ядерной проблемы в Северной Корее.

Теперь, когда американо-китайские отношения находятся на таком уровне, можно задать следующие вопросы. Во-первых, являются ли нынешние отношения двух стран сходными с их отношениями в период Холодной войны? Скорее всего, нет. Китай не ставит каких-либо универсальных идеологических целей. На смену китайскому коммунизму приходит китайский национализм. Многие аналитики полагают, что, если и будет в будущем конфронтация между Китаем и США, она будет носить не идеологический, а националистский характер.

Второй вопрос – несет ли Китай угрозу США? Китай окружают сильные в военном отношении государства как Индия, Россия, Корея, Вьетнам. Будет ли в этом контексте главной целью для Китая воевать с Америкой?

В любом случае сохранение американо-китайских отношений в русле мирного сосуществования должно ориентироваться на важность того, как культура может влиять на эти отношения. В США руководители считают важными межличностные отношения, в Китае же их считают как нечто временное и непостоянное. В США отношение к внешней политике оптимистическое, в то время как в Китае — скептическое и осмотнительное. В США политике верят, полагая, что есть конкретные решения для специфических проблем, в то время как китайцы видят внешнюю политику как стадию процесса без предсказуемого конца.

Эти различные подходы показывают необходимость ввести в контекст взаимоотношений понимание друг друга через сотрудничество и терпение. Многие специалисты соглашаются, что стабильные американо-китайские отношения помогут избежать взаимного недопонимания, которое приводило обе стороны к конфликтам в прошлом.

Перевод с английского А.С.Кузнецова

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ: ВЗГЛЯД ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Мухаметов
Руслан Салихович

аспирант УрГУ

В пространственно-географическом плане сфера национальных интересов России не ограничивается пределами только национальной территории. Процессы, развертывающиеся в различных регионах ближнего и дальнего зарубежья, могут непосредственно влиять на состояние нации, возможности и перспективы ее развития. Следовательно, по своей направленности национальные интересы страны могут быть и геополитическими.

Национальные интересы России (как внутренние, так и геополитические) могут провозглашаться на двух основных уровнях. Провозглашаемые на государственном уровне российские национальные интересы закрепляются в конституции, посланиях президента, законодательных и иных нормативно-правовых актах. Они находят свое отражение в концепциях национальной безопасности и внешней политики. На негосударственном уровне национальные интересы России провозглашаются в программных документах политических партий и общественных организаций, формулируются лидерами общественного мнения, представителями научного сообщества, средствами массовой информации.

В нашем случае речь идет о геополитических приоритетах страны, которые провозглашаются на негосударственном уровне, т.е. когда активное участие в дискуссиях о внешнеполитической стратегии России принимают лидеры и идеологи политических партий и общественно-политических движений различной идейно-политической направленности, являющиеся приверженцами широкого спектра мнений, теоретических построений и подходов. Следует сразу оговориться, что необычайно богатая палитра мнений политических партий вокруг проблемы выбора геополитического курса России не позволяет охватить все заявленные точки зрения. Вместе с тем знакомство хотя бы с наиболее типичными из них представляется целесообразным в рамках изучения возможности достижения общественного консенсуса относительно выбора стратегии внешней политики России.

По признанию ряда исследователей, едва ли можно говорить о наличии более или менее ясного понимания того, что подразумевается под национальными интересами страны. Согласно А.Н. Литвиновой, «в современной России, похоже, пока нет национального единства, нет общей культурной идентичности и при отсутствии сложившегося гражданского общества, нет того самого объединяющегося фактора, который мог бы стать основой формирования общих национальных интересов»¹. Ей вторит политолог Э.Г. Соловьев, которому «очевидно, что в рамках отечественной политической элиты отсутствует консенсус по базовым проблемам, связанным с вопросами обеспечения национальной безопасности и четкого определения национальных интересов страны»².

Первоначальный анализ официальных документов ведущих

политических партий России и работ их лидеров и идеологов со всей очевидностью показывает, что дистанция, разделяющая программные установки политических партий относительно национальных интересов России, достаточно велика в том, что касается внешнеполитической ориентации России (от интеграции с НАТО и ЕС до создания полноценного союза с братскими славянскими государствами постсоветского пространства и нового СССР). Так, во внешнеполитической концепции СПС указывается, что «стратегической целью нашей страны должно стать вхождение в политическую организацию НАТО и превращение Альянса из военного блока времен холодной войны в политический союз, отвечающий реалиям сегодняшнего дня и устремленный в будущее»³. Партия «Яблоко» провозгласила целью России вхождение «в качестве полноправного члена в Европейский Союз и другие политические, экономические и оборонные европейские организации»⁴. Что касается политической партии «Народный Союз», то «магистральным направлением деятельности по восстановлению в полном объеме ведущей роли и влияния России в т.н. ближнем зарубежье должно стать скорейшее воссоздание прочного государственного союза трех славянских государств-республик бывшего СССР — Российской Федерации, Белоруссии и Украины, с ясной перспективой дальнейшего перерастания данного объединения в единое славянское государство — Российский Союз»⁵. По мнению лидера КПРФ Г. А. Зюганова «конечной целью российской геополитики должно стать создание какой-либо формы конфедерации, федерации или союза, восстанавливающих единство разорванного геополитического поля, включающего в себя территорию бывшего СССР»⁶.

Проблема выбора геополитической стратегии в нашем случае преломляется сквозь призму о современной идентичности России и пути ее развития. Что касается партии «Яблоко» и СПС, то они в своих программных документах указывают, что у России нет своего «особого пути» развития. Согласно Г.А. Явлинскому, для нашей страны «очевидным должно быть одно: никакого «третьего», «евро-азиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет»⁷. С точки зрения «Союза Правых Сил», «идеология «особого пути» России — это попытка навязать нашей стране роль международного аутсайдера»⁸, «это всего лишь красивое прикрытие для установления недемократического, авторитарного политического режима»⁹, которая на деле направлена на одно — «увечковечить бедность народа и развязать руки властям предрежащим»¹⁰.

Далее, однако, начинается небольшое разночтение. Если партия «Яблоко» указывает на европейскую идентичность России, то идеологи СПС — западную. «Россия, - читаем программу партии «Яблоко», - является европейской страной в силу своей исторической судьбы, культурных традиций, географического положения. <...> Европейский путь — это рост благосостояния российских граждан, приближение к его европейским стандартам через формирование в нашей стране социально-экономической, экологической и политической модели европейского типа...»¹¹. На принадлежность России к западной цивилизации указывают программные документы СПС.

«Наша страна принадлежит Западу с X века, когда Русь приняла христианство. Россия во многом сформировала ту культуру, которую принято называть европейской, или западной»¹². Следовательно, задача страны, согласно СПС, – «раз и навсегда повернуть на дорогу, по которой идет западная цивилизация»¹³. Таким образом, либералы считают Россию европейской страной (частью Запада) и видят главный геополитический интерес нашей страны в том, чтобы всегда следовать в русле общеевропейской политики (подразумевая при этом отождествление национальных интересов России с интересами западного сообщества).

Противоположного взгляда относительно современной идентичности России придерживается КПРФ. Историческое своеобразие нашего государства коммунисты видят в следующем, а именно:

- с точки зрения геополитической, Россия – стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которого противостоят гегемонистическим тенденциям «океанической державы» США и атлантического «большого пространства»;

- с точки зрения мировоззренческо-идеологической, Россия – выразитель культурно-исторической и нравственной традиции, фундаментальными ценностями которой являются соборность, коллективизм, державность (государственная самодостаточность) и стремление к воплощению высших идеалов добра и справедливости; <...>

- с точки зрения экономической, Россия есть автономный хозяйственный организм, принципиально отличающийся по законам своей деятельности от западной модели «свободного рынка»¹⁴.

Национал-патриотическое направление в лице партии «Народный Союз» считает, что Россия – «это страна, развивающаяся по национально-консервативному пути, в опоре на русские фундаментальные ценности и православную традицию Отечества»¹⁵.

Таким образом, постоянные дискуссии о пути развития страны (одни выступают за западноевропейский путь, другие – за идеологию «особого пути») способны серьезно дезориентировать внешнюю политику России. Отсутствие консенсуса по цивилизационной идентичности (у одних – это атлантизм и европейский выбор, у других – ставка на самобытность), неизбежно лишает отечественную внешнюю политику четких базовых ориентиров.

Однако все это, на наш взгляд, справедливо только отчасти. Имеющиеся материалы (выступления и печатные труды политических лидеров, программные документы политических партий и общественно-политических движений) наглядно свидетельствуют в пользу несколько иного умозаключения, а именно: существует позиция, по которой между большинством политических партий России намечается определенная близость. За исключением узкой группы политиков (таких, как А.Б. Чубайс, Б. Семин), которые считают, что в национальных интересах России действовать под протекцией Америки, став геополитической пролонгацией американского влияния в мире, особенно на постсоветском пространстве¹⁶, своеобразный

внешнеполитический консенсус сложился вокруг идеи многополярности и необходимости баланса сил в мире, в ответ на попытки Соединенных Штатов осуществлять одностороннее доминирование¹⁷. Большинство партий акцентируют свое внимание на необходимости построения многополярного мироустройства, в котором России отводилась бы роль одного из мировых центров политического и экономического влияния, культурного, интеллектуального и нравственного притяжения. Так, лидер коммунистов Г.А. Зюганов подчеркивает, что «многополярная модель мироустройства сегодня в наибольшей степени соответствует интересам России»¹⁸.

1. Литвинова А.Н. Национальные интересы России внутри Содружества Независимых Государств // Россия и современный мир. 1998. № 4. - <http://www.inion.ru/product/russia/litvinova.html>

2. Соловьев Э.Г. Национальные интересы и основные политические силы современной России. М., 2004. С. 193.

3. Декларация Об основах внешнеполитической концепции политической партии «Союз правых сил». - <http://www.sps.ru/?id=205722>

4. Программа партии «Яблоко» - «Демократический манифест». - <http://www.yabloko.ru/Union/programma.html>

5. Проект предвыборной платформы партии «Народный Союз» «За русскую Россию». - <http://www.partia-nv.ru/vybory/2007/v040907-1.html>

6. Зюганов Г.А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1997. С. 252.

7. Явлинский Г.А. Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М., 2006. С. 125.

8. Декларация Об основах внешнеполитической концепции политической партии «Союз правых сил». - <http://www.sps.ru/?id=205722>

9. Проект программы политической партии «Союз правых сил» «Горизонт 2007 – 2017. Вернуть России будущее». - <http://www.sps.ru/?id=216011>

10. Гозман Л., Дондурей Д., Драгунский Д., Колесников А. Либеральное послание. - <http://www.sps.ru/?id=42074>

11. Программа партии «Яблоко» - «Демократический манифест». - <http://www.yabloko.ru/Union/programma.html>

12. Гозман Л., Дондурей Д., Драгунский Д., Колесников А. Либеральное послание. - <http://www.sps.ru/?id=42074>

13. Политическая декларация «Союза Правых Сил». - <http://www.sps.ru/?id=205720>

14. Зюганов Г.А. Россия и современный мир. М., 1995. С. 20.

15. Проект предвыборной платформы партии «Народный Союз» «За русскую Россию». - <http://www.partia-nv.ru/vybory/2007/v040907-1.html>

16. См.: Чубайс А.Б. Миссия России в 21 веке. - <http://www.sps.ru/?id=120083>; Семин Б., Абдул-Хахим Султыгов. Неконструктивные амбиции или рациональные интересы? // НГ - сценарии. 1999. № 3. С. 14.

17. О многополярном мироустройстве говорили и писали все министры иностранных дел РФ (Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 5 - 15; Примаков Е.М. Международные отношения накануне 21 века: проблемы и перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3 - 13; Иванов И.С. Россия и мир на рубеже тысячелетий // Международная жизнь. 2000. № 6. С. 4 - 9; Лавров С.В. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. 2004. т. 2. № 6).

18. Зюганов Г.А. На рубеже тысячелетий: судьба России в современном мире. М., 2001. С. 541.

ОПРАВДАНИЕ МАРКСИЗМА КАК РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ УЧЕНИЯ

Интервью с Т.И. Ойзерманом

**Фан
Ирина Борисовна**

старший научный сотрудник
Института философии и права УрО
РАН, кандидат философских наук

Ойзерман Теодор Ильич – специалист по истории философии, метафилософии и теории познания; доктор философских наук, профессор. Родился 1.05.1914 г. в с. Петроверовка Одесской области. Окончил философский факультет МИФЛИ (1938), аспирантуру кафедры истории философии. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию и был оставлен на кафедре. Участник Великой Отечественной войны. В 1947 г. вернулся на преподавательскую работу на философский факультет МГУ. С 1948 по 1953 годы – зам. Зав. Кафедрой истории зарубежной философии, с 1950 – и.о. зав. Кафедрой. В октябре 1951 г. защитил докторскую диссертацию «Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 г.». С 1953 – профессор, в 1954 – 1968 – зав. Этой кафедрой. С 1968 – в Институте философии АН СССР, в 1971–1987 – зав. Сектором, затем отделом истории философии, с 1987 – советник. Член-корреспондент АН СССР (1966), действительный член АН СССР (ныне РАН; 1981). Лауреат Ломоносовской премии (1965), премии им. Плеханова (1979), Государственной премии СССР (1983).

Действительный член Международного Института философии (1981), доктор *honoris causa* Иенского университета (1979), иностранный член АНГДР (ныне – Берлин-Бранденбургская АН). Т.И. Ойзерман являлся членом редколлегии и одним из ведущих авторов «Истории философии» (Т.1–6, М., 1957–1965), а также «Краткого очерка истории философии». Член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Философские науки» (до 1958), «Вестник МГУ» (до 1965).

Т.И. Ойзерман – автор около 600 публикаций, в том числе 36 монографий и брошюр; 259 работ переведены на иностранные языки (английский, арабский, венгерский, вьетнамский, греческий, китайский, немецкий, польский, португальский, румынский, словацкий, финский, французский, чешский, южнокорейский и др.) и изданы за рубежом. Наиболее значительными, на взгляд автора, являются следующие монографии: «Формирование философии марксизма» (переведена на 6 иностр. языков); Проблемы историко-философской науки. М., 1962 (2-е изд. – 1982; переведена на 6 иностр. языков); Главные философские направления. М., 1971 (2-е изд. – 1984; переведена на 5 иностр. языков); Дialeктический материализм и история философии (пер. на 7 иностр. языков); Основы теории историко-философского процесса (Соавт. А.С. Богомолов). М., 1983 (Пер. на англ. язык); Теория познания И. Канта. М., 1974 (соавт. И.С. Нарский); Философия как история философии. М., 1999; Марксизм и утопизм. М., 2002; Оправдание ревизионизма.

Теодор Ильич – участник множества всемирных конгрессов, проходивших в Мехико (Мексика, 1963), Вене (Австрия, 1968), Варне (Болгария, 1973), Дюссельдорфе (Германия (ФРГ), 1978), Монреале (Канада, 1983), Брайтоне (Англия, 1988), где он выступал с докладами на пленарных заседаниях и симпозиумах. Дважды был членом оргкомитета международных конгрессов. Кроме того, Т.И. Ойзерман участвовал в конгрессах Гегелевского союза (1966, 1970, 1974, 1977), Международного гегелевского объединения (1983, 1988), Кантовского общества (1970, 1975), Международного общества Шеллинга (1991, 1994), Международного общества диалектической философии (1981, 1984, 1987). Дважды он был приглашенным гостем-профессором – в Бонне (1970–1971) и Мюнхене (1991–1992).

Недавнее публичное обсуждение двух монографий Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» и «Оправдание ревизионизма» на страницах журнала «Вопросы философии» показало остроту и непреходящую практическую значимость поставленных в них проблем для новейшей истории России, высветило фундаментальность и высокий уровень их теоретического освещения. Эти события, а также выход новой книги Теодора Ильича «Проблемы. Социально-политические и философские очерки/Сборник статей и докладов» (М., 2006) вызвали живой интерес редколлегии нашего альманаха к автору книг, считающему насущной потребностью нашего времени – спор со стереотипами догматического марксизма и необходимостью – оправдание его в качестве развивающегося учения.

– Теодор Ильич, Вы обладаете поистине уникальным, почти семидесятилетним опытом работы в сфере философии, наблюдали изнутри жизнь философии и философов в обществе, отношение к ней власти. Какой период советской и российской истории XX в., на Вашем мнению, был наиболее благоприятным для развития отечественной философии?

– Весьма важным периодом в развитии советской философии стал период после XX съезда партии, своего рода духовный Ренессанс. Однако наиболее благоприятным периодом для развития российской философии является, конечно, время, последовавшее за крушением советского государства и социалистического строя.

– Как, несмотря на постоянное партийно-идеологическое давление, на выпады и обвинения со стороны З.Я. Белецкого и других «злых гениев от советской философии», Вы сумели так плодотворно работать, подвергая критике даже собственные взгляды? Что Вами двигало?

– Лихорадочно работать меня всегда заставляло желание писать. Возможно, это была почти графоманская страсть. Я мог писать, как минимум, четверть листа в день, а то и половину. Это доставляло мне неизъяснимое наслаждение, может быть, потому, что у меня не было других пристрастий. Желание писать я испытывал с самых ранних лет. Что же касается философии, то вначале это было желание осмыслить Маркса для лекционного курса. Вжившись в него, я почувствовал, что начинаю ясно

понимать, как и из чего возник марксизм, и даже вижу отдельные заблуждения Маркса и Энгельса и некоторые взгляды, от которых они отказались. Осмыслением марксизма почти никто у нас не занимался. Так что в этом я определенно чувствовал себя новатором. Позже меня увлек амбициозный замысел: создать цельную теорию историко-философского процесса с позиций диалектического материализма, попытавшись объяснить удивительный факт: почему всегда существовало и существует множество философских учений? Этому и посвящены монографии «Проблемы историко-философской науки» (1969), «Главные философские направления» (1971), «Основы теории историко-философского процесса» (совместно с А.С. Богомоловым). Завершением этого замысла стала книга «Философия как история философии» (1999). В первой книге я стремился достоверно представить постоянно меняющуюся картину мировой философской мысли. Но, находясь в плену расхожих марксистских штампов, старался доказать, что такое множество носит преходящий характер и в конечном итоге увенчивается научной философской системой – диалектическим материализмом. Во второй книге я анализировал типы взаимоотношений, полемики и связей отдельных философских течений, начиная с античности. Я рассматривал историко-философский процесс как процесс дифференциации, дивергенции, поляризации, радикальной поляризации и синтеза идей. Эту последовательность я пытался проследить и на примере немецкой классической философии. Но особое внимание основному вопросу философии в книге, как я сейчас понимаю, обеднило содержание многих учений и идей. Хотя картина драматического становления философского знания представлена там неплохо.

Идея фикс моей философии философии с годами претерпела существенные изменения, что отразилось в монографии «Философия как история философии». Я категорически отказался от прежнего убеждения в том, что многообразие философских школ – это преходящее состояние, свидетельство незрелости философской мысли. В каждой философской концепции есть содержание, знания, которые отсутствуют в марксизме. Следовательно, последний нужно рассматривать не как вершину философии, а лишь как одну из систем философии. Наличие множества учений – достоинство философии, ее *modus essendi*, а не ее недостаток, как думали мы. Каждое новое учение обогащает проблематику философии, делая ее более содержательной.

- Вы, по словам В.А. Лекторского, были первым, кто обратился сам и начал знакомить студентов 1950-х годов с идеями раннего Маркса. В наше время Вы стали первым исследователем, давшим столь емкую и целостную оценку марксизма в своих монографиях. Ваши взгляды на марксизм существенно изменились?

- Мое серьезное обращение к Марксу началось с разработки курса истории марксистской философии в конце 1940-х начале 1950-х годов, хотя еще до войны меня заинтересовало то немногое, что было опубликовано из раннего Маркса. Позже я познакомился с дискуссиями на Западе (Маркузе и др.) о молодом Марксе, не переведенными на русский язык. В этом я видел некоторый противовес догматическому пониманию марксизма, которое сводилось к изложению основных черт диалектики и материализма. Проштудировав поздние работы Маркса, я увлекся самим процессом стремительного формирования его взглядов.

Лекционный курс длился всего один семестр, невозможно было подробно рассматривать все его основные работы. Мне было интересно показать, как Маркс и Энгельс переходили от одного воззрения к другому, заблуждались, преодолевали эти заблуждения, что не всегда им удавалось. Чтение курса истории марксистской философии, особенно ее раннего периода, означало погружение в марксизм, который еще не стал системой раз и навсегда установленных истин, и подвигало к недогматическому его усвоению. Никаким «диссидентом» я себя не считал, хотя понимал, что ко мне могут придраться. Но в силу заложенного во мне оптимизма или излишней самоуверенности я полагал, что придраться будут не слишком и всегда найдутся порядочные люди, которые поймут, что я излагаю Маркса честно, а критически высказываясь о нем, следую его собственному примеру. Для студентов это выглядело необычно и ново. Свой лекционный курс я пытался предложить в качестве введения в диалектический материализм.

Известное критическое отношение к некоторым положениям марксизма у меня возникало уже тогда, хотя я боялся себе признаться в этом. Скажем, идеи диктатуры пролетариата, слома государственной машины, непрерывной революции были высказаны Марксом и Энгельсом на основе опыта революции 1848 г. Обычно забывают, что впоследствии они их в известной степени пересмотрели. Непосредственного перехода от буржуазной революции к пролетарской Маркс в 1850 г. уже не признавал, хотя полагал, что революции XIX в – уже не просто буржуазные, а, как он их называет в «18 Брюмера Луи Бонапарта», «пролетарские революции XIX века». Некоторую неясность в этом Маркс и Энгельс до конца не преодолели. Для меня это была некая подготовительная школа к тому критическому переосмыслению марксизма, которое я предпринял в последние годы. И в прошлом меня очень смущала формула Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Как, недоумевал я, ее можно сочетать с материалистическим пониманием истории?

К переоценке марксизма меня привело то обстоятельство, что я прежде всего историк философии. Восприятие экзистенциализма или структурализма, даже классических учений, шаг за шагом приводило меня к мысли, что если марксизм не может ничего почерпнуть из них, отвергая их с порога, то он тем самым закрывает путь к собственному развитию, обрекает себя на превращение в систему утопических догм. Но я не хочу преувеличивать значение моего внутреннего развития. Мощным ферментом стал крутой перелом, который недавно совершился в отечественной истории. Постепенно я пришел к убеждению, что не существует никакого общеобязательного определения понятия философии, не существует закрытого фонда философских истин. Для меня бесспорна плодотворность такого типа развития, как плюрализация философских идей, которая включает также их синтез как механизм возникновения новой системы взглядов. Всегда сохраняется возможность появления новых философских учений. История философии – это история не философских идей или простых высказываний, а история больших систем. Философов было тысячи, но людей, создавших значительные системы – лишь десятки. И только эти десятки, собственно, составляют предмет истории философии. И, хотя философское мышление неустранимо, эпоха философских систем, которые по определению претендуют на законченность, завершенность, последнее слово, вероятно, закончилась.

- Как бы Вы охарактеризовали роль, которую сыграл марксизм в российской истории?

- Я всегда полагал, что Маркс – величайший социальный мыслитель. В то же время, на мой взгляд, он совершил немало ошибок, многие из которых были неизбежны. Он стал социалистом задолго до того, как разработал свое экономическое и социальное учение. Его положение о неизбежности смены капитализма социализмом было убеждением, в сущности, верой, которую он разделял вместе с другими социалистами. Экономического обоснования социализма Маркс не дал, и дать не мог. Он сам писал, что цель «Капитала» - исследовать законы современного, то есть капиталистического общества. О социализме же в первом томе имеются лишь беглые упоминания. Поэтому утверждение Ленина, будто Маркс экономически доказал неизбежность социализма, не соответствует действительности. Ни Маркс, ни Энгельс, и никто другой не могли доказать, что социализм есть единственно возможная альтернатива капитализму. Вообще альтернатива не существует в единственном числе. Единственная тенденция, которая, как ему казалось, подтверждала это убеждение Маркса, был процесс обобществления средств производства при капитализме, то есть концентрация и централизация капитала. Но последующее развитие показало, что средние и мелкие слои отнюдь не исчезают, что мелкое и среднее производство способно возрождаться даже в интересах крупного капитала. И это нормальное развитие капитализма, чего Маркс, конечно, предвидеть не мог. Это главное заблуждение неизбежно сказывалось и на других его высказываниях о будущем обществе.

Относительно моей общей оценки марксистской философии. Я по-прежнему стою на позиции материалистического понимания истории, за исключением концепции базиса и надстройки, которую я отвергаю, поскольку она противоречит положению о том, что общественное сознание отражает общественное бытие. Из разделения базиса и надстройки неизбежно следует, что художественные, философские, моральные и прочие взгляды отражают лишь экономические отношения, а не общественное бытие в целом. Здесь я усматриваю явное внутреннее несогласие.

В оценке экономического учения Маркса я не специалист, но тем не менее я считаю глубоким заблуждением Маркса его утверждения о прогрессирующем обнищании пролетариата, о законе тенденции нормы прибыли к снижению, а также положение о том, что стоимость товара всегда определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени.

Марксизм как идеология исчерпал себя уже при Советской власти и к настоящему времени утратил свое влияние. Дialeктический материализм и материалистическое понимание истории сохраняют свое значение как научные попытки. И то, и другое учения изложены Марксом и Энгельсом эскизно, фрагментарно, далеко не без серьезных ошибок. Тем не менее конкретное содержание теории марксизма остается достоянием современной науки об обществе. Это достояние подвергается критическому анализу, который выявляет в нем идеи, концепции, заслуживающие дальнейшего развития. Маркс по-прежнему признается самым выдающимся социальным мыслителем, но это нисколько не мешает критически оценивать его теорию. Продуктивно работающих марксистов у нас и за рубежом почти нет. Есть ученые, которые стремятся критически разобраться в марксизме, не порывая с ним окончательно. Марксизм в России

сыграл определенную положительную роль в период подготовки буржуазно-демократической (Февральской) революции. Октябрьская революция была ее продолжением. Она обещала землю крестьянам, заводы и фабрики рабочим. Но и земля, и промышленность стали государственной собственностью, то есть обещания не были выполнены. В советское время марксизм стал догматизированной системой, отличной от учения Маркса и Энгельса. Все мы были марксистами, не осознающими этого важного обстоятельства. Марксизм-ленинизм (то есть не настоящий марксизм) стал идейной основой тоталитарного государства. Это трагедия.

У этой проблемы есть еще и личностное измерение: судьба философов в СССР. В советские времена не было и не могло быть философов. Были только пропагандисты философии марксизма, при этом, начиная с 1938 г. ее изучение превратилось в пропаганду философского параграфа «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного Сталиным. Если бы появились настоящие философы, излагающие свои собственные оригинальные взгляды, то, вероятно, они моментально исчезли бы с общественной арены. Достаточно вспомнить два «философских парохода», организованных Лениным в 1922 г. а также трагические судьбы таких людей, как Ян Стэн или Б.Э. Быховский, в котором сочетались блестящий талант и вынужденная готовность к «служению» партии и идеологии. В сходные обстоятельства были вовлечены М.М. Розенталь и П.Ф. Юдин. Вспоминается гибель Э.В. Ильенкова, смерть М.К. Мамардашвили в «накопителе» Внуковского аэропорта... Правда, помимо пропаганды философии марксизма, существовала одна область, где можно было высказывать собственные взгляды – история философии, хотя и ее автономия была весьма условной. Самые заметные люди в философии того времени – историки философии: В.Ф. Асмус, Б.Э. Быховский, Е.П. Ситковский, из молодых – А.С. Богомолов.

- Отвечая на критику, Вы говорили, что отрицательно относитесь к футурологической части «научного коммунизма», но остаетесь диалектическим материалистом. На страницах философских журналов идет дискуссия о соотношении диалектики и синергетики. Не устарела ли диалектика как метод исследования истории общества?

- Диалектический материализм я понимаю как учение о диалектическом процессе, правда, очень неразработанное. Но самым решительным образом отвергаю существование одних и тех же всеобщих законов движения и развития природы, общества и мышления – а к этому сводилась диалектика Гегеля, и это осталось у Энгельса. Ошибочно, например, утверждать, что существуют одни и те же законы развития, определяющие всё и вся. Наука таких законов не знает. Есть диалектические процессы, которые, однако, не являются всеобщими, но законов диалектики как всеобщих законов, конечно, нет. Уже в 1948 г. я писал, что законы диалектики – это обобщение представления о законах, которые открывают естественные науки. Они неполно отражают действительность и далеко не всегда являются законами развития. В 1982 г. на совещании по диалектике, организованном журналом «Вопросы философии», я уже четко сформулировал свою точку зрения, которой придерживаюсь и сейчас: «Необходимо правильное понимание статуса «законов диалектики». Некоторые исследователи склонны их трактовать как верховный класс законов, которым подчиняются «простые» законы, открываемые специальными науками. Такой иерархии

законов в действительности не существует. Допущение такого рода субординации означало бы возрождение традиционного противопоставления философии нефилософскому исследованию, характерного для идеализма.

- В каком смысле можно говорить об утопизме марксистской философии?

- Выбор темы моей монографии «Марксизм и утопизм» - результат переосмысления традиционных представлений не только о марксизме, но и о предмете философии, ее месте в системе культуры, ее взаимоотношении с наукой. Это предполагало и пересмотр значения ненаучных форм знания, в том числе и утопии. Утопическое я рассматриваю как перманентное содержание мышления – и в оценке прошлого, и в попытке предвидения будущего. Предвидение более или менее отдаленного будущего человеческого общества принципиально невозможно потому, что в любом рациональном, сознательном действии имеются такие элементы, которые оказываются незапланированными, непредвидимыми, стихийными. Последние порождают еще более непредвиденные последствия. В конечном итоге мы получаем цепь непредвиденного, которая порождает непредвиденное. Если речь идет о предвидении ближайшего будущего, то здесь возможна какая-то экстраполяция того, что имеется. Но если речь о далеком, то здесь избавиться от утопизма уже невозможно.

Я рассматриваю утопизм в марксизме не просто как сугубо отрицательную черту, а как неизбежную и в этом смысле содержательную. Когда Ленин говорит, что утопизм – это сказка, небылица, это неверно, потому что в утопизме содержится даже нечто великое. Если бы не было утопии, то, как говорил А. Франс, люди по-прежнему жили бы в пещерах. Но Маркс и Энгельс не только не смогли преодолеть утопий своих предшественников, например, идеи бестоварного, безденежного общества, но еще добавили новые утопии, например, идею диктатуры пролетариата, не задумываясь о том, что никогда в истории диктатура не была диктатурой целого класса. Одна из причин этого в том, что они не до конца разграничивали понятия «политическое господство» и «диктатура».

- Ваша трактовка термина «ревизионизм» явно отличается от той, что была принята в советской философии. Поясните, пожалуйста, Ваше понимание данного понятия

- Механизмы пересмотра идей в философии, идеологии и науке принципиально различаются. Именно поэтому так называемый ревизионизм возник в идеологической сфере. Так как наука не должна быть идеологией, то я считаю термин «ревизионизм» неправомерным. Поэтому в моей книге «Оправдание ревизионизма» он всюду фигурирует в кавычках. Одно дело ревизия, пересмотр или корректировка научной теории, и совершенно другое – ревизия как партийный, политический феномен, включающий оттенок осуждения, предания анафеме. Возникновение «ревизионизма» было результатом крайней идеологизации и догматизации марксистского учения. Если исходить из идеи, что марксизм является наукой, то, как и всякая наука, он должен развиваться, и критика исходных его положений, их пересмотр (ревизия) – необходимое условие его развития. В этом и состоит замысел моей монографии. В моей книге речь идет о предыстории «бернштейновского ревизионизма» (часть первая), а затем о самом бернштейновском ревизионизме и его продолжателях. Это значит, что существовал не только

бернштейновский ревизионизм, ревизия марксизма началась буквально с первых лет его существования. «Ревизионизм» крепко связали с именем Бернштейна потому, что он более или менее систематически изложил аргументы критиков марксизма.

Я считаю принципиально неправомерным, чуждым науке само понятие ревизионизма, считаю его догматическим монстром, который подлежит изгнанию из лексикона науки. Правомерна лишь критика, ревизия научной теории, причем эта ревизия, разумеется, не застрахована от критики и опровержения. В главе книги «Российские народники: переход от латентной к открытой ревизии марксизма» излагается критика народниками положений Маркса об исторической прогрессивности капитализма и всемирно-исторической миссии пролетариата. В этой критике немало верного.

- Способствует ли нынешнее время качественным сдвигам в области методологии философских наук, нужна ли смена общей парадигмы исследования?

- Наше время открывает исследователю все двери. Нужны таланты. Нужны гении. Последних, по-видимому, нет.

- Как Вы относитесь к распространенному тезису о том, что мы переживаем конец проекта эпохи Модерна – кризис классической парадигмы исследования в социальных науках, угасание великих утопий и идеологий Нового времени?

- Эпоха модерна действительно кончилась. По-моему, кончилась уже и эпоха постмодерна. Будущее и в сфере философии непредсказуемо.

- У Фихте, философии которого Вы посвятили одну из своих книг, есть теория замкнутого торгового государства. Насколько эти идеи актуальны для сегодняшней России?

- Идея замкнутого торгового государства была анахронизмом и во времена Фихте. В нашу эпоху – эпоху глобализации, эта идея просто смехотворна.

- Каково Ваше отношение к современной западной философии?

- В западноевропейской философии полоса затишья. Есть, конечно, выдающиеся философы, например, Ю. Хабермас, но и его основоположение – коммуникация (общение, дискуссия и т.п.) все же ограничивает сферу собственно философских исследований. Недавно умерший П. Рикер сочетал персонализм с феноменологией, писал интересные книги, но не более того. В аналитической философии наметился распад. Что касается таких философов постмодернистов, как Лиотар, Делез, Деррида, Батай, - это талантливые беллетристы и публицисты от философии. Деррида – гениальный философский балагур, грубо говоря – трепач, но действительно гениальный. М.Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, как и вся структуралистская школа, родились не в лоне философии, и не в связи с ней. Это, скорее, был метод анализа художественных произведений, а также антропологии, что наиболее ярко выражено у К. Леви-Строса и Р. Барта. Здесь я собственно классической философской проблематики не вижу. Она сохранилась сегодня в «критическом рационализме», например, у Поппера и его продолжателей, вполне самостоятельных мыслителей. То, что называется постмодернизмом, надо скорее связывать с П. Рикером, Ю. Хабермасом, а не с Ж. Дерридой и Р. Бартом, пытающимися найти философскую проблематику за околицей философии. Напомню, что основоположниками структуралистского метода были Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, позже Ю. Лотман. Но это все-

таки не философия, для которой, я убежден, главная проблема – проблема свободы. Ею, к сожалению, всерьез мало кто занимается.

Оптимизм внушает современное состояние эпистемологических исследований. Я приветствую, например, переход от классической гносеологии к постклассической эпистемологии, то есть к пониманию процесса познания как культурно-исторического феномена. Эти вопросы неплохо описаны у В.С. Степина, В.С. Швырева, В.А. Лекторского, других авторов. Культурно-исторический контекст помогает понять относительность каждой ступени достигнутого познания и подводит к мысли: мир в равной мере познаваем и непознаваем. Мы всегда познаем только какую-то часть целого, следовательно, не можем исчерпывающе судить о ней, поскольку не знаем целого. Наши суждения об этой части неизбежно оказываются фрагментарными, какой бы законченный характер не приобрела та или иная теория. Это направление в теории познания – наиболее сильный аргумент против сциентизма, против превращения науки в икону. Нам сейчас стал доступен весь современный мировой философский аквизит.

- Какие из Ваших учеников вызывают чувство особенной гордости?

- У меня было почти 50 аспирантов. Наиболее талантливые среди них – П.П. Гайденко, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Г.К. Заиченко.

- Как Вы относитесь к обсуждаемым в научном сообществе реформам в системе РАН? Нужны ли науке автономия, самоуправление, демократические основы существования?

- Реформа РАН безусловно необходима и она осуществляется шаг за шагом. Самое важное в ней, на мой взгляд, активное внедрение фундаментальных прикладных исследований в производство. К сожалению, это зависит не только от РАН, но и от наших предпринимателей и государственных деятелей, занимающихся экономикой.

- Недавно вышла и уже получила высокую оценку научной общественности еще одна Ваша книга «Проблемы. Социально-политические и философские очерки». Какие проблемы Вы считаете основными для философии в настоящее время?

- Для меня этот сборник статей, во многом посвященный не только важным, актуальным, но я бы сказал, насущным философским проблемам, представляет немаловажную веху не только в моем интеллектуальном развитии, но и в подведении

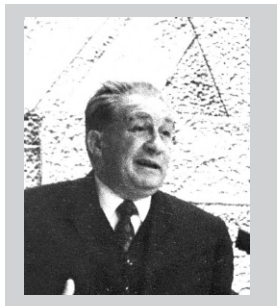
его итогов. Эти насущные философские проблемы и объединяют разнообразные сюжеты книги. Книга делится на два больших раздела «Социально-политическая тематика» и «Философская тематика». Самокритика марксизма, проблема происхождения ленинизма, предыстория бернштейновского ревизионизма, философия марксизма и немарксистская философия XX в., марксизм и философия И. Канта помещены в разных разделах. В сборнике я пытался показать связь историко-философского и современного философского знания, укорененность современных философских концепций в философских традициях, историю философии как философию настоящего. Обсуждение хода посткоммунистических реформ и процессов глобализации актуализирует сегодня новое обращение к классикам философской мысли, новое прочтение идей Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля. Но центральными для всего сборника я считаю статьи «Что такое философия?», «Философия как единство научного и вненаучного познания», «Основные вопросы философии». Именно сквозь призму этих проблем возможно, на мой взгляд, понимание задач философии, природы ее познавательных возможностей и основных вопросов, а также человека.

Философия, вновь и вновь проблематизируя большинство мировоззренческих вопросов, решает их каждый раз по-новому. Она содержит множество разных ответов на одни и те же вопросы. Тот факт, что философия существует, так сказать, во множественном числе – только как философии, то есть как неопределенное множество различных, противостоящих друг другу философских систем, отличает ее от науки и составляет ее суть. Таков ее смысл существования и необозримое идейное богатство. Наличие разнообразных философских идей важно для более глубокого понимания многообразия проявлений и видоизменений одной и той же реальности. В философии нарождаются и новые основные вопросы, соответственно которым изменяется философский язык, возникают новые понятия и термины.

Философия соединяет научное и вненаучное знание. Она имеет множество основных вопросов: об отношениях субъекта и объекта, духа и материи, материализма и идеализма, познаваемости и непознаваемости мира, о проблемах взаимосвязи душевного, духовного и вещного, об источнике человеческих восприятий и, наконец, кантовские вопросы: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться?». «Что такое человек?» - этот вопрос является самым, если можно так выразиться, основным.

ЮБИЛЕИ

Члену-корреспонденту РАН М.Н. Руткевичу - 90 лет

Имя М.Н. Руткевича известно российской естественнонаучной и гуманитарной интеллигенции нескольких поколений. Он родился 2 октября 1917 года, накануне Октябрьской революции. Этапы его биографии — это этапы развития советской философии и социологии. Михаил Николаевич часто выступал в качестве творца не только собственной судьбы, но и социальных институтов, влияющих

на судьбы тысяч людей. Дипломы философского факультета УрГУ, основанного М.Н. Руткевичем в 1965 г., более чем за 40 лет существования факультета получило несколько тысяч человек! Создание Уральской философской и социологической школ (последней — задолго до организации Института конкретных социальных исследований АН СССР, преобразованного затем в Институт социологических исследований), учреждение журнала «Социологические исследования» (1974 г.) — каждого из этих дел было бы достаточно для одного человека. С 1972 по 1976 гг. Михаил Николаевич был директором Института социологических

исследований АН СССР. М.Н. Руткевич — доктор философских наук, с 1970 г. — член-корреспондент АН СССР, ныне РАН, с 1971 г. — вице-президент Философского общества СССР-РФ, член редколлегии журналов «Философские науки» (1956-1972 гг.) и «Социологические исследования» (с 1976 г.), советник Института социально-политических исследований РАН (с 1991 г.). Избирался председателем Советской социологической ассоциации (1972-1976 гг.), членом исполкома Всемирной социологической ассоциации (1974-1978 гг.). Он — автор 20 монографий и учебников и более 500 статей в коллективных трудах, в отечественных и зарубежных изданиях; участник всемирных философских и социологических конгрессов (Мексика, Вена, Варна, Торонто). Под его руководством подготовлено более 100 кандидатских диссертаций, 25 из которых — в Уральском университете, 17 их авторов стали докторами наук. Награжден 15 орденами и медалями, в том числе — орденами Красной Звезды, Отечественной войны, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени.

Редколлегия и коллектив авторов альманаха «Дискурс-Пи» сердечно поздравляют Михаила Николаевича с юбилеем и желают ему здоровья и дальнейших творческих успехов!

Профессору В.В.Киму – 75 лет

Ким Владимир Васильевич — доктор философских наук (1987), профессор (1988), специалист в области диалектики, теории и методологии научного познания, философских проблем семиотики.

Окончил с отличием философский факультет Ленинградского университета (1956) и аспирантуру Уральского

университета (1965). Работает в вузах с 1956 г.: в 1956-1966 гг. — в Ташкентском государственном медицинском институте (Узбекистан), с сентября 1966 г. — в Уральском университете доцентом кафедры диалектического материализма философского факультета. С апреля 1977 г. возглавляет кафедру философии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук (ИППК) при Уральском университете. За годы научно-педагогической деятельности в Уральском университете внес большой вклад в его развитие: принимал активное участие в становлении и развитии философского факультета, стоял у истоков создания и развития ИППК при УрГУ. Его научная деятельность отражена более чем в 150 публикациях, в числе которых 8 монографий и учебных пособий. Им проведены фундаментальные теоретико-методологические исследования в области диалектики, в

особенности ее стержневого принципа, лежащего в основе ее предмета и системы, — принципа противоречивости человеческого бытия, человеческого познания, всего сущего. Крупной научной заслугой является разработка основных принципов семиотического подхода к анализу научно-познавательной деятельности и представление его в праксеологическом ракурсе. Целостное воплощение семиотического подхода как системы понятий и конкретных категориально-концептуальных моделей положило начало новому плодотворному направлению философско-методологических исследований — семиозису в науке, научной и педагогической деятельности. Результаты исследований в данном направлении легли в основу разработки не только научно-исследовательских программ по специфике семиотических образований в науке и научном познании, но и использованы непосредственно в практике преподавания курса философии, совершенствования как содержательной, так и методической структуры преподавания, связанных с составлением учебных программ и реализацией принципа наглядности в преподавании. Руководил разработкой профессиональной образовательной программы базового курса «Современная философия», получившей государственную лицензию (1993). Подготовил 20 кандидатов и трех докторов философских наук. Ким В.В. принимает деятельное участие в научно-организационной работе, выступая в качестве организатора и редактора более 25 межвузовских коллективных научных трудов. По его инициативе проведены ряд Всероссийских

научно-практических конференций по проблемам преподавания философии, результаты которых изложены в 14 тематических трудах, где обобщен передовой опыт преподавания в современных условиях. Возглавляя с 1993 г. исследовательскую группу «Профессиональные образовательные программы для различных уровней гуманитарного образования» в Межвузовском центре проблем гуманитарного и социально-экономического образования Министерства образования и науки РФ при Уральском университете, выступил инициатором переработки учебных программ по базовым курсам и разработки новых технологий

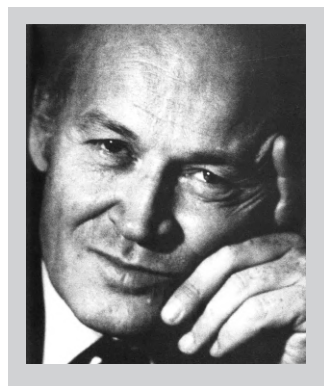
реализации их в учебном процессе. Награжден медалями «За доблестный труд» (1970) и «Ветеран труда» (1985), значком МВ и ССО СССР «За отличные успехи в работе» (1980).

Отмечая знаменательный юбилей замечательного ученого и педагога, видного представителя Уральской философской школы, его многочисленные ученики, коллеги и друзья поздравляют Владимира Васильевича и желают ему новых больших творческих успехов, крепкого здоровья и благополучия.

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

МИХАИЛО МАРКОВИЧ. РАЗГОВОР С ФИЛОСОФОМ

(Беседовал с мыслителем Др МиланТасич, проф.)

Михаило Маркович (1923, Белград), сербский философ-социолог, философ наук, логик. Участник Народно-Освободительной войны (партизан) и профессор Белградского университета. Защитил докторскую диссертацию в Белграде (в 1955 году) и Лондоне (1956 г., у проф. А. Ж. Айера), преподавал в университетах в Пенсильвании, Мичигане,

Констанце и др. Член Аристотелевского общества в Лондоне (с 1953 г.), Сербской академии наук и искусств (с 1963 г.), Международного философского института в Париже (с 1973 год.), как и ряда других национальных и иностранных научных обществ и редакций журналов. По решению Собрания республики Сербии, в 1975 году, смещен с должности профессора Философского факультета в Белграде.

*Михаило Маркович выдающийся представитель группы югославских философов “праксисовцев” (журнал *Праксис* 1963 г. – 1975 г., а потом и *Praxis International*, 1981 г. – 1991 г., Оксфорд), которые, идя по стопам марксизма, продумывали категорию практики вместо “отношения материи и сознания”, как “основного философского вопроса”.*

— Профессор Маркович, для философа и нефилософа является серьезным вызовом “разъяснить” выражение “американский интерес”. Что Вы можете сказать об этом факторе силы, о глобализации и может ли она совпадать с “интересом” самого широкого множества людей?

— Необходимо различать понятия “глобализация” и “глобализм”. Глобализация, это объективный и неуправляемый исторический процесс объединения мира. Науки и технологии развиваются как универсальный человеческий продукт. Различные цивилизации влияют одна на другую и проникаются. Соприкосновения различных национальных культур приводят к формированию целостной культуры человечества. Политическое

и экономическое сотрудничество получают глобальный характер.

Совсем по-иному глобализм, который означает идеологию и политику установления мировой власти определенных центров мощи, прежде всего, Соединенных Штатов Америки и их союзников. Эти два понятия особенно путаются. Себялюбивые, нечеловеческие интересы носителей глобализма прикрываются широтой и объективностью глобализации. Если глобализация — нужный исторический процесс и если американский империализм есть её составной элемент, тогда получалось бы, что борьба против неё есть борьба неисторическая, т.е. консервативная, ретроградная! Очевидно, речь идёт о хорошо обдуманной идеологической рационализации.

На самом деле, невозможно прийти к истинной интеграции мира, когда миру насильем навязывается отдельный и эгоистический американский интерес. Его инструменты — НАТО, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, иногда и Организация объединённых наций. Американская гегемония пытается осуществиться грубым шантажом, нарушением международного права, санкциями, полной экономической блокадой, вооруженной агрессией.

К счастью, глобализму уже сопротивляется мощное антиглобалистическое движение. Глобализм моментально проигрывает, ему не удастся осуществить все свои цели и, в конце концов, он исчезнет как и всякий империализм в истории — от римского, через монгольский, турецкий, наполеоновский до гитлеровского. Как история ускоряет своё течение, так и каждый новый вид империализма длится короче.

— Фукуяма в 2000-ом году сделал “гегелевское” заключение о конце истории. Опять об отношениях в духе поданных и правителей (на этот раз, кажется, в лице либеральной экономики и демократии Запада). Можно ли считать, что этот вид общественного порядка может установиться между народами достаточно надолго?

— Фукуяма показал полное незнание Гегелевой философии, когда свой поверхностный и пристрастный тезис о западной либеральной демократии, как о конечном и длительном виде организации общества, попытался рационализировать с помощью

идеи Гегеля о “конце истории”. Эта идея имеет смысл только в рамках одной замкнутой, абсолютной системы объективного идеализма.

Фукуяма в исторически определенный момент выразил именно то, что американцы хотели услышать. Своим глобализмом и Новым мировым порядком они хотели остановить историю и увековечить идеологию и политику либеральной демократии. На самом деле, либеральная демократия — только начальный вид демократии, без настоящей и одинаковой свободы для всех граждан, без равноправия и социальной справедливости. Система, с которой, по Фукуяме, заканчивается история, несет в себе фатальные ограничения, которые, раньше или позже, должны быть превзойдены. Свободу граждан невозможно свести только к праву периодического выбора своих представителей, без права непосредственного принятия решений в своих рабочих организациях и местных объединениях. Их равноправие уменьшается; в лучшем случае, сводится к равенству перед законом. Участие в распределении результатов работы и общественного богатства совсем неодинаково. Уже в настоящее время очень вероятно, что либеральную демократию превосходит партиципативная демократия и что либеральное, нерегулированное рыночное хозяйство должно уступить место регулируемому социальному рыночному хозяйству и привести к увеличению государственного обеспечения здравоохранения, просвещения, социального обеспечения, науки и культуры. Если это в настоящее время кажется утопическим проектом, то речь идёт об утопии, которая в ходе времени осуществляется. Отмена рабства и крепостного права, равенство мужчин и женщин, ограничение рабочего дня 40 или 36 часами в неделю — когда-то тоже были мечтания, а теперь они реальность.

— *В своей философии вы обосновали идею “социалистического гуманизма”, следуя марксистскому учению. Чем, в сущности, вы “оплодотворили” это понятие?*

— Было, прежде всего, необходимо объяснить понятие человека. Многие марксисты просто повторяли тезис Маркса о том, что человек есть “совокупность общественных отношений”, или пользовались Ранними трудами Маркса, прежде всего, Экономическо-философскими рукописями (1844), из которых вытекает, что человек в сути своей есть “свободное, рациональное и творческое существо”.

Более глубокий анализ открывает, что человек есть поистине противоречивое существо, которое несет в себе диаметрально противоположные диспозиции: что он стремится к свободе, но зачастую и бежит от свободы и ответственности; что он может быть общественным существом, которое хочет принадлежать к некоторой общности людей, или индивидуалистом, который часто проявляет эгоцентричное поведение; что он стремится к творчеству, но иногда и к разрушению. Всё это охватывает дескриптивное понятие природы человека. Философы же, которые свою задачу видят не только в “объяснении”, но и в “изменении” мира, идут дальше и строят нормативное понятие природы человека, которое отвечает на вопрос: Кем человек не только может, но и должен стать? На этом пути он делает выбор между возможностями, старается практически создать такие общественные условия, в которых может преодолеть свою несвободу, иррациональность, асоциальность, деструктивность и осуществить себя как свободное существо, общественное, рациональное и творческое существо.

В этой концепции гуманизма, существенное значение имеют

понятия отчуждённость и практика. Быть отчуждённым значит не быть тем, чем человек может и должен стать, — значит быть несвободным, асоциальным, иррациональным и деструктивным. Практика, это не какая-либо деятельность, какая-либо работа, но та, которая не есть средство для какой-нибудь (ограниченной) цели (деньги, политическая мощь, любовь), но цель по себе. Итак, это деятельность, с помощью которой человек осуществляет свои наилучшие родовые диспозиции, то есть 1) он максимально проявляется как индивидуальное общественное существо и 2) удовлетворяет истинные требования остальных. Ключевые понятия этой антропологии это — практика, родовые диспозиции человека, отчуждение, само-созидание, подлинные человеческие потребности. Особый вклад, мой и моих единомышленников по праксис-философии — это идея гуманизма, и прежде всего, подробно и очень чётко выраженная разработка философской антропологии, (особенно понятия природы человека, отчуждения и практики). Кроме того, развивалась политическая философия в духе социалистического гуманизма, теория государства, права, критика бюрократии и, очень чётко разработана теория самоуправления, т.е. партиципативной демократии.

— *Именно с вашим именем связывается замысел праксис-философии. Как бы Вы сформулировали *differentiae specificaе*, которая придает этому понятию характер единого принципа, из которого начинается и к которому возвращается сфера гуманизма, человечности?*

— Понятие праксиса позволяет преодолеть дуализм духа и материи, объектов и ценности. Это понятие имеет свое онтологическое, эпистемологическое и аксиологическое измерение. Это означает, что практическая деятельность опосредствует отношения между материей и духом. Своей внешней, воплощённой стороной она является чем-то объективным, материальным, что творит, оформляет и изменяет другие материальные предметы. Одновременно, она есть и нечто субъективное, чувственное, сознание о деятельности, о труде, который совершается и о сопротивлении противостоящей среды и, в конце концов, это сознание об изменении самого себя (само-сознание, само-деятельность). То, в чём практическая деятельность эпистемологически превосходит отношение материи и духа, есть тот факт, что мы непосредственно сознаем себя в ней. Всё остальное вывод, сознание о практической деятельности непосредственно дано. Другое, аксиологическое измерение праксиса показывает, что это не только деятельность, которая есть, которая объективно дана, но есть и что-то, что должно быть, значит ценность, идеал. Это не просто какая-либо работа, какое-либо производство, это та работа, то производство, в котором индивидуум осуществляет свой родовой потенциал, который для него есть цель сама по себе, и, одновременно, инструмент удовлетворения потребностей других людей в обществе.

В этом смысле понятие праксиса есть основательное понятие гуманистической философии марксистской ориентации.

— *Как произошло ваше удаление с Философского факультета в Белграде в 1974 году и группы семерых других профессоров?*

— Предыстория этих событий 1974 года начинается с 1963 года. В этом году, мы с группой моих сотрудников, философов гуманистов из Белграда и Загреба основали журнал *Праксис* и Международную летнюю философскую школу на адриатическом

острове Корчула. Тогдашние политические верхи Югославии, во главе с Йосипом Броз Тито, реагировали очень нетолерантно на критическое мышление, которое выражалось и в журнале, и в летней школе. Придерживаясь марксистского тезиса о философии как “критики всего существующего”, мы свободно обсуждали ограничения существующих институций социализма и особенно — бюрократическую структуру власти.

Эти идеи глубоко влияли на студентов, и это особенно выразилось во время студенческого протеста 1968-ого года. Тогда Тито нас обвинил в том, что мы “портим молодёжь” и требовал удалить нас из Белградского университета. Это было нелегко сделать, потому что в то время существовали законы, которые защищали самоуправление университета. Но был принят закон, согласно которому одним из условий прохождения конкурса на звание университетского преподавателя было соответствие “морально-политическим качествам”. Была установлена демократическая процедура, с помощью которой утверждается такое соответствие. Университет уважал эту процедуру и выбрал комиссию, в которой были пять профессоров из всех югославских университетов. Все они дали положительное заключение о нашем “морально-политическом облике” и все эти сообщения были единогласно приняты Советом Философского факультета в Белграде.

Шли годы и мы продолжали “портить молодёжь”. Наши коллеги, а особенно студенты, бесстрашно защищали нас. Наконец, в 1975 году, Народная скупщина Сербии приняла специальный закон, с помощью которого нас восьмерых отстранили от чтения лекций. Поскольку ни тогда, ни в следующие годы мы не занялись самокритикой и не покорились, было принято новое решение: в январе 1981-ого года нас восьмерых исключили из Университета. Я тогда, член Сербской академии наук и искусств, должен был подать заявление в бюро для принятия на работу.

Но это было очень непопулярное решение. Правительство Сербии засыпало протесты, не только из страны, но и из многих университетов мира. Уже в июле 1981, Правительство Сербии приняло решение о нашем возвращении в университет, в качестве научных работников Центра философии и общественной теории Института общественных наук в Белграде. Здесь мы все беспрепятственно работали до пенсии.

— *Можете ли для русских читателей сделать эскиз развития философской мысли в Сербии в прошлом столетии?*

— Когда сербская философия, после многостолетней тьмы и турецкого рабства, вынырнула в начале XIX-ого века, она оказалась под значительным влиянием Западной Европы (через Доситея Обрадовича и Вука Караджича) и России (через Светозара Марковича и Пётра Петровича Негоша). На стыке веков жили два оригинальных философа — Божидар Кнежевич (1862 – 1905) и Бранислав Петрониевич (1873 – 1954). Кнежевич занимался философией истории и написал Принцип истории (в двух томах 1898 и 1901). Петрониевич был философом энциклопедического знания и его главные произведения были Prinzipien der Metaphysik (в двух томах, Гейдельберг, 1904 – 1912) и Prinzipien der Erkenntnislehre (Берлин, 1900).

Социалистическая революция в Сербии вызвала большой интерес и в марксистской философии, чьим главным представителем был Душан Неделькович (1899 - 1984), который опубликовал критические труды о Бергсоне, Паскале, Гольбахе,

Леонардо да Винчи и критические комментарии к Гегелевой логике. В послевоенный период самой плодотворной была группа философов, собравшихся около журнала Праксис и Философия (Михаило Маркович, Любомир Тадиц, Светозар Стоянович, Загорка Голубович и другие). Многочисленные печатные труды этой группы посвящены преимущественно социальной философии и этике, но также и проблематике теории познания и философии наук.

Среди остальных сербских философов выделяются Михаило Джурич своими комментариями Ницше и Хайдеггера, и Мирко Зуровац — своими капитальными произведениями в области эстетики. В период кризиса социализма в Сербии в конце века происходит реставрация эпигонской (больше всего аналитической) прозападной философии.

— *Каково Ваше отношение к советской философии? В книге «Философские встречи» из русских философов говорите об Эвальде Васильевиче Иленкове.*

— Сразу после войны, в 1947 году, пока я ещё был студентом, произошла моя первая встреча с одним советским философом. Это был Эрнст Кольман, который был лучшим знатоком философии естественных наук (которая всегда была на высоком уровне в советской философии), но как раз в это время, по личному приказу Сталина, написал первую советскую книгу по формальной логике. Меня и моих сотрудников не удовлетворило его толкование формальной логики, так как мы в это время занимались дальнейшим развитием идей Аристотелевой Топики и Гегелевой логики, т.е. возможностями развития неформальной, конкретной, одним словом — диалектической логики.

В эти годы мне в руки попал новый советский журнал Вопросы философии, чей первый номер был посвящен очень интересным дебатам об «Истории философии» Г. Ф. Александрова. Мы с сотрудниками с большим вниманием следили не только за этим журналом, но и за всем, что в последующие годы было напечатано в советской философии. Хотя я был ещё ассистентом, мой профессор Душан Неделькович поставил мне задачу доложить о состоянии советской философии на Первом съезде Сербского философского общества, который проводился весной 1951 года.

Мой интерес к советской философии был обновлен в 1957 году, когда я в первый раз посетил Советский Союз. В июне 1957 года в Ленинграде состоялись шахматные делегации СССР и СФРЮ. В 1946 году я получил звание шахматного мастера и в Ленинграде был во главе шахматной делегации. Возвращаясь, мы остановились на несколько дней в Москве и я воспользовался возможностью и посетил Кафедру логики Московского университета. Один молодой коллега подарил мне капитальное произведение А.Маркова Теория алгоритмов (за пять лет до того, как его перевели на английский и оно стало доступным американцам). Тогда я занимался философскими проблемами математической логики. В России С.Яновская первая «пробила брешь» и инициировала очень удачное исследование в этом направлении, переводя и комментируя Гилбертову логику (Grundzüge der theoretischen logik).

В 1965 – 66 году наконец появилась возможность посетить Советский Союз в качестве философа, причем три раза в течение двух лет. Сразу после избрания членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств я выразил желание посетить Институт философии Академии наук СССР. Через два года это осуществилось и я две недели был в СССР, в Москве и в

Ленинграде. К счастью, перед поездкой я встретился в Белграде с Ниной Наумовой, научным сотрудником Института философии АН СССР, которая побывала в Белграде по обмену между нашими Академиями. Она произвела на меня блестящее впечатление своей непосредственностью. В Москве меня воодушевила вся группа молодых философов, которая собиралась вокруг Ильенкова. Это были блестящие молодые философы: Мотрошилова, Батищев, Дробницкий, Никитин, Смирнов, Замошкин, Давыдов. Мы прекрасно подружились, обо всем искренно разговаривали и надеялись на блестящее будущее. Всё общество было на подъеме и у вас, и у нас. У меня особенно были близкие отношения с Эвальдом Васильевичем Ильенковым, который был старше и опытнее нас из всей этой группы. Я подружился с Бонифатием Михайловичем Кедровым, с трудами которого был знаком уже по прежнему периоду и интеллектуальным мужеством которого я увлекался со времен борьбы с «космополитизмом и преклонением перед границей». Об этом я тоже писал в 1951 году. Моя супруга Христина, славистка, перевела с русского книги Кедрова Предмет и взаимосвязь естественных наук («Предмет и узаимне везе природних наука», Нолит, Београд 1969) и Ильенкова Диалектика абстрактного и конкретного в Капитале Маркса («Дијалектика апстрактног и конкретног у Капиталу Маркса», Нолит, Београд 1962).

По поводу смерти Кедрова я выслал статью о нем, которая была напечатана в Москве в книге, посвященной ему. Об

Ильенкове я написал большой текст, который опубликовал в моей книге Философские встречи (Белград, Предраг и Ненад, 2003, стр. 261 – 285). Он был блестящим, оригинальным мыслителем, интеллигентом широкой общей культуры. К сожалению, он был слишком тонкой чувствительной природы и не выдержал долго в суровых обстоятельствах, в которых жил. Иногда я с грустью думаю о том, какое произведение он мог бы создать, если бы так рано не ушел.

Сотрудничество моё и моего Комитета по философии и общественной теории Сербской академии наук и искусств продолжалось с Институтом философии АН СССР, через Мысливченко, руководившим Оделением истории зарубежной философии. Мы провели несколько научных собраний по проблемам общественных наук в Москве и в Белграде. К сожалению, это сотрудничество прекратилось в 1992 году, когда против Сербии ввели международные санкции и полную блокаду.

Всё-таки, с одним русским философом никогда не порвана связь и всегда я очень рад, когда встречаюсь с ним на международных собраниях. Это Владимир Лекторский, который привлёк моё внимание отличной книгой в области эпистемологии: Субъект-объект.

Вопреки всему, русская философия пережила впечатляющее развитие от Митина, Константинова и Йовчука до Ильенкова, Мотрошиловой и Лекторского.

И. Б. Фан

«РЕВОЛЮЦИИ ДЕЛАЮТСЯ ВЛАСТЬЮ» - «МАРКСИЗМ УМРЕТ СО СМЕРТЬЮ КАПИТАЛИЗМА».

Интервью с Б. Ю. Кагарлицким

Кагарлицкий Борис Юльевич (1958 г.р.) – известный деятель левого движения в России, кандидат политических наук, директор Института глобализации и социальных движений, председатель редакционного совета журнала «Левая политика» (2007 г.)

В 1980г. окончил ГИТИС.

Левый диссидент. За участие в деятельности марксистской молодежной группы (обвинен по ст. 172 «участие в деятельности антисоветской организации» и за «антисоветскую пропаганду и агитацию») в 1981 г. Борис Кагарлицкий 13 месяцев находился в Лефортовской тюрьме. Один из членов и учредителей партии Труда (19-21 августа 1991г.), депутат Московского Горсовета (1992- ?). В сентябре 1993 г., после роспуска Б.Н. Ельциным советов всех уровней, был арестован, обвинен за «защиту Советской власти» и «помилован без суда». В разное время участвовал в организации и деятельности левых политических групп, профсоюзного движения, Контр-Олигархического фронта (КОФР).

Автор множества научно-публицистических работ, в

том числе книг, изданных на английском языке: Мыслящий тростник; Мираж модернизации; Квадратные колеса: Как российская демократия была пущена под откос. К числу широко обсуждаемых в России книг Б.Ю. Кагарлицкого, изданных на русском языке, принадлежат следующие: Восстание среднего класса. М., 2003; Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004; Управляемая демократия. Россия, которую нам навязали. М., 2005; Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2006; Политология Революции. Алгоритм. М., 2007.

Лауреат ряда международных и российских премий: премии Исаака Дойчера, премии «Золотой гонг 2000» и других.

Б.Ю. Кагарлицкий участвовал в работе Всероссийской научно-практической конференции «Левые в политическом пространстве современности», проходившей 11-12 мая 2007 г. в Екатеринбурге, выступал с докладом «Революционеры в эпоху стабильности: российские левые начала XXI века – проблемы организации», активно участвовал в работе круглого стола «Левая идеология и левый дискурс в политическом пространстве современности» и дискуссионной площадки «Социал-демократия в XXI веке: перспективы развития», где присутствовали лидеры политических и общественных организаций Урала, политологи, журналисты, представители научного сообщества молодые ученые. Пользуясь случаем поближе познакомиться с одним из

лидеров российского левого движения, мы предложили Б.Ю. Кагарлицкому дать интервью для нашего альманаха.

- Борис Юльевич, расскажите немного о себе, Вашей семье. Как Вы пришли в левое движение? В Интернете где-то попала информация о том, что Рой Медведев очень сильно повлиял на Ваше становление в качестве левого политика. Так ли это?

- Мой отец Кагарлицкий Юлий Иосифович был профессором ГИТИСа, преподавателем и специалистом по истории английской литературы и театра. Он написал довольно много работ по этой тематике и был одним из ведущих и заметных исследователей в этой области в советское время. Мать была переводчиком с английского языка, переводила Диккенса, Теккерея и других авторов. Поэтому с детства я был довольно тесно связан с английской культурой. К тому же моя бабушка приехала в СССР из Англии. Она эмигрировала туда в 1912 году, а затем была в числе тех русских эмигрантов, которые восприняли революцию как сигнал для возвращения. В семье свободно владели английским языком, говорили и читали на нем. Это во многом предопределило мое развитие и стимулировало интерес не только к Англии, но и к западноевропейской культуре в целом. То, что я идеологически и культурно воспринимал себя в общеевропейском контексте, сделало меня для Москвы 1970-х – 1980-х годов персонажем во многом не типичным. Мне всегда смешно было слушать наших интеллигентов, которые говорили: «Давайте вернемся в нормальное цивилизованное общество!» Никакого нормального общества не существует. Обратное – это утопия. Для меня и тогда, и сейчас Запад – это общество со своими противоречиями, другими по сравнению с российскими, но столь же острыми, со своей внутренней борьбой и т.д. Западное общество – не экономический, и тем более не политический идеал. Я воспитывался в значительной мере как принадлежащий к западному типу культуры. Это сделало меня непримиримым противником российских западников, с их провинциализмом, комплексом неполноценности, принципиальным нежеланием понять, что такое Запад. Им присуще абсолютное нежелание воспринимать Запад, западную цивилизацию как живое устройство.

В студенческие годы, а я учился в ГИТИСе, где занимался социологией культуры, я принадлежал к марксистской молодежной группе. Ее ядро составляли выпускники исторического факультета МГУ, уже работающие или находящиеся в аспирантуре ИМЭМО. Это была подпольная дискуссионная группа, которая занималась самиздатом марксистской литературы. Ребята обладали хорошим образованием, очень высоким уровнем теоретических знаний, у многих из них был доступ к широкой информации, в частности к спецхрану. Информацией они владели в гораздо большем объеме, чем большинство их сверстников. К сожалению, эти люди потом не участвовали в левом движении. Участие в этой группе мне очень много дало. Побочным эффектом этого участия было то, что в 1982 г. нас всех пересадили. Мы провели в Лефортовской тюрьме 13 месяцев. За это время умер Л.И. Брежнев и власти начали сворачивать это «дело». Дело было дутым. Нам инкриминировали не только «антисоветскую пропаганду и агитацию», но не больше и не меньше, как «создание антисоветской организации». Это 172 статья, которая не применялась с 1960-х годов. Но когда Ю. Андропов стал руководить страной, мы были помилованы без суда, то есть нас

не признали ни виновными, ни невиновными. Это уникальный случай, которого не было в советской практике. Возможно, это объясняется временем преддверья перестройки.

Потом я работал секретарем у Р. Медведева, известного марксистского диссидента, переводил различные тексты с английского, немецкого и французского языков. С этого момента я начал заниматься и политической практикой, и политической теорией.

- Сравните себя нынешнего с тем юношей, который определил Вашу судьбу. Разделяете ли Вы сейчас те ценности, в которые Вы тогда верили? Правеют ли левые политики со временем?

- Не думаю, что мои взгляды как-то существенно изменились, они не изменились в принципе. Но за все эти годы я многому научился, и не только прочитал массу политической литературы, но и пережил многое. Меняться не принципиально, но учитывать изменения реальности, политической практики и теории – это нормально. Образование, интересы, переживания – не только личные, но и политические, все это привело к обретению определенного опыта. Я пережил множество достаточно серьезных неудач, в том числе политических. Начавшись как некоторая надежда, как открытие пространства – политического, культурного, которое для меня и многих людей моего поколения можно было освоить, перестройка оказалась эпохой неудач, катастрофой. Можно было сделать его пространством преобразования, демократии, гражданского самоутверждения общества... Но фактически перестройка обернулась реставрацией капитализма. Я не открою Америки, если скажу, что большинство людей на низовом уровне, которые поддержали перестройку, сейчас живут с ощущением, что они не этого хотели. Я это воспринимаю не только как предательство по отношению к диссидентам, активистам, участникам событий, которые боролись за другую жизнь, но я вижу часть своей вины, личной – как часть коллективной вины: мы это допустили! Консервативные сталинисты кричат о предательстве страны. Мы тоже говорим о предательстве, но в то же время чувствуем, что на нашем поколении лежит груз ответственности и вины за последствия перестройки. Мы вовремя не поняли, чем что чревато! Это не значит, что абсолютно все было сделано неправильно. Но это был и есть для меня важный опыт, который необходимо помнить, который нужен для сегодняшнего дня.

Что касается моего ареста в 1993 г., уже при Б.Н. Ельцине, то у меня есть основания гордиться этим. Мне предъявили обвинение в том, что я являюсь приверженцем и защитником Советской власти. Парадокс заключается в том, что за одни и те же взгляды и действия я сидел дважды, но с противоположными обвинениями: в 1982 г. – за антисоветскую деятельность, а в 1993 г. – как защитник Советской власти.

Относительно поправок левых политиков. Любая деятельность в политике предполагает преодоление наивности и обретение некоторых ремесленных навыков. Вопрос заключается в том, чтобы сохранить идеологические позиции и моральные требования – критерии того, что можно или нельзя делать. Дело не в возрасте, а в моральных критериях, границах допустимого. Задним числом люди могут объяснять перемены в себе возрастом, приобретенным реализмом и т.д.

- Вы верите в принципиальную достижимость справедливости для всех? Ведь разум, образование и опыт порождают скепсис в этом отношении

- Во-первых, возникает вопрос, кто такие «все». До тех пор, пока есть разделение труда, справедливости для всех быть не может, но может быть изменение классовой структуры общества. Бесклассовое общество возможно! Лично я не жду справедливости от общества, но чисто эстетически я не приемлю некоторых вещей. Почему все должны заниматься бизнесом или владеть частной собственностью? Отводит ли нынешнее общество достойное место таким видам деятельности, которые предполагают свободу от бизнеса или собственности? Куда деть «свободных художников», интеллигенцию, политическую оппозицию и т.д.? Современное общество не только не может обеспечить им что-то, но не может даже примирить с обществом. Были времена, например, 1930-е годы, когда жизнь интеллигенции была даже хуже, чем сейчас, но моральные основания их жизни были устойчивыми. У множества людей сейчас вполне обеспечен жизненный комфорт, но с идеалами – проблема. Морально они испытывают дискомфорт. Для меня в этом заключается проблема.

- Чем Вас не устраивают либеральная и демократическая идеологии?

- Либеральная идеология меня не устраивает, поскольку она не демократична. В ней есть несколько фундаментальных противоречий. Например, по поводу частной собственности. Еще О. Уайльд говорил, что частная собственность – это препятствие для торжества индивидуализма. Каждая личность самодостаточна. И подлинный индивидуализм возможен только в условиях обобществления ресурсов и собственности. Старый либерализм основывался на положении о том, что гражданин есть собственник. Но в обществе всегда есть люди, которые сознательно не хотят быть собственниками. Что из этого следует? Что они должны быть исключены из гражданского общества! Как быть с этими людьми? К людям, которые не хотят заниматься бизнесом и иметь собственность, принадлежим и мы.

Теперь по поводу демократической идеологии. С ее постулатами я в принципе согласен. Но возможно ли политическое равенство, когда около 10% населения обладает 50-60% ресурсов, а 40% населения – третьей частью ресурсов? Это невозможно стерпеть. Это не только несправедливо. Политического равенства тут не может быть, так как политика предполагает определенные затраты ресурсов. Я хочу, чтобы мои интересы были адекватно представлены. Общество неравенства не может быть демократическим. Те, кто исключаются из этого общества, всегда будут отстаивать свои интересы другими, доступными им способами. И прошлое – не корень в решении проблем настоящего, история ничего не решает. Проблема заключается в сегодняшнем дне. Социальная структура российского общества делает демократию невозможной. И именно путинский режим фиксирует это положение.

- Назовите основные ценности и принципы левой идеологии. Почему именно левая идеология, по Вашему мнению, в наибольшей степени соответствует потребностям настоящего времени?

- Левая идеология (и движение) – единственная последовательно демократическая идеология. Она адресована не только к формально-юридическим нормам и свободам, но и к тем условиям, которые определяют их применение и реализацию. У левой идеологии есть два уровня. Первый уровень – это ее программа-максимум. Она предполагает построение принципиально другого общества, основанного на общественной

собственности, на обобществлении ресурсов и на преодолении социального отчуждения. В условиях информационного общества мы видим возможность создания таких условий. Например, в американских городах уже обеспечено бесплатное пользование Интернетом. Современные технологии толкают к коммунистическим решениям многих социальных проблем. Но разные типы деятельности подразумевают разные типы обобществления. Проблема – в способах обобществления ресурсов на нижних уровнях общества.

Второй уровень левой идеологии – программа-минимум, то есть меры, действия «здесь и сейчас», которые соответствуют идеологии левых, но не обязательно приводят к социализму и коммунизму. Это левая политика, которая не обязательно означает путь к революции. Это может быть реформизм. В сегодняшней России программа-минимум предполагает следующее: 1. Меры по распределению собственности в интересах большинства населения; 2. Обобществление монополий. Об этом я писал в книге «Восстание среднего класса». В условиях сырьевых монополий рынок не работает. Возможны разные формы монополярной ренты. У нас отсутствует конкурентная среда и суверенитет потребителя. В настоящее время трудно организовать конкуренцию. Все поточные процессы у нас не рыночные, они должны быть национализированы, обобществлены. Также необходима национализация финансового капитала. Нужно введение другого законодательства в области интеллектуальной собственности. Иначе будут все чаще возникать проблемы, подобные той, что возникла в связи с учителем Поносовым. Все эти меры позволят решить проблемы образования, здравоохранения, социальной сферы. Ведь это очень дешевые сферы. Но власти не хотят решать эти проблемы, поскольку вложения в людей не приносят прибыли. Государство и бизнес любят вкладывать деньги в вещи, но не в людей. Для левого движения необходима также программа переходного периода, что-то подобное предлагал еще Л. Троцкий. В обществе должен начать действовать механизм, который позволит людям решать насущные проблемы. Для этого должны заработать классические демократические институты. Также нужна общественная поддержка институтов гражданского общества. В Швеции, в других скандинавских странах гражданское общество осуществляет контроль над государством. В России нужны преобразования в подобном направлении.

- В России и за рубежом вышло множество Ваших книг, причем, с провокационными названиями. Не преувеличиваете ли Вы вызовы, кризисы, проблемы современного мира и России? Не провоцируете ли общественность к более радикальному пути решения этих проблем? Удовлетворены ли Вы реакцией и откликами на свои книги?

- Есть такая шутка среди левых: мы предсказали 8 из 5 имевших место кризисов. Но если серьезно, то левые не преувеличивают кризисность современного общества, возможно, они преувеличивают сроки наступления кризисов. Предсказание сроков не может быть точным, гораздо проще предсказать направленность процесса. Что касается моих прогнозов, то в тенденциях я не ошибался, ошибки случались в указании сроков наступления тех или иных событий. Марксистская методология позволяет выявлять социальные тенденции, но труднее всего выразить сроки и формы, в которых произойдут те или иные кризисы и катаклизмы. Люди непредсказуемы. Те или иные тренды двигают людей, но и волна состоит из людей. Пытаясь

учесть это в теории и на практике, я делаю свое дело как могу.

По поводу радикализма позволю себе следующее высказывание. Революции делаются не революционерами, а властью. Обыватель всегда предпочитает реформистские решения социальных проблем. Люди начинают действовать радикально в том случае, когда не видят выхода из наличного положения вещей, не видят возможности и легальных способов решения своих проблем в существующих социальных и политических рамках. Агитаторы не играют никакой роли, их сила ничтожна. Ныне существующая в России система загоняет людей в тупик. Агитация может сыграть свою роль, когда она ложится на личный опыт людей, когда общество настроено на радикальные действия. В нынешних условиях Путин или Греф – больше революционеры, чем мы.

Что касается реакции на мои книги, то можно сказать, что она разная. Есть удачные книги, которые, как мне кажется, недооценены, не попали в резонанс с общественным и настроениями и мнениями. И наоборот.

- Каков потенциал левой идеологии и левого движения в мире и России? «Звездным часом» левой идеологии и практики был XX в., но он закончился. Конечно, в настоящее время в отдельных изданиях говорят о «левом сдвиге», но что-то не верится, что люди тоскуют по коммунизму

- Конец XX века не был хорошим временем для левого движения. Левый сдвиг стал заметен сейчас, поскольку пройдена «нулевая точка» для левых, точка самого низкого интереса к левым ценностям. Дальше будет наблюдаться подъем. Насколько он развивается? Это вопрос. Подойдем к картине социальной действительности в других категориях. Исторические процессы XX не закончились, они находятся в фазе реакции на определенные тенденции. История разных революций показывает одни и те же фазы развития. Первая фаза - революционного идеализма. Вторая – фаза революционной диктатуры, то есть высшей точки подъема революции и начала ее падения. Это необходимая фаза, так как революция не может себя закрепить иначе, как авторитарными методами. Но авторитарный проект отчуждает общество и власть. Большевики или якобинцы приходили к власти, пользуясь поддержкой общества, но скоро теряли ее, и держались у власти за счет насилия. Третья фаза - термидора, революционного бонапартизма, это вырождение элиты, начинающей выполнять контрреволюционную роль, при декларативном объявлении себя продолжательницей дела революции. Эта фаза исторически связана с такими именами как Кромвель, Бонапарт, Сталин. Наконец, четвертая фаза – реставрации. Россия сегодня как раз и переживает этот период. Все, что у нас сейчас происходит, вписывается в общеисторическую динамику. Структура теперешнего российского государства сходна со структурой российской империи. Но нельзя забывать, что за реставрацией следуют «славные революции»! Сейчас мы находимся на переходе к новому подъему левой волны. Левое движение появилось и в мире, где оно проявляется сильнее, и в России. Перед российскими левыми встает две задачи: 1) левые должны извлечь опыт из XX века; 2) необходимо создание новых организационных и идеологических форм движения. Если мы не хотим повторения опыта XX века, должны сделать соответствующие выводы. Сейчас происходит определенная трансформация левого движения. Слабость российского левого движения может обернуться преимуществом, поскольку у него нет окостеневших форм и институтов. Например, есть такое

явление, как «преимущество опоздавших».

- На основании разных источников из Интернета я почерпнула сведения, как бы помечающие флажками Ваши взгляды, например: отрицательное отношение к патриотам, к идеям «русофоба» З. Бжезинского, к имперским (православным, самодержавным, соборническим, «почвенническим») идеям А. Дугина, к глобализму и либерализму, но также и к перспективам революционного массового движения рабочего класса и интернационального социализма и т.д. В Вашей статье «Геополитика как религия» (Свободная мысль, 2005) Вы высказываете мысль о том, что у левых сил должен быть собственный проект, как у большевиков в 1917 г. Вы так и говорите: «Впереди эпоха войн и революций!» Правильно ли я понимаю, что цель вашего движения – революция? Включает ли Ваш проект программу «управления революцией»? Очертите основные моменты этого проекта.

- В Вашем вопросе уже содержится ответ. О националистах могу добавить, что это «две половинки одного гнилого ореха».

- Вы говорили о том, что остаетесь марксистом несмотря ни на что. Каков практический потенциал марксизма сегодня?

- Для меня марксизм был и остается критической теорией, сохраняющей способность видеть диалектическую динамику социальных процессов, а не статические срезы общества. Общепризнанная методологическая роль марксизма. Марксизм многообразен: есть Франкфуртская школа, есть И. Валлерстайн, есть Э. Ильенков, М. Лившиц и другие. Но людям политики, левым, интересны не столько дискуссии по поводу теории марксизма. Для нас это практический вопрос. Марксистская методология продолжает эволюционировать. Марксистская теория нами используется и развивается в зависимости от потребностей и степени развития практического движения. Суть марксизма когда-то хорошо выразил Сартр: это методология анализа капитализма. Все проблемы и ограниченности марксизма – от ограниченности капитализма. Есть предмет – соответственно, есть метод его постижения. Марксизм умрет со смертью капитализма.

- Вы принадлежите также к антиглобалистам. В некоторых СМИ прозвучали обвинения антиглобализма в экстремизме и терроризме. Как изнутри Вам видятся методы и практические действия антиглобалистов?

- Начнем с того, что «антиглобализм» - термин противников этого движения. Леворадикальные активисты движения начали откликаться на это слово. Но в принципе, это неадекватное название. Если говорить о сути движения, то оно является проявлением двух процессов. Первый из них связан с осознанием большинством общества, что демократические институты в западных странах оккупированы буржуазной элитой, они заблокированы ею и фактически не работают. Это кризис институтов представительства. Это чисто арифметически подтверждается двумя следующими фактами. Каковы были результаты референдумов: а) по Конституции Евросоюза и б) о введении евро в Швеции? 80 % политического класса, представленного в Европарламенте, проголосовали «за» введение Конституции ЕС. Однако вспомним, что когда этот вопрос был вынесен на референдум, то общество проголосовало «против». Следовательно, представительство в Европарламенте, государственном институте, а также в прессе не соответствует

интересам всего общества. Теперь о евро. 90% членов парламента проголосовало «за» введение евро. На референдуме 60 % населения Швеции было «против». Крупные СМИ утверждают, что серьезные вопросы нельзя доверять населению! В этом – суть буржуазной демократии. Осознание этого ведет к бунту. Люди хотят быть представленными в государственных институтах, люди хотят быть услышанными.

Второй процесс, связанный с антиглобализмом, это кризис «старой левой» партии. Некоторые ее положения и практические методы становятся непригодными в новых условиях. Произошли серьезные изменения социальной структуры общества, не работают механизмы социальной мобилизации. Партии по преимуществу стоят на правых позициях, их политика становится все более неэффективной. Необходимо заполнить образующийся вакуум. Но процесс создания новых партий – процесс сложный и долговременный. А действовать нужно сейчас! Ведь вакуум так или иначе заполняется – прямым уличным действием, разного рода протестами и т.д.

- Давайте немного поговорим о Вашем докладе «Штормовое предупреждение» (2006 г.), разоблачающем коррупцию среди оппозиционных партий России – КПРФ, «Яблока», СПС, «Родины». Там Вы высказали идею о необходимости революции внутри оппозиции. Расшифруйте, пожалуйста, этот тезис

- Этот доклад помог спровоцировать определенную публичную дискуссию. Суть замысла состояла в том, чтобы оппозиция начала менять что-то в стране. Оппозиция должна быть морально выше власти. Но это не соответствует действительности. Фактически моральный уровень этих партий чуть ли не ниже, чем уровень власти. Из этого следует, что в оппозиции нужна революция. Причем, в двух формах: 1) оппозиция должна стать честной в информировании общества о происходящем. Да, нельзя делать политику без денег, но нужно научиться корректно их добывать и использовать. Это связано с решением оппозиционными политическими партиями двух задач: 1. должна быть налажена жесткая финансовая отчетность; 2. должна быть установлена внутрипартийная демократия. Нельзя позволять спонсорам манипулировать партией! «Взять деньги» и «продаться» - разные вещи! Чтобы подкуп был невозможен, должна быть налажена система отношений, включающая демократические механизмы, собрания, откровенность с рядовыми членами и т.д.; 2) Нужны новые организации.

- В. Волков в статье «Казус Казарлицкого» (на Мировом Социалистическом веб сайте) утверждает, что Вы играет роль «респектабельной ширмы для реализации проектов правящей элиты», направленных на дезориентацию молодежи и рабочих. Что Вы можете на это ответить?

- Интернет наполнен самыми разными вещами... А что люди из Интернета сами делают для организации молодежи и рабочих? Пусть они сделают что-то сами! Наш центр постоянно работает с Российской конфедерацией Труда. Мы провели независимый митинг (ВЭКТ?), работаем с лидерами и активистами ряда предприятий – Форда, Рено, Автоваза. Но людей катастрофически не хватает. Исключительно вершущечный способ работы с рабочими – это проблема. Но есть факт: если кто-то создает сеть левых и рабочих организаций – так это наш Центревой политики. Этим организациям нужна площадка сотрудничества, координация действий, информация. Мы обеспечиваем все это. Возможно, не все обстоит так, как нам бы хотелось, но что

возможно – делаем.

Меня иногда спрашивают, используем ли мы прокремлевские сайты, например, «Взгляд». Да, используем. Но за все время у нас не была сокращена ни одна страница, цензуры не было. Если я могу донести до публики важную информацию, выразить свое мнение и идеи таким способом, я буду это делать. Высказывают разные подозрения по поводу природы задержки тех или иных материалов. «Взгляд» имеет огромное количество посещений. Я вывешиваю свои материалы везде, используя любые окна. Когда-то я писал в самиздате не потому, что не хотел пользоваться официальными каналами информации, просто туда не было доступа вообще. Мы просто обязаны использовать все способы, включая официальные, поскольку это возможность, не использовать которую было бы преступно. То, что невозможно разместить в официальных изданиях, мы публикуем в неофициальных. Как будет дальше? Официальная линия тоже может измениться. Скажем, Касьянов спокойно существовал в согласии с ельцинским режимом. Сейчас он пытается играть роль оппозиционера. В чем причина? В том, что при нынешнем режиме ущемлены его личные интересы. Если либералы жалуются на что-то – это их право. Главная проблема заключается в следующем: нельзя отождествлять личное с общественным, надо говорить от своего имени.

- Вы – разносторонняя личность – политик, ученый, публицист, Вы много и оригинально пишете, причем, с потрясающей скоростью, публично выступаете, занимаетесь активной политической деятельностью. Не могли бы Вы описать Ваш обычный день? Есть ли время для семьи, детей? Раскройте секрет своей работоспособности и эффективности?

- Нельзя заниматься одним и тем же. Ведь политика – довольно узкая сфера деятельности даже в плане борьбы. Всегда нужен какой-то более широкий контекст жизни. Пишу много потому, что должен много писать, так как этим я кормлюсь. Иногда испытываю большое счастье, когда писать не нужно. Значительная часть работы у меня происходит дома, в этом плюсы и минусы свободного образа жизни. Это означает смешение общественных и семейных дел. У меня двое детей: сын – студент экономико-лингвистического института, дочь школьница, серьезно занимается английским языком. Дети даже помогают в работе. Например, просмотр с дочерью мультфильмов про Покемонов навеял некоторые сюжеты книги «Восстание среднего класса». Стараюсь хотя бы один выходной проводить вместе с семьей.

На самом деле эффективность в работе связана с тем, как правильно организовать рабочий день. Вспоминается такой факт: Сталин критиковал секретариат Свердлова, у которого люди работали по 12 часов и со слабыми результатами. Сталин реорганизовал их работу: все дела надо решать за 8 часов. Дело в организации собственного рабочего дня. Когда люди говорят, что у них не хватает времени, это свидетельствует о том, что у них нет не времени, а физических сил. Бывает, что за один день проводишь несколько тяжелых встреч, и вроде бы остается еще время на то, чтобы писать, но эмоциональные силы, необходимые для этого, уже истощены. Проблема заключается не только в распределении времени, но и в распределении эмоциональных сил.

- Как Вы относитесь к простым обывателям? Не раздражают ли они Вас своей пассивностью, политическим

абсентеизмом, косностью и т.д.? Не являются ли они препятствием, мешающим в политической борьбе?

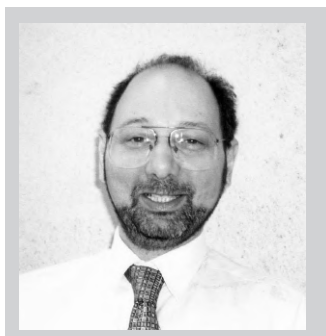
- Отношусь спокойно. Мы все – обыватели. Чтобы реализовались великие идеи, они должны рождаться из внутренней потребности большинства этих самых обывателей. Ключевой момент истории наступает тогда, когда народу становится интересно участвовать в политических процессах,

когда он понимает их смысл. Нельзя осуждать обывателя за его стремление к бытовому и материальному благополучию. Это всеобщая потребность, включая революционеров. Но все дело в том, какой ценой достигается это благополучие. Существует масса потребительских ловушек, засасывающих человека. Впрочем, меня больше раздражает высокомерие интеллектуалов.

И. Б. Фан

«НА НАШИХ ГЛАЗАХ — УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НОВЕЙШУЮ ИСТОРИЮ!»

Интервью с Р. Саквой

Р и ч а р д С а к в а
– профессор, декан факультета политологии и международных отношений Кентского университета (Кентерберри, Великобритания). Р. Саква участвовал в работе Четвертой Международной конференции «Политическая наука и политические

процессы в российской Федерации и Новых Независимых Государствах», состоявшейся 3-4 февраля 2006 г. в Екатеринбурге, которая проводится Евразийской сетью политических исследований при поддержке Института философии и права УрО РАН и Уральской академии государственной службы. Р. Саква уже в четвертый раз приезжает в наш город для участия в конференциях, выступает с докладом на пленарных заседаниях, является председателем секции «Международные факторы и этнические вызовы». В этот раз с ним приехали и его аспиранты, занимающиеся проблематикой трансформации России и стран СНГ.

Мы выражаем Ричарду искреннюю благодарность за интервью, которое он со свойственной ему открытостью и заинтересованностью дал нам в условиях жесткого графика работы конференции и интенсивного профессионального общения.

- Ричард, расскажите, пожалуйста, о том, как Вы стали политологом?

- Это был не прямой путь. Немного - о моем происхождении. Я из польской семьи. Мой отец родился и жил в Кодаве, городке под Варшавой, еще во времена, когда Польша входила в состав царской Российской империи. Отец, находясь на службе в армии, был современником множества бурных исторических событий, связанных с Первой мировой войной, революциями, различными перипетиями в русско-польских отношениях этого периода, затем после 1926 – режимом Ю. Пилсудского, а после 1933 г. – временем нацизма в Германии, сталинизма в России. Все это он пережил и впоследствии рассказывал мне. В 1939 г. после нападения фашистской Германии на Польшу отец совершил побег. Впоследствии он узнал, что его товарищи были расстреляны в

печально знаменитой Хатыни. Тогда отец долго шел пешком, пробираясь за границу, много страдал, и, наконец, оказался в Палестине. Там он попал во Вторую Польскую армию, где и служил. 1945 год для Польши стал очередным испытанием. Не приняв установившийся прокоммунистический, просоветский порядок, отец уехал в Англию, где некоторое время жил, обладая лишь статусом беженца. В детстве я слушал его рассказы обо всех этих событиях. Но еще я очень хорошо помню газеты и журналы, которые отец выписывал, например, журнал «Жизнь в Польше». Не знаю, видели ли Вы такие газеты, листы которых надо было разрезать? У этих периодических изданий был какой-то особый «социалистический» запах. С тех пор я начал задумываться над вопросами: что такое режим в Польше, в чем суть идеологии коммунизма, что такое Советский Союз, каков характер государства в СССР?

Став студентом Лондонской школы экономики (LSE), я начал изучать историю. В жизни весьма значительную роль играют случайности. Вспоминаются два интересных случая. Уже после окончания университета мне как-то на глаза попался букварь по русскому языку, и я начал по нему заниматься. Второй случай – в одной из газет я увидел объявление о Центре по изучению проблем Европы и России (Centre the Russian and EU Studies. В' hom Union). Я подал заявление и получил там место. Это все происходило подсознательно. Затем я продолжил изучать русский язык в Бермингеме. Ну а дальше я попал в Россию, в МГУ, на истфак. В Москве я жил на улице Шверника. Тема моей докторской диссертации звучала так: «Московская партийная организация во время Гражданской войны». Главным тезисом работы был такой: в тот период основные черты советской власти уже оформились, необходимые внутренние процессы созрели. В московской парторганизации в то время существовало сильное внутреннее сопротивление большевикам. Против В. Ленина, Ф. Дзержинского и Л. Троцкого выступала оппозиция в лице Л. Каменева, В. Ногина и Г. Зиновьева. Мне было интересно разобраться в позициях обеих сторон. Известно, что последовал чекистский террор, и в московской парторганизации была установлена так называемая «внутрипартийная демократия», а оппозиционеры – репрессированы.

Меня всегда интересовала советская политическая система. Разным аспектам этой системы я посвятил две-три книги, вышедших еще до перестройки. Затем я выпустил книгу «Горбачев и его реформы». Моя книга была первой на эту

тему. В 1991 г. эту книгу хотели переиздать. Еще одна книга, посвященная российской политике – Russian Politics and Society. 1993. (? - Now Prepare 4-th edn). В настоящее время готовится четвертое издание книги о российской политике. Недавно вышли еще две книги: 1) Sakwa, Richard (2004). Putin: Russia's Choice. London and New York, Routledge. Это единственное академическое издание о В. Путине. 2) Sakwa, Richard (2005). «The 2003-2004 Russian Elections and Prospects for Democracy». Europe-Asia Studies, forthcoming.

Все эти книги связывает моя идея о том, что в российской политической истории есть определенная цепь событий и моментов от одного к другому, есть эволюция политической ситуации. Причем, внутренняя интеллектуальная эволюция следует за эволюцией политической реальности. Важнейшей категорией для понимания российской политической системы является понятие цивилизации. Ведь СССР – это не только политическое пространство. Если, скажем, попытаться осмыслить брежневскую эпоху, то необходим объективный взгляд на вещи. Было много грабительского, но люди жили по-другому, с ощущением спокойствия. Это не романтическое восприятие прошлого, это факты. Советский коммунизм, на мой взгляд, – это гигантская консервативная сила. Его политическая система служила сохранению, консервированию многих элементов, традиций, практик российской цивилизации прошлого. Можно провести аналогию: в СССР в определенной степени, но в иной форме, повторилось то, что в Великобритании было 50 - 70 лет назад. С одной стороны, развивалось и общество, и наука, но с другой – определяющей чертой политической системы было отсутствие внутреннего динамизма. Какие-то аспекты тех процессов присущи и нынешней политической системе России, есть преемственность, есть продолжение одной системы в другой. Есть особый менталитет населения, который во многом воспроизводится от поколения к поколению. Нынешняя политическая ситуация в России весьма интересна для меня. Интересно ее дальнейшее развитие. Если судьба России – американизация, то это будет катастрофой для нее. Но в России существуют и противоположные тенденции – есть ностальгия по прошлому. Однако одну цивилизацию нельзя автоматически перекладывать на другую, это чревато многими опасностями.

- Теперь во многом понятно, почему именно Россия стала одним из предметов Вашей научной специализации. Не означает ли Ваш выбор, что исследование британской, или шире - европейской, политики – скучная вещь лично для Вас?

- Подведу итоги ответа на первый вопрос. Я стал политологом в силу двух причин. Первая – это некий геополитический элемент, переплетающийся с личной судьбой беженца в Англии. Вторая связана с моими интеллектуальными интересами. Чуть подробнее об этом. Главой для меня всегда выступала потребность понять, что такое коммунизм. Вы, наверное, знаете о резолюции Совета Европы, в которой коммунизм и нацизм были оценены как тоталитарные режимы и фактически отождествлены. Я считаю, что это крайняя оценка. Это показатель деградации мышления на Западе. Конечно, в СССР при Сталине были репрессии и тоталитаризм имел множество негативных последствий. Однако нельзя приравнять эти системы. Советский Союз и нацистская Германия – это разные феномены, для их адекватной и объективной оценки нужен новый взгляд. Российская политика осуществлялась еще и с

учетом вопросов, касающихся человечества в целом, социума, судьбы человечества. Это противоположно установкам нацизма. Что касается нынешнего самосознания россиян, имеющего значение для перспектив российской политической системы, то здесь актуальной становится проблема традиционного для России самоуничтожения. На конференции много говорилось об имперском отношении России к странам СНГ. Я не совсем согласен с такими утверждениями. Российский интеллигент склонен к излишней самокритике, любит бить себя. Это отличает российских интеллектуалов от западных. Однако в таком отношении к своей стране, к ее культуре, цивилизации, политике нет умеренного взгляда на вещи. Это своего рода интеллектуальный мазохизм. Это очень опасная самооценка, это крайность. В сегодняшней России распространено сознание национального унижения. Реакция, последствия преобладания такого сознания могут быть ужасными. Особое опасение вызывает такая потенциальная опасность, как националистический гнев. Между тем такой гнев вызревает в российском обществе – это настроенность против олигархов, против ближних соседей, которым Россия какое-то время оказывала финансовую помощь, и которые не отдают долги. Это еще и настроенность против власти.

В европейской политике тоже много негативных процессов. В России думают, что только у них все плохо. Но члены правительства в Англии тоже часто лгут народу, лгут, лгут и лгут, не уважают его, считают неким экспериментом для власти. Коррупция? Это уже стиль жизни, и не только в России, но и везде. Изучать европейскую политику для меня тоже не скучно. Вот развитие Евросоюза я бы отметил как положительное явление. Это прообраз новой формы жизни. Это великолепная идея, связанная еще с идеей И. Канта о всемирном государстве и всемирном гражданстве. Сейчас в Евросоюзе отмечается определенный кризис, но саму идею объединения Европы надо всемерно поддерживать.

- Ричард, опишите круг Ваших научных интересов?

- Как политолог я начал с исследования проблем коммунизма. Коммунизм – это вызов. Однако те проблемы, на которые он якобы дал ответ, так и не были им решены. Европейский Союз – это другой, даже первый по значимости, ответ на существующие проблемы. Чтобы дать оценку коммунизму, нужен трезвый взгляд на вещи. Марксизм дал очень упрощенный взгляд на существующие в обществе проблемы и противоречия. К. Маркс был неплохим для своего времени аналитиком, однако многие вопросы остались не решенными. Наследство, оставленное марксизмом нуждается в критическом осмыслении. И экономическая теория К. Маркса представляет собой нонсенс, она страдает несовершенством, на многие проблемы дан ошибочный ответ. И как философ К. Маркс – средний исследователь. Но как писателя (литератора, публициста?), и, особенно, как утописта его можно оценить высоко!

Следующей интересующей меня проблемой стала проблема демократии и демократизации. Эта проблема стала актуальной в связи с трансформацией, или переходом бывших коммунистических государств к демократии. Это чудесные, удивительные процессы, обладающие особым значением в Новейшей истории! Надо сказать, что целостной методологии такого направления политической науки как транзитология не существует, но есть несколько теорий о транзите. Все они так или иначе исследуют проблемы перспектив либерализма в

посткоммунистических странах, проблему качества демократии, устанавливающейся в них, и другие. На мой взгляд, самой острой и актуальной является проблема демократизации демократии, которую я и исследую.

Третьим направлением моей работы является эволюция либерализма. Существует мнение, что либерализм опасен для России и даже для современного мира в целом. Такое мнение относят и по отношению к США. Однако необходимо разобраться, что такое либерализм сегодня. Либерализм – это признание ценности индивидуальной личности, это проект защиты индивидуальных прав. Главный вызов современности составляет защита прав меньшинств, остроту приобретают проблемы коллектива, общности. Эти проблемы ставятся в рамках коммунитаризма. В научной и публицистической литературе идет дискуссия между сторонниками индивидуализма и коммунитаризма. По моему мнению, необходимо уйти от противопоставления индивидуальных и коммунитаристских ценностей и выработать возможности их совмещения. Эта задача стоит и перед Россией. Ей необходимо найти ее собственный путь к демократии, путь сочетания ценностей коллективизма с гарантированной защитой индивидуальных прав, в том числе судебных. В российских условиях в особой защите нуждается частная жизнь, собственность, свобода, сама человеческая личность.

Четвертой проблемой для меня является проблема субъекта политического процесса, проблема гражданина. Исследование субъектности, индивидуальных ориентаций человека требует от политолога особых методов изучения. Отсюда необходимость исследования политической культуры индивида, личности, общества. Последнее включает рассмотрение многих аспектов проблемы: как традиции данной культуры влияют на человека, его сознание и политическое поведение, что такое «социальный капитал» в контексте конкретной страны и т.д. С этим связана и проблематика гражданского общества. Дискурс гражданского общества всегда был не удовлетворительным. Один мой друг, Томас Мастнак (Словакия) еще до крушения Югославии говорил мне, что ненавидит это выражение, поскольку оно неоднозначно ни в теоретическом, ни в практическом смысле.

- Поясните понятие «живое республиканство»?

- В последние 20 лет происходит определенное оживление в обсуждении традиции республиканизма. Существует республиканская традиция понимания гражданственности, или качества гражданина. На мой взгляд, она может быть применена к России...

- С.Хантингтон в книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (М., 2004),

говоря о национальной идентичности американцев, отождествил ее с гражданственностью, или гражданской политической культурой, и предложил своего рода формулу гражданственности – это «лояльность, патриотизм, идентичность». Согласны ли Вы с таким определением?

- Над этой формулой необходимо подумать. Возьмем понятие идентификации. Существует семейная, этническая, национальная, индивидуальная и другие виды идентификации. Гражданская идентификация – это процесс обретения индивидом гражданства. Однако у этого ряда понятий – «гражданство», «гражданин» и т.п., гражданские элементы имеют двойной смысл. Это, с одной стороны, политическая субъектность, политическая деятельность, а с другой – то, что в западной традиции означает слово *civic*, т.е. права и обязательства индивида как члена общности, это описывается и понятием общественного, или гражданского долга перед обществом. Важнейшим элементом гражданства является также привилегия.

Нужно еще внимательнее посмотреть последний российский закон «О гражданстве» (2002 г.), осмыслить практику его применения. Сейчас в России нельзя иметь двойное гражданство, чтобы не идентифицироваться не с Россией. В России в настоящее время идет процесс создания, или строительства нации, и в политическом, и в правовом смысле. С. Хантингтон описал процесс формирования американской нации. В США распространен страстный патриотизм. Если говорить о России, то приходится признать, что здесь ярко выражены две противоположные установки – антипатриотизм и уродливые формы патриотизма.

- Могли бы Вы сравнить уровень гражданской активности населения Великобритании и России?

- Одним из показателей гражданской активности является явка на выборы. Отмечается снижение явки россиян на выборы местной власти, определенное падение явки наблюдается и на выборах национального уровня, даже на президентских выборах 2004 г. явка была средней. На этом основании можно сделать вывод о явном отчуждении населения от избирательного процесса. Но процесс снижения явки граждан на выборы – не уникален для России, он наблюдается и в США, и в Англии, и в других странах. Правда, причины такого положения дел в России, и в этих странах – разные.

Можно говорить и о таком элементе гражданской активности, как членство в политических партиях. В России этот показатель тоже низкий.

Еще один элемент – доверие граждан к политическим институтам...

АКТУАЛЬНОСТЬ ПЛЕХАНОВА: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА

К. Н. Любутин В. М. Русаков

**Любутин Константин
Николаевич**

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Института
философии и права УрО РАН,
заслуженный деятель науки РФ

**Русаков Василий
Матвеевич**

доктор философских наук,
профессор Института
международных связей
г. Екатеринбург

Еще в конце 70-х годов прошлого, XX века отечественная мысль, обращаясь к анализу «буржуазного мифа» о смерти философии, напоминала о соответствующих ламентациях в западной философской литературе конца 50-х годов и в обратной перспективе прослеживала неоднократные попытки оспаривать право философии на существование вплоть до античных скептиков. Справедливо замечалось, что «адекватное понимание мифа о смерти философии возможно лишь постольку поскольку этот миф рассматривается не изолированно, а вместе с другими, аналогичными ему мистифицированными реалиями современного буржуазного сознания. Теология «мертвого бога» или антропология «умерщвленного человека» в принципе являются такими же идеологическими феноменами». (Т. Ойзерман). Но если в недавнем прошлом «смерть философии» обычно связывали с повсеместным распространением религиозного индифферентизма, то сегодня она увязывается с постмодернистской идеей о крушении всех фундаментальных идеологий — либерализма, коммунизма, гуманизма и т.п. Наиболее последовательно обоснование «смерти философии» проводилось экзистенциализмом, который превращает понятие смерти в онтологическое определение сознания и человеческого бытия: М. Хайдеггер толковал, что философия умирает поскольку она, в сущности, чужда современному обществу, будучи феноменом чисто историческим, древнегреческим. Разумеется, своим различием онтологического (которым занимается философия) и онтического (которым занимаются науки) Хайдеггер, скорее, констатирует не смерть философии как таковой — коль скоро он считает онтологические проблемы («ничто») серьезными, — а то, что господство современного научного знания вытесняет собственно философскую проблематику на периферию, в небытие. Существует и позитивистское «освобождение» науки от философии, которое лапидарно формулирует тезис о том, что «нет необходимости умерщвлять то, что является уже мертвым». Однако такой вывод, несмотря на то, что его вариации постоянно воспроизводятся (в том числе — Дж. Уиздом на XIУ Всемирном философском конгрессе (Вена, 1971)), научным сообществом воспринимается как слишком простодушный и самоочевидно противоречивый.

В прошлом отечественная философия, правильно подчеркивая порочность попыток выдать глубокий кризис одной исторически

определенной формы философско-мировоззренческого и методологического теоретизирования (буржуазной) за всеобщий крах философского теоретизирования как такового, в качестве панацеи выдвигала «философию марксизма», не желая видеть, что эта последняя, в существенной степени оставалась задачей, требовавшей решения — как раз на основе широкой интеграции результатов познания и социально-исторической практики, — а вовсе не чем-то вполне ставшим. Еще один интересный вариант обоснования «смерти философии» был предложен Г. Маркузе. Но обогащенная разнообразным опытом изучения человека, мира человека, философская рефлексия приходит к представлению о нем, как о «проекте бытия и смысла». Открытость человеческой природы оборачивается на рубеже XX века подлинной «разверстостью». От вопроса «каков он, человек?» философия перешла к вопросу «каким он может быть?». Устрашающий опыт первой половины XX века стал доминантой, как в понимании «природы» человека, так и в оценке возможных перспектив его развития. «То, что представляет нашему вниманию культурное самосознание современности, - в самом широком смысле этого слова, а именно той эпохи, которая отмечена регистрацией «смертей», «закатов», «сумерек» и «концов», - выражает определенный перелом в основных традициях западноевропейского мышления»¹. Давно и верно сказано, что классический идеализм болел многими болезнями, но в одном нельзя было ему отказать — пусть в умозрительном, но утверждении достоинства человека. Как бы ни был узок взгляд на человеческое существо, какая бы роль ни отводилась индивиду в системе целого, все же он априори был причастен к высшему, разумному бытию; его сущность была укоренена в сознании, разуме. Однако, начиная с Шопенгауэра и Ницше волюнтаризм возобладал в отношении ко всему: к познанию, социальным институтам, традициям, мифам. Например, в теории ищут уже не истину мироздания, а сюжет для построения (мифа, изобретения, конструкции, манипуляции). Разрастается новейшая мифология: с точки зрения просветительских рационалистических представлений о поступательном движении «от мифа к логосу» — вещь совершенно невозможная! Однако, будучи на самом деле продуктом изощренной субъективной рефлексии, а вовсе не стихии человеческой жизнедеятельности, — современная мифология хорошо знает о своей сконструированности и

технологическом предназначении.

Нарастает интерес к первобытной архаике, культуру парадоксальным образом ориентируют на до-культурное и пра-культурное состояние как «архетип культурной подлинности». Однако обращение к архетипам, как неким гарантам универсально-всеобщего и объективного содержания культуры – подрывает именно это ее начало: ведь архетипы ценностно-нейтральны, не имеют смыслов и бессодержательно-фрагментарны! Персонально-личное, индивидуально-осмысленное растворяется в имперсональной стихии коллективного бессознательного. Культивируется так называемое дионисийское начало: экстаз, стихия, спонтанность, попирающие всякие нормы. Сам философ в таком случае превращается в харизматического парадоксалиста, расшатывающего всякие сколько-нибудь устоявшиеся нормы и ценности, смыслы и значения, якобы разоблачая их в подобном диалоге. Редукция всего высшего (культурных ценностей) к низшему, биологическому – становится центральным нервом всякого «разоблачительства». Всяческие нормы и смыслы, обладающие принудительной значимостью и упорядочивающей силой – сводятся к унылой утилитарности, примитивной репрессивности подозрительного свойства. В качестве строительного материала культуры предлагается инстинктивно-игровой элемент! Это называется протестом против «рекрутизации» человека в какую-либо тотальность (Хейзинга). Но чем такие «игровые» компоненты отличаются от указанных еще Ортегой форм современной коллективной одержимости – не указывается. Рождается комбинация культа архаики с новомодными конструированием искусственных схем мысли. «Укореняя культуру и человеческий мир в стихии досознательного и разрушая тем самым культурный космос, новая мифологема способствует деморализации современного сознания»². При таком понимании культуры ни о какой ее ответственности за судьбы человечества быть не может, а человек превращается в представителя неких темных сил.

Суммируя сказанное о предельном обострении этих вопросов, можно сделать вывод о том, что суть антропологического поворота состоит в открытии главного факта современности: неудача всех попыток однозначного и исчерпывающего определения «природы» (сущности) человека связана с тем, что она принципиально открыта, не задана (не определена) и в этой отверзшейся внезапно пропасти как раз и таятся все современные опасности, все прошлые и нынешние ужасы человеческой судьбы. Фундаментальные сдвиги, как в строении социума, так и в культуре XXв. — предельно заостренно были сформулированы М.Шелером в «философской антропологии»: человек сегодня не знает, что он есть, но он знает, что он этого не знает. Путь человека проблематичен и в этих условиях уже бессмысленно пытаться определить вечные идею, суть и назначение человека. Отвечая на вызов времени, он сам должен осознать свое назначение в мире. Только человек имеет мир, тогда как животное лишь среду обитания. При этом человек может стать не только выше, но и ниже животного. Человек вечно находится в состоянии поиска и определения своей сущности. Поэтому, в сущности, нет никакого «естественного» человека. Но что выдвигается на смену прежним «отвлеченным» и несбыточным идеалам? Сиюминутность и прагматичность рождают стремление выдвинуть «простые» и «очевидные» ценности, ясные и понятные для всех обыкновенных людей, достижимые каждым человеком — и что особенно важно:

для этого ему не нужно менять себя («подтягивать» до этого идеала, «шлифовать» себя, совершенствовать, т.е. изменять себя, работать над собой)! Прежние идеалы и ценности старых идеологий как раз это и подразумевали. Нынешние симулякры предпочтительнее для человека толпы именно этим: они не включают идеи трудоемкого и длительного совершенствования человека. Это – просто проекция вонне комплекса желаний и предпочтений рядового, если не сказать заурядного («усредненного») индивида. Поэтому снимается вопрос о фундаментальности смысловых ориентиров: они заменяются «массовидными» смыслами и значениями. Фундаментальность подменяется распространенностью и встречаемостью – повседневностью: смысл считается настолько важным и фундаментальным, насколько он широко распространен в повседневной жизнедеятельности массовидного человека. Снимается проблема мучительных поисков смыслов – это ниоткуда не следует, нужно лишь сосредоточить внимание на «экзистенциалах», реалиях жизнедеятельности среднего человека. Феноменология «антропологической катастрофы» начинает охватывать все стороны жизни современного человека.

Сегодня вполне обоснованно начинают говорить о настоящей «деантропологизации» современности и движению к так называемому «постчеловеку». Появляется и формируется существо, очень похожее на человека, но вот человек ли – по крайней мере, в прежнем смысле слова? В нем коренным образом меняется соотношение родового и индивидуального. Предельная атомизация человеческих индивидов рождает видимость предельной автономизации и формирование крайне причудливых вариантов «человеческого», сколь угодно далеко способного дистанцироваться от родового, всечеловеческого. Например, создание искусственных схем личности вкупе с искусственным интеллектом разворачивается в принципиально античеловеческих измерениях: создания солдат-наемников, новых рабов секс-индустрии, киллеров, постановщиков всевозможных перформансов (в духе корпорации «Бытие»), суррогатного материнства и планы с помощью клонирования создавать людей-запчастей для трансплантологии и т.п. Отвергается все, что возвышает человека над частичностью, разорванностью и отчуждением людей друг от друга и утверждается пропасть между людьми. Отчуждение возводится в абсолют (самая несомненная реальность!).

Символично, что если в XX веке мыслители, борющиеся с отчуждением, видели его в отождествлении субъекта с объектом, в превращении человека в простой объект, в вещь, наряду с другими вещами, сегодня «певцы отчуждения» рассуждают о человеке в терминах «Другой» («Чужой» - alien!) и мастерят уныло изошренные «гетерологии» - учения о Другом. В этом мире человек стал для себя — не объектом или предметом, — а «Другим» (невольно приходит на память гуманист А.Камю, многозначительно употребивший термин «Посторонний»!).

Поразительно, но подробное описание и глубокое исследование этого процесса дал К. Маркс в своих знаменитых «Теориях прибавочной стоимости». Он писал о частичных «агентах» (участниках) капиталистических производственных отношений: «в самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен... Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а напротив, в

извращенной форме»³.

Деантропологизация реальности проявляется в том, что люди все больше перекалывают процесс смыслового ориентирования на всевозможные информационные системы и институты: человек перестает доверять своему восприятию (в медицине – переадресация ко все более многочисленным «анализам» и мнениям узких «специалистов», в политике – обращение ко все более многочисленным «независимым экспертам», «опросам», «экспертизам», в потреблении – тотальное подавление непосредственной чувственной достоверности – всевозможными рекламными продуктами; в осмыслении собственной жизни и истории – апелляция к потенциально бесконечному «опыту» ДРУГИХ. Деантропологизация совершается параллельно с исчезновением творчества в массовой культуре и массовом сознании. Массовый потребитель перестает размышлять о себе самом самостоятельно (ему невыносимо оставаться наедине с самим собой: вот почему современные подростки катастрофически перестают читать, а «взрослые» люди пугаются «толстых» журналов и книг, а смыслоязычные вопросы становятся просто непереносимыми для них!).

Но деятельность атомизированных индивидов, погруженных якобы в абсолютно автономный и самодостаточный мир, оказывается невероятно регламентирована и схематизирована, насквозь пропитана множеством чудовищно примитивных клише и стереотипов, ложно подаваемых как самобытность и неповторимость (всякий, вероятно, хоть однажды сталкивался с невероятной глупостью в рекламных продуктах: например, когда описание ничтожнейшего свойства щеточки для ресниц не создавать «комочков» туши завершается чудовищной в сущности фразой: «ведь Вы этого достойны»!). Деантропологизация в сильной степени связана с применением возможностей информационных технологий и разрастанием на этой основе виртуализации. Машинно-информационные системы, СМИ, институты массовой культуры гипертрофируют значение формально-ролевой организации человеческой жизнедеятельности – жить начинает не реальный человек, а его «статус», «роль», «функция». Эти феномены снижают, а то

и вовсе уничтожают различие реального и ирреального, вещи и фантома, нормы и патологии, возможного и действительного, интимного и публичного.

Сирены либерализма и рыночного фундаментализма возводят в ранг невероятных теоретических откровений чудовищные предрассудки обыденного сознания самой малообразованной и дикой части новоявленных буржуа и сращенной с ними чиновничьей бюрократии. На фоне тотального разграбления природных ресурсов страны («капитала будущих поколений»), уничтожения технически прогрессивных отраслей экономики (авиа- и судостроения, ракетно-космической и др.) превращения страны в сырьевой придаток кучки развитых государств, материального и интеллектуального ограбления собственного народа в недрах «дикого капитализма» — как какие-то абсолютные истины «в последней инстанции» подаются не менее дикие «формулы» о том, что система образования должна быть подчинена «потребностям» бизнеса и рынка (!), о том, что образование должно быть освобождено от воспитания (чему воспитывать в условиях якобы тотальной «толерантности» и «банкротства» всех прежних идеологий!), что отечественная система образования и науки «не отвечают современным» критериям (вначале говорили более откровенно: потребностям капитала) и т.п. Поскольку наиболее концентрированное интеллектуальное неприятие и опровержение всему этому вздору оказывает философско-теоретически подготовленное сознание, ему-то и достается «по полной программе». Тотальное наступление деструктивных дискурсивных практик в философско-теоретическом сегменте общественного сознания таит в себе многочисленные и давно диагностированные опасности. Нежелание замечать их – предмет уже иного дискурса: о субъектах этих процессов необходимо говорить отдельно.

1. Р.Гальцева. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой//Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991, с.8.

2. Там же. С.21.

3. К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.25, ч.2, с.389.

О. А. Матвейчев

СМЕРТЬ ПОЛИТОЛОГИИ

Матвейчев
Олег Анатольевич

кандидат философских наук
г. Москва

Все на борьбу с политологической безграмотностью!

Кто-то из классиков говорил, что если не решены главные вопросы, на них постоянно будешь наткаться в мелочах. Поэтому вначале я ставлю себе амбициозную цель - охватить и рассмотреть проблематику всей политологии от истоков до наших дней. Кто скажет, что это в статье не возможно, или возможно – пусть прежде дочитает до конца.

Для того чтобы разобраться, распутать гордиев узел политической терминологии, надо начать с азов и классики. А

азы и классика - это Аристотель.

До Аристотеля вместо теории были разные афоризмы и «мысли» и, конечно, сама политическая практика, а вот системной науки о политике, системной терминологии не было. Это относится и к Платону, который в своих политических произведениях так же сбивался на притчи, поэзию, философию, идеологию и может быть назван в этом вопросе лишь предтечей науки.

Аристотелю часто приписывают ориентацию на опытное мышление, но это не совсем верно, а в данном случае просто абсурдно. Опыт одного человека никогда не охватывает опыт многих государств. А судить об опыте других государств по свидетельствам - глупо, в силу ангажированности и партийности всех свидетелей.

Поэтому рассуждения Аристотеля о формах государственного устройства исходят из железной логики:

власть может быть либо у одного, либо у некоторых, либо у

всех (три философских категории: единичность, особенность, всеобщность). Следовательно, диктует нам железная логика, есть и три формы правления:

монархия,
аристократия,
республика (или, как называет ее Аристотель по-гречески - полития).

Но поскольку тут еще все зависит от того, насколько каждая форма соответствует цели государства, то каждой из этих хороших форм соответствует испорченная форма:

тирания, (по-латински - диктатура)
олигархия
и демократия - соответственно.

(Аристотель Политика. // Аристотель Соч. в 4х томах, том 4., М, 1994, стр. 457)

Вопрос о критерии отличия, например, монархии от тирании, или олигархии от аристократии - справедливость. Там, где один правит справедливо - там монархия, где несправедливо - там тирания и проч. Свою особую теорию справедливости Аристотель дает, но мы не будем здесь на этом останавливаться.

Вот такая теория, грубая, как 3 рубля. И всеохватывающая притом.

И только после этого, Аристотель идет в практику. И тут же заявляет, что, конечно же, нет никаких форм государства в чистом виде, а главное все это переменчиво. И поэтому нельзя сказать, что в Афинах, например, республика, а в Спарте, например, аристократия или наоборот. Надо всегда уточнять КОГДА.

Берем с произвольной точки процесс. Например, какой-то царь основал государство Энэнию и дал ему законы. Это монархия. Потом он умер и стал править его избалованный сынок, править по своим капризам и глупости. Это тирания. Потом придворные, замучившись, этого сынка придушили. И стали, поскольку тоже были уже испорчены во время правления тирана, извлекать прибыль из правления. Это олигархия. Да так увлеклись олигархи извлечением прибылей из власти, что народ восстал и стал все крушить и делить. Это демократия. Потом выделился лидер, который толпу возглавил и затем усмирил. Опять тирания. Но он помер, и к власти пришло его окружение, которое извлекло уроки из бунтов и стало править бережно и социально-ответственно. А это аристократия. Постепенно, за счет хороших законов и нравов аристократией стал весь народ. А это уже республика! А потом на эту страну Энэнию напали персы, разорили и подчинили назначенному сатрапу. Опять тирания. И так далее.

У какого-нибудь другого государства историческая цепочка превращений была бы иная. И Аристотель показывает, на примерах, разные цепочки, но старается все-таки выделить эмпирические, опытные, и нестрогие закономерности. Типа, демократия, как правило, порождает тиранию. Тирания, как правило, - олигархию и проч.

Вот МАТРИЦА, которую задал Аристотель на века.

В рамках этой матрицы и рамках этого дискурса существуют тысячи проблем на миллионы докторских диссертаций.

Например:

1) Виды монархий и тираний (конституционные, абсолютные и проч. прописывание критериев каждого вида),

2) Виды аристократий (онтократии, теократии, тимократии, меритократии, медиакратии, плутократии, клептократии, нетократии, креократии и проч. и прописывание критериев

каждого вида),

3) Виды республик и демократий (охлократии и проч. и прописывание критериев),

4) Споры по поводу всех этих критериев здоровых и испорченных форм,

5) Интерпретация огромного политического опыта через призму этих критериев и этих понятий,

6) Вопросы перехода одних форм правления в другие,

7) Достоинства и недостатки каждой формы в принципе и применительно к разным условиям, народам и историческим обстановкам...

Работы тут на десятки поколений ученых.

Надо ли удивляться, что за время работы этих поколений ученых, корни теории были утеряны, все формы правления и их критерии тысячу раз перепутались (тирания стала в римском переводе диктатурой, демократия стала, например, синонимом республики и вообще получила со временем позитивное толкование и проч., проч.) и в политической риторике уже со времен Рима и до сих пор (!!!) все свелось к банальному противопоставлению демократии и диктатуры?

Но то политическая риторика, внутри же политической мысли шли процессы кристаллизации парадигм.

Три традиции

Но нужно выделить ТРИ крупных традиции, со своим лицом, которые стали конкурировать в политической науке:

Первая традиция.

Она утверждает, что все представления о демократиях или олигархиях есть иллюзия. Что реально власть принадлежит всегда одному и только одному. У всякого стада есть вожак или пастух, и он всегда один. У всякой армии или компании всегда один руководитель, везде принцип единоначалия. Если даже по-видимости правит какая-то группа, то в ней всегда есть тот, кто ведет, тот за кем ПОСЛЕДНЕЕ и решающее слово. Даже в Англии за не имеющей никаких прав королевой есть право подписи, то есть содержание закона готовит не она, но закон не действителен, если нет подписи. И королева этим пользовалась. Но это формальности. Реально же надо понимать, что никогда никакая великая мысль не придет в голову десяти человекам, ее рождает один, так же как «народные песни» придуманы кем-то, а не народом. Так же как волю и характер проявляет лидер, герой, святой, а вокруг него что-то начинает вертеться.

Примеры такого мышления можно начинать подбирать уже с Гомера и Гераклита, но наиболее ярко эта традиция представлена в творчестве романтиков с их учением о «гении». Конечно же, у Карлейля с его учением о «героях». У неогегельянцев, у анархиста Штирнера, а потом – Ницше с их культами личности, противостоящей толпе. У традиционалистов, в «Майн Камф» Гитлера, которые развивают доктрину «фюрерства», теории К. Шмидта, Батая и др. теории «суверенности».

В рамках этой традиции есть куст проблематических моментов на еще тысячи докторских диссертаций: определения фюрера, вождя, его критерии, его личные и сверхличные качества, сознательные и бессознательные качества, генезис великой личности, биографии и сходные условия формирования, судьбы и трагизм существования, техники господства и влияния, непонимание гения толпой, отсроченное влияние и так далее и тому подобное.

Вторая традиция.

Которая говорит, что всегда правит НЕКОТОРЫЕ, меньшинство. Это соль земли, у них есть свободное время, деньги, власть и слава, различные по типу ресурсы, потому что один никогда все ресурсы не объединит и ему нужны держатели других ресурсов, а значит надо договариваться, а значит, уже возникает какая-то группа. Все монашеские ордена, масонские ложи, заговоры и проч. исходили из теории «правлящего меньшинства». Но к этой же традиции надо отнести не только эзотерические доктрины тайной власти, но и вполне публичные теории типа теории «партий», которые нужны в демократическом обществе, как выразители и представители интересов, как команды. Сюда же относится и классовый подход К. Маркса, у которого и политика и мораль и законы есть лишь «выражение интересов господствующего класса». А, следовательно, все марксисты в их вариациях (Лукач, Грамши, франкфурты и проч.), разделяющие классовый подход, но предлагающие каждый раз нового гегемона (сейчас, например, предлагают такие классы как нетократия и креакратия), тоже относятся к этой традиции. Сюда же мы отнесем все теории элит в их различных модификациях. Это и Михельс, и Моске, и Парето, и многие другие, кто вплоть до сегодняшнего дня предпочитает говорить об олигархиях, аристократиях и элитах разных видов.

Здесь тоже возможны тысячи докторских диссертаций по темам: виды правящих меньшинств, условия их формирования, критерии отнесения к элите, механизмы ротации элит, исторические смены гегемонов, приемы удержания власти и манипуляции, механизмы «спаек» и заговоров и проч.

Третья традиция.

Как можно догадаться, она заявляет, что все разговоры о том, что миром правят лидеры или некие меньшинства - это ерунда, а есть только масса или народ (в зависимости от степени пиетета). А, следовательно, и монструозные категории, как «народный дух» или «дух времени», «народный менталитет», «массовое сознание», «инстинкт толпы», «тренд истории», «специфика культуры» и проч.

Аргументы просты: какими бы личности и аристократы ни были великими и ужасными, они правят только пока им дает народ. Так что народ последняя инстанция. Хотят они или не хотят, они ВЫНУЖДЕНЫ либо вести народ за собой и служить ему, либо обманывать и заигрывать с народом. То есть, в любом случае они, если не пляшут под его дудку, то считаются с ним, объясняют ему свои действия истинно или ложно. Великие личности к тому же велики потому (как и элита), что они чувствуют и отражают глубинные интенции народа иногда даже лучше, чем сам народ, выражают его исторические миссии, дух и менталитет. В этой традиции много мыслителей эпохи Просвещения (типа Руссо), часть романтиков и марксистов, здесь же Вундт, Тард, Лебон, Московичи и Канетти - одним словом, разные социологи и живописатели психологии масс. А так же просто наивные юристы, социологи и политологи, наивные политики и просто граждане, которые, считают «главное - народ и демократия».

В рамках этой парадигмы тысячи докторских можно написать, изучая народные менталитеты, духи и культуры, истории народов, психологию массовых сознаний и поведений и тому подобное.

Соответственно, можно понять и каждый раз отдавать себе отчет, как меняется анализ исторических событий и их интерпретация в зависимости от того, к какой из тех огромных

традиций принадлежит ученый - аналитик.

То есть одни всегда выискивают великих личностей и показывают, что без них бы все пошло иначе. Другие, видят заговор или классовые интересы и процессы смены элит, третьи анализируют исторические тенденции и задачи, менталитет народа, роль толпы. Причем и те, и другие, и третьи разоблачают все остальное как видимость.

А теперь помножьте все это на политическую ангажированность этих наблюдателей, неполноту и «своеколючесть» их информации, и представьте сколько миллионов страниц, причем совершенно разных и не стыкующихся между собой, можно написать по поводу какого-нибудь даже невинного путча, не говоря уж про революцию.

Что со всем этим прикажите делать?

Политические мыслители здесь разделились на несколько лагерей.

Одни сознательно и мужественно выражают в своем творчестве одну из представленных парадигм и даже нарочно радикализируют ее.

Другие, в духе Аристотеля, пользуются для удобства то тем подходом, то другим, то третьим в зависимости от объекта анализа, от процесса, от известных им фактов.

Но есть, как всегда, третьи, мудрые пескари, которые, считают, что истина где-то посередине, и надо, де, учитывать и то, и это, и третье, и «одно делать, и в другом преуспевать». Они создают синтетические концепции двух родов.

Первый род концепций идет от личности к народу и показывает как идеи и поступки великих постепенно, через заражение немногих, овладевали массами, становились менталитетом и исторической тенденцией.

Другой род концепций, идя от народа к личности, показывает, как менталитет и дух народа отвечая на требования истории, постепенно создает «некоторых» (элиту, поколение и проч.), в среде которых появляются уже и лидеры как выразители духа и исторической задачи.

Мимоходом заметим, что все дерево политической мысли растет из аристотелевских корней. Все начинается с первичной мысли о том, что власть может принадлежать либо одному, либо некоторым, либо многим.

Синтез

Следующий, и, наверное, завершающий (почему завершающей, мы увидим ниже) всю западную политическую мысль, этап связан с диалектикой Гегеля.

В логике вообще, говорит Гегель, смысл слова «единичность» познается только в отношении к «некоторости» и «множественности». Как и смысл «множественности» только в отношении «единичности» и «некоторости». Одним словом, это не самостоятельные сущности, а единый феномен.

И, следовательно, ВСЕ СУЩЕСТВУЕТ ОДНОВРЕМЕННО.

А это значит, что каждое государство есть одновременно монархия, аристократия и республика. Если же оно испорчено, то оно одновременно тирания, олигархия и демократия.

Как так? А так!

В каждом государстве есть «власть одного», будь он царь, фараон, президент, аятолла, фюрер, английская королева или генсек.

Так же в каждом государстве всегда есть «власть некоторых»

будь то правительство бюрократов, консенсус внутри некоего класса или банда заговорщиков, в которой распределены роли финансиста, силовика и журналиста и проч.

В каждом государстве есть «власть множества» – то есть власть непосредственно толпы, майдана или парламента (во всех его видах), сейма, генеральных штатов, вече, ежедневных рейтингов социологических служб и проч.

Каждый из трех моментов может по-разному быть оформлен, каждый может быть в том или ином случае гипертрофирован, но каждый элемент есть всегда.

По Гегелю, из этого надо исходить. Раз они друг без друга не могут обойтись и являются единым феноменом, то они обречены на то, чтобы прийти к балансу и гармонии. Исходить из того, что это самостоятельные сущности, борющиеся между собой, и требующие «сдержек и противовесов» - изначально неправильно. Просто все должны перестать тянуть одеяло на свою сторону, перестать распространять амбиции за пределы своей области и должны довольствоваться ровно тем, что им принадлежит по праву и признавать важность других.

А именно, не надо настаивать всяким демократам на своем парламентаризме и гражданском обществе везде и во всем.

Не надо всяким консерваторам и монархистам настаивать на единоначалии и упорядочивать все общество в пирамиду.

И так далее.

Гипертрофированный демократизм так же опасен как гипертрофированная диктатура и проч.

Именно там, где принципы «единичности», «особенности» и «всеобщности» не исходят из гармонии и единства, а борются между собой, громоздя «сдержки и противовесы», там есть и максимальная форма испорченного государства.

Испорченное государство не являет собой гипертрофию одного принципа (такого и быть не может, как сказано, все три момента есть всегда).

Нет, в испорченном государстве одновременно властвуют грубые инстинкты толпы, при этом же крутят и мутят воду олигархи, заговорщики и прочие «позадицы», и там всегда есть произвол какого-нибудь лидера, калифа на час.

И все это, повторяем, одновременно.

Возьмите Россию девяностых, как типично «испорченное государство». Было ли оно чистой демократией? Чистой олигархией? Чистой диктатурой?

Оно было и тем и другим и третьим одновременно!

Волюнтаризм и стрельба из танков по Верховному Совету от Ельцина тут сочетались с манипуляционными выборами, и с бунтами, демонстрациями народа, с коррупцией олигархии и правительства, которые пытались манипулировать и народом, и Ельциным.

Различие нынешней России, с Россией девяностых не в том, что стало меньше или больше демократии, или меньше и больше диктатуры, или меньше и больше олигархии, а в том, что стало меньше раздора и соревновательности между всеми названными, а больше консенсуса и единства.

Каждый постепенно начинает осознавать свое место, свои права и обязанности, свою роль.

Принцип «единовластия» остался. Но ельцинский капризный, жесткий, диктаторский, харизматичный волюнтаризм заменился мягким путинским авторитаризмом.

Принцип «особенности» остался, но соревновательная олигархия сменилась консенсусной. И правительство стало

подумывать о народе, а не только считать, что власть это продолжение собственности, и собственники стали понимать, что деньги и прибыли – это хорошо, но политика и народные интересы это совершенно другое дело.

Принцип народовластия тоже остался, но от уличной демократии перешел в более цивилизованные формы, создал систему опосредований через партии и проч.

Народ уже не ненавидит богатых и власть, еще не любит, но уже придерживается принципа лояльности. Все лояльны всем. Путин лоялен народу и бизнесу, бизнес лоялен Путину и народу, народ Путину и бизнесу.

Естественно, что этот консенсус хрупкий, и он значительно ближе к конфликтному положению девяностых, чем к идеальному состоянию, при котором, как в какой-нибудь Дании, монарх, которым все гордятся, символически демонстративно подписывает все указы, которые готовит честное и компетентное правительство, а Парламент, состоящий из искренних представителей разных групп, спорит, но приходит к консенсусу и издает законы нужные всем.

Можно спорить о том, как сделать так, чтобы все было так оформлено, чтоб все было гармонично, и никто не лазил на чужую территорию.

Из гегелевской теории можно почерпнуть разные мудрые советы на этот счет.

Но лучше иллюстрировать систему Гегеля, через теорию Вебера, она привычнее нашим политологам.

Вебер исследовал источники власти (кто и почему над кем-то властвует?) и установил, что:

А) что-либо властвует просто по традиции, и подчиняются ему по привычке.

Б) в силу компетенции и профессионализма и некой неравновесности в ресурсах, то есть то, что можно рационально увидеть (тот, кому я подчиняюсь опытнее, сильнее, умнее, а значит, я иду за ним)

В) либо в силу безотчетных факторов, то есть в силу того, что можно назвать харизмой (вот есть она и все, вот слушаюсь я и все тут, я не создаю источника, которому я подчиняюсь потому, что отдаю ему свою субъектность, видимо, на том основании, что эта субъектность превосходит мою, похищает ее, она выражает и представляет меня лучше, чем я сам себя, тогда зачем я сам себе, зачем умножать сущности?)

Так вот, возвращаясь к Гегелю, тут надо сказать, что все три ветви власти и должны не пересекаясь формироваться по разному принципу!!!

Власть одного - монарха – через традицию, через наследование. Подобно роду, флагу и гербу, чем древнее и традиционнее - тем больше уважения.

Правительство должно формироваться благодаря рационально-постижимым понятиям: компетентность, опыт и честность. И эти рационально-постижимые критерии должны быть измеряемы, четко прописаны и прозрачны. Чиновник идет вверх через карьеру: чем честнее, умнее, эффективнее, энергичнее, опытнее - тем выше пост.

Парламент и представительная власть формируются через выборы. Чем харизматичнее, чем лучше умеет представлять и выражать интересы народа или отдельной частной группы некий кандидат - тем скорее будет избран представителем этой группы.

Заметим, что после Гегеля никаких попыток

революционизировать политическую мысль не было. Когда выше было указано, что синтез, предложенный Гегелем, был последним достижением всей истории мировой политологической мысли, то это вовсе не потому, что автор данного доклада очень уж симпатизирует Гегелю. Радостно было бы, если бы за 175 лет после его смерти появилось бы что-то поинтереснее в этом плане, но, к сожалению, величие Гегеля держится именно на том, что все остальные оказались малы. То есть они не стали придумывать новые синтезы, новые способы решения проблемы, а просто вернулись к догегелевским представлениям, просто тупо вернулись к тем трем традициям, о которых речь шла выше. И стали доказывать, что каждая из них лучше, чем две другие. Точнее, конечно, каждый мнил себя революционером, но реально, все возвращались к какой-то из трех выросших из Аристотеля традиций, которые Гегеля уже синтезировал в себе. Так, Маркс реанимировал и углубил подход, согласно которому правят некоторые, то есть классы. Фашизм потом реанимировал теории героев и фюреров. Либеральная традиция упирала на ценности просвещения, «власть народа», то бишь, демократию. Конечно, масса ученых эклектично пользовалась то тем то другим, но в целом никто не придумал ничего иного, что было описано нами выше, еще до гегелевского синтеза.

Поэтому, возвращаясь к России, и отвечая на вопрос, что вся мировая традиция политической науки, коей уже более двух тысяч лет, может посоветовать России в ее ситуации, надо ответить:

1) Нам нужно восстановление монархии, причем сознательное, помпезное, замешанное на традиции, на чувстве глубокого патриотизма, знания истории и гордости за нее.

2) Нам нужна «вертикаль власти» на основе хорошего, прозрачного закона о государственной службе, который бы выстроил «великую китайскую стену» между службой и бизнесом, который бы продвигал честных и эффективных и отсекал коррупционеров и некомпетентных. Закон, который бы формировал вертикаль на основе принципа карьерности и чести, чтобы не мог школьный друг премьер-министра стать вице-премьером, не побывав предварительно главой района, губернатором, полномочным представителем и проч. и не показав на всех этих должностях конкретных успехов и служебного рвения.

3) И, наконец, выборность представительной ветви власти везде и всюду максимально свободная. Максимальное и свободное развитие всех институтов гражданского общества, мировых судов, судов присяжных, самоуправления. Минимальное администрирование и налогообложение бизнеса, причем, чем он меньше, тем меньше и администрирование и налоги.

Не много. Но и не мало. Большинство российских представителей, как политики, так и политологии даже до понимания этого недотягивает. Так, например, у нас демократы и монархисты считают друг друга сумасшедшими и за один стол не сядут, тогда как в правильном государстве демократы и монархисты это одни и те же люди, которые искреннее не понимают, как одно может противоречить другому, в то время как они прекрасно друг друга дополняют.

По ком звонит колокол?

Тот, кто думает, что, когда мы говорим об идеальном государстве, мы противопоставляем некий недостижимый «пустой идеал» конкретной жизни, тот жестоко ошибается.

Идеал – это не то, что «не существует в действительности» и к чему якобы нужно (или не нужно) стремиться. Нет. Если мы, например, признаем, что «идея человека» вообще в том, что он есть «разумный, двуногий и двурукий организм», то, наличие контуженных, потерявших руку и ногу на войне или под трамваем инвалидов ничуть не опровергает «идею человека». Я же никогда не скажу, глядя на большое количество инвалидов, что «практика выше теории, что надо переосмыслить определение человека в связи с тем, что практика нам доказывает, что люди бывают и одноногими, и однорукими и безумными, а практика – критерий истины...». Такое преклонение перед практикой будет сочтено сущим бредом. Наоборот, на практике мы видим, что тот, кто потерял ногу, заводит себе протез, а тот, кто был контужен, вырабатывает компенсаторные механизмы для ясного рассудка.

В политике так же. Хотят того государства или нет, знают они об этом или нет, но они уже есть единство монархического, аристократического и республиканского принципов. Там, где они этого не знают, там, где нет соответствующего закона, там вопреки закону, возникают протезирующие, компенсаторные явления. Ну, например, есть государства, которые не считаются монархиями по закону, и у них закреплен не принцип наследственности для первого лица, а принцип выборности (как калька с принципа для «всеобщности») или принцип «карьерности», как калька с принципа для «особенности»). Но реально мы видим, что все равно, будь то президент, будь то генеральный секретарь, выполняют, скорее, функции символичные, функции монархические, функции «ставящих последнюю подпись», функции «отцов народов». Или есть такой оригинал, кто считает, что президент, например, США это больше, чем символ, что в процессе выборов там реально выбирают самого умного, волевого, достойного? Тяготение к наследственной передаче власти есть не только в Южных Кореях и Азербайджанах, но и в ... США, где практически через раз, Буша-старшего сменил Буш-младший. Все государства-уроды, то есть те, кто доводит себя до идеала не через правосознание и проявление права в законах, а через незаконное протезирование, в перспективе менее жизнеспособны. Да, голем может вырасти большой (уроды часто именно гипертрофированны и нечеловечески сильны), но внутренний порок, гнилой фундамент не позволит развиваться дальше. Не смотря на успехи СССР в тридцатые годы, в войну и после войны, гегельянцам (например, Ивану Ильину) всегда было очевидно, что государство умрет в силу внутренних пороков и накапливающихся противоречий, процессов систематического разложения, производства внутри себя того, что его убивает. Внешнее воздействие могло лишь ускорить это. Так же очевидно, что умрут и США, несмотря на их видимые успехи в 20 веке. Они всегда жили в тепличных условиях, но мир глобализуется, а внутренние противоречия, вызванные глубинными пороками системы, пороками которые не изменить (представить, что США добровольно, например, перейдут к монархии невозможно, а это только одна из проблем...) будут наносить удары, пока Америка не рухнет еще более безобразно, чем СССР. То же ждет и Китай, кстати говоря.

А в роли смертельных вирусов, могильных червей, жуков и саранчи выступают свободные радикалы (террористы, оффшорные бизнесмены, криминал, вольные анархисты, просто беженцы из «неудавшихся государств», ищущие лучшей доли, космополиты и вечные диссиденты). Они есть продукты распада

и гниения прежде рухнувших государств. Поэтому на самом деле, если государство хочет выжить, оно должно заботиться не только о своей внутренней идеальности и здоровье, но и о здоровье и идеальности соседей и вообще всех. Потому, что трупный яд поверженного врага может случайно попасть в собственную рану... Смерть государства приводит к тому, что никто не гарантирует собственность, а это делает невозможными инвестиции и капитализацию, останавливает экономический рост. Поэтому ТНК, которые сейчас борются с государствами, в конце концов, роют могилу и себе. Они рубят сук, на котором сидят. Но сейчас их интересует прибыль.

Три мировые войны в 20 веке привели к множеству огромных разлагающихся государств-трупов и такому же количеству раненых государств-инвалидов. Вся эта гниль и мерзость, продукты распада заражает своей «идеологией черни», идеологией антигосударственности, идеологией конфликтности все остатки здоровой государственной нравственности, идет регресс правового самосознания. Идет везде, носители нигилизма, гангрены всеобщей коррупции проникают всюду и наиболее незащищены как раз те, у кого не было прививки. Так, например, Европа, внешне более здорова, чем Россия, но с гораздо более слабым иммунитетом. Гибель СССР, бомбежки Югославии, разорение колоний, постоянная политика «разделения и властвования» по отношению к арабам и новые вторжения, все это отразится, прежде всего, на Европе. Уже отражается. Очень вероятно, лет через 20 никакой Европы уже и не будет. Но это в свою очередь опять ударит по нам. Ударит по всем, как и гибель США, и гибель Китая, гибель кого угодно. По ком звонит колокол? И по тебе тоже.

Распад мировой системы, превращение ее в кишащую гниющую массу, в толпы кочевников, дело ближайшего 21 столетия. Но что вырастет на этом кладбище?

Политика умерла! Да здравствует поэзия?

Совершенно очевидно, что советы строить сейчас монархию и некоррупционную вертикаль власти могут лишь отсрочить неминуемую гибель, попытки кого-то «не пускать» – безнадёжны, попытки воевать с другими (как делают США) это логика «умри ты сегодня, а я завтра», потому, что сказано выше, погибший враг тащит в могилу и тебя.

Радикальный фронт государственников против свободных радикалов, мог бы возможно изменить расклад сил и судьбу мира.

Но это потребовало бы серьезного изменения мышления.

Во-первых, лидеры государств должны были бы перестать бороться между собой, прекратить геополитическую возню, выгнать поганой метлой из советников всех игроков на «мировой шахматной доске» и любителей устраивать кризисы.

За один стол должны сесть и Буш и Ким Чен Ир, и Блэр, и Лукашенко, и Путин, и Ху Цзиньтао. Соответственно, всеобщему нападению этих севших за единый стол государственников, должны были бы подвергнуться не только Бен Ладен и Басаев, не только Березовский и Закаев, но и Сорос с Кеннетом Дартом. Должен быть нанесен совместный удар по терроризму, наркомафии, преступности, оффшорному транснациональному бизнесу и тому подобное.

Это, однако, выглядит как утопия. Но никто не мешает какому-то лидеру, например, президенту Путину выступить на весь мир с идеей «нового мышления». Хотя ничего старее и консервативнее, чем это «новое мышление», пытающееся только

отчаянно тормозить по пути в пропасть - нет.

Как мы показали, все, что делается в политике и что говорится о ней, базируется на том фундаменте, который изначально был заложен в греческой науке и уже более 2000 лет назад доведен до совершенной логической ясности. Слово «политика» происходит от слова «полис», город-государство, некое множество. Поэтому теории политики, родившиеся в греческом мире городов-государств, в конце концов, могут привести только к тому миру, из которого они родились. Как во «Властелине колец», кольцо не есть просто инструмент, оно всегда тянется к своему хозяину, так и политология не есть независимая ни от чего наука, она превращает мир в то, откуда она сама вышла, в множество мелких полисов, в то, что можно назвать «феодалной раздробленностью» с ее бесконечными войнами.

Если не желаем миру такой судьбы, если мы желаем хотя бы, чтобы после ее осуществления, если ее суждено претерпеть, на кладбище все-таки что-то выросло, а не возникла ядерная пустыня, мы должны уже сейчас думать о новом фундаменте, о новых возможностях, об абсолютно новой категориальной сетке политической мысли.

Нужно совершенно отказаться от перегноя таких понятий как «власть», «диктатура», «демократия», «левые», «правые», «консерватизм», «либерализм»... Все это принадлежит прошлому и вместе с ним уйдет. Надо, однако, не просто начинать с «чистого листа». Надо покопать неиспользованные возможности, как истории, так и мышления. И иметь в виду опыт всей многотысячелетней истории и политического мышления, который заканчивается столь трагично.

В каком направлении искать? Банальность и скудность советов, которые можно вытащить из мировой политической мысли, однако, не может не настораживать. Советы, которые даны выше, можно дать всегда и везде, а значит, они неприменимы... никогда и нигде. Ну, представьте, что в 1933 году мы бы посоветовали Сталину вводить монархию или развивать гражданское общество... Дело не в том, что он бы не воспринял этого по политическим и идеологическим соображениям. Не воспринял бы - и правильно бы сделал. Он занимался в данный момент другим, решал другую историческую задачу, а именно готовился к мировой войне, неизбежность которой была понятна уже в 1929 году. Отсюда и коллективизации и индустриализации и мн. др. дела Сталина. И если бы они шли хоть чуть-чуть медленнее, то война, очевидно, была бы проиграна, это знает любой, кто действительно всерьез изучал военную историю этой войны. Сталин обладал историческим мышлением.

Политическая мысль, вышедшая из метафизики - неисторична. Именно неисторична, а не просто неистинна или абстрактна. Констатации политологии истинны, но это мертвые истины. Какой должна была бы быть наука, которая не мыслила бы в понятиях (так как понятия есть концепты по определению над-эмпирические, над-временные)? Такая наука перестала бы быть наукой, как чем-то отдельным от практики. Такая политическая практика не просто приближалась бы к живой речи, которая исторична, которая есть «здесь и сейчас», которая моментальна, событийна, мгновенна, она должна была бы стать поэзией. Поэзией должны быть и поступки, сама политика (не даром среди радикалов популярен именно ислам с его пророком-поэтом-воином Магомедом). И дело не в том, что «мир спасет красота», которая вдруг заставит всех свободных

радикалов, коррумпированных чиновников, стремящихся к прибыли игроков на биржах и правовых нигилистов заворожено смотреть на политических вождей и понимать, что надо бросать деструктивные действия и идти за ними, как крысы идут за дудочкой...

Нет. Идущую «войну всех против всех» может закончить только мир. А миры подготавливают поэты и мыслители. Ни политика, ни экономика, ни наука и техника не способны спасти мир, катящийся в пропасть. Ницше говорил, что миром все становится только «вокруг Бога». О «Последнем Боге», который «только и может нас спасти», говорил в своих завещательных текстах и последний великий философ Запада М. Хайдеггер. Что может означать на практике для политиков необходимость готовиться к встрече с Последним Богом? Только ли принятие во внимание возможности Страшного Суда при осуществлении политических решений? Нет. Это хоть и не помешает, но вряд ли сумеет как-то стать примером для свободных радикалов и восстановить уже расколотый мир. Новый мир явится, если Бог явит себя всем и каждому. Но возможно, что для того, чтобы Он явил себя, требуется место Его явления, человечество должно быть готово его увидеть. М. Хайдеггер: «Последний Бог это не конец, а другое начало неизмеримых возможностей нашей истории. Ради него прежняя история может не кончаться, а должна быть приведена к своему концу. Мы должны прояснение ее сущностных основопозиций поместить (hineinschaffen) в переход и готовность.... Последний Бог это начало самой долгой истории в ее самом прямом пути. Длительная подготовка

нужна для великого мгновения его мимо-прохождения. И для подготовки его народы и государства слишком ограничены (zu klein), т.е. они уже слишком оторваны от всякого роста и слишком уж (nur noch) подвержены (ausgeliefert) махинации...». В этом греческом слове «махинация» звучит и «манипуляция», и «мошенничество», и «машина», и «механика». Хайдеггер, как всегда избрал многоговорящий корень и феномен, который он имеет в виду, нуждается в пояснении. Подготовка к встрече с Последним Богом есть подготовка пространства, пространство создается неким «Между». «Между» есть как пан или пропал, как две стороны острого лезвия. Подобно тому, как героем можно стать только в случае реальной опасности (при гарантированном спасении и победе о героизме говорить не приходится), так же и поймать намек, указующий взмах последнего Бога можно только в условиях риска его пропустить, только на фоне возможности отказа в Боге. Тот, кто хочет гарантий, не получает ничего, кто хочет великого - должен рисковать, подвергаясь риску проиграть. Великое не было бы великим, если бы давалось просто и с гарантией. Губительно пытаться идти по проторенным путям, подражать кому-то или самому себе, боясь сделать неправильно, искать своего и мошенничать, трусить и перестраховываться, искать гарантий и выгадывать, превращать управление в «машину», в подобие «механизма».

Введение себя в риск навстречу событию, щедрое раздаривание и мужественная решимость идти в неизвестность, за «поворот»... вот что дарит надежду.

В. С. Мартьянов

ОСОБЕННОСТИ ЦИТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

**Мартьянов
Виктор Сергеевич**

кандидат философских наук,
доцент, старший научный
сотрудник Института
философии и права УрОРАН

В условиях отказа от жесткой идеологической детерминации общественных наук советского периода поначалу казалось, что они могут существовать в условиях автономии от власти. Когда конкуренция идей, публичные дискуссии создают независимость научного кода истины от давления кода власти. Однако период эпистемологического анархизма постсоветского обществознания оказался недолгим. В условиях свертывания публичной политики и открытой политической борьбы политической режим стал проявлять все большую заинтересованность в своей легитимации научными кодами. Далее мы рассмотрим один из способов легитимации политического режима и приобретения символического капитала, связанного с попыткой власти опереться на научные и духовные авторитеты путем их

цитирования. Знание о том, кого «в свою пользу» цитирует власть, позволяет увидеть -какие идеологические концепции политический истеблишмент считает идейно близкими. На кого из исторических и современных деятелей опирается новейший российский политический режим, легитимируя свои основы. В ходе анализа мы сознательно абстрагировались от скрытых цитат и отсылок, принимая во внимание лишь упоминания мыслей, идей, концепций одновременно с их авторами.

Послания Президентов России

Одним из ключевых элементов текстовой базы данной статьи явились ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию России. Следует отметить, что послания Президента РФ Б.Ельцина 1994-1999 годов содержат лишь две явные ссылки на авторитет известных интеллектуалов, призванных придать дополнительный вес словам главы государства. В послании-1996 это Петр Столыпин: «Настоящая свобода, по меткому замечанию П.А. Столыпина, “слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма”». Последнее послание-1999 Б.Ельцина, озаглавленное как «Россия на рубеже эпох», при всех своих обобщениях и пафосе содержит лишь одно явное упоминание «мыслей великих». Это ссылка на А.И. Солженицына: «Не стоит выдумывать абстрактные национальные идеи. Реальной национальной задачей становится, как это точно выразил А.И. Солженицын, “сбережение” народа».

Почти дословно эта ссылка содержится и в послании-2006 Владимира Путина.

Представляется, что ключевой причиной отсутствия ссылок и цитат в посланиях Бориса Ельцина является интеллектуальное банкротство всей прежней системы советского обществознания, ориентированного на научный коммунизм, исторический и диалектический материализм. Эта система утратила символический капитал вместе с тем строем, который она легитимировала. Соответственно обращение к постулатам «вчерашних теорий и авторитетов» являлось неуместным в ситуации формирования новой социальной реальности, опровергнувшей прежние авторитеты, теории и постулаты.

В частности в послании-1996, начинающемся изложением краткой версии Новейшей истории России, аргументируется неизбежность и закономерность краха «советской системы», которую не могли спасти ни перестройка, ни ускорение. На фоне грядущих судьбоносных выборов Президента России 1996 года, когда во второй тур вышли Борис Ельцин и лидер КПРФ Геннадий Зюганов, российское общество в результате шоковых реформ все сильнее охватывали ностальгические настроения по СССР. Реванш коммунистов казался реальным. Для дискредитации дискурса «советской реставрации» Б.Ельциным в послании-1996 приводятся следующие «факты» и документальные «цитаты», призванные напомнить «россиянам» о негативных сторонах жизни в СССР, о том, что возврат к прошлому невозможен:

«Уже после начала “ускорения”, 9 июля 1986 года, экономический отдел ЦК КПСС сообщал: “В июне с.г. участились случаи несвоевременной выплаты заработной платы рабочим и служащим... Сигналы о неблагоприятии положения с выплатой заработной платы поступили в экономический отдел ЦК КПСС с Украины, Молдавии, Латвии, Литвы, из многих областей РСФСР. Разрядить обстановку удалось за счет дополнительного выпуска денег в обращение”...»

«В феврале 1990 года секретарь Читинского обкома КПСС обращался к М.С. Горбачеву: “В этом году обеспечение потребностей области в мясе и молокопродуктах резко ухудшилось, на эти продукты ссуд не выделено, введена талонная система распределения. В январе с.г. на один талон отоваривается от 0,2 до 0,5 кг масла животного, 1 кг мяса. В дальнейшем для отоваривания и по таким нормам ресурсов нет. Объяснить сложившееся положение жителям городов, рабочих поселков, шахтерам, лесникам и металлургам становится невозможным”».

«Председатель Госбанка В.В. Геращенко в секретном письме М.С. Горбачеву жаловался на то, что, работая в три смены, Гознак просто не успевает печатать деньги»¹. И т.д., и т.п.

Послания Бориса Ельцина свидетельствуют, что переходный период 1990-х годов еще не дал отчетливых идеологических авторитетов, теорий и ориентиров для представителей власти, чувствовавших себя пионерами-первопроходцами, которое несут обществу новые и уникальные истины, не имеющие аналогов в российской истории. В политике, экономике, обществознании царил хаос и межвременье, какая-либо новая иерархия теорий и авторитетов просто отсутствовала.

Послания Президента РФ Владимира Путина 2000-2007 годов также не содержат ни системного идеологического кода, ни четкой системности в опоре на «классиков». Представляется, что в период СССР как «альтернативного Модерна» привычные идеологии отражали социально-политическую реальность Модерна как

индустриального общества, стратифицированного на реальные социальные классы и осмысляющего себя на языке классических идеологий и утопий. После краха СССР и биполярной системы в глобальном масштабе в потребительском обществе на смену группам интересов приходят группы населения. Привычные теории, идеологии, социальные группы и повседневность трансформируются. Соответственно растет эффективность риторики, связанной с технологиями софистического популизма, вместо его классической идеологической интеграции с позиций того или иного «классового интереса», претендующего на общезначимость.

Президент России Владимир Путин в посланиях оперирует не идеологиями, но более низким и «как бы» самоочевидным уровнем «здорового смысла». Из-за идеологической выхолащиванности тексты посланий неизбежно превращаются в своего рода апологию «здорового смысла». При этом многие самоочевидности посланий вовсе не «очевидны», а наоборот, субъективны и контекстуальны. Подобная риторика оказалась весьма слабым средством к достижению главных целей посланий: а) объяснения фундаментальных целей существования российского общества - «для чего живем», «как жить будем»; б) для обеспечения легитимации нынешней элиты через общенациональные цели и ценности, внешние и внутренние угрозы существованию российской нации.

Таким образом, вся идеологическая архитектура посланий сводится к ситуативному прагматизму, выраженному в эконометрических референциях: удвоение ВВП, повышение зарплат, снижение инфляции и т.п.

Недостаток идеологии восполняется через апелляцию к немногочисленным и разрозненным авторитетам, на чьем символическом капитале зиждется искомый здравый смысл и прагматизм в современной российской политике. Однако может ли быть здравый смысл в классовом обществе быть отделен от интересов гегемона? И в чем заключается идеологическая сущность прагматизма, помимо его вторичности и контекстуальности, готовности менять политические приоритеты в зависимости от меняющихся обстоятельств? На этот закономерный вопрос за Президента России отчасти пытается ответить в своей статье министра иностранных дел РФ Сергей Лавров: «Приходится слышать и упреки в отсутствии идеологии, на что-де указывает заявленный нами внешнеполитический прагматизм. Но прагматизм - это не беспринципность. Просто мы идем от жизни, от реальных нужд страны и ее граждан. Россию вполне устраивает идеология здравого смысла»². Остается не понятно только одно: каких конкретно граждан России устраивает паллиатив «здорового смысла» вместо идеологий, и от имени какой России говорит Сергей Лавров, утверждая о ее конформизме относительно этого манипулятивного конструкта?

В посланиях Президента РФ Владимира Путина из восьми обращений к духовным авторитетам три ссылки приходятся на «идеологическое» послание-2005, когда глава государства впервые обращается к цитированию. Президент России в качестве близких по духу исторических альтер-эго упоминает общественных деятелей конца XIX - начала XX в.: Петра Столыпина, Ивана Ильина, Сергея Витте и Леонида Петражицкого. Симптоматично, что современная российская элита и «либеральная оппозиция» подчеркивают свою символическую историческую преемственность, черпая

позитивные образцы для сравнения именно во времена распада Российской империи накануне Октябрьской революции, в «последних временах». В 2006 г. президентом упомянуты сразу четверо «авторитетов»: Ф.-Д. Рузвельт, И.А. Ильин, Д.С. Лихачев, А.И. Солженицын. В 2007 г. в связи со 100-летним юбилеем и годом русского языка в послании-2007 был повторно процитирован Д.С. Лихачев. За весь период 2000-2007 гг. прижизненного цитирования Владимиром Путиным удостоился только один деятель советских времен - Александр Солженицын - с его «сбережением народа».

Послания Джорджа Буша-мл.

Весьма любопытным оказывается сопоставление принципов и подходов к цитированию в российской и американской традициях обращений президентов к народу. Эти принципы схожи в техническом выборе цитат, призванных подтвердить выводы и курс действующих президентов. Различие появляется в том, кого цитируют. Если российские президенты обращаются к известным духовным лидерам и интеллектуалам, то Джордж Буш в своих посланиях воспроизводит мифологию «голоса простого человека», которым говорит объективная политическая истина. Кроме того, для американского президента характерно полное игнорирование в своих посланиях не-американцев, которые цитируются лишь для их демонизации, как, например, в послании-2007:

«Послушайте, чем угрожал покойный террорист Заркави: “Мы прольем кровь и принесем в жертву себя для того, чтобы положить конец вашим мечтам, и что наступит, будет еще хуже”. А вот что заявлял Усама бин Ладен: “Смерть лучше, чем жизнь на этой земле среди неверных”»³

В качестве собственных авторитетов Джорджем Бушем упоминаются не только кабинетные интеллектуалы, а Президенты США и исторические лидеры нации, в том числе и представители противоположного Бушу демократического лагеря:⁴

«Американские лидеры - от Рузвельта и Трумана до Кеннеди и Рейгана - отвергали изоляцию и отступление, потому что они знали, что Америка всегда находится в большей безопасности, когда идет марш свободы»...

«Линкольн мог бы достичь мира ценой разъединения и сохранения рабства. Мартин Лютер Кинг мог бы остановиться в Бирмингеме или Сельме и довольствоваться лишь полупобедой над сегрегацией. США могли бы согласиться на постоянное разделение Европы и оказаться соучастником угнетения других народов. Сегодня, пройдя столь долгий путь в своем историческом развитии, мы должны решить, что нам делать - возвращаться назад или двигаться вперед и завершить начатое?»...

В посланиях Буша ощущается, прежде всего, традиция и дух религиозной, протестантской риторики, пронизанной глобальным мессианизмом богоизбранного американского народа. Здесь меньше российского византизма и изощренности, но больше религиозной прямолинейности. Это предельно примитивная популистская риторика, построенная по канонам телевизионных мыльных опер и адресованная напрямую американским массам, а не парламентариям и правительству. Вот, например, как незамысловато в риторике идеологического оправдания действий правящих элит, связанных с интервенцией США в Ирак, используются ссылки на «простого» человека:⁵

«Штаб-сержант морской пехоты Дэн Клей был убит в прошлом месяце в бою с противником в Фаллудже. Он оставил

письмо своей семье, но его слова точно так же могли быть адресованы каждому американцу. Вот что писал Дэн: “Я знаю, что такое честь. Честью было защищать и служить всем вам. Я сталкивался лицом к лицу со смертью, твердо зная, что вам это не грозит... Никаких колебаний! Твердо чтите и поддерживайте тех из нас, кому выпала честь защищать то, что стоит защищать”»...

Цитирование в программах российских политических партий

В контексте легитимирующих опор политического режима весьма интересным мог бы стать анализ программ ведущих российских партий, которые так и не смогли стать костяком российской политической системы, уступив данное место вертикали исполнительной власти. На предмет цитирований нами были изучены программные документы партий, как представленных в Госдуме РФ (2003-2007 гг.), так и имевших наибольшие шансы попасть в ее следующий состав (2007-2011 гг.) - «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Союз правых сил» (СПС).

В ходе анализа выяснилось, что в программные документы и материалах съездов партии «Единая Россия» не содержится ссылок на духовных авторитетов, представителей обществоведения и известных российских интеллектуалов. Повестка этих документов максимально приземлена и «оцифрована» всевозможными количественными показателями грядущих производственных успехов. Аналогична ситуация с программой «Справедливой России»⁶, состоящей из общепопулистских лозунгов и обещаний, но не обладающей какой-либо идеологической целостностью.

Программа КПРФ является единственной, где выстраивается внятная модернистская модель российской истории, не ограниченная сиюминутным «здесь и сейчас», и система идеологического объяснения происходящих в российском обществе социально-политических и экономических процессов. Ссылки на классиков у КПРФ достаточно предсказуемы:⁷

«Полный, по выражению В.И. Ленина, социализм мы определяем как свободное от эксплуатации человека человеком бесклассовое общество, распределяющее жизненные блага по количеству, качеству и результатам труда»...

Российская история полностью подтверждает взгляд на роль революций как локомотивов истории. Без крестьянских войн Разина и Пугачева, без восстания декабристов, деятельности Герцена и Чернышевского не пало бы крепостное право»...

К правящей коммунистической партии, как и предупреждал В. И. Ленин, присасывается немало псевдореволюционеров и безыдейных карьеристов»...

При широкой поддержке партийных масс и общества в 1983 году Ю.В. Андропов начал перестройку управления народным хозяйством, демократизацию государственной и общественной жизни»...

За предательство партии, за игнорирование национальных интересов, за разрушение нашего Отечества личную ответственность несут Горбачев и Яковлев, Ельцин и Шеварднадзе»...

В программе ЛДПР кратко и емко утверждается, что «В основу идеологии новой России надо положить труды замечательного русского религиозного философа - Ивана Александровича Ильина»⁸.

Наконец, СПС в своей партийной программе предполагает, что «Либерализм в России как умонастроение, как школа

политической мысли и практика важнейших государственных реформ, опирается на давнюю и достойную традицию. Идея правового государства присутствовала в замыслах и практике российских реформаторов девятнадцатого столетия - от Михаила Сперанского до Александра II.⁹ И на этом, согласно позиции СПС, либеральные реформы в России закончились, а XX век видимо был для страны потерян.

Заключение

Анализ актуальных политических тестов и производимых в них ссылок на легитимирующие авторитеты позволяет сделать ряд обоснованных выводов. Актуальные российские обществоведы (они же в массе своей «бывшие советские») из-за отсутствия у них символического капитала внутри страны и вовне ее не цитируются властью в принципе. Региональные политики цитируют, как правило, лишь Президента РФ, пользуясь его популярностью для упрочения своей легитимации на местах, представляя при этом любую свою инициативу как реализацию «плана Путина».

Цитирование в текстах политических лидеров в целом носит бессистемный, ситуативный, контекстуальный характер. Политическими деятелями в качестве духовных лидеров упоминаются люди из разных исторических эпох и политических лагерей. В основном набор ссылок и цитат ограничен деятелями второй половины XIX - начала XX веков как чуть ли не «золотого века» России. При этом полностью игнорируется весь советский период, из которого вышло нынешнее российское общество и его элиты. На период СССР и «провальные» 1990-е годы в тестах и речах российских политиков XXI века наложено стыдливое и молчаливое табу.

Из современных российских интеллектуалов, в том числе обслуживающих политический истеблишмент, также не выросло символических авторитетов, на которые власть готова сослаться. Исторические и зарубежные авторитеты обладают в дискурсе российской власти гораздо большим символическим капиталом и состоятельностью. Что само по себе может рассматриваться как признак духовного нездоровья правящей элиты, не доверяющей собственным интеллектуалам и обществоведам в области диагностики и прогностики современного российского общества. И в то же время утверждающей об «аутентичности» России, ее уникальном «менталитете», «идентичности», требующих особых подходов.

С другой стороны, как обоснованно замечает Владислав Сурков: «Отметим с сожалением в скобках, что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий - «постиндустриальное общество», «конец истории», «плоский мир», «цивилизация третьей войны» и проч. — нет ни одного российского происхождения».¹⁰

Постсоветская политическая элита испытывает острый дефицит современных ей отечественных моральных авторитетов. С одной стороны, идейно и символически обанкротились мэтры советского обществознания, зачинщики перестройки, антикоммунисты, диссиденты и младолибералы горбачевско-ельцинского периода. Этот период слабости России, попыток жить по чужим рецептам российские власти пытаются как можно быстрее забыть. С другой стороны, постсоветская элита «капиталистических плохишей» видимо стесняется советских авторитетов или просто боится их цитировать в силу все возрастающей актуальности по мере «капитализации» социума и общественных отношений в России. В результате возникает

символический вакуум российской истории. Постсоветский период «до Путина» дискредитирован в общественном мнении. Советский период стянулся до одного легального события Великой Отечественной Войны. Досоветская история практически утратила связь с современностью. Это доказывают попытки введения новых праздников, путем сомнительной замены Великой Октябрьской революции (7 ноября) на «День Сусанина» (4 ноября). Но символически объединить советский, до- и пост-советские периоды в единую версию российской истории у нынешней правящей элиты не получается. Соответственно моральные авторитеты, привлекаемые для легитимации политической современности России, зачастую оказываются периферийны и маргинальны (интеллектуальные эмигранты - Бердяев, Ильин.), либо символически «раскручены» именно благодаря Западу (такие диссиденты как Солженицын, Бродский), либо являются «западными экспертами», продвигающими западные же ценности в качестве универсальных (Фукуяма, Белл, Качинс, Фридман и др.).

Между тем, за рамками основополагающих политических текстов остается основной пласт реальных деятелей российской истории (Д.Донской, Иван III, Александр II), ученых (М.Ломоносов, Н.Пирогов, Д.Менделеев, И.Мечников, Н.Кондратьев, А.Чаянов, И.Павлов, М.Лобачевский, В.Леонтьев и др.), конструкторов (А.Попов, В.Зворыкин, П.Яблочков, М.Калашников, А.Сахаров, С.Королев и др.), писателей (только из советского периода -М.Горький, М.Шолохов, В.Астафьев, В.Распутин и др.), обладающих реальным легитимирующим потенциалом, но избегаемых в силу разных причин идеологически «ограниченным» политическим истеблишментом.

Тем не менее, отсутствие легитимной для всего российского общества версии истории и иерархии авторитетов как в период СССР не означает, что проблема социальной интеграции расколотого общества и обеспечения «общего блага» не волнует отечественную элиту. Хотя бы потому, что прямо связана с легитимностью властных элит, крупной собственности и стабильностью политического режима в целом.

Основная проблема видится в том, что в российской политике сформировался фундаментально неустойчивый, но тем не менее работающий дискурс «нормального общества потребления». Дискурс, который базируется на обманчиво самоочевидных аксиомах здравого смысла и не нуждается в отсылках к трансцендентному, то есть истории, морали, идеологиям. Споры в нем ведутся лишь о справедливости распределения потребления внутри общества. Кому и сколько дозволено потреблять. Однако легитимность подобного положения дел, не опирающегося ни на интегрирующую общество версию истории, ни на идеологические построения Модерна, ни на проекты и образы будущего, ни на преемственность символов и авторитетов, но лишь на «вечное настоящее» весьма шаткая.

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 23 февраля 1996 года // http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie3rezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_ros-sija_zakotoruju_my_v_otvete_1996_god.html

2. См.: Лавров С. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2007, № 2.

3. См.: http://moscow.usembassy.gov/embassy/transcripttr.php?record_id=173

4. См.: http://www.usembassy.ru/embassy/print_transcriptr.php?record_id=146

5. См.: http://www.usembassy.ru/embassy/print_transcript.php?record_id=146

6. См.: Программа партии «Справедливая Россия» // <http://www.spravedlivo.ru/about/documents/>

7. См.: Программа партии КПРФ // <http://www.kprf.ru/party/program/>

8. См.: Партийная программа ЛДПР // <http://ldpr.ru/ldpr/programm/>

9. См.: Партийная программа СПС // <http://sps.ru/?id=214522>

10. Сурков В. Русская политическая культура // Стратегия России. 2007. №7

Е. Г. Дьякова

«ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО» С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА: КТО ЯВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЕМ РИТОРИКИ ТРЕБОВАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА?

**Дьякова
Елена Григорьевна**

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник
ИфиП УрО РАН, руководитель
Рабочей группы по развитию
информационного общества в
России Общественной палаты
РФ.

Теория конструирования социальных проблем исходит из того, что они являются не объективно существующими социальными дисфункциями, которые приводят общество в неравновесное состояние (как трактует их функционализм), и тем более не проявлением и следствием классовых и иных социальных противоречий (подход, характерный для марксистской социологии), а результатом борьбы за право субъективного определения социальных условий как проблемных. Основоположники конструкционистского подхода М. Спектор и Дж. Китсьюз определяли социальные проблемы как «деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий». Ключевым в данном определении является понятие «утверждений-требований», т.е. риторики требовательного характера в публичном пространстве. Вопрос о том, существует ли условие, относительно которого выдвигаются требования, в разных направлениях конструкционизма решается по-разному. С точки зрения феноменологического конструкционизма он должен быть «заклучен за скобки» и подвергнут редукции, чтобы избежать риска соскальзывания в объективизм и эссенциализм. С точки зрения контекстуальной версии конструкционизма, необходим анализ социального контекста возникновения риторики требовательного характера, при четком осознании того, что она не сводима к этому контексту.

Конструкционистский подход в обеих его версиях помещает в центр внимания вопрос о том, кто является субъектом конструирования проблемы, т.е. чьи утверждения-требования превращают ее в предмет общественного внимания. Согласно классической модели, конструирование социальной проблемы начинается с того, что некая группа (группы) заявляют, что некое существующее условия является вредным, оскорбительным и нежелательным и пытается сделать его предметом общественного внимания. Затем происходит легитимация данной группы со стороны официальных институтов, что предполагает некую

официальную реакцию и поиски путей решения проблемы, и может породить новый цикл, связанный с недовольством представителей группы-инициатора бюрократическим подходом к решению проблемы, и даже отказ группы от участия в деятельности официальной организации и разворачивание параллельных институтов решения проблемы.

Следует учесть, что конструирование социальных проблем происходит в условиях жесткой конкуренции за доступ к публичному пространству. Как сформулировано в теории публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска, общественное внимание и пропускная способность СМИ являются ограниченными ресурсами, и поэтому далеко не все утверждения-требования доходят до стадии легитимации и превращаются в «реальные» социальные проблемы.

Особый интерес с точки зрения социального конструкционизма представляет собой процесс появления новых, нетрадиционных социальных проблем. Как показал Д. Лозик, ни одна проблема не может быть сконструирована как абсолютно новая, так как «совершенно новые утверждения-требования могут быть безуспешными, если аудитория не обладает категориями, позволяющими их понять». Поэтому при выдвижении новой проблемы используются две основных дискурсивных стратегии: конструирование ее как частного случая или следствия уже существующей проблемы, или расширение содержания категории, обозначающей уже известную социальную проблему, чтобы включить в нее новые утверждения-требования.

Проблема «информационного неравенства», или, в более жесткой риторической формулировке «цифрового раскола», относится к числу новых социальных проблем. Под «информационным неравенством» понимается неравенство в доступе к современным информационно-коммуникационным технологиям. Оно рассматривается как проявление и частный случай социального неравенства, поскольку «пораженными в информационных правах» оказываются прежде всего социальные низы, в том расширительном толковании, какое дает этому понятию постмарксистская социология (где акцент делается не на традиционном классовом неравенстве, а на сексизме, расизме, эйджизме и т.п.). В связи с этим логично было бы предложить, что субъектом утверждений-требований об информационном неравенстве являются некие институты гражданского общества, которым удалось пройти стадию легитимации, а сама она формулируется в рамках традиционной левой «риторики равенства».

Однако это не так. На самом деле понятие «цифровой раскол», было сформулировано в 1996 году вице-президентом Соединенных Штатов Америки А. Гором в так называемом

«Докладе Клинтона-Гора» в Ноксвилле, причем в основе его выступления лежала не «риторика равенства», а традиционная «риторика американской мечты». Выступая в Университете штата Теннесси в ходе предвыборной компании, Гор заявил: «We challenged the nation to make sure that our children will never be separated by a digital divide. And America has responded to that challenge». Адекватно перевести эту фразу чрезвычайно сложно, что косвенно доказывает глубокую укорененность риторики вызова и ответа на вызов в американской культуре. Затем Б. Клинтон, представленный как «лидер, который стремится сделать так, чтобы каждый ученик, и каждая семья в Америке получили возможность участвовать в нашем беспредельном технологическом будущем», в речи, перегруженной традиционными тропами, повторил: «Может возникнуть огромный цифровой раскол. Если мы не распространим как можно шире развивающиеся знание и технологию, они могут начать работать на усиление неравенства, напряженности и тревоги людей. Но если мы будем поступать правильно, они станут великой силой, которая поможет нам ответить на вызовы [времени] и соединенными усилиями защитить наши ценности».

Таким образом, «цифровой раскол» изначально возникает как легитимированная социальная проблема и попадает в сферу действия больших государственных нарративов, и прежде всего – государственных программ информатизации. Поэтому некоммерческим организациям приходится предпринимать усилия для того, чтобы присвоить себе эту проблему и обосновать свое право на выдвижение утверждений-требований в ее рамках. Иными словами, цикл конструирования проблемы «цифрового неравенства» носит обратный характер по сравнению с классическим циклом, описанным в социальном конструкционизме.

Характерно, что попытки общественной, неофициальной легитимации проблемы «цифрового неравенства» идут без особого успеха. Это убедительно показал осуществленный в 2006 году группой европейских ученых под руководством Яна Сервэ и Нико Карпентье анализ первого этапа Всемирной встречи по информационному обществу, завершившегося в Женеве в 2003 году. На этой встрече была впервые сделана попытка объединить в едином публичном пространстве государственные и общественные структуры, что сразу породило ситуацию взаимного непонимания, вызванную принципиальной разницей риторических требований. Если представители государственных структур, участвовавших во Встрече, стремились как можно четче описать уровни управления и основных агентов информатизации (включая неправительственные организации), взаимодействующих на международном и региональном уровне, и делали акцент на эффективности их деятельности, то «третий сектор» был изначально ориентирован на преодоление фрагментации и максимальное включение граждан в процессы построения информационного общества. Однако тунисская Встреча показала, что пока позиции «третьего сектора» очень слабо проработаны и остаются на уровне абстрактной левой риторики «всеобщего равенства».

В целом можно сделать вывод о том, что «информационное неравенство» как социальная проблема конструируется в рамках большого модернистского государственного нарратива, что

задает вполне определенные способы ее решения.

Ситуация, сложившаяся в России, в этом плане мало отличается от общемировой. И у нас легитимация проблемы информационного неравенства осуществляется государственными органами, прежде всего в рамках Федеральной целевой программы «Электронная Россия» и «Стратегии развития информационного общества в России». Стратегия – это прежде всего политический документ, и в ней четко сформулированы основные направления информатизации, которые должны обеспечить выход нашей страны в число лидеров глобального информационного общества: «формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий».

Соответственно, и государство, и бизнес, занимаясь информатизацией, в первую очередь озабочены проблемами технического и технологического порядка: что строить, как строить, как повысить эффективность использования ИКТ. В то же время вопрос: для кого строить? – зачастую остается в стороне. Информационное неравенство понимается как неравенство в физическом доступе к информационно-компьютерным технологиям и основные усилия по его преодолению направляются именно в эту сферу.

Проблема физического доступа в нашей стране сейчас активно решается, особенно в ходе реализации приоритетного национального проекта «Образование», одним из важнейших направлений которого стала недавно завершившееся подключение всех российских школ к Интернету. Активно создается сеть пунктов общественного доступа в Интернет (программа «Киберп@чта» и другие), также способствующая росту физической доступности современных коммуникационных технологий. Конечно, физическая доступность может существовать на разных уровнях. Пока в России проблемой являются наиболее современные формы доступа (прежде всего широкополосный доступ и беспроводной доступ), но очевидно, что данная проблема может и будет решена совместными усилиями государства и бизнеса.

В то же время другие, «общественные» аспекты информационного неравенства пока не получили достаточной легитимации. А ведь оно не сводится только к физическому доступу: необходимо, чтобы граждане могли этим доступом воспользоваться, т.е. имели соответствующие навыки и умения. За неравенством по уровню компьютерной/информационной грамотности населения скрываются еще два тесно связанных между собой аспекта информационного неравенства. Во-первых, это проблема отсутствия мотивации, когда люди не хотят пользоваться информационно-компьютерными технологиями, хотя и имеют такую возможность, а во-вторых, проблема недостаточного контента. Для легитимации этих аспектов информационного неравенства в Общественной палате РФ была создана Рабочая группа по развитию информационного общества в России, цель которой – обеспечить публичное обсуждение и общественную экспертизу процессов информатизации, тем самым увеличив общественное внимание к данной проблеме, и повысив «качество» данного внимания.

А. С. Кузнецов

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

**Кузнецов
Александр Сергеевич**

младший научный сотрудник
Института философии и права
УрОРАН

Начиная с 1980-х годов, в политической регионалистике происходит серьезный прорыв в парадипломатических исследованиях, который связан с появлением институционально сплоченных групп ученых, которые досконально стали изучать феномен участия регионов в международных отношениях. Так, например, осенью 2007 года исполнилось ровно 23 года с момента, когда в свет вышел специальный выпуск ведущего западного политологического журнала PUBLIUS (Journal of Federalism), который был полностью посвящён проблеме участия субнациональных единиц в международных отношениях.

Именно этот момент можно считать временем зарождения одной из самых сильных школ по изучению парадипломатии в мире политической науки. До этого момента исследования активности субнациональных единиц на международной арене, безусловно, имели место, но все эти работы, так или иначе связанные с данной проблематикой, находились в русле разных направлений политологических исследований, да и сама тема участия регионов в международных отношениях имела характер некоего “побочного продукта” при анализе проблем сепаратизма, федерализма, дипломатии, транснационализма, политэкономии, суверенитета и т.п.¹ Так представители гарвардской школы международных отношений Роберт Кеохайн и Джозеф Най занимающиеся транснациональной проблематикой в одной из своих первых совместных работ начала 1970-х годов отмечали, что для системы международных отношений присуще повышение тенденции к взаимозависимости, при которой происходит плюрализация международного поля, появление новых инструментов влияния и новых автономных акторов.² Этот тезис о появлении новых акторов в тех же исследованиях посвященных транснационализму был поддержан и развит Розенау, который постулировал идею, что современная система международных отношений отныне не может быть исключительной прерогативой национального государства, поэтому полномочия по широкому кругу вопросов переходят к наднациональным и субнациональным акторам.³

Другими словами, многие политологи и учёные из других областей знаний, уже начиная с конца 60-х годов XX столетия, анализируя широкий спектр политических проблем, отмечали факт усиления тенденции участия субнациональных акторов в международных отношениях, но не выделяли изучение этого феномена в отдельное независимое исследовательское направление.

Таким образом, первым осмысленным шагом по изучению проблемы парадипломатии стал научный дискурс, открытый на страницах осеннего выпуска журнала PUBLIUS в 1984 году. Благодаря этой дискуссии, появилась ведущая научная школа по изучению данного феномена, которая включила в себя канадских и американских исследователей. Именно представители этой школы создали значительную часть теоретико-методологических разработок по вопросам парадипломатии, сделал ее одним из наиболее востребованных направлений в политической регионалистике, разработали новый категориальный аппарат, используемый для описания данного феномена, указали перспективные ориентиры для научных поисков.

Необходимо подчеркнуть несомненную корректность употребления понятия “научная школа” по отношению к работе североамериканских политологов, которые, взяв за точку отсчёта дискуссионную площадку известного научного журнала, продолжили комплексный анализ феномена парадипломатии на страницах специально издаваемых тематических антологий и в выступлениях на специальных научных симпозиумах и конференциях.⁴ Очевидно, что североамериканская школа по изучению проблемы субнационального участия в международных отношениях относится к такой категории научных сообществ, которая не является формальным объединением, не имеет принадлежности к какому-либо одному научному центру или институту и представляет собой, со структурной точки зрения, географически разрозненный, но ментально сплоченный исследовательский коллектив. В качестве ведущих исследователей североамериканской школы можно назвать следующие имена: Ганс Мичелман, Панайотис Солдатос, Джон Кинкайд, Андре Лекур, Иво Духачек, Ирл Фрай и многие другие.

Достаточно часто при анализе той или иной научной школы звучит мнение, что “полноценная” в научном смысле школа — это не просто коллектив учёных, объединённых общим направлением исследовательской деятельности, а сообщество, которое интегрировано вокруг учёного генератора идей, обладающего особыми интеллектуальными и человеческими способностями. Не случайно, многие известные научные школы носят имена их создателей или активных деятелей. Вокруг такого учёного объединяется группа его соратников и учеников, которые разделяют его идеи и теоретические принципы, методологию исследования. Несмотря на то, что североамериканская школа не имеет формальной принадлежности ни к одному университету или академическому институту, в качестве учёного генератора идей выступил руководитель журнала Publius профессор политологии Иво Духачек. Именно он на страницах своего издания одним из первых поднял эту проблему в качестве отдельного исследовательского направления в политологии, именно ему принадлежат первые труды, в которых создавался категориальный аппарат, который сегодня используется при анализе парадипломатической деятельности, именно ему удалось воспитать единомышленников из числа начинающих исследователей.

Таким образом, можно заключить, что группа

североамериканских политологов (“школа Духачека”) отвечает большинству характеристик, которые позволяют исследовательское сообщество называть научной школой. За двадцать с лишним лет работы, а временной фактор является немаловажным, североамериканская школа по изучению проблемы субнациональной вовлечённости в международные отношения получила широкую известность и заработала блестящую репутацию. За этот период в школе сложились научные традиции, которые способствуют процессу преемственности поколений и обеспечивают высокий уровень исследований и их оригинальность.

Несмотря на то, что лидерами и пионерами в парадипломатических исследованиях, безусловно, являются американские и канадские политологи, в Старом Свете, европейские ученые также серьезно обратились к вопросу изучения парадипломатии в середине 1990-х годов. Европейские исследователи Майкл Китинг, Браин Хогинг, Ное Корнаго, Франсиско Альдекоа обращались в своих трудах и до середины 1990-х годов к проблеме участия субнациональных акторов в международных отношениях в рамках своих исследовательских изысканий. Так у Китинга обращение к этой проблеме можно найти в трудах по проблеме развития национализма в европейских государствах, у Корнаго и Альдекоа в их исследованиях новой и новейшей истории Страны Басков и Каталонии. Однако институализация европейской школы парадипломатии как устойчивого научного сообщества происходит только в 1997 году, когда в испанском Бильбао в главном городе Страны Басков был запущен исследовательский проект-семинар, который собрал в одном месте всех политологов, занимающихся проблемой изучения участия субнациональных акторов в международных отношениях. Именно Страна Басков—место, где парадипломатия реализуется на практике в самой интенсивной форме, собрала вместе, главным образом, европейских исследователей, которые через общение и обмен опытом между собой, структурировали свои разработки в этой области в фундаментальном труде под названием “Парадипломатия в действии: Внешние отношения субнациональных правительств” (“Paradiplomacy in action: The foreign relations of subnational governments”). Работа была отпечатана в Лондоне в 1999 году, а за тем неоднократно переиздавалась. В нее вошли статьи политологов, которые посмотрели на проблему участия регионов в международных отношениях больше в ракурсе национализма и теории международных отношений, нежели, чем в контексте федерализма, как это делали представители “школы Духачека”.

Говоря, о различиях между выделенными нами “европейской” и “североамериканской” школами парадипломатических исследований необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, конечно, между “европейцами” и “североамериканцами” лежит вполне естественное различие в географии объектов исследования. Так, если посмотреть работы политологов Нового Света, то большая часть их исследований в той или иной мере обращена к канадской провинции Квебек. Именно взаимоотношение этой провинции с федеральным центром и реальная практика выхода этого региона на международную арену, стали важными катализаторами развития политической науки на этом континенте и в частности значительно повлияли на развитие политической регионалистике и такого её направления как парадипломатические исследования. В случае с Европой,

такого рода главными исследовательскими кейсами для политологов Старого Света, занимающихся парадипломатией, стали испанские регионы: в первую очередь, Страна Басков, Каталония, Галисия. Конечно, политологи обоих континентов не ограничивались изучением парадипломатии только провинции Квебек или испанских регионов, обращаясь в своих исследованиях и к другим канадским провинциям, американским штатам, к швейцарским кантонам и немецким землям. Однако, безусловно, наиболее яркая политическая ситуация сложившаяся во взаимоотношениях Квебека и испанских регионов с их центральными властями, в том числе в вопросе выхода этих субнациональных единиц на международную арену, вызвала особый исследовательский интерес у ученых.

Важно подчеркнуть, что основное различие между школами кроется не в простом различии географии объектов изучения, а на базе парадигмы, которая лежит в основании исследований североамериканских и европейских учёных. В отличие от европейцев, которые скорее изучают участие регионов в международных отношениях через призму эволюции международных отношений, проблем национализма, регионализации и глобализации, американские и канадские исследователи рассматривают парадипломатические процессы в координатах изучения федерализма (federalism studies). В их работах основное ударение делается на анализе влияния парадипломатии в первую очередь на само федеративное государство и федеративное устройство. Не случайно, начало научному дискурсу по вопросу участия субнациональных единиц в международных отношениях было положено на страницах ведущего западного издания по проблемам федерализма Publius (Journal of Federalism). Данное различие не несёт в себе некой априорной научной антагонистичности, а лишь закладывает дополнительные цвета в спектр академических работ, посвящённых тематике парадипломатии.

Кроме того, говоря о различиях между выделяемой нами североамериканской и европейской школами, необходимо отметить тот факт, что, с точки зрения развития теоретического знания о феномене участия регионов в международных отношениях, “школа Духачека” сделала, несомненно, более весомый в концептуальном плане вклад в развитие политической регионалистики как отрасли политической науки. Так, например, именно канадские и американские ученые разработали категориальный аппарат в этом исследовательском поле и ввели в научный оборот само понятие “парадипломатия”. Европейские политологи в целом восприняли эту категориальную базу их североамериканских коллег, в том числе их устроило использование в качестве основного ключевого понятия термина “парадипломатия”, однако, как уже отмечалось выше, они стали рассматривать участие субнациональных акторов в международных отношениях в несколько другой парадигме, обращая в своих исследованиях особое внимание на те моменты, которые у Духачека и его последователей в основном оставались в тени.

Конечно, использование лейбла “североамериканская vs “европейская” для наименования школ, имеет почву для критики. Очевидно, что найдутся европейские политологи, которые работают в парадигме изучения парадипломатии через внутреннюю политику государства, как в Северной Америке, наверняка, можно отыскать специалистов, которые рассматривают данный феномен как составную исследований

регионализма, глобализации и международных отношений. Но ещё раз хочется подчеркнуть, что принадлежность к европейской или североамериканской школам, это не принадлежность географического характера, это принадлежность к тренду, традиции, к особенности научного восприятия феномена.

1. См. в качестве примеров Mansback R., Ferguson Y., Lampert D. *The Web of World Politics*, N. J. 1976, Dominguez J. *Mice That Do Not Roar: Some Aspects of International Politics in the World's Peripheries*, // *International Organization* 25 (Spring 1971) p.175—209, Hechter M., Levi M. *The Comparative Analysis of Ethno-regional Movements*. // *Ethnic and Racial Studies* (July 1979) и другие.

2. Keohane R., Nye J. *Transnational relations and world politics*. Harvard University press, 1972, p. xvi-xxi,
3. Rosenau J. *The study of global interdependence: essays on transnationalization of world affairs*. London 1980, p. 2
4. В качестве ярких примеров можно привести следующие коллективные труды как: "States and Provinces In the International Economy". Berkley 1993, "The New International Cities Era: The Global Activities of North American Municipal Governments". Brigham 1989 и другие.

Л. М. Андриюхина

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОСТИ В МЕНЕДЖМЕНТ- И БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

**Андриюхина
Людмила Михайловна**

доктор философских наук,
профессор Уральского
Гуманитарного Института

Появление менеджмент – дискурса в современной культуре принято связывать с возникновением научного менеджмента. Само по себе это в полной мере отвечает стойкой интенции модернизма маркировать как существенные и одновременно существующие в культуре и для культуры только те явления, которые приобретают право обладания определенным статусом научности. Однако научность менеджмент - а, также бизнес – дискурса практически сразу же стала обнаруживать и все больше проявлять черты не характерные для эталонной науки. Воспринятый пафос века рациональности, нигде как в менеджменте стал обретать формы жестких императивов, но не столько в эпистемологическом структурировании знания, сколько в социальных конструкциях стандартизированных производственных процессов и в социальном пространстве бюрократических организаций. О классическом менеджменте в целом правильное было наверно говорить как о дискурсе, отлитом в архитектонике форм организационного порядка, производственных ритмов и операций. Но именно в эпистемологическом плане менеджмент – дискурс с самых первых его шагов и на протяжении уже более чем столетнего периода своего существования продолжает удивлять отсутствием очень многих признаков научности. Что это за наука, в которой отсутствуют ... теории, не по названию, а в строгом эталонном смысле? Разве можно говорить серьезно о трудах Ф.Тейлора, А.Файоля и др. как представляющих теорию? В лучшем случае – это некие эмпирические обобщения. В учебниках пишут, например, о теории бюрократии М.Вебера. Но скорее это не теория, а философия бюрократии, и т.д.

В современном менеджмент-дискурсе ситуация со статусом научности еще сложнее. Так называемый научный менеджмент-дискурс, сегодня представляет собою фантазмагорическое

«лоскутное одеяло», соединяющее непостижимым образом лоскуты железа, шелка, тончайшей кисеи и ткани из платья андерсеновского короля, бумаги, дерева, информационных потоков, сетей, харизм, брэндов, экономических моделей и гуманитарных прорывов, денег, нематериальных активов, идей, проектов, мотивов и еще многого, многого другого.

Больших теорий по-прежнему нет. Но именно в менеджменте появляются и циркулируют многообразные эпистемологические кентавры: практические теории, проектные идеи и концепты, объяснительные модели, обозначаемые именами гуру (например, кочующие из учебника в учебник, при этом обрастающие многообразным слоем различных толкований, «сетка Блейка и Моутон», «теория Х и У» Д.Макгрегора, «теория человеческих отношений» Э.Мэйо и т.д.). Миф, метафора нигде как в менеджменте обретают непосредственное практическое значение, наряду с формами рецептурного знания в духе средневековых ремесленников и алхимиков. Кстати само слово «алхимия» весьма успешно используется в названиях достаточно серьезных работ («Алхимия финансов», «Алхимия инноваций» и т.д.).

Миф может быть назван главным героем и одновременно анонимом бизнес и менеджмент коммуникаций. Достаточно беглого, феноменологического анализа текстов и речевых практик в деловой сфере, чтобы обнаружить постоянно и повсюду выявляемые и разоблачаемые мифы. Об этом можно судить по названиям статей и книг, количество которых растет с огромной быстротой: «Мифы креативности», «10 мифов тренинга командообразования», «Мифы о МВА», «Главные мифы менеджмента», «Анализ 28 самых живучих мифов», «Мифы корпоративной стратегии», «Мифы о деловых женщинах», «Мифы мотивации», «Мифы экономики», «Миф о CEO», «Информация для руководителя. 4 мифа и 13 общих замечаний» и т.д.

Структура этих текстов имеет много общего: сначала фиксируются, выявляются некоторые мифы практики менеджмент-коммуникаций, затем они развенчиваются и взамен либо авторы предлагают другие, претендующие на рациональность модели, либо даже не предлагают ничего, ограничиваясь самим фактом фиксации и означивания мифа.

Но все более типичным для бизнес-коммуникаций становится обратный процесс – это активно развивающаяся индустрия мифов. Именно в практике бизнес – и менеджмент – коммуникаций

возникает такое совершенно новое цивилизационного характера явление, как целенаправленное проектирование мифов. Появился даже новый термин, обозначающий фактически целую индустрию мифов – мифодизайн (А.Ульяновский).

Возможность целерационального (и в этом смысле научного) конструирования мифов, культуры, ценностей и других весьма, подчас иррациональных феноменов смело заявляется в структуре менеджмент дискурса, что было совершенно не под силу традиционным формам научности.

Если всю эту многоликость, лоскутность, разорванность менеджмент дискурса представить в пространстве кросскультурного анализа и помножить на полидисциплинарность и возрастающую динамику перемен, «непоследовательность изменений», то перед нами предстанет в полном смысле постмодернистская картина.

Если от феноменологии менеджмент дискурса перейти к различным формам его осмысления, к метадискурсу, то возникающие здесь модели понимания научности представляют несомненный интерес, так как позволяют увидеть в менеджмент-дискурсе не просто некую локальную ситуацию, но то локальное, которое может стать порождающей структурой общецивилизационного характера.

Выделим три основных интенции в осмыслении статуса научности менеджмент – и бизнес-дискурса. Это:

1. парадигмальные модели;

Нужно сказать, что в менеджменте и бизнесе парадигмы не выделены систематично, разные авторы совершенно по-разному выделяют и структурируют парадигмы, однако есть некое согласие в том, что менеджмент отличается поли (или мульти-)парадигмальностью. В этом одни авторы видят признак ненормальности или просто неразвитости менеджмента как науки, другие – усматривают его научное своеобразие.

2. модели новой рациональности или научности;

Этот достаточно разработанный и методологически оправданный подход при распространении его на сферу менеджмента и бизнеса приводит к настоящему всплеску креативности. К менеджменту примеряются как уже хорошо известные в философии модели, например, «веселая наука» (Ф.Ницше) – так и новоизобретенные модели, например, такие как «бизнес в стиле фанк» или «глэм-наука».

3. модели взаимосвязи научного и ненаучного дискурса в менеджменте

Эти модели привлекательны тем, что раскрывают многообразие не только научных, но и ненаучных (не смешивать с лженаучными – Л.А.) знаний и их особую роль в менеджменте. Менеджмент и бизнес-дискурс понимаются в этом случае как среда постоянного порождения и взаимоперехода ненаучных знаний в научные. Порождающие и генерирующие модели позволяют авторам представить менеджмент и бизнес – дискурс как своего рода новую (неосмысленную ранее) форму научности, в центре которой не столько нормы научности, но собственно порождающие механизмы.

Вместе с тем в пространстве менеджмент – и бизнес-дискурса не только постоянно возобновляются попытки осмысления и утверждения его научности, но достаточно ощутимой является и другая тенденция, где научность, как бы перестает быть предметом и фокусом внимания. Так, например, в концепциях управления знаниями, речь идет уже не о научности или ненаучности менеджмента, а о процессах перехода от неформализованного знания к формализованному и обратно, от знания индивида – к знанию организации и т.д. Научность оказывается в роли той гипотезы, которая уже не так уж и нужна.

Е. А. Степанова

РЕЛИГИЯ КАК СИМВОЛ НОВОГО ПУТИ РОССИИ

Степанова
Елена Алексеевна

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Института
философии и права УрО РАН

В последние два десятилетия религия приобретает все большее значение в России. Констатируя в целом положительную оценку религии в современном российском общественном сознании, следует отметить, что в последнее время произошла значительная смена акцентов в отношении к ней россиян по сравнению с началом 90-х годов. Это связано с произошедшим за последнее десятилетие изменением мировоззренческих ориентиров: если первоначально провозглашалось, что Россия должна следовать странам Запада в построении демократического общества (важной частью которого является принцип свободы

совести и равенство вероисповеданий), то затем все большую силу стало набирать мнение, согласно которому у России особый путь, и Запад для нее не является эталоном. В связи с этим так называемые «традиционные» религии, прежде всего, православие постепенно стало приобретать особое значение в качестве культурно-национального символа страны. Аналогичным образом национальные меньшинства, обратившиеся к своим этническим корням в поисках этнической идентичности, стали рассматривать свои религии как ее важнейший фактор.

Существует несколько различных критериев оценки принадлежности людей к определенной религиозной группе. Если исходить из так называемого этнического принципа исчисления религиозной принадлежности, в России сегодня: 120 млн. православных, 600 000 католиков, более миллиона верующих Армянской апостольской церкви, 14 млн. мусульман, 230 тысяч иудаистов и 900 000 буддистов¹. Однако среди зачисленных в эти религии оказываются атеисты, люди, безразличные к религии, люди, не идентифицирующие себя с конкретными религиозными течениями или исповедующие совсем другую веру, чем та, которую им приписывают идеологи этнической религиозности.

Однако этническая религиозная не предполагает, что данный человек разделяет соответствующие религиозные верования и следует религиозным практикам. Как показывают социологические опросы и реальный жизненный опыт, на самом деле число таких людей ничтожно мало. Так, исходя из критерия осознанной религиозной идентификации и исполнения соответствующих практик, к числу православных можно отнести от 2% до 10% населения (от 3 до 15 млн. чел.). Число практикующих мусульман также весьма неопределенно и колеблется от 5% (Татарстан) до 20% (Дагестан).²

Анализ современного религиозного сознания в России показывает, что во всех без исключения конфессиях оно отличается крайней противоречивостью. Далеко не все верующие «разделяют даже базовые вероучительные положения своих религий. В то же время многие принимают идеи, несовместимые с тем вероучением, которому они, согласно их религиозному выбору, призваны следовать»³. Значительное расхождение между декларируемыми и реальными религиозными предпочтениями в современной России, особенно среди представителей так называемых «традиционных» конфессий, в первую очередь, православия и ислама, породило дискуссию о том, действительно ли страна переживает аутентичное религиозное возрождение. Многие исследователи отмечают, что при участии в социологических опросах люди часто дают конформистские ответы. Если в советское время было принято утверждать свой атеизм, то в современный период, наоборот, принято определять себя как верующего⁴.

Можно по-разному объяснять причины изменения религиозной ситуации и разрыв между верой и религиозной практикой в современной России. Согласно первому объяснению, если вера является личной и естественной, то религиозная практика основана на коллективном опыте, и публичная демонстрация веры значительно возрастает тогда, когда государство прекращает практику подавления религии. Поскольку религиозное возрождение в России началось совсем недавно, многие люди просто не имеют достаточного знания о вероучительных основаниях своих религий, и, следовательно, можно надеяться на то, что разрыв между верой и практикой со временем будет сокращаться.

Второе возможное объяснение исходит из того, что исповедание традиционной религии той или иной этнической группой стало важной частью самоидентификации некоторой части российских граждан в силу неизбежного поиска новых смыслов после падения коммунизма. Это вполне естественный процесс: в условиях кризиса идентичности всегда происходит сплочение людей в рамках традиционных общностей. С этой точки зрения религиозное возрождение в России оценивается не столько как специфически религиозный и духовный феномен, сколько в качестве части более широкого процесса культурной, социальной и политической плюрализации общества, в рамках которой каждая группа ищет свои собственные способы идентичности⁵. Если религиозная принадлежность воспринимается в качестве, главным образом, этнического маркера, то религиозная практика оказывается излишней.

Третья точка зрения, соглашаясь в целом с наличием тесной связи между религией и этничностью, рассматривает религию как равного партнера в поиске идентичности. Сторонники этой позиции считают, что такие традиционные религии, как православие и ислам, привлекательны прежде всего потому, что

они являются единственными общественными институтами, которые сохранились с предреволюционных времен. В этом качестве они осуществляют символическую связь между прошлым и настоящим, ощущение преемственности, особенно необходимое в момент идеологического и социокультурного кризиса. Такая точка зрения, вероятно, лучше всех объясняет высокую степень доверия россиян к православной церкви, которое действительно имеет место, несмотря на низкий уровень религиозной практики, неоднозначные взаимоотношения церкви с советской властью и с нынешним политическим режимом в России. Так, К. Каарияйнен и Д. Фурман пишут: «В нестабильном, распадающемся обществе, чьи старые светские приоритеты и идентичности оказались либо утраченными, либо девальвированными, религия стала знаком “вечных ценностей” и символом русской идентичности в ситуации, когда русским вроде бы как стало нечем гордиться»⁶. Сказанное, конечно, можно отнести не только к этническим русским.

В свою очередь, Русская православная церковь активно пропагандирует убеждение в том, что религия является определяющей характеристикой российской идентичности. Так, в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» сказано: «Церковь соединяет в себе вселенское начало с национальным... Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в некотором смысле может восприниматься как единая община веры – православный народ»⁷.

Сегодняшнее российское православие характеризуют две основные тенденции. Первая и преобладающая является весьма консервативной и в первую очередь нацелена на установление тесных отношений между церковью и государством. Эта позиция ясно выражена в разделе «Основ социальной концепции Русской православной церкви», озаглавленном «Церковь и государство», где обосновывается идея о том, что государственная власть является вторичной относительно духовной власти, и что церковь имеет право судить о действиях государства, но не наоборот. «Нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач, лишение их права давать оценку действиям властей. Этот принцип предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга. Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: противостояние греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, принятие на себя функций государственной власти, предполагающих принуждение или ограничение. В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством»⁸.

Параллельно с процессом централизации государственной власти в России, Московский патриархат РПЦ также усиливает власть вертикальной иерархии в церкви и демонстрирует имперские амбиции, заявляя о своих претензиях на монопольную позицию в стране и объявляя себя вправе «ожидать, что государство, устанавливая отношения с другими религиозными сообществами, будет принимать во внимание количество их последователей, их место в формировании исторических,

культурных и духовных особенностей и их гражданскую позицию»⁹.

Другая тенденция, хотя и представленная весьма немногочисленными последователями, заключается в выражении серьезной тревоги по поводу отсутствия глубокой духовной жизни в церкви, проявлений изоляционизма, национализма, ксенофобии и анти-западнических настроений, что может привести к отвержению универсалистского характера христианства и превращению русского православия в «племенную религию». Так, например, о. Георгий Чистяков отмечал, что сегодняшних православных неофитов привлекает не мистический смысл православной литургии, а ее ритуальная сторона. Они демонстрируют религиозный фетишизм, поддерживаемый многими поместными священниками, имитируют веру предыдущих поколений, проявляют невежество по поводу содержания православного учения и т. п. «Эти факты поднимают острый вопрос о самосознании русского православия. Современное религиозное сообщество в России, неукорененное в жизни в священном богослужении, жизни в молитве и в целом в мистической жизни восточного христианства, обретает свою форму, не развивая более глубокое видение православия. Наоборот, оно противопоставляет себя (что всегда легче!) христианам других традиций – католикам и протестантам – и делает это, используя не российское или западное понимание, но коммунистическую парадигму «буржуазной, враждебной цивилизации, противоположной нам» (парадигму, которая, несмотря на отход от коммунистической идеологии, продолжает «работать» в сознании большинства россиян). Православное сознание быстро становится ксенофобским, закрытым и в высшей степени интолерантным по отношению к другим верам и к Западу в целом. Образ врага, будучи характеристикой советского сознания, становится одним из краеугольных камней спонтанной идеологии, формирующейся в православном сообществе с середины 90-х гг.»¹⁰.

Критику консервативного традиционализма и эгалитаризма в русском православии нельзя считать маргинальным феноменом. По словам М. Степанян, «на самом деле в определенных социально-политических условиях “средние” россияне разделяют это критическое отношение»¹¹. Об этом также свидетельствует недавно появившееся в прессе письмо десяти академиков РАН президенту РФ В.В. Путину, в котором они высказали тревогу по поводу нарастающей, по их мнению, клерикализации страны.

Безусловно, современное российское православие представляет собой чрезвычайно сложный и неоднозначный феномен. Православие все больше и больше используется различными течениями в социально-политической жизни России в качестве бренда, с помощью которого можно укрепить самые различные, а иногда и противоположные политические позиции (об этом свидетельствует, например, недавнее заявление Г. Явлинского на VIII Всемирном Русском народном соборе о том, что государственные служащие «гораздо лучше служат и обществу, и государству, если испытывают благоговение перед Церковью»¹²). Во-вторых, само православие все больше и больше определяется со своей политической позицией, суть которой сводится к постепенной десекуляризации российского общества. В свою очередь, эта задача является частью более широкой программы, в рамках которой мир представляется поделенным на религиозно определяемые «цивилизации» – западную

(секулярную) и российскую. Россия понимается не как часть Запада, а как часть и лидер «православной цивилизации», противостоящей Западу, и внутреннее устройство страны должно строиться на «традиционной», а не либеральной модели.

В соответствии с таким пониманием, православная Россия может и должна стать успешным лидером в противодействии апостасии и глобализму, она должна добиться восстановления «многополярного мира» через равноправие разных «цивилизационных» подходов к мироустройству, в том числе, к международному праву. Главная задача «православной цивилизации» – исключить принцип приватности религии и сформировать позиции по всем общественно-значимым вопросам, альтернативные либеральному секуляризму. Например, с 2004 г. Московская патриархия всерьез занялась адаптацией принципа прав человека к идее «православной цивилизации». Для этого понятие прав личности заменяется понятием прав, а точнее, интересов таких неопределенных общностей, как «православные», «атеисты», «мусульмане», «русские» и т.д. Православные иерархи постоянно пропагандируют идею о том, что современный мир может погибнуть, если в нем одержит верх либеральная концепция прав человека. Следует отметить, что идеи «православной цивилизации» пользуются заметной поддержкой в высших эшелонах российской государственной власти¹³.

В современной России идет настоящая борьба за души людей, которая включает в себя весьма болезненный и противоречивый вопрос о религиозной идентичности. Проблема заключается в том, возможно ли в сегодня обретение такой идентичности, которая подразумевала бы толерантность и не приводила бы потенциально к разделению и конфликтам в обществе.

Анализ показывает, что в целом большинство россиян сохраняют относительно толерантное отношение к представителям разных религий и этнических групп. Так, по результатам исследования, проведенного в 2004 г. Центром «Религия в современном обществе» Института комплексных социальных исследований РАН, более половины респондентов во всех конфессиональных группах выразили мнение о том, что разница в мировоззрении не мешает сотрудничеству в сфере общественно-политической деятельности. Большинство респондентов выступает за сохранение исторически сложившихся отношений между российскими народами. «При этом среди представителей национально-конфессиональных меньшинств поддержка суждения о национальном равноправии однозначна, а в православной группе почти половина респондентов выступает за расширение прав русских»¹⁴. Однако несколько другая картина возникает тогда, когда во время социологических опросов людям задают прямой вопрос о том, кто является их потенциальными врагами. Например, согласно опросу, проведенному РАН в 2003 г., 37,2% россиян полагают, что в России существуют «принципиальные» противоречия между русскими и нерусскими, а 17,6% полагает, что они есть между православными христианами и мусульманами¹⁵.

На декларативном уровне официальные представители наиболее влиятельных конфессий постоянно подчеркивают свою приверженность принципам толерантности и уважению к многонациональному составу российского общества. В то же время немало и таких высказываний, которые носят совершенно противоположный характер. На практике связи между одобренными религиозными группами и правительством

как на федеральном, так и на региональном и местном уровне за последнее десятилетие многократно возросли. Представляется, что некоторые политические и религиозные деятели вступили на опасный путь религиозного и этнического партикуляризма, в то же время пытаясь снизить уровень его наиболее экстремистских проявлений.

Православные лидеры, подчеркивая особую роль православия в России, стремятся к более тесным отношениям к государством и, соответственно, к подавлению других религий, основываясь на том, что РПЦ представляет интересы большинства населения. Так, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных сношений РПЦ МП, выступая 13 марта 2007 г. на международном семинаре ЮНЕСКО на тему: «Диалог цивилизаций: права человека, нравственные ценности и культурное многообразие», заявил: «В публичной сфере любого государства должно допускаться распространение и поддержка только тех ценностей, которых придерживается большинство народа».¹⁶ При этом социологические опросы показывают, что в обществе присутствует значительная поддержка политики сближения церкви и государства. Всероссийский опрос, проведенный в 2003 г., показал, что 59% респондентов поддерживают участие РПЦ в решении государственных проблем, и только 26% отвергают это участие.¹⁷

Особый объект внимания «традиционных» конфессий, прежде всего, РПЦ – внедрение в такие государственные структуры, как армия и пенитенциарная система. Уже несколько лет в российском обществе ведется дискуссия по поводу возможного присутствия священнослужителей в вооруженных силах. В качестве одного из вариантов такого присутствия обсуждается учреждение института капелланов (полкового духовенства) по образцу некоторых западных армий или дореволюционной российской армии. Пока этот вопрос законодательно не урегулирован, хотя существует законопроект о введении института полкового духовенства в армии. Однако на сегодняшний день в воинских частях де-факто сохраняется почти полная монополия РПЦ, причем возможность присутствия священника в войсках зависит от отношения к этому командиров разных рангов и почти не зависит от желания личного состава. Как правило, офицеры положительно реагируют на визиты священнослужителей, видя в последних нечто среднее между политруком и психологом. Священники обычно присутствуют на торжественных мероприятиях, проводят беседы с личным составом, освящают технику. Нередки случаи массового крещения военнослужащих, на территории многих воинских частей строятся православные храмы. Примерно такая же картина наблюдается в пенитенциарных учреждениях, где на сегодняшний день существует 1100 религиозных общин, преимущественно, православных.

Уже несколько лет не утихает дискуссия по поводу введения в школьное образование курса «Основы православной культуры». Проблема заключается не в том, нужно или не нужно обучать знаниям о религии в школе. Дело в том, что курс «Основы православной культуры», преподающийся во многих регионах страны, вызывает у многих серьезные подозрения в том, что в их рамках происходит именно религиозное обучение. ОПК до прошлого учебного года преподавались как предмет по выбору. Между тем уже в 2006 г. география преподавания ОПК продолжала расширяться: этот предмет в массовом порядке преподавался в общеобразовательных школах Брянской,

Белгородской, Владимирской, Калужской, Курской, Орловской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Смоленской областях и в ряде других регионов. Особая ситуация сложилась в Белгородской области: там граждане, не желающие обучать своих детей ОПК по тем или иным соображениям, могут избежать этого только ценой переезда в другой регион.

Следует обратить внимание на такой важный вопрос, как социально-политические предпочтения людей, идентифицирующих себя как верующих. Здесь можно отметить следующее любопытное обстоятельство: практически все социологические опросы, которые проводились на эту тему в последние годы, фиксируют отсутствие прямой связи между религиозными верованиями и конкретными идейно-политическими течениями. Так, К. Каарийнен и Д. Фурман отмечают: «Динамика представлений россиян в политической сфере в основном не зависит от роста их религиозности, скорее наоборот, изменения в политическом сознании способствовали ему»¹⁸. Это можно расценивать как дополнительный аргумент в пользу мнения, согласно которому религиозное возрождение в современной России не сопровождается глубокими мировоззренческими изменениями в сознании людей, и в целом их сознание в значительно большей степени зависит от особенностей текущей социально-политической ситуации, а не от собственно религиозной веры.

Особый интерес представляет вопрос о степени влияния религии на электоральные предпочтения россиян. Как известно, законодательством РФ запрещено прямое участие религиозных деятелей в избирательном процессе, и так называемый «религиозный фактор» может проявляться на уровне декларируемой кандидатами в депутаты Государственной Думы и в президенты личной мировоззренческой позиции. Но именно за эту позицию может разгореться нешуточная борьба прежде всего между представителями «традиционных конфессий».

Так, в конце августа 2007 г. митрополит Кирилл высказал следующее мнение: «Если Церковь станет политизированной, на что ее часто сегодня толкают, она погибнет. Участвуя в политике, мы разделим нашу Церковь, и она навсегда перестанет быть матерью народа»¹⁹. В этом же месяце на Соборных слушаниях Всемирного русского народного собора обсуждалась так называемая «Русская доктрина» – масштабная программа национального развития страны. Хотя этот документ не является церковным, он отражает политические взгляды определенной части иерархии РПЦ и православных верующих. В начале слушаний митрополит Кирилл подчеркнул, что «фундаментальным ядром» программы является идея о том, что «модернизация страны может осуществиться только на основе базисных ценностей российской цивилизации». Митрополит убежден, что эти ценности должны стать предметом широкого общественного обсуждения, что, в свою очередь, «оградит наше общество от опасности потрясения его основ в результате очередных выборов», «снизит уровень конфронтации в обществе». «Нам нужна “честная” демократия, а это значит, что она должна быть уравновешена автократией и аристократией: нам нужен сильный лидер, вождь нации и нам необходим слой новой аристократии, а не нынешняя, потерявшая ориентацию во времени и традиции, псевдо-элита»²⁰.

Обсуждаемый документ сразу вызвал весьма неоднозначное отношение со стороны средств массовой информации, общественных деятелей и политологов. Так, член Общественной

палаты РФ, лидер общероссийской мусульманской организации «Аль-Хак» («Справедливость») Камилжан Каландаров отметил следующее: «Русская доктрина – документ очень опасный. Конечно, в свете предстоящих выборов можно утверждать, что это всего лишь пиар-проект, но я считаю его очень опасным для нашего общества. Он направлен не только на подрыв многоконфессиональной основы российского государства, но и является последним гвоздем в крышку гроба многонационального российского общества»²¹. Политолог А. Макашкин высказался еще более резко: «Это самая настоящая реакция, в ее не консервативном, а ультралиберальном, ретроградном виде. Это вариант российского Хомейни, не совместимый с демократическим путем развития страны, основные составляющие которого авторы доктрины откровенно презирают»²².

В целом можно констатировать следующее: во-первых, современная Россия переживает процесс драматического и противоречивого поиска новой идентичности, который происходит в условиях серьезных социально-экономических изменений в стране. По разным причинам трансформация советской идентичности в постсоветскую оказалась особенно сложной для русского населения. При этом «русские соединяют свою этническую принадлежность... с постоянно растущей идентификацией с государством и увеличивающимся доверием к центральным властям. Это позволяет нам сделать вывод о том, что любой рост важности этнической идентичности среди русских будет происходить параллельно с гражданской идентификацией с государством»²³.

Во-вторых, в условиях трансформации идентичности и психологической адаптации к новой социально-экономической реальности особую роль начинают играть традиционные символические маркеры идентичности, среди которых религия занимает ведущее место. Вероятно, этим, в первую очередь, объясняется значительный разрыв между культурно-религиозной идентичностью и реальной религиозной практикой, особенно у представителей «традиционных» религий, которую констатируют все социологические опросы, проведенные в стране в последние годы.

В-третьих, религиозное «возрождение» в России, как бы к нему не относиться, насчитывает чуть более пятнадцати лет – слишком короткий срок для того, чтобы можно было делать однозначные выводы о его отдаленных результатах. Во всяком случае, среди верующих и священнослужителей сегодня значительно больше людей, которые обратились к религии сравнительно недавно, и они приносят в общую картину все те черты, которые свойственны религиозным неопитам – недостаточный уровень образования, слишком ревностное отношение к вновь обретенным ценностям, агрессивное восприятие потенциальных и актуальных противников на ниве борьбы за души людей и т. п.

Наконец, в-четвертых, можно констатировать, что процесс

поиска религиозной идентичности сегодня сопровождается самыми различными проявлениями, которые варьируются в рамках широкого спектра общественных настроений от толерантности до экстремизма. Сегодня трудно сказать, какая из тенденций возобладает, но совершенно ясно, что это будет зависеть, прежде всего, от политики государства в сфере свободы совести и отношений с религиозными организациями, а также от поведения и дискурса религиозных лидеров. Россия сегодня стоит перед дилеммой совмещения заботы о возрождении различных религиозных и этнических идентичностей с укреплением толерантного, мультикультурного и единого государства.

1. См.: Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность. Социс, 2005, № 6, с. 36.
2. См.: там же.
3. Мчедлов М. Религиозная идентичность и социальные предпочтения. Свободная мысль, № 4, 2006 г., с. 104.
4. См., например: Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий. Общественные науки и современность, 2007, № 1, с. 107–108.
5. См.: Agadjanian A. Revising Pandora Gifts: Religious and National Identity in the Post-Soviet Societal Fabric. Europe-Asia Studies, 2001, 53 (3), pp. 473–488.
6. Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России рубеже XX–XXI столетий. Общественные науки и современность, 2007, № 1, с. 108.
7. <http://www.patriarchia.ru>, раздел «Документы».
8. Там же.
9. Церковь: шаг в новый век. Итоги дискуссии. М., 2000, с. 61.
10. Chistiakov G. In Search of the “Russian Idea”: a View from Inside the Russian Orthodox Church. In: Religion Identity in Modern Russia: The Revival of Orthodoxy and Islam. Ashgate, 2005, p. 57.
11. Stepaniants M. Ethno-Religious Identity in Modern Russia: Orthodoxy and Islam Compared. In: Religion Identity in Modern Russia: The Revival of Orthodoxy and Islam, p. 29.
12. <http://www.vrns.ru/rss/detail.php?nid=407>
13. См.: Верховский А. Политическое православие в российской публичной политике. Подъем антисекularного национализма. 21.05.2005, <http://religion.sova-center.ru/publications/4D646C9/5774C69>
14. Мчедлов М. Религиозная идентичность и социальные предпочтения, с. 111.
15. Russian Press Digest, 2003, Sept, 23.
16. <http://religion.sova-center.ru/discussions/197B344/3D13257/8DE8048>
17. RFE/RL Newslines, 2004, 8 (144), part I, July 30.
18. Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России рубеже XX–XXI столетий. Общественные науки и современность, 2007, № 2, с. 91.
19. Цит. по: <http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/1472C11/9B3E917>, 22 августа 2007 г.
20. Цит. по: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=15330> 21 августа 2007 г.
21. Портал-Credo.ru., 4 сентября 2007 г., <http://www.portal-credo.ru/site/?act=authority&id=822>
22. Макашкин А. Православный сталинизм. 5 сентября 2007 г. <http://www.ej.ru/?a=note&id=7368>
23. Ryzhova S. Tolerance and extremism: Russian Identity in the Orthodox Discourse of the 1990s. In: Religion Identity in Modern Russia: The Revival of Orthodoxy and Islam, p. 66.

Е. В. Никитина

ЗАЧЕМ ГОРОДУ ИСКУССТВО

Никитина

Евгения Владимировна

начальник Центра управления проектами
Екатеринбургской Академии современного искусства

Какое искусство должно экспонироваться в городе? Зачем? Где его взять?

«Культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту» (Лэндри Ч.)¹.

Может ли выполнить задачу создания наших базовых ценностей искусство, оцененное специально обученными экспертами как хорошее, высокоумное, признанное в мире (Европе, стране, Москве...)? Скорее, задача его более утилитарна, – обеспечить доступ широких масс населения к общепринятым культурным ценностям. Культурный имидж города в этом случае измеряется плотностью культурных презентаций на городских творческих площадках, при этом считаются только те имена, которые признаны стандартом такого измерения (гастроли театра им. Вахтангова – 10 баллов, им. Станиславского – 8 баллов, местная «Волхонка» – не считается). В этом случае «культурность» территории никогда не станет существенной в определении рейтинговой позиции города в борьбе территорий, а соответственно, никак не повлияет на его привлекательность в глазах потенциальных экономических и символических инвесторов, как и не удержит тех, кто реально смог бы это сделать, представляя город.

Постиндустриальное развитие города не может базироваться только на презентации современного искусства, территория должна искусство генерировать.

Культурная территория Екатеринбурга, с одной стороны, представляющая собой реальный потенциал постиндустриального развития города, с другой, до сих пор более направлена на презентацию образцов классического и профессионального искусства, чем на развитие современной живописи, также как музыки, театра и др. Деятельность филиала Государственного Центра современного искусства, нескольких частных галерей, небольших отделений и кафедр образовательных учреждений культуры не может удовлетворить потребности полутора миллионного города в самовыражении, творчестве, формировании современной идентичности горожанина, связанной, прежде всего, с чувством внутренней свободы.

Наивно полагать, что художники, способные представлять город в его новой постиндустриальной ипостаси, могут появиться в тот счастливый миг, когда возникнет в них потребность. Тоталитарное прошлое, получившее свою музыкально-живописную консервацию в произведениях социалистического реализма, еще долго будет напоминать о себе отголосками внутренней несвободы в произведениях новых авторов. Это ни хорошо, и ни плохо, это определенный этап развития. Но если

мы не обратим внимание на тот творческий потенциал, который уже сейчас существует в екатеринбургской культуре, способный свободно если не говорить самостоятельно, то дающий возможность свободно мыслить зрителю-интерпретатору, то «новый» город обречен либо на культурное голодание, либо на «ввозимое» творчество, что поддерживает существование, но не способствует постиндустриальному творческому развитию.

Современная городская «культурная политика не может быть направлена только на восприятие населением «одобренной» культуры, – она должна учитывать, что повседневная деятельность людей также становится предметом культуры и вполне достойна заявить о себе» (Матарассо Ф., Лэндри Ч.)².

Когда бывшие «резиденты» отвечают на вопрос «Почему?», ответ, как правило, не смотря на разницу в условиях проживания «здесь» и «там», бюджетах, количестве детей и прочих весьма значимых факторах, один: «Там гораздо больше для меня возможностей». «Там» их смотрят, читают, слушают и, что важно, прислушиваются, «там» они могут влиять на то место, где живут. А «здесь» о них иногда упоминают, да и то, когда они «засветятся» «там».

Увы, пока Екатеринбург – только «сырьевой», простите за цинизм, источник, используемый для развития чужих территорий, что тоже неплохо, но достаточно бесперспективно для города, чей промышленный потенциал становится все менее востребован, а символический востребован со стороны.

Огромный творческий потенциал, который есть в городе (заголовок, вынесенный на обложку августовского номера столичного журнала «Афиша»: «Екатеринбург уделяет России», победы юных музыкантов в Манчестере, триумф юношеских хоров «Аврора» и «Глория» в Европе, Коляды-театра и многих-многих), вне всякого сомнения, дает повод для пафосных заявлений о светлом будущем екатеринбургских творческих индустрий, только для того, чтобы и город от этого получил некоторые преференции, ценить своих героев надо сейчас, а не когда они получают признание вместе со статусом столичных жителей.

Развернутая система презентации творчества «резидентов», создание институтов экспертов и профессиональных продюсеров, работающих на них, грамотная городская культурная политика, в том числе и в области культурной журналистики, сможет сделать символический культурный капитал реальным аргументом в соперничестве бывших крупных промышленных городов востока России за право на дальнейшее существование в качестве мирохозяйственного партнера уже в новых, постиндустриальных рамках.

1. Лэндри Ч. Креативный город. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2006. – с.30

2. Матарассо Ф., Лэндри Ч. Как удержать равновесие? Двадцать одна стратегическая дилемма культурной политики. В кн.: Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. – М.: «Издательство Либерия», 2002. – с.127

СОЗНАНИЕ И ДИСКУРС СЕТЕВОГО МИРА

**Данилова
Вера Софроновна**

доктор философских наук, профессор Якутского
государственного университета

**Кожевников
Николай Николаевич**

доктор философских наук профессор Якутского
государственного университета

Многие направления науки и философии, сталкиваясь в настоящее время с проблемами «сложности», взаимодополнительных взаимодействий, используют для их исследования различные сетевые модели, формируя то, что можно назвать миром сетевых взаимодействий или миром сетей. Соответственно возникает потребность в онтологической концепции сетей взаимодействий, формирующих сферы природы и человека, опираясь при этом на существующие в их пределах относительные равновесия различных уровней. На основе фундаментальных относительных равновесий за счет «связанных» энергии, вещества, информации, возникает естественная система координат, которая обеспечивает оптимальное развитие природы, человека, общества и охватывает все уровни иерархии мира. Формирование сетей соответствует естественному процессу эволюции природы во всех основных онтологических сферах (неживое, живое, душевное, духовное), а также развитию представлений о соответствующих им предметах, процессах и явлениях. Многие из сетей существуют достаточно давно, другие только-только начинают осознаваться, есть и такие появления которых можно только предугадывать. Знания во все времена стремились обрести полноту, целостность, что особенно наглядно видно как раз на примере сетей. В настоящее время формирование сетей проходит через свою «точку сингулярности», поскольку стихийное их формирование начинает дополняться формированием осознанным. Полностью направляться человеком образование сетей никогда не будет, но осознанное воздействие на эти процессы будет возрастать.

Это позволяет по-новому взглянуть на проблему сознания, многочисленные аспекты и грани в последние годы активно исследуются и эксплицируются естественными науками и философией. Сознание не существует вне его содержательной связи с миром и человеком, являясь специфически человеческой формой регуляции и управления взаимодействием человека с действительностью. Сознание обеспечивает восприятие человеком мира и в то же время определяет структуру мира, конституирует его. Основой сознания являются нейронные сети из достаточно просто устроенных нервных клеток – нейронов и коллективные процессы, приводящим к согласованной работе ансамблей нейронов. Самоорганизация («самопрограммирование») таких ансамблей, а также каталитические эффекты в процессе их взаимодействий, является ключом к объяснению функций мозга. Вследствие вышесказанного наиболее удобной репрезентацией для развития представлений о сознании становятся сети, сетевой мир, то есть сознание рассматривается как атрибут сетевого мира.

Помимо нейронных сетей лежащих в основании сознания следует подчеркнуть определяющую роль каталитических эффектов в его развитии. «Понимание» в этом контексте будет

означать, что нейронная сеть очень проста и позволяет легко проследить, как устроен соответствующий ей черный ящик, дающий правильные ответы по мониторингу окружающей среды. Нейронные сети потенциально удобны для нахождения маломерных проекций и, вследствие этого очень полезны при решении многих задач не обеспеченных удовлетворительной формализацией.

Мозг содержит около 1012 нейронов - типичных нелинейных элементов, действующим по принципу двоичной дихотомической логики. При превышении некоторого критического значения суммарным сигналом, приходящим от других нейронов, генерируется «стандартный» импульс. В противном случае нейрон нейтрально пассивен. Благодаря исследованию нейронных сетей стало ясно, что восприятие, обучение, мышление, другие функции мозга обусловлены согласованной работой ансамблей нейронов устроенных достаточно просто. Объяснение функций мозга должно исходить из самоорганизации и «самопрограммирование» таких ансамблей. Поскольку до сих пор в мозге человека и животных не выделено ни одной четко локализованной структуры, отвечающей за запоминание, остается предположить, что мы имеем дело с распределенной системой, простым физическим прообразом которой, является голограмма.

Голограмма позволяет записывать и хранить информацию с помощью когерентных пучков света, вследствие записи на фотопластинке интерференционной картины, возникающей при наложении падающего и рассеянного фиксируемого монохроматического излучения. Если осветить зафиксированную на фотопластинке интерференционную картину лучом того же лазера, то при рассеянии возникнет изображение первоначального объекта. То есть информация о данной точке поверхности объекта «рассосредоточена» по всей поверхности фотопластинки-голограммы. Испорченная часть голограммы не приводит к утрате изображения объекта, а лишь делает его менее четким, что кардинально отличается от организации стандартной «фотографической» памяти, поскольку отсутствующий кусок фотографии приводит к утрате запечатленной на нем информации.

Состояния сознания различаются объемом информации, её организованностью, типом динамического равновесия, информационным взаимодействием. Информационное взаимодействие представляет собой сложный целостный комплекс, обрабатывающий воздействия внешней среды, реализующий программы поведения живых существ на основе целей, установок, потребностей, реальной ситуации и активно влияющий на развитие сознания.

Большинство современных исследователей убеждено, что прямого тождества между сознанием и функциональными

схемами, реализованными в мозге или каком-либо другом носителе, нет, однако можно представить ментальные состояния как особую реальность, коррелирующую с функциональными схемами. Например, Д. Чалмерс признает зависимость ментальных состояний от физических функциональных схем, но, однако отрицает возможность обратного влияния ментальных состояний на физические процессы, протекающие в мозговых структурах [1, с. 12].

Наиболее наглядно связь между состояниями сознания может быть продемонстрирована на примере самопознания и его высшего проявления - рефлексии. Самопознание - это особого рода активность, специфический вид критического творчества, выполняющая функцию отражения и включающая в себя отражение взаимодействий, борьбу и диалог, в которые вступают реальности разного типа. В рамках развиваемого подхода самопознание, рефлексия - это встречающиеся хаотические процессы познания, которые замыкают основное упорядоченное взаимодействие в единый цикл, что обеспечивает его устойчивость, делая весь процесс познания равновесным. Таким образом, если на рациональное мышление возникает хаотическая реакция, то восприятия художественное или мистическое обычно дополняются упорядоченным откликом. В качестве примера можно отметить, что мировые религии в значительной степени рациональны. Мистические догматы и символы веры развиваются далее в их пределах на основе логики, также как и все остальные религиозные представления и концепции.

В настоящее время формируется новая парадигма, суть которой заключается в том, что на смену человеку в современном его понимании придет «человек сетевой», который сознательно растворит себя в культурных и других сетях. Культурные сети, если они станут заботой всего человечества, вернут человека в систему координат наиболее гармонично связанную с природой. Растворение человека в сетях культуры будет происходить осознанно, добровольно, однако это единственный выход для него сохранить свое реальное существование в будущем. Культурные сети будут способствовать развитию человека и всего человечества, предстанут как необходимый этап их эволюции. Только благодаря подобным сетям человек сможет понять свое высшее предназначение и в максимально возможной степени освоить его. «Человек сетевой» - «Номо web» является важнейшим этапом эволюции человека, и только такая перспектива спасет человечество от неминуемой деградации и гибели. Концепция формирующихся взаимодополнительных сетей опирается на существующие относительные равновесия различных уровней природы. Ячейки соответствующих сетей определяются универсальными трансцендентальными пределами: идентификационным – выявляющим их сущность, и коммуникативным, соответствующим динамическому равновесию ячеек определенного типа среди мира остальных сетей.

Это позволяет сформировать представления о сетевом дискурсе, который в процессе своего развития отделяет все лишнее, деструктивное. В настоящее время девяносто пять процентов информации является избыточной, а большинство критериев для выделения истинной оригинальной информации весьма расплывчаты. Сами процессы самоорганизации научных и культурных сетей обеспечивают необходимый отсев. Сетевые модели и репрезентации «прозрачны» за счет своей оптимальности. Им не нужны искусственные

надстройки, различные «складки» и прочие образования, где человек путается, теряет свои цели, силы, жизненную опору. Человечество в процессе своего развития будет стремиться к простоте, но не к упрощению, и сетевой дискурс будет одним из главных инструментов в этой работе.

Возникает потребность в непрерывном уточнении словарей, составлении глоссариев, формированию новых терминов, таким образом, чтобы было обеспечено их непрерывное взаимодействие друг с другом. Множество понятий окажутся лишними, вторичными, искажающими необходимые смыслы. Философские категории, общенаучные понятия сохраняют свое значение, однако на первый план выдвигаются культурные (мировоззренческие) универсалии. Сетевой дискурс будет иметь когнитивное ядро и обширную четко классифицированную периферию. Его значение в жизни человечества будет возрастать, углубляться, наполняясь все новыми смыслами.

Для формирования сетевого дискурса могут быть использованы: общенаучные понятия, метанаучные понятия, трансценденталии, экзистенциалы (бытия), философские категории, мировоззренческие (культурные) универсалии. Тенденции синтеза и универсализма, развитие которых начинает набирать силу в современной философии, формируют глубокое воздействие этих понятий друг на друга, вовлекает их в трансформацию новых целостностей, конструкторов, регулятивов.

Несмотря на относительную строгость в определениях большинство из общенаучных понятий неоднозначны. Имеются различные подходы к определению энергии, организации, десятки определений – для энтропии, информации, сложности. Все это обуславливает существование различных подходов исследования общенаучных понятий. Перспективно использование взаимосвязанной системы элементов в определенной области исследований. Так сделал, например в XVII веке И. Ньютон, одновременно введя инертную и гравитационную массы, абсолютные пространство и время, сформулировав три закона динамики, закон Всемирного тяготения, исходные понятия дифференциального и интегрального исчисления. Подобный подход нацелен на формирование сетей в условиях, когда приходится синтезировать материальное и духовное, виртуальное и реальное, исследовать взаимодействие различных видов реальности.

С общенаучными понятиями тесно коррелируют метапонятия, формирующие метаязык для описания структуры свойств, характерных черт какого-либо «языка-объекта». Эти исследования принадлежат области метатеории, развивающей необходимый для неё искусственный язык. Метатеории имеют определяющее значение для логики, математики, философии и методологии науки.

Философские категории в различные эпохи трактовались в очень широком диапазоне: от всеобщих форм бытия (натуралистическая онтологизация категорий) до их связи с формами предсказания, характеристиками фундаментальных отношений, способами соотнесения чувственно данного с мышлением.

Существует три критерия философской категории. 1) Рассматриваемое понятие должно раскрывать определённую и важную грань проблемы «мир-человек». 2) Понятие должно быть универсальным, всеобщим по объёму и по содержанию. 3) Понятие должно занять определённое место в уже сложившейся

взаимосвязи общепринятых категорий (Методология..., 1996, с. 197-198). В XX столетии наиболее яркие онтологические теории разработали Н. Гартман, М. Хайдеггер, С. Франк. Современная онтология переходит от субстанционализма к потенциализму, и сам этот процесс является важнейшей онтологической характеристикой формирующихся сетей.

Трансценденталии – также как и философские категории, высшие роды бытия, наиболее общие характеристики всякого сущего. В поздней схоластике все трансценденталии оказались сведенными к трем: «единому», «истинному» и «благому», и несмотря на всю их критику в Новое время три этих основных трансценденталии сохраняют значение и в философских системах настоящего времени, особенно в направлениях связанных с христианскими идеями (персонализм, неотомизм) и могут быть востребованными современными онтологиями и аксиологиями.

Экзистенциалы (экзистенциалии) – были введены М. Хайдеггером и выражают собой модусы бытия мира в их неразрывной связи с бытием человеческого сознания, то есть модусы человеческого существования рассматриваются в их слийности с жизненным миром. Экзистенциалами у Хайдеггера являются «бытие-в-мире», «бытие-с-другими», «бытие-к-смерти», «страх», «решимость» и т.д. Совокупность экзистенциалов обеспечивает расчленение единой целостности «человека-мира» на её различные аспекты и описание каждого из них так, чтобы не терялась из вида вся целостность.

Мировоззренческие (культурные) универсалии наиболее гибкие и перспективные для дальнейшего развития среди всех рассмотренных выше типов наиболее широких философских и научных понятий, поскольку на их основе может быть осуществлен синтез различных видов реальности. Они обладают наибольшим эвристическим потенциалом и способствуют объединению различных форм гуманитарного и научного знания. В постнеклассической философии мировоззренческие универсалии начинают рассматриваться в виде замкнутой системы, на основе которой возможно построение современной научной картины мира и формирование направляющих вех для дальнейшего допустимого развития человечества.

Универсалии выполняют три основные функции в культуре и социальной жизни. Во-первых, они обеспечивают селекцию, отбор и включение в поток культурной трансляции постоянно

развивающегося социального опыта. Во-вторых, усваиваются людьми в процессе обучения и воспитания и становятся категориальной структурой их сознания. И в-третьих, в своем сцеплении и взаимодействии задают некоторый целостный образ человеческого жизненного мира, который называется мировоззрением.

Мировоззренческие универсалии являются предельными основаниями культуры – фундаментальными динамическими равновесиями, обеспечивающими её самоидентификацию. Совокупность всех этих характеристик и формирует направление развития мировоззренческих универсалий в современной философии.

Выделим три основных уровня мировоззренческих универсалий. 1. Уровень отдельной личности как совокупность понятий направляющих деятельность по формированию и развитию личности. 2. Уровень фундаментальных ячеек системы планетарно-цивилизационных оболочек, тесно связанный с ноосферой и ноосфергенезом. 3. Планетарно-космический уровень, направленный на выявление инвариантов для совместного развития земных оболочек и человечества в целом.

В современных условиях все эти три уровня оказываются тесно переплетенными. Фундаментальные понятия трех этих уровней становятся в то же время и основными понятиями постнеклассического универсализма.

Связь мировоззренческих универсалий с процессом ноосферогенеза представляет важнейший аспект мировоззренческих универсалий в современных условиях. Это связано с тем в процесс формирования ноосферы вносят вклад все возможные виды реальности, выделяемые в постнеклассической философии: объективная (природа, физический мир), эмпирическая, теоретическая (мир конструктов, теорий и моделей). Сеть гомоморфных нообиогосфере понятий направляет трансформацию системы цивилизационно-планетарных оболочек, наиболее известной репрезентаций которой является ноосфера.

Литература

1. Chalmers D. The Conscious Mind – Oxford, 1997, P. 150.

И. П. Чупина

ДУХОВНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РЕМЕСЛЕННОЧЕСТВА

**Чупина
Ирина Павловна**

кандидат экономических наук,
и.о. доцента кафедры ОГД
ИМС, Екатеринбург

В последние десятилетия все более возрастает широкий общественный интерес к ремесленничеству - как к его традиционным образцам, так и к современным формам. К народным ремеслам проявляют интерес широкие слои населения, независимо от своей социальной принадлежности. Казалось бы, забытые или полужабытые художественные и духовные ценности народного творчества снова актуализируются, человек пристально вглядывается в удивительный мир народного творчества и как бы заново открывает для себя огромный пласт отечественной культуры.

В настоящее время ремесленничество после длительного перерыва, почти что запрета, вновь стало жизнеспособным и занимает довольно прочные позиции в списке видов профессиональной деятельности.

Ремесленничество, в том числе и народные промыслы, в России - древнейшая форма социальной организации производства. Ремесленная деятельность имеет глубокие корни. В 10 - 11 веках в русских землях были известны ремесленники свыше 60 различных специальностей. Только из железа и стали древнерусские мастера производили более 150 видов различных изделий. Наблюдался рост ремесла и мелкотоварного производства в 15 - 16 веках. В этот период в русских городах насчитывалось уже более 220 ремесленных специальностей.

Опыт показывает, что ремесленничество является органично необходимым сектором любой хозяйственной национальной системы. Национальные хозяйства развитых стран движутся от ^массового производства стандартной продукции к высокоспециализированным малым формам производства и сервиса, рассчитанным на индивидуальные потребности. Общества с крупномасштабными производственными мощностями теряют социальную перспективу.

Ремесленничество, как и малое предпринимательство в целом, хорошо вписывается в эту тенденцию развития мирового хозяйства.

Ремесленная деятельность - это вид производственной предпринимательской деятельности, направленной на производство товаров и услуг, в том числе относящихся к народным промыслам, по индивидуальным заказам, небольшими сериями, исходя из конкретных запросов людей, для удовлетворения эстетических и иных потребностей граждан или хозяйствующих субъектов.

Ремесленнический труд, прежде всего, характеризуется

мелкосерийным производством товаров и услуг. Деятельность ремесленника целостная, продуктивная, менее подверженная отчуждению. Креативно-антропологический аспект такой деятельности состоит в развитии продуктивно-творческих сил человека в их целостности - мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания и других продуктивных профессиональных способностей, порождающих продукт новизны.

Целостная деятельность порождает и -целостное общение, свободное от односторонней экономической эффективности, ибо актуализирует культурные компоненты в сознании потребителя - эстетический вкус, национальную память о традициях, социокультурную символику и др. Тем самым сравнительно целостное общение порождает и целостность в сознании как ремесленника, так и потребителя его продукта. Такой продукт уместно назвать произведением, а деятельность отнести, по словам К. Маркса, к «полухудожественной деятельности».

У ремесленника доминирует самодеятельность, моделирование новых вариантов, новых схем продуцирования, а не деятельность по заранее установленному внешнему масштабу, равнодушному к индивидуальному своеобразие личности. Именно самодеятельность сообщает конкретную креативность труду ремесленника. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть свободная и самонаправленная деятельность, изменяющая сами схемы деятельности. Она развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта.

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем выхождения за границы уже достигнутого, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Самодеятельность - адекватная форма самореализации личности в творческом процессе.

В самодеятельности происходит практическое закрепление способности личности к самоопределению. Эта способность - необходимая предпосылка творческого освоения мира человеком.

Человек может не ограничиваться воспроизводством способов деятельности, а предпочтет их развивать. Тогда он становится творцом. Творчество - это процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодеятельности.

Развивая самоопределение, самодеятельность тем самым развивает субъективные качества личности - способность к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству.

Современный ремесленник может соединять в своей продуктивной деятельности основы науки и дизайна, национальные традиции, символику и инновации, разнообразя формы творческой самореализации.

Ремесленник - это человек, получающий средства к существованию благодаря ремеслу; это мастеровой. Занятие ремеслами сочетает в себе крестьянский дух и особую любовь

к красоте, точности, изящности. У человека, выбравшего этот способ добывать себе хлеб, как правило, развитые руки, точный глаз, высокая кинестетическая чувствительность, он обладает высоким уровнем развития сенсомоторной культуры. Как говорит Л. М. Кустов, эти ключевые квалификации очень редкие, «штучные». Они позволяют ремесленнику успешно находить место на рынке труда, самореализоваться.

Российское ремесленное профессиональное образование в XXI веке переживает этап возрождения. Ремесленничество сохраняет свое экономическое значение и в условиях нынешнего индустриального общества. Очевидна неоспоримая потребность в определенных видах индивидуального труда, например, в ювелирах, портных, модельерах. Ремесленное дело является важной сферой производства малого предпринимательства и одной из наиболее древних форм социальной организации хозяйственной деятельности человека. Под социокультурным аспектом мы понимаем влияние ремесленничества как социального института на способности субъекта, на межличностные и общественные отношения, на иные социальные институты, на культурный потенциал народа и на общественное сознание.

1. Рост удельного веса ремесленничества в структуре совокупного работника выражает потребность людей в творческой самореализации. Такая потребность порождена стандартизацией массового промышленного производства, безадресностью и безличностностью его продуктов, их усредненным характером, создающим усредненных индивидуал-кубиков. Такая потребность есть, далее, реакция на такое разделение труда, которое разлагает целостность деятельности и поражает индивида в самой его творческой основе. Разделение труда бывает по предмету труда (врач, инженер и т.п.) и по составу самой трудовой деятельности, которое закрепляет за работником репродуктивные функции (грузчик, работник на конвейере и т.п.). В первом случае целостность деятельности может сохраняться, во втором - нет.

2. Деятельность ремесленника целостная, менее подвержена отчуждению, спекулятивным экономическим тенденциям современной рыночной экономики, продуктивная; в ней идеальное, целеполагание, замысел и его реализация не отделены друг от друга; она порождает продукт полухудожественного характера, который служит

и для личностного культурного общения «ремесленник - потребитель». Такое общение выходит за рамки узко экономических связей и складывается по поводу обмена, взаимодополнения и взаимообогащения продуктивно-творческими силами индивидов. Тем самым ремесленная деятельность расширяет область глубинного общения. В деятельности ремесленника соединены личный труд, функции организации, управления, изучение спроса и др. Фигура ремесленника в городе подобна крестьянину на селе полнотой в реализации социально важных функций: производительно-продуктивных и идеально-проективных и т.п. Ремесленники - особая социальная группа с экзистенциальной полнотой бытия, могущая обновить образ жизни в городе.

3. Целостная деятельность порождает и целостное общение, свободное от соображений односторонней утилитарности. Ибо потребление продукта ремесленного труда актуализирует культурные компоненты в сознании потребителя - эстетический вкус, национальную память о традициях, социокультурную

символику и др. Тем самым сравнительно целостное общение порождает и целостность в сознании как ремесленника, так и потребителя его продукта. Такой продукт уместно назвать произведением, а деятельность ремесленника отнести к «полухудожественной деятельности» (К. Маркс).

4. Труд ремесленника вырастает всегда из традиций, соединяя их с инновациями. Транслируя традиции в обновленной форме, такой труд создает культурно-продуктивную преемственность поколений, актуализирует и закрепляет национально-культурную идентичность в сфере производства и общественного сознания, расширяет область национально-культурных коммуникаций как внутри страны, так и между странами.

5. У ремесленника доминирует самодеятельность, моделирование новых вариантов, новых схем продуцирования, а не деятельность по заранее установленному внешнему масштабу, равнодушному к индивидуальному своеобразие личности, как это имеет место на больших предприятиях. Именно самодеятельность сообщает конкретную креативность труду ремесленника. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть, свободная деятельность, изменяющая сами схемы деятельности; развивает самоопределение, необходимое для творческого акта и переводит самоопределение в объективно выраженный процесс, содействует общению, просторному для самореализации человека как субъекта. Креативно-антропологический аспект такой деятельности состоит в развитии продуктивно-творческих сил человека в их целостности - мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания и др. продуктивных профессиональных способностей.

Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности. За внешним отношением к предмету он усматривает внутреннее отношение к человеческим продуктивно-творческим силам, которые запечатлены в предмете. В самодеятельности отношение к опредмеченной деятельности подчинено отношению субъекта к самому себе, и живой труд господствует над опредмеченным. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна консерватизму, косности и отчуждению; она - адекватная форма самореализации личности в творческом процессе.

6. В самодеятельности происходит практическое закрепление способности личности к самоопределению. Эта способность - необходимая предпосылка творчества,

генетически исходная основа субъектности, умения личности развивать свои способности. Развивая самоопределение, самодеятельность тем самым развивает субъектные качества личности - способность к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству; в целом, самостоятельность личности, которая сама избирает варианты действия и поэтому сама несет ответственность. Тем самым ремесленничество как социальный институт крепит гражданское общество самодеятельностью «снизу». Гражданское общество есть совокупность корпораций (в отличие от учреждений), т. е. неполитических объединений, которые сами себя конституируют «снизу», сами ставят и решают задачи. В таком самовоспроизводстве важнейшими являются субъектные качества. Не случайно, в средневековых городах, основой которых был цех ремесленников, процветала конкретная

форма демократии - демократия личного участия в отличие от современной формальной - представительной демократии, где избранным нет дела до электората.

7. Наконец, современный ремесленник может соединять в своей продуктивной деятельности основы науки и дизайна, национальные традиции, символику и инновации, разнообразия формы творческой самореализации. Высшее или среднее профессиональное образование, художественная подготовка и т.п. не инородны ремесленничеству.

В целом, ремесленничество есть социальный институт, включающий в себя определенную духовно-ценностную доминанту, национальные традиции, креативно-антропологическое и социокультурное измерения, продуктивную деятельность, экономические формы и нормативно оформленные процедуры функционирования. Меры по развитию ремесленничества есть лично развивающие инвестиции в продуктивную деятельность, в креативно-антропогенную сферу - в образование, культуру, социальную инфраструктуру.

А. А. Коряковцев

МОЛОДЕЖНОСТЬ КАК РЕПРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС РЕМЕСЛЕННОСТИ

Коряковцев

Андрей Александрович

докторант Института философии и права УрОРАН

До сих пор одним из самых распространенных понятий, употребляемых для описания социальных и культурных реалий середины XX - начала XXI века, является понятие «молодежная субкультура». Между тем познавательная ценность его более чем сомнительна. Даже можно сказать об абсурдности этого понятия, до такой степени оно не вяжется с историческими фактами.

В нем сделан акцент на возраст, на «молодость». Выходит, «молодежной субкультуре» должна противостоять субкультура «взрослая». Это тем более странно, что речь идет именно о культуре, в которой возрастные факторы играют весьма опосредованную роль. Следуя логике, заложенной в этом понятии, можно и М. Ю. Лермонтова, умершего всего в 27 лет, назвать «молодежным писателем». А первоначальное христианство считать по преимуществу молодежным движением. Во-первых, потому что его основатели - апостолы и сам И. И. Христос - вовсе не были стариками (а последний вообще призывал: «будем как дети!»). Во-вторых, потому что оно идеально вписывается в понятие «молодежной субкультуры», предложенное, например, новейшей исследовательницей вопроса С. И. Левиковой. Вначале оно являлось «эзотерической, эскапистской, урбанистической культурой, созданной молодыми людьми для себя»¹, позже став ««элитарной» культурой, нацеленной на включение молодых людей в общество»².

Но какому историку культуры придет в голову определять как «молодежную тенденцию», допустим, немецкий романтизм начала XIX века только потому, что его творцы - Людвиг Тик, Новалис и т. д. - были молоды? Или русский авангард 20-тых годов, по поводу которого чуткий и проницательный В. Бенъямин свидетельствует, что в ту пору общественное внимание было «обращено к авторам не старше 30 лет, к тем, кто либо боролись за победу революции, либо, по крайней мере, с самого начала признали новую реальность»³?

Можно ли называть «молодежной субкультурой» рок-культуру, если ее творцам - уже за 50, как Мику Джаггеру, Йану Андерсену или Борису Гребенникову, равно как и их многочисленным поклонникам? Не говоря уже о том, что содержание произведений, по крайней мере, принадлежащих к рок-классике, содержание, выраженное как в текстах, так и

в музыке таких рок-групп, как, например, Doors, Can, Yes, Pink Floyd или King Crimson, соотносится скорее, с определенными философскими, литературными и музыкальными традициями, нежели с узко-молодежной тематикой⁴.

Можно, конечно, сказать, что да, деятели рок-культуры уже отнюдь не молодые люди, но они творят для молодежи, подобно тому, как тетенька Агния Барто писала для детей. Но если в этом случае утверждается, что рок не является искусством, и все дело в нем сводится к «сексуальной шекотке», как выразился православный философ А. Ф. Лосев, правда, о джазе (но это в данном случае все равно, тем более что существует джаз-рок), то мы в праве потребовать доказательств. Но если нам скажут, что речь идет все-таки об искусстве, то мы в этом случае упрекнем наших оппонентов, что они явно не принимают в расчет эстетическое измерение рока. Что рок, как и всякое искусство, творится для эстетически развитого рецепиента, который не ограничен не только возрастными, но и религиозными, классовыми и всякими другими рамками восприятия. Конечно, у рока, как и у классической музыки, - своя особая аудитория. Конечно, ребенок или фанат тропаря и знаменного распева (тот же А. Ф. Лосев) вряд ли воспримет должным образом всю красоту композиций, скажем, «Tangerine Dream» или «Soft Machine». Но в той же мере окажутся чуждыми ему и сочинения А. Шенберга, Х. Штокгаузена или К. Орфа. Однако разве исключительно возраст, а не широта эстетического кругозора определяет аудиторию искусства? Разве у Баха и «Procol Harum», у Игоря Стравинского и Фрэнка Заппы, у Эрика Сати и Брайана Ино, в конце концов, не обнаружилась одна и та же аудитория?

Правда, среди рок-авторов были такие, которые, подобно Агнии Барто, сознательно ориентировались на определенную возрастную аудиторию, например, В. Цой или ранние «Битлз». Но причиной этого, скорее, был не рок как таковой, а индивидуальная творческая манера данных авторов. Причем, эта манера эволюционировала по мере обретения зрелости артистами, эволюционировала в рамках того же рока. И вслед за мальчишески отвязными «Алюминиевыми огурцами» В. Цоя последовала величественная и мудрая «Легенда», а за сплошными «Г'П kiss you, F'll miss you» Леннона и Маккартни - «Eleanor Rigby» и «Strawberry Fields Forever», ставшие вехами в развитии рок-музыки как таковой.

Не спасают сторонников концепции «молодежной субкультуры» и ссылки на то, что, дескать, имеется в виду возраст не биологический, а социальный.⁵ Ибо, если под

«социальным возрастом» понимается степень «вписанности», «встроенности» в господствующие социальные структуры⁶, и, следовательно, если «молодежь» полагается тот общественный слой, который этой чести не удостоился, то мы смело можем считать молодежь большую часть населения России, которая, как выяснилось в период «капиталистических» реформ, ну никак не может вписаться в рынок.

Основанием для господства лиц любого возраста служит не возраст сам по себе, а определенные социальные отношения. Вот как раз это и пытается скрыть концепция «социального возраста». В ней совершена подмена понятий: абстрактно-антропологическое скрывает за собой то, что указывает на определенные политико-экономические связи. Очевидно, что категория «возраста», примененное для обозначения степени социальной устроенности, относится, скорее, к идеологии, нежели к науке. Причем идеологии властной.

В условиях современного общества (как нашего, так и любого другого ныне существующего) трудности социальной адаптации представителей всех возрастов проистекают из того, что быть социально активным здесь можно только в качестве рабочей силы, всецело зависимой от случайной конъюнктуры рынка труда или в роли номенклатурной единицы, вписанной в рамки бюрократической корпорации (бюрократического рынка). Именно несоответствие или соответствие рыночным стандартам и карьерным требованиям по тем или иным причинам, в том числе и возрастным, влечет за собой существенное изменение образа жизни и снижение/повышение ее качества, а не наоборот. Так, можно без труда привести примеры того, как «молодежность» приветствуется рынком, в том случае, если она соответствует специфике данного бизнеса (например, модельного) или отторгается им, когда ему требуется «производственный опыт».

Итак, культурные, да и политические, революции чаще всего совершались и совершаются молодыми людьми. История вообще «есть смена поколений» (К. Маркс, Ф. Энгельс). Но возрастной фактор этого обстоятельства - вторичен, формален, преломлен через социальные условия, которые являются решающими, содержательными. Иными словами, главным здесь является не то, что, скажем, тем же первым христианам, немецким романтикам, якобинцам, русским «нигилистам» или американским и русским хиппи было от 18 до 40. А то, что в обществах, в которых они жили, господствующие формы социальных институтов и общественного сознания гарантировали полноту прав только в связи с возрастным цензом. Что «путь наверх» предполагал довольно длительную карьеру в государственных структурах или бизнесе. Что средства производства в этих обществах контролировало именно старшее поколение. Что господство определенного класса проявлялось именно как господство старших.

Далее, что молодые люди, входя во «взрослую жизнь», принимали как должное достигнутый не ими уровень производительных сил общества, и не испытывали по отношению к нему никакого почтения. Что молодежь в силу своего возраста еще не успела вписаться в доминирующие социальные структуры, и потому ей легче осознать их преходящий характер и ограниченность, чтобы начать творить свою социальную реальность, столь не похожую на реальность молодости предыдущего поколения. Пресловутая «житейская неопытность» молодых - это не только незнание того, как психологически

грамотно выстраивать общение с окружающими, но и искреннее непонимание, зачем шаркать ножкой перед Фамусовыми и Кирсановыми, если те впадают в старческий маразм и как личности ничего из себя уже не представляют, несмотря на все свои регалии и прошлые заслуги.

В этих условиях всякий социальный или идеологический конфликт принимал (и принимает до сих пор) с необходимостью форму конфликта «отцов и детей», за возрастной внешностью которого скрывается столкновение именно между социальной новацией и социальным консерватизмом, между классовыми или групповыми интересами. Ошибочно видеть в поколенческих разборках нечто самодостаточное, самодовлеющее и сводить все дело к коллизии внесоциальной и потому исторически абстрактной, содержательно одинаковой для всех времен. Как будто те же самые историческая реальность и обыденная современность не говорят об обратном — о возможности взаимопонимания между поколениями в случае, если отсутствуют условия, провоцирующие конфликт между ними. Как будто старость — это обязательно маразм, и как будто молодость сама по себе с неизбежностью связана с дерзанием духа. Можно привести в опровержение этого сколько угодно примеров консервативного мышления молодежи вроде созданных под эгидой «Единой России» молодежных организаций «Наши» и «Местные», имеющих ярко выраженную конформистскую направленность. Так же можно указать на омоложение кремлевской администрации, происходящее в настоящее время⁷. И, наоборот, вспомнить о стариковской революционности, как это было, к примеру, у П. Кропоткина, Г. Плеханова или К. Маркса. Старики и молодые люди могут прекрасно понимать друг друга, если одинаково чутко прислушаются к современности и посмотрят на нее с точки зрения не корпоративных интересов, отражающих их обособленное состояние, а с точки зрения общей парадигмы науки или искусства, как это случилось, например, с пожилой А. Ахматовой и юным И. Бродским.

Одним словом, возрастной фактор социальных, а тем более, культурных процессов, нельзя преувеличивать. Биологическое (здесь — возрастное) в человеке не выступает в чистом виде, что утверждают одинаково как богословы (третирующие его как индивидуалистическое животное начало, доминирующее в человеческой природе в результате грехопадения⁸), так и вульгарные материалисты, отрицающие всякое внебиологическое измерение человека. Животное в человеческом индивиде преобразовано социально-исторической практикой предшествующих поколений и его современниками, окультурено ими. Ребенок в материнской утробе, просвеченной УЗИ и находящейся под контролем врача — это продукт не только половых сношений, но и социальной истории, а не просто комок органических тканей. Поэтому и та или иная социальная патология есть проявление вовсе не животного начала, унаследованного человеком от «праотцев», совершивших «грехопадение», либо от животных предков, а есть свидетельство патологии господствующих форм общественной (и индивидуальной) практики. В «животных» формах человеческой жизнедеятельности так же проявляется «человеческое, слишком человеческое», подобно тому, как потребность в свободном общении, свойственная человеку, порой проявляется в потребности выпить «на троих».

Давно уже стало банальным упоминание об «антропологическом сдвиге», произошедшем в XX веке, об увеличении возраста научения, отождествляемым с молодежным

возрастом. Но содержание этого процесса определяется отнюдь не биологическими, а социальными, культурными, конкретно-историческими факторами, о которых биологи или богословы, занимающиеся антропологией, конечно, могут и не знать. Не знать, что если этот процесс выражается в форме массовой инфантильности молодежи, то это связано не столько с особенностями функционирования «биологического» организма человека, сколько с соответствующим состоянием производительных («креативных» по-новому) сил общества, определяющих именно потребительскую модель поведения индивидов, это общество составляющих, и, таким образом, тормозящих их взросление. Подробнее о связях этой модели поведения с предшествующей и господствующей культурой, с наличными технологическими, экономическими и культурными формами, можно почитать у Г. Маркузе в трактате «Одномерный человек» и у Э. Фромма в книге «Иметь или быть?».

В современной социологии часто забывают об этом, чтобы, рассуждая с вульгарно-материалистической, биологизаторской точки зрения, торить дорогу откровенному спиритуализму, столь конъюнктурному ныне.

Будучи по существу биологизаторским и потому лишенным конкретно-исторического (человеческого) смысла, понятие «молодежной субкультуры» только вносит путаницу в социологические исследования. Оно является той бессодержательной категорией, под которую подводятся совершенно разные по своему социальному смыслу явления. Что общего, скажем, у роллеров - любителей весело покататься теплыми летними вечерами по городским улицам на специальных досках с колесиками, с хиппи или панками? Сходство между ними может увидеть только обыватель, до такой степени довольный своей социальной и физической неподвижностью, что ему одинаково чуждыми оказываются и энергичные игры на свежем воздухе, и социальный критицизм. Печально, что современная социальная наука опустила до этой обывательской точки зрения, так же одинаково относясь к каким-нибудь фланерам, озабоченным лишь веселым, но интеллектуально и эстетически пустым, времяпрепровождением, и бунтарям, создавшим великую культуру и поставившим в своей социальной и художественной практике целый ряд общественно значимых проблем.⁹ Это нивелирующее отношение и проявилось как раз в подведении таких разных явлений под одну категорию — «молодежная субкультура», в которой все существенные различия между ними устранены. Соответственно предложенная на этой теоретической основе типология «молодежных субкультур» отражает только внешние различия между этими культурными феноменами, совершенно игнорируя их социальную суть.

Тем самым совершается подмена социального содержания критических движений, возникших во второй половине XX века, возрастным, абстрактно-антропологическим содержанием. Этот спекулятивный фокус тогда же проделали не только советская социология, обслуживавшая интересы социал-бюрократии,

но и западная буржуазная социальная наука, не в меньшей степени идеологизированная. В этой подмене имелась для них очевидная польза, ибо таким образом обосновывалось примерно такое рассуждение: раз сии движения по существу - молодежные, то социальный критицизм их участников связан с их жизненной неопытностью и необразованностью, а, стало быть, проблемы, о которых они ведут речь, недействительны. Придет время, «неформалы» повзрослеют, перебесятся, впишутся в господствующие социальные структуры, (которые здесь а priori признаются совершенными) и их проблемы исчезнут сами собой. Кроме того, так оправдывалась социальная инертность этих обществ, по большому счету, в одинаковой степени подверженных бюрократизации. С этой целью в Советском Союзе была придумана категория «молодой писатель» (или художник или иной специалист), широко используемая до сих пор, и обозначающая особое - двойственное - отношение господствующих слоев к таланту. С одной стороны, признание его, с другой — отвержение. «Молодой» здесь - значит попросту не принятый в официальный творческий союз. Но в то же время еще не замученный голодом и не затравленный критикой. В данном случае это понятие означает просто — структурно не адаптированный. Однако, не в связи с возрастом, а в связи со всякого рода стандартами и вкусами власть имущих.

До сих пор в социологии и в СМИ, несмотря на очевидную абсурдность и несоответствие историческим реалиям, доминирует этот подход¹⁰. Тема «молодежности» часто выделяется и противопоставляется более «солидной» тематике. «Молодежность», таким образом, превращается в синоним инфантильности и второсортности, а «молодежь» изображается как незрелая, обособленная масса, как идеальный объект управления. Очевидно, все это затем, чтобы нейтрализовать влияние «молодежного» социального критицизма и снизить его социальную значимость.

1. С. И. Левикова. Молодежная субкультура. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. - С. 34.

2. Там же.

3. В. Беньямин. Новая литература в России. - В. Беньямин. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. - М., «Медиум». 1996. - С. 210.

4. См., например, по этому поводу статьи Уильяма Кука «Серьезный ли поэт Джим Моррисон?» и Элизабет Росино «Влияние Рембо на Моррисона», опубликованные в книге «Последний проклятый поэт: Джим Дуглас Моррисон» (М.: Ультра. Культура, 2004. - 288 с.)

5. С. И. Левикова. Молодежная субкультура. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. - С. 19.

6. Там же, с. 20-22 и далее.

7. См.: А. Бараулина. Береги чин смолodu. \ \ Русский Newsweek. - 24 апреля-14 мая 2006 - № 16-17 (94-95) -С. 32-36.

8. См., напр.: Х. Яннарас. Вера Церкви. Введение в христианское богословие. - М., Центр по изучению религий. 1992.-С. 232

9. Их наследником в настоящее время является движение «Rain-bow generation», быть может, менее массовое, но не менее красочное.

10. См.: С. И. Левикова. Молодежная субкультура. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Хайбуллина
Зульфия Гирфановна

аспирантка Башкирского государственного университета,
г. Уфа

Наш человеческий опыт прошел через муки рабства, крепостничества, капиталистическую эксплуатацию и многие другие виды несправедливости, на основании этого и появилась в сознании людей мысли о социальной справедливости.

Стремление к справедливости – вечное стремление человечества, и вопрос о том, что такое справедливость, выступает как вечный вопрос философии. (Кучуради И. Справедливость – социальная и глобальная//Вопросы философии. №9. 2003)

Вопрос социальной справедливости всегда встает наиболее остро в переломные моменты истории, когда возникает необходимость сопоставления фактов реальной жизни с объектами общественными институтами, выявления степени их соответствия и выработки новых принципов функционирования общественной системы.

Так социальная справедливость прочно заложена в сознание граждан. Если рассматривать справедливость в виде идеи, то представляешь, как она может овладеть огромным количеством людей и располагать общественной силой, поэтому политическая система государства заинтересована в ее полной и всевозможной реализации.

Например, Аристотель полагал, что лучшая политика та, которая основывается на этике, на основе существующих в обществе нравов и обычаев. Целью же политики является обеспечение счастливой жизни граждан. Здесь можно сделать следующий вывод, что государство обязано обеспечивать гражданам справедливость.

Справедливость часто обсуждается в политических дискуссиях, в политической философии. Предполагается, что политическая философия рассматривает преобладающие моральные и политические взгляды, она не предусматривает их истинности и окончательного решения, отличаясь уровнем абстракции и задачами исследования. Исследуя ценности, идеалы, принципы, в политической философии они получают рациональные осмысления.

Основываясь на социальной ответственности, социальная справедливость, есть одно из фундаментальных оснований цивилизации и прогресса.

Таким образом, цель справедливости как честности в форме политической концепции практическая, а не метафизическая, или эпистемологическая. То есть она предстает не в качестве истинной концепции справедливости, а как основа сознательного и желательного политического соглашения между гражданами – свободными и равными личностями. (Rawls J. Justice as fairness: Political not metaphysical//Philosophy and Public Affairs. 1985. Vol. 14. P. 228, 230)

Одна из задач справедливости регулирование «политических интересов», установление нейтральных правил, они имеют

моральный характер, определенные моральные ограничения.

Обеспечение социальной справедливости одна из главных задач нашего государства. «Строгое проведение в жизнь принципа социальной справедливости – важнейшее условие единства народа, политической устойчивости общества, динамизма развития». (Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС 11 марта 1985г. М., 1985. с.44)

Социальная справедливость является главным фактором единства и стабильности нашего общества, поэтому она должна своевременно реагировать на происходящие общественные изменения, выработать новые, гибкие принципы социальной политики.

Забота о людях – главная задача нашего государства. Государство несет ответственность за гражданина своей республики, оно обязано проявлять заботу об укреплении гарантий прав (на труд, отдых, образование, охрану здоровья, социальное обеспечение и т.д.) и свобод (свобода слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и др.).

Вместе с тем социальная справедливость в высоко цивилизованном обществе предполагает обеспечение достойной жизни тех, кто не способен сделать этого сам (дети, старики, инвалиды) за счет тех, кто может и должен обеспечить себя. В этом плане общество представляет собой некую пирамиду, на вершине которой находятся самые трудоспособные, но наделенные моралью и правом самой большой социальной ответственности. Середину пирамиды занимают те, кто не может обеспечивать других, но еще вполне обеспечивает себя. Огромное основание этой пирамиды, состоящее из уже названных социальных групп, своим состоянием предельно точно показывает уровень цивилизованного общества. Голодные старики и дети, бесправные инвалиды – это тот позор, который нельзя спрятать ни за военными парадами, ни за бравурной риторикой. (Черепанов В.Д. Социальная справедливость – категория политическая//Вестник московского ун-та сер.12. Политические науки. 2005. №3).

Достижение справедливости – это не только разработка и внедрение новых, более гибких и эффективных форм распределения, как материальных благ, так и политических прав и свобод.

О социальной справедливости мы говорим, когда определенные отношения приобретают общественный характер, общественную значимость, она регулирует отношения социальных групп или личности и общества.

Социальная справедливость, как оценочное понятие, взаимодействует с экономикой, правом, политикой, моралью. Объектами оценки этого понятия являются:

1. отношение государства к индивиду;
2. отношение индивида к обществу, государству, нации и т.д.;
3. действия одной личности по отношению к другой.

Основываясь на социальной ответственности, социальная справедливость, есть одно из фундаментальных оснований цивилизации и прогресса.

Понятие справедливости относится не только к оценке

поведения человека, но и содержит в себе требования к состоянию общества, к характеру общественных отношений и оценку этого состояния и социальных явлений под определенным углом зрения. Наличие социально-правового аспекта дает возможность определить ее роль моральной силы, регулирующей действия людей. Ее объективная ценность должна быть раскрыта через анализ непосредственной связи понимания справедливости с экономическим, правовым положением личности в социуме.

Основы социальной справедливости в их современном понимании нашли отражение во Всеобщей декларации прав человека, прав ребенка и т.д., а также в законах многих стран. В РФ права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией страны. Российское государство исходит из равенства всех перед законом и судом, обеспечивает широкий спектр социальных гарантий, включая защиту от безработицы, свободный выбор рода деятельности и профессии, вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, доступность образования, культуры, медицинского обслуживания и жилья, поддержку пожилых граждан и инвалидов, материнства и детства.

Российское государство исходит из равенства всех перед законом и судом, обеспечивает широкий спектр социальных гарантий, включая защиту от безработицы, свободный выбор рода деятельности и профессии, вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, доступность образования, культуры, медицинского обслуживания и жилья, поддержку пожилых граждан и инвалидов, материнства и детства.

Выделяют два аспекта категории справедливости, которые помогают уточнить ее – это социально-правовой и нравственный, подразумевая теоретическое и практическое значение. Рассматривая понятие справедливость, оценивают не только деятельность и поведение личности, но и учитывают требования общества, его требования и состояния, так как она регулирует деятельность отдельных людей. Объективно ее оценивать можно только во взаимодействии с экономическими, политическими, правовыми и общественными положениями в обществе. Для осуществления справедливости надо искоренить голод и нищету, безработицу, социальные болезни, социального и национального гнета и неравенства.

Сюда же относятся гарантии личных прав гражданина (неприкосновенность личности, жилья, тайна переписки, телефонных переговоров и т.д.). Однако эти требования раскрывают не все принципы справедливости. Несправедливость морально разлагает людей, снижает их ответственность перед обществом.

Социальная справедливость в общественном сознании понимается как «справедливое общество», для которого характерно:

- проведение в жизнь принципов оплаты по труду, ликвидация, как уравниловки, так и привилегий в доступе к источникам потребления;
- равноправие, осуществление демократических прав и свобод, правовое государство,

Социальная справедливость является главным фактором единства и стабильности нашего общества, поэтому она должна своевременно реагировать на происходящие в обществе изменения, выработать новые, гибкие принципы социальной политики.

Главная задача социальной политической справедливости – это определение совокупности явлений социальной справедливости в различных областях жизнедеятельности человека, которые в настоящий момент смогут способствовать прогрессу личности и общества, создание адекватных условий для их осуществления, исходя из новой экономической, социальной, политической системы.

Задача социальной политической справедливости:

1. определение социальных критериев экономического развития;
2. совершенствование справедливости, принципов распределения, укрепление справедливой трудовой мотивации;
3. оптимизация процессов социально справедливого развития личности, ее способностей, индивидуальностей;
4. наполнение справедливости содержанием личных и гражданских прав и свобод;
5. укрепление социальной справедливости как ценностно-нормативного ядра политической культуры. (Алексеева Т.А. Д. Роулс и его теория справедливости. // Вопросы философии. №10. 1994)

Социальная справедливость является главным фактором единства и стабильности нашего общества, поэтому она должна своевременно реагировать на происходящее в обществе изменения, выработать новые, гибкие принципы социальной политики.

Политический процесс выражает идеи справедливости и предполагает примирение конфликтов, притязаний, требований, ограничивает действия личностей и общества до уровня взаимной совместимости. Различают три вида справедливости таких политических процессов: чистую (оппоненты несогласны друг с другом, но признают процедурное решение), совершенную (при использовании разделяемого критерия, независимого, для обеспечения приемлемого решения) и несовершенную (где не возможно использовать разделяемый критерий) процедуры.

Таким образом, обеспечиваются движение политического процесса и, если в этом возникает необходимость, его корректировка, реформирование с учетом двух обязательных требований. С одной стороны, должны быть целиком признаны и защищены равные основополагающие политические свободы с их подлинной ценностью. Это необходимо для того, чтобы все участники процесса в равной степени обладали возможностями значимого политического участия, как это диктуется его первым интересом высшего порядка. С другой стороны, политический процесс должен заслуживать доверия, поскольку результатом его станут законодательство и политика, носящая справедливый характер. (Rawls J. A theory of justice. P. 197-198).

Задача государства и общества состоит в том, чтобы справедливость в регулирование общественных отношений повышалась. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права.

Социальная справедливость – это залог устойчивости общественной структуры, а достижения справедливости – важнейший смысл общественного прогресса. Выражая объективную оценку общественных отношений, является критерием оценки таких показателей как цель, средство, результат. Цель справедлива, если соответствует реальным потребностям, государства, общества, индивида. Социальная

политика, выражая в нашем демократическом обществе человеческие интересы, должна учитывать все категории населения.

Справедливая социальная политика является основой общественного согласия и солидарности общества. Социальная справедливость – это равные шансы всех начинающих жизнь в доступе к образованию, работе, культуре, здравоохранению и жилью. Это равное право на социальное обеспечение в старости и гарантия экономической поддержки тем, кто не по своей вине не имеет возможности трудиться. Это одинаково уважительное отношение ко всем людям, независимо от их социального

происхождения, материального достатка, национальности, вероисповедания и убеждений.

Идея и условия достижения справедливости должны превратиться в одну из основ дальнейшего развития человеческого общества. Ценность этой идеи в том, что она содержит позитивные элементы.

Итак, без справедливости нет, и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого достоинства или приемлемого качества жизни для всех.

А. Я. Криницкий

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: МНЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

**Криницкий
Александр Ярославович**

доцент кафедры политологии Тюменского государственного университета, Начальник управления информационно-аналитической и правовой работы департамента по спорту и молодежной политике Тюменской области

Сегодня государственная молодежная политика России предстает в двух ипостасях: в виде совокупности мероприятий, реализуемых органами власти, а также в виде совокупности многочисленных официальных и неофициальных текстов, то есть в виде дискурса. В его структуре может быть выделен ряд самостоятельных полей:

1. концептуальное - совокупность научных теорий, выражающихся в исследованиях и призванных объяснить сущность молодежной политики;
2. нормативное - совокупность правовых актов, формирующих границы, в рамках которых реализуется молодежная политика;
3. проективное - совокупность планов работы и положений о проведении мероприятий, направленных на развитие потенциала молодежи;
4. коммуникативное - совокупность публичных дискуссий, выступлений и обсуждений, призванных определить направленность развития отрасли.

Учитывая дискурсивную природу молодежной политики, мы предприняли попытку изучения коммуникативного поля с целью выяснить отношение молодежи к государственной молодежной политике.

Эмпирическую базу исследования составили материалы, представленные в сети Интернет: в сетевых дневниках (блогах), форумах, разнообразных интерактивных сервисах, интернет-журналах. Все они отличаются ярко выраженной «молодежностью»¹. Отбор производился посредством:

- 1) поисковой системы Яндекс, позволяющей проводить поиск по блогам. Для поиска были заданы фразы: молодежь и власть, молодежь и государство, отношение государства к молодежи, молодежная политика;
- 2) сервиса Ответы@Mail.Ru, позволяющего задавать интернет сообществу интересующие вопросы, и получать

ответы. Был осуществлен анализ близких к теме вопросов и ответов на них, а также инициировано обсуждение вопроса, точно соответствующего теме исследования.

В качестве основных исследовательских задач ставилось выявление:

- места государственной молодежной политики в молодежном дискурсе;
- целей и общей направленности выявленной совокупности высказываний.

Результаты исследования представим в виде тезисов.

Первое. Место государственной молодежной политики в молодежном дискурсе может быть обозначено как периферийное. Это подтверждается следующими фактами:

- редкие попытки отдельных энтузиастов создать в Интернете работающую площадку обмена мнениями по вопросам молодежной политики – не находят откликов. Показательной в данном случае может считаться судьба форума «Молодежная политика – будущее»². Открытый 2 декабря 2006 года он проработал два дня, а единственным участником, помимо автора, являлась девушка из Италии;

- специализированных ресурсов, создаваемых изначально с целью не обмена мнениями, а просвещения и пропаганды своей позиции, единицы;³

- вопросы о государственной молодежной политике в сервисе Ответы@Mail.Ru привлекают внимание не более десятка человек;

- в списке тем, затрагиваемых авторами сетевых дневников, проблематика молодежной политики занимает очень скромное место.

Второе. Подавляющее большинство высказываний содержит критику проводимой государством молодежной политики⁴. Анализ лингвистического поведения коммуникантов дает основания говорить, что критика обусловлена не стремлением проявить оппозиционность, а именно оценкой состояния отрасли. Обобщенное мнение молодых пользователей сети может быть сведено к тезису: «молодежной политики в России нет, а если есть, то лучше бы не было». Реальный разброс мнений колеблется в диапазоне от «молодежная политика – что это такое?» до «молодежная политика – стремление власти решать свои проблемы за счет молодежи»⁵. Столь критическая трактовка состояния молодежной политики дополняется схожей трактовкой

отношения государства к молодежи как социальной группе. Показательной является метафора «молодежь как стоящий в углу предмет, к которому никто годами не притрагивается», выраженная одним из участников опроса в форме анекдота.⁶

При переходе от жалоб на абстрактное «государство» к определению конкретных виновников крайней неэффективности молодежных программ пользователи интернета склонны считать таковыми специалистов, призванных эти программы реализовывать. Они характеризуются как «не нашедшие своего места в бизнесе и потому заседающие теперь в разнообразных комитетах «по делам...» комсомольские активисты последнего призыва»⁷ (близкое определение – «бывшие активисты или мажоры»⁸). Что касается их профессионализма, то, как отмечает блогер «david-arius», «уровень многих нынешних... чиновников находится ниже табуретки»⁹. Закономерна в результате ситуация, когда на вопрос «Скажите мне, пожалуйста, знаете ли вы о существовании комитетов по молодежной политике? Чем они занимаются?» с припиской «Для меня очень важно» ни одного ответа не поступает.¹⁰

Следует, впрочем, отметить наличие и других объяснений «взрослого» невнимания к проблемам молодежи. В соответствие с одним причина в извечном непонимании детей и отцов. Блогер «zu-andern2» в этой связи отмечает: «будь я сейчас солидным состоявшимся человеком лет 45-50, я бы тоже с недоверием относился к этой самой молодежи. Я тут строил, строил, а они придут и все переинчат - у детей всегда конфликт с отцами, дети пытаются делать все иначе... Так бы я рассуждал»¹¹. Другое объяснение исходит из незаинтересованности в молодежной политике самой молодежи. Как пишет «iola»: «молодежь ничего не думает. Ее интересуют мобильники, особи противоположного пола, и где бы взять денег».¹² Ту же мысль выражает «ajlbka», восклицая: «Чиновники, оставьте молодежь в покое и разрешите уже ганджу и продажу спиртных напитков после 11 часов».¹³

Не смотря на отмеченный разброс мнений и в целом критичный настрой молодежи, следует констатировать, что даже незначительное изменение контекста вопроса влечет за собой изменение точки зрения. Если на вопрос «Что думает молодежь о государственной молодежной политике?» большинство ответов действительно носят негативную смысловую окраску, то вопрос

«Как вы считаете, нужна ли молодежная политика?» вызывает столь же позитивный резонанс: «если собираемся готовить смену и развиваться, то да», «этот вопрос надо было ставить еще 15 лет назад!».¹⁴ Более того, молодежь идет дальше и предлагает конкретные шаги по исправлению ситуации.

Проведенный анализ, таким образом, не претендуя на универсальность выводов, тем не менее, показывает значимость учета мнения молодежи при разработке стратегии развития государственной молодежной политики.

1. Как отмечают С. Шейхетов, К. Ефимов, И. Безденежных:

«Слово «молодежь» следует писать с двумя буквами «ж». Интернетовский «Живой журнал» (ЖЖ) стал средой обитания для тысяч молодых людей». http://habrahabr.ru/blog/community_life/20579.html.

2. <http://www.volchat.ru/forum/viewtopic.php?t=16843&postdays=0&postorder=asc&start=0>.

3. См. напр.: <http://kampus.tomsk.ru>; zoomproject.ru; <http://politaktiv.ru/>; и т.д.

4. Нам удалось найти лишь одно однозначно положительное высказывание о молодежной политике: «глупый вопрос. Молодежная политика есть, есть множество концепций, и программ, которые с успехом выполняются» (<http://otvet.mail.ru/question/918436/>).

5. См: <http://rik-16rus.livejournal.com/>; <http://oley-glooya.livejournal.com/73062.html#cutid1>; <http://otvet.mail.ru/question/8968807/>; <http://otvet.mail.ru/question/408420/>.

6. <http://otvet.mail.ru/question/8991737/>. Не менее интересна позиция пользователя «imandra2000». См. <http://imandra2000.livejournal.com/18448.html>.

7. Михаил Будагагин: Подрыв устоев. <http://www.vz.ru/columns/2007/6/16/87974.html>.

8. <http://otvet.mail.ru/question/8989542/>.

9. <http://david-arius.livejournal.com>. Мой неуход! 24 Сентября, 2007 at 9:44 PM.

10. http://blogs.privet.ru/user/katerina_359/18600311. Впрочем, в интернете все же встречаются ответы на поставленный вопрос. Так, пользователь «Добро Победит!» в рамках проекта Ответы@Mail.Ru отмечает: «однажды мэр Томска Макаров оговорился, сказав “Комитет по борьбе с молодежью” примерно так и есть» (см.: <http://otvet.mail.ru/question/8968807/>).

11. <http://zu-andern2.livejournal.com/4103.html>. Молодежная политика.

12. <http://otvet.mail.ru/question/8991737/>.

13. http://community.livejournal.com/ru_daproject/27121.html.

14. См.: <http://kampus.tomsk.ru/index.php?newsid=1056>; <http://otvet.mail.ru/question/8999683/>.

ОТ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ К ЦИФРОВОЙ ФИЛОСОФИИ

(Цифровые технологии философствования – важное дополнение к аналоговой философской традиции и направление современного дискурса)

**Лобовиков
Владимир Олегович**

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Если не рассматривать логику (она в данном случае – исключение), то в настоящее время в философии, по-прежнему, доминируют аналоговые механизмы функционирования и развития. Основные параметры философских систем и их восприятия имеют аналоговый характер и регулируются аналоговым образом. При этом качество и точность философствования определяется качеством и точностью аналоговых философских систем, представленных на уровне естественного языка. Общеизвестно, что это качество и точность, во-первых, являются весьма невысокими. Во-вторых, они требуют очень длительной творческой работы высококвалифицированных мастеров, представляющих собой большую редкость. Период в истории философии от ее возникновения до настоящего времени можно назвать эпохой великих мастеров. Цифровые технологии философствования означают конец этой долго длившейся эпохи. Эти технологии обеспечивают квантованность философского дискурса. В результате его качество и точность превосходят лучшие достижения аналогового философствования, но при этом почти не зависят (или, по крайней мере, зависят значительно меньше) от появления редчайших талантов и гениев, имеющих высшую квалификацию и реализующихся в результате очень сложного и длительного процесса индивидуального творчества.

Цифровые технологии философствования, представленные на уровне искусственных языков, превращают непрерывную историю философии в единый технологический комплекс, общение с которым доступно любому «чайнику». Это – цифровая революция в философии. Но где она? Ее до сих пор нет в реальном процессе преподавания и изучения философии (если не считать современную логику). Более того, подавляющее большинство философов верит в то, что цифровая революция в философии принципиально невозможна. Иронизируя, они требуют показать им конкретный пример цифрового философствования, искренне полагая, что никто не сможет его привести. Поэтому самым лучшим аргументом в пользу возможности и целесообразности развития и использования цифровой метафизики был бы конкретный пример ее построения. Ниже представлена попытка построения такого примера. В принципе, систематическое следование ему, развиваясь и усложняясь, может распространяться на все новые и новые

области приложения.

В качестве упомянутого конкретного примера выступает дискретная математическая модель некоей единой основы метафизических систем (Парменида, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, Г.В.Ф. Гегеля и других философов.) Эта универсальная основа объединяет не только разные системы метафизики, но и разные варианты их критики, например, Д. Юмом, И. Кантом, Ф. Ницше и др. Единая основа многообразия метафизических систем (и их систематической критики) моделируется ниже неким конечным, но открытым (потенциально бесконечным) списком уравнений двужначной алгебры формальной аксиологии. Эта алгебра – дискретная математическая модель структурно-функционального аспекта ригористической аксиологии (или аксиологии ригоризма). В основе предлагаемой математической модели метафизики (и ее критики) как системы лежит допущение (фундаментальная гипотеза), что, в сущности, метафизика есть формальная аксиология (учение о ценностях). В частности, метафизика есть формальная этика (наука о добре и зле). Гипотетико-дедуктивный метод позволяет систематически исследовать множество логических следствий, вытекающих из указанной нетривиальной гипотезы. Одним из важнейших следствий является вывод о необходимости (при определенных условиях) восприятия метафизических суждений (суждений о ценностях) как, либо заведомо ложных, либо бессмысленных предложений. То, что такое восприятие существует и является весьма популярным – факт истории философии. Он объясняется тем, что люди относятся к метафизическим суждениям со связкой «есть» как к эмпирическим (со связкой «есть»), считая, что слово «есть» имеет всегда один и тот же смысл, а именно, обозначает логическую связку. В таком случае восприятие метафизики как бреда сумасшедшего неизбежно.

Однако слово «есть» – омоним. Наряду с формально-логическим значением оно может иметь в естественном языке также формально-аксиологическое значение. В естественном языке слово «есть» может обозначать, а в метафизике действительно обозначает отношение формально-аксиологической эквивалентности (обозначим его символом « $\equiv$ ») ценностных функций (=ценностных значений слов и словосочетаний естественного языка). С точки зрения исследуемой гипотезы, философские категории суть ценностные функции (в математическом смысле слова «функция»). Областью допустимых значений этих функций (в случае ригористической этики) служит двухэлементное множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$. Областью изменения значений этих функций служит то же самое множество. Для построения дискретной математической модели метафизики введем в искусственный язык алгебры двужначной аксиологии следующие символы.

Глоссарий для следующей ниже части 1 таблицы 1. Пусть символ Sa обозначает сомнение (чье) а». Символ Ma обозначает мышление (чье) а». Ba – «бытие, жизнь (чего, кого) а». Ca – «совершенство (чего) а». Na – «небытие, смерть (чего, кого) а».

Wa – «несовершенство (чего) а». Оа – «оптимальность (чего) а». Да – «действительность (чего) а». Ра – «разумность (чего) а». Ia – «идеал, идеальное (что) а». Ра – «реальность, реальное (что) а». Да – «должное (норма), обязательное (что) а». Ea – «сущее, существующее (что) а».

Глоссарий для следующей ниже части 2 таблицы 1. Символ La обозначает «необходимость (чего), необходимое (что) а». Ва – «возможность (чего) а». Па – «разрешение, дозволение, разрешение (чего) а». Уа – «невозможность (чего) а». Фа – «запрещение (чего) а». Фа – «насилие (чего, кого, чье) а». Ва – «насилие над (чем, кем) а». Га – «власть, господство (чего, кого) а». Ха – «власть, господство над (чем, кем) а». Ка – «воля, стремление, склонность к (чему, кому) а». Жа – «желание, хотение (чье) а». На – «необходимость для (чего, кого) а». За – «обязательность (долг) для (чего, кого) а».

Ценностно-функциональный смысл перечисленных унарных операций двузначной алгебры формальной аксиологии точно определяется следующей ниже таблицей 1, разделенной для удобства на части.

Таблица 1 (Часть 1)

a	Sa	Ma	Ba	Ca	Ha	Wa	Oa	Da	Pa	Ia	Ra	Ea
x	x	x	x	x	п	п	x	x	x	x	x	x
п	п	п	п	п	x	x	п	п	п	п	п	п

Таблица 1 (Часть 2)

a	La	Va	Pa	Ua	Fa	Φa	Va	Γa	Χa	Κa	Ψa	Na	Za
x	x	x	x	п	п	x	п	x	п	x	x	п	п
п	п	п	п	x	x	п	x	п	x	п	п	x	x

В алгебре формальной аксиологии отношение формально-аксиологической эквивалентности обозначается символом « $\equiv$ » и определяется следующим образом. Любые аксиологические формы (ценностные функции) а и в формально-аксиологически эквивалентны (это обозначается символом « $a \equiv v$ »), если и только если они принимают одинаковые аксиологические значения (из множества {x, п}) при любой возможной комбинации аксиологических значений переменных, входящих в эти формы (функции). В естественном языке отношение « $\equiv$ » выражается словами «есть», «значит» и т.п., нередко заменяемыми тире. Но эти же самые слова используются в естественном языке для обозначения соответствующих логических связей и отношений. Поскольку логические и аксиологические структуры не абсолютно тождественны, постольку слова «есть», «значит» (а также и тире) суть омонимы. Использовать их на стыке логики и аксиологии нужно очень осторожно, оговаривая всякий раз то, в каком значении (формально-логическом или формально-аксиологическом) используется слово «есть» (тире) в том или ином случае. С помощью данных выше дефиниций, можно получить следующие формально-аксиологические уравнения. Справа от каждого уравнения помещен его перевод на естественный язык. Слово «есть» (тире) здесь используется для обозначения не логической связи, а отношения « $\equiv$ ».

- 1) $Sa \equiv Ba$: сомнение (чье) а есть бытие (чье) а (Августин Гиппонский, Р. Декарт: «я сомневаюсь, следовательно, я существую»).
- 2) $Ma \equiv Ba$: мышление (чье) а есть бытие (чье) а (Р. Декарт: «я мыслю, следовательно, я существую»).
- 3) $Ba \equiv Ca$: бытие есть совершенство (Р. Декарт, Б.

Спиноза).

- 4) $Ca \equiv Ba$: совершенство есть бытие (Р. Декарт, Б. Спиноза).
- 5) $Ha \equiv Wa$: небытие есть несовершенство (Р. Декарт, Б. Спиноза).
- 6) $Wa \equiv Na$: несовершенство есть небытие (Р. Декарт, Б. Спиноза).
- 7) $Ba \equiv Oa$: бытие есть оптимальность (Г.В. Лейбниц).
- 8) $Oa \equiv Ba$: оптимальность есть бытие (Г.В. Лейбниц).
- 9) $Da \equiv Pa$: действительность (бытие) есть разумность (Г.В.Ф. Гегель).
- 10) $Pa \equiv Da$: разумность есть действительность (бытие) (Г.В.Ф. Гегель).
- 11) $HPa \equiv HDa$: неразумность есть недействительность (Г.В.Ф. Гегель).
- 12) $Ia \equiv Ra$: идеал (идеальное) есть реальность, реальное (Г.В.Ф. Гегель).
- 13) $Ra \equiv Ia$: реальность, реальное есть идеал (идеальное) (Г.В.Ф. Гегель).

- 14) $Da \equiv Ea$: должное (норма) есть сущее (Г.В.Ф. Гегель).
- 15) $Ea \equiv Da$: сущее (существующее) есть должное, норма (Г.В.Ф. Гегель).
- 16) $Ea \equiv Ma$: сущее (существующее) есть необходимое (Г.В.Ф. Гегель).
- 17) $Da \equiv La$: действительность (бытие) есть необходимость (Г.В.Ф. Гегель).
- 18) $La \equiv Da$: необходимость есть действительность (Г.В.Ф. Гегель).
- 19) $Da \equiv La$: должное (обязательное) есть необходимое (Г.В. Лейбниц).
- 20) $La \equiv Ma$: необходимое есть должное, обязательное (Г.В. Лейбниц).
- 21) $Na \equiv Va$: необходимость для (чего, кого) а – насилие над а (Аристотель).
- 22) $Za \equiv Va$: обязательность для (чего, кого) а – насилие над а (Аристотель).
- 23) $Za \equiv Na$: обязательность для (чего, кого) а – необходимость для (чего, кого) а (Г.В. Лейбниц).
- 24) $Za \equiv HJa$: долг (обязательность) для (чего, кого) а – отсутствие желания, хотения (чьего) а (И. Кант).
- 25) $Ja \equiv HZa$: желание, хотение (чье) а – небытие обязательности (долга) для (чего, кого) а (И. Кант).
- 26) $Ba \equiv KΓa$: жизнь – воля к власти (Ф. Ницше).

Приведенные выше метафизические сентенции хорошо известны в истории философии, но то, что они могут быть легко получены в рамках цифровой метафизики любым «чайником» (например, «средним» студентом) для представителей аналоговой

философской традиции, весьма непривычно.

Николай Орбел в эссе, посвященном философии Ф. Ницше, пишет: «Несомненно, воля к власти – одна из самых сложных идей в истории мировой мысли. У Колли были все основания однажды воскликнуть: “Подумать только, целый век мы бьемся над тем, чтобы проникнуть в магическую формулу воли к власти...”». Пожалуй, ни один из концептов Ницше не подвергался такому каскаду толкований, как воля к власти...»

Так сложно и трудно обстоит дело с «волей к власти» в традиционной (аналоговой) истории философии. А вот в представленной выше дискретной математической модели метафизики (как системы) дело с «волей к власти» обстоит предельно просто и легко (см. выше уравнение №26). Чистые гуманитарии, нагнетающие жуть якобы сверхсложной магической формулы Ф. Ницше, будут, вероятно, крайне удивлены и разочарованы (если не возмущены и оскорблены) тем, как просто (даже неприлично просто) может быть получена магическая формула гениального Ф. Ницше каким-то посредственным «чайником». Но таков закон развития человеческой культуры: «информация проясняется и сжимается». То, что когда-то было результатом наивысшего напряжения человеческого гения, становится домашним заданием для

(чего, кого) а». O^1a – «отчуждение, отстранение, отделение (чего, кого, чье) а». $Ч^1a$ – «чужое, иное, враждебное, противоположное для (чего, кого) а». R^Ea – «сопротивление (чему, кому) а». C^1a – «сопротивление (чье) а». I^0a – «помеха, препятствие для (чего, кого) а, замедление, задержка, прерывание, остановка (чего, кого) а». $У^1a$ – «уничтожение, разрушение, повреждение (чего, кого) а». K^1a – «контроль (чей) а». K^2a – «контроль над (чем, кем) а».

Ценностно-функциональный смысл перечисленных унарных операций двузначной алгебры формальной аксиологии точно определяется следующими ниже частями 3 и 4 таблицы 1.

С помощью данных выше дефиниций можно получить следующие формально-аксиологические уравнения.

- 1) $Ба=+=C^0a$: бытие (чье) а есть сознание (чье) а; и, кроме того, сознание (чье) а есть бытие (чье) а (классическая «философия тождества»).
- 2) $Ба=+=H^Ea=+=HO^Ca$: бытие (чье), жизнь (чья) а есть бессознательность, неосознанность, инстинктивность, машинальность (чего, кого) а (Ф. Ницше).
- 3) $H^Ea=+=HO^Ca=+=Ba$: бессознательность, неосознанность, машинальность (чего, кого) а есть бытие (чье) а, жизнь (чья) а (Ф. Ницше).
- 4) $O^Ca=+=B^1a$: сознание, осознание (чего, кого) а есть

Таблица 1 (Часть 3)

a	B^1a	B^Ca	B^1a	B^1a	B^1a	B^0a	B^Ea	C^0a	O^Ca	H^Ea
x	п	x	п	п	x	x	x	x	п	x
п	x	п	x	x	п	п	п	п	x	п

Таблица 1 (Часть 4)

a	H^0a	O^1a	O^1a	$Ч^1a$	R^Ea	C^1a	I^0a	$У^1a$	K^1a	K^2a
x	п	п	x	п	п	x	п	п	x	п
п	x	x	п	x	x	п	x	x	п	x

среднего ученика: выполнить самостоятельно в порядке упражнения. Например, путем «вычисления» соответствующих ценностных таблиц, типичный студент может легко получить другой знаменитый афоризм Ф. Ницше: «жизнь есть вечное возвращение» (см. приведенное ниже уравнение № 40). Завершая статью, рассмотрим цифровую модель развивавшейся Ф. Ницше концепции сознания и бессознательного (в этом отношении он – гениальный психолог, предвосхитивший основные идеи З. Фрейда). Для построения цифровой модели философии тождества (и различия) бытия и сознания введем в язык алгебры формальной аксиологии дополнительные обозначения.

Глоссарий для следующей ниже части 3 таблицы 1. Пусть символ B^1a обозначает «бытие без (чего, кого) а». Символ B^Ca – «бытие с (чем, кем) а». B^1a обозначает «бытие вместо, взамен (чего, кого) а». B^1a – «бытие за счет (чего, кого) а». B^1a – «бытие для (ради) а». B^0a – «возвращение, возрождение (чего, кого) а». B^Ea – «бесконечность, вечность (чего, кого) а». C^0a – «сознание (чье), сознательность, осознанность (чья, т.е. кто есть субъект сознания?) а». O^Ca – «сознание (сознательность), осознание (чего, кого, т.е. что, кто есть объект сознания?) а». H^Ea – «неосознанность, бессознательность, инстинктивность, машинальность, автоматизм (чего, кого) а».

Глоссарий для следующей ниже части 4 таблицы 1. H^0a – «неосознанность, бессознательность, машинальность (чья, кто без сознания?) а». O^1a – «отчуждение, отстранение, отделение от

бытие (жизнь) за счет (чего, кого) а.

5) $O^Ca=+=O^1a$: сознание, осознание (чего, кого) а есть отчуждение, отстранение, отделение, отдаление от (чего, кого) а.

6) $O^Ca=+=У^1a$: сознание, осознание (чего, кого) а есть уничтожение, разрушение, повреждение (чего, кого) а.

7) $O^Ca=+=Na$: сознание, осознание (чего, кого) а есть небытие (смерть) (чего, кого) а.

8) $Ба=+=B^1Ч^1a$: жизнь (чья) а, бытие (чье) а есть жизнь за счет иного (другого), чужого, враждебного для (чего, кого) а.

9) $B^1a=+=I^0Ba$: жизнь за счет (чего, кого) а есть помеха, препятствие для жизни а.

10) $O^Ca=+=I^0Ba$: сознание, осознание (чего, кого) а есть помеха, препятствие для жизни а.

11) $O^Ca=+=K^2a$: сознание, осознание (чего, кого) а есть контроль над а.

12) $C^0a=+=K^1a$: сознание, осознание (чье) а есть контроль (чей) а.

13) $Ба=+=K^1a$: жизнь (чья) а, бытие (чье) а есть контроль (чей) а.

14) $Ба=+=B^EВ^0a$: жизнь (чья) а, бытие (чье) а есть вечное возвращение (чего, кого) а (Ф. Ницше).

Итак, согласно рассмотренной выше цифровой модели философии бытия и сознания, в своей глубинной сущности, «философия жизни» Ф. Ницше не отрицает классическую

философию тождества бытия и сознания, а дополняет ее качественно новыми идеями, которые с ней логически вполне совместимы и могут быть объединены в некой синтетической (более общей и фундаментальной) теории. Этот вывод получается в результате исследования дискретной математической модели метафизической системы Ф. Ницше, именуемой «философия жизни». Он получается «на кончике пера» вопреки широко распространенному мнению (которое в значительной мере разделял и сформировал сам Ф. Ницше), что ницшеанская философия абсолютно отрицает «старый метафизический хлам». Эта логико-лингвистическая иллюзия (абсолютного

отрицания чем-то якобы абсолютно новым – ницшеанством чего-то якобы абсолютно старого – метафизики) поразила разум и сердце как самого Ф. Ницше, так и его многочисленных сторонников и противников. Однако иллюзия эта может быть эффективно разрушена переводом философии бытия и сознания с традиционного (аналогового) уровня на уровень цифрового (дискретного) философского дискурса.

За цифровыми технологиями философствования (за дискретным метафизическим дискурсом) – будущее. Вывод: надо перестраивать методологию развития философии и методику ее преподавания и изучения.

Н. А. Комлева

ФАНТОМНОЕ ПИСЬМО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

**Комлева
Наталья Александровна**

доктор политических наук,
профессор, зав. кафедрой
истории и теории политической
науки УрГУ

Появление и развитие письменности знаменовало собой исключительно важный этап в развитии человечества: оно наконец обрело историю, т.е. фиксированную последовательность событий с объяснением их причин и особенностей. Изобретение письменности позволило создать и сохранить не только письменную историю человечества в целом или историю отдельного народа, развить культуру, но и сформировать письменную историю и специфическую культуру конкретной семьи и личности.

Сегодня мы наблюдаем активизацию интереса к личности и личностным проявлениям во всех сферах жизнедеятельности. Повышенный интерес к человеку как индивидуальному феномену – характерная черта культуры в переломные эпохи развития мировой истории. Присущий Новому и новейшему времени, этот интерес берет свое начало с эпохи Возрождения. В 20 веке к теме личности, к вопросам развития индивида, его духовно-нравственной целостности приковывается все большее внимание, в особенности в связи с обострением глобальных проблем и угроз. Абсолютизация индивидуальности проявляется и в такой сфере культуры, как письменность и письмо. Постмодернистский период развития современной цивилизации абсолютизирует роль отдельной личности и личностных проявлений общечивилизационного и культурного процесса. Это выражается, в частности, в повышенном внимании к эпистолярным жанрам в литературе и к историческим мемуарам в виде писем, а также любому роду личной переписки.

Предметом нашего рассмотрения будет личное письмо, причем такая его специфическая форма, как письмо фантомное.

В данном случае мы понимаем личное письмо как послание, адресатом и корреспондентом которого выступают частные лица. Специфика личного письма заключается в том, что это письменная форма общения между конкретными людьми

(индивидами), а не между учреждениями или организациями либо внутри них (официальная или служебная переписка). Личное письмо помогает осознать проявления цивилизационного и культурного процессов в индивидуальной жизни обычного человека и роль отдельной личности «простого человека» в развитии цивилизации и культуры. Вначале на Западе, а сегодня и в России государственные и частные исторические архивы стали собирать и хранить личную переписку так называемых «простых» людей, не являющихся ни официальными лицами, ни историческими личностями. В этом факте отражается присущее только Постмодерну понимание того, что любая личность является творцом истории – в том месте и в то время, которое она в историческом процессе занимает. Письменность и личное письмо – это не только одно из средств формирования культуры, это еще и средство изучения культуры прошлого, средство реконструкции личностного элемента развития культуры и истории. В некоторых семьях принято хранить наиболее важные полученные письма. Таким способом создается индивидуальная история семьи.

Чаще всего люди хранят любовные письма – письменную историю взаимоотношений особого типа. Вспомним некогда популярный романс в исполнении знаменитой певицы К.Шульженко:

В пожелтевшей пачке старых писем
Мне случайно встретилось одно,
Где строка, похожая на бисер,
Расплылась в лиловое пятно...
Что же мы тогда не поделили,
Разорвав судьбы живую нить?
И зачем листам под слоем пыли
Счастье наше отдали хранить?
Хранят так много дорогого
Чуть пожелтевшие листы,
Как будто всё вернулось снова,
Как будто вновь со мною ты...
И как будто, позабыв невзгоды,
Ты мне улыбаешься опять...
Почему?.. Нет, никогда не надо
Письма наши старые читать!

С появлением личного письма как отражения и выражения различных потребностей конкретного индивида появляются и типы личного письма.

Личное письмо можно классифицировать по критерию содержания труда или деятельности его автора. Такие письма позволяют выяснить детали творческого или политического процесса более подробно и точно, чем любые официальные документы и научные монографии. При таком подходе выделяются письма деятелей искусства (поэтов, писателей, художников), политиков, военных, деятелей науки, бизнесменов и т.п.

Возможна и иная типология: по критерию сферы общественной жизни. В данном случае это деление писем на официальные, или публичные (адресатом такого письма выступает официальное лицо или учреждение), и собственно личные, или приватные.

Можно применить и такой критерий, как результативность письма: дошло оно до адресата или нет. Что здесь имеется в виду? Иногда люди пишут письма и не отправляют их. Это случается по преимуществу тогда, когда у отправителя нет уверенности в том, что его письмо и выраженные в нем чувства и мысли будут адекватно восприняты адресатом. Однако сила чувств такова, что непременно требует выражения и хотя бы фантомного адресования. Корреспондент предпочитает фантомный контакт и фантомное общение с адресатом при сомнении в вероятности или при уверенности в невозможности осуществления контакта реального. Таким образом, можно подразделять письма на реальные и фантомные.

Фантомным можно назвать тип письма, для которого характерно следующее:

1. Письмо не отправляется адресату обычным способом по почте.
2. Письмо выражает чувства и мысли корреспондента, которые он опасается высказать адресату напрямую из-за возможной негативной реакции последнего.
3. Несмотря на то, что письмо не отправляется адресату непосредственно, оно служит для корреспондента способом психологической компенсации и разгрузки.

Фантомные письма особенно характерны в случае несчастной любви. При наличии поэтических способностей у корреспондента они обретают форму стихотворений. Этими стихотворными фантомными письмами полна история искусства.

Широк и жёлт вечерний свет,
Тиха осенняя прохлада.
Ты опоздал на много лет,
И всё-таки тебе я рада.
Сюда, ко мне поближе сядь,
Смотри весёлыми глазами.
Вот эта синяя тетрадь
С моими детскими стихами.
Прости, что я жила шутя
И жизни радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.
А. Ахматова.
Ты хорошая очень – знаю.
Я тебе никогда не лгу.
Почему-то только скрываю,
Что любить тебя не могу.
Слишком сильно любил другую,
Слишком верил ей много дней,

И когда я тебя целую,
Вспоминаю всегда о ней...
Н. Рубцов.
А знаменитое лермонтовское:
...Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила...

Итак, фантомные письма существуют в двух формах выражения: прозаической и поэтической (впрочем, как и реальные личные письма).

Однако есть еще одна форма фантомного письма, выделяемая по критерию результативности послания: сожженное. Одно дело, когда человек пишет письмо в надежде когда-нибудь все-таки отправить или показать его адресату – тогда он хранит это письмо, ожидая изменения обстоятельств. Эти фантомные письма можно классифицировать (по критерию эмоциональной цели) как письма надежды. Сожженные фантомные письма – это письма безнадёжности.

Сожженными бывают и письма реальные. Это осуществляется адресатом в двух случаях: либо адресату корреспондент как личность не нужен, не интересен, и адресат уничтожает овеществленные в письме черты его личности, либо адресат сжигает (или иным образом уничтожает) письмо корреспондента из опасений огласки его содержания и угрозы для дорогой адресату личности. Знаменитое стихотворение Пушкина описывает нам такой горестный для адресата момент его взаимоотношений с любимой женщиной:

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
.....
...Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

Поэтические фантомные письма иногда публикуются корреспондентом в прессе или отдельными поэтическими сборниками, и таким образом чувства корреспондента доходят до адресата опосредованно через реакцию других людей. В случае если поэтическая форма любовного фантомного письма имеет высокую степень художественности, вокруг данной публикации формируется положительное общественное мнение, которое может явиться дополнительным фактором воздействия на адресата и возбудить в нем если не ответное чувство к корреспонденту, то хотя бы определенную степень благосклонности.

Фантомные письма, однако, бывают не только любовными, но и критическими: это эпиграммы. Не имея возможности или опасаясь прямо и лично высказать адресату негативные чувства и оценки его личности и деятельности, корреспондент высказывает их в эпиграмме, руководствуясь следующей эмоцией:

...О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!...
М.Ю. Лермонтов

Русская поэзия, так же, как и любая иная, полна личных фантомных писем.

Одним из наиболее известных циклов таких писем являются стихи А.С. Пушкина, посвященные Е.К. Воронцовой (фантомные любовные) и его же, адресованные мужу Е.К. Воронцовой, М.С. Воронцову, эпиграммы (критические фантомные).

Приведем две эпиграммы А.С. Пушкина на М.С. Воронцова.

1. Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.
2. Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, положусь, не проще графа.

Ради пушкинского шедевра не пожалеем места и воспроизведем полностью его знаменитое фантомное любовное письмо к Е.К. Воронцовой, объясняющее стремление публиковать этот тип писем.

Когда, любвию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, -
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры,
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я? Где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

Фантомное письмо может быть выражением не только любви или нелюбви, но любых других чувств, например, флирта:

Хотел бы быть, твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым...
Ах он, поручик! Ах, злодей!
А.С. Пушкин

Опубликованные фантомные письма, в зависимости от реального места корреспондента в искусстве, внедряют в массовом сознании собственные представления об адресатах этих писем. И большинству из нас всё равно, что реальный М.С. Воронцов был просвещенным человеком и успешным государственным чиновником высокого ранга, многое сделавшим для возглавляемого им края. Для нас он навсегда останется таким, каким его видел страдающий от ревности молодой Пушкин. А Барков и Семенова навек будут состоять «в непозволительной связи», что бы там ни было на самом деле. Так личное письмо, будучи фантомным, но открытым, пересоздает историю посвоему.

Таким образом, поэтическое фантомное письмо в случае его опубликования переходит в тип открытого фантомного письма.

Открытые поэтические фантомные письма существуют только для одного: уверить адресат в неизменности всё еще сохраняющегося чувства:

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю, как и для чего.
Я потерял уж это право
И что скажу вам? – ничего!
Что помню вас? – но, Боже правый,
Вы это знаете давно
И вам, конечно, всё равно.

Но корреспонденту этого письма, М.Ю. Лермонтову, совсем не всё равно, несмотря на то, что

Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.

Для чего же это письмо, которое, точно знает писавший, будет воспринято с равнодушием? Для того чтобы в очередной раз донести безответное, но прожигающее душу чувство:

Но я вас помню – да и точно,
Я вас забыть никак не мог!

И с безнадежностью, смешанной всё-таки с надеждой, корреспондент перечисляет адресату все причины, по которым забыть было невозможно:

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, - но вас
Забыть мне было невозможно.

Итак, на протяжении трех строф, трижды – уверения в том, что помнит!

Зачем?..

Затем, чтобы мы с вами, воспринимая пример такой любви и такой личности, тянулись вверх, к ним. Это письмо и к нам, теперешним – и ко всем на все времена, пока будет

воспроизводиться этот шедевр в собрании сочинений, пока будет переиздаваться. А если будет переиздаваться – значит, всё не напрасно было с нею. Если она не оценила – вы посмотрите, читатели-современники, вы, читатели-потомки: вот что было отвергнуто. Сокровища слишком велики, чтобы пропасть втуне. Если не ей, то всем...

А.С. Панарин писал, что любовь есть дарение. Когда любовь слишком велика для тебя одного, нельзя не отдать хоть в какой-то форме. Если нельзя подарить тому, кому предназначено, из опущенной руки тихо падает и остается – для всех, кто поднимет. А тот, кто поднимет, кто бы ни был, всё равно молча и непроизвольно отдаст – ей. Пусть через несколько столетий. Всё равно – ей. Каждая женщина, прочитав, в душе скажет: не оценить такое чувство! Так фантомное письмо из любовного послания превращается в тихую жалобу:

И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила...

И фантомное письмо, полное реальным чувством к единственной женщине, через много-много лет встречает фантомное чувство – сочувствие многих, многих реальных женщин.

Таким образом, открытое фантомное письмо фактически имеет двойное адресование: одной (одному) – и всем.

Иногда стихотворение, написанное единственной женщине, так и называется, как у Н.М. Рубцова:

ПИСЬМО

Дорогая! Любимая! Где ты теперь?
Что с тобой? Почему ты не пишешь?
Телеграммы не шлешь... Оттого лишь – поверь
Провода приуныли над крышей.
Оттого лишь, поверь, не бывало и дня
Без тоски, не бывало и ночи!
Неужели – откликнись - забыла меня?
Я люблю, я люблю тебя очень!
Как мне хочется крикнуть: «Поверь мне! Поверь!»
Но боюсь, ты меня не услышишь...
Дорогая! Любимая! Где ты теперь?
Что с тобой? Почему ты не пишешь?

Это уже упоминавшийся пример открытого фантомного письма для одной, но всем.

Тот же поэт дает нам пример «обратного», или инверсионного, фантомного письма: написано всем – но для одной. Это стихотворение «Букет».

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
- С другим наедине
о наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! –
Она возьмет,
Но снова в поздний час,

Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

Итак, в русской поэзии, в русском искусстве открытое фантомное письмо является ключом к душе народа, с целомудрием и скромностью, с уважением к личности любимой выражая присущие этой душе надежды и уныние, радости и горести в одном из самых сокровенных моментов личной жизни каждого человека, а значит - народа в целом.

Сравним.

Вот как тоскует о любимой узбекский царевич и поэт Бабур (фрагмент инверсионного фантомного письма):

Как я сонное счастье свое разбудить, о боги, хочу!
Этот гибкий, податливый стан как обвить руками хочу!

К этим сладкоречивым губам как припасть губами хочу!
Эту розоподобную плоть целовать до дрожи хочу!

Вот стихи арабского поэта Омара ибн Аби Рабия (фрагмент инверсионного фантомного письма):

Да, я знал её! Она мускусом благоухала,
Только йеменский плащ укрывал красоту без порока,

Тайно кралась она, трепетало от радости сердце,
Тело в складках плаща отливало румянцем востока.

А вот Афанасий Фет (инверсионное фантомное письмо)

Как много, Боже мой, за то б я отдал дней,
Чтоб вечер северный прожить тихонько с нею,
Чтоб всё пересказать ей языком очей,
Хоть на вечер один признав её своею.

Чтоб на главе моей лилейная рука,
Небрежно потонув, волосы приподнимала,
Чтоб от меня была забота далека,
Чтоб счастьем одному душа моя внимала,

Чтобы в очах её слезинка родилась –
Та, над которой я так передумал много, -
Чтобы душа моя на всё отзывалась –
На всё, что было ей даровано от Бога!

Сущность таких чувств у всех народов одна, но форма выражения всё-таки разная. Не скажет «турок или татарин» обманувшей его чувства девушке всего лишь это:

И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила...

А. И. Тропников

МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД В ПАРТОЛОГИИ: «СЛИЯНИЯ» ИЛИ «ПОГЛОЩЕНИЯ» – ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ

Тропников
Алексей Игоревич

аспирант Института
философии и права УрО РАН

Распад советского государства и последовавший за ним слом прежней системы общественных отношений ознаменовал собой начало перехода и к новой модели хозяйственных отношений – капиталистической. Проблема проникновения рыночных принципов в сферы, традиционно считавшиеся (в целом) не связанными с получением финансовой или материальной выгоды (образование, социальная защита, культура, идеология и т.д.), таким образом, стала актуальна и для России. Дискуссии о самой «допустимости», «приемлемости» такой трансформации общественно-политических отношений – то есть попытки дать оценку происходящим изменениям, – продолжают до сих пор; но фактически, рынок сегодня уже не столько входит в соприкосновение и формирует определенную повестку дня политического пространства, сколько переформирует сами политические отношения в рыночные и по форме и по содержанию. Показательно в этом отношении то, что в работах западных исследователей понятие «политического рынка» уже относительно давно и прочно вошло в научный оборот. А, например, в экономической теории существует целое направление исследований, изучающее буквально рынок политических партий при помощи чисто экономических, математизированных методов, основанных на сопоставлении интересов, издержек и выгод различных участников отношений, связанных с деятельностью партий.

Естественно, что на практике высокая эффективность методов «продвижения» товаров на традиционных рынках, которые предложил (экономический) маркетинг, естественным образом вызвала попытки применить подобные (или адаптированные) инструменты для достижения успеха на политическом рынке. И такие попытки также оказались весьма успешными. Оказалось, что политик, в некотором смысле, тоже продаёт «проект будущего». А процесс коммуникации, построенный с использованием передовых наработок маркетинга, во многих случаях, при грамотной организации и соответствующем финансировании, позволяет достигать общественного признания, выраженного, например, в получении голосов избирателей в ходе выборов.

Политические партии оказались тем политическим институтом, который, возможно, наиболее активно воспринял маркетинговые технологии. Это связано отчасти с тем, что именно электоральный и законодотворческий процессы, в которые

они активно включены, позволяют проводить едва ли не самые прямые аналогии с «обычным» рыночным обменом: во-первых, голоса избирателей обмениваются на определенные обещания, представленные в программах партий; а во-вторых, «рыночный» характер деятельности партий проявляется в том, что они фактически обменивают возможность лоббировать интересы тех или иных групп давления на материальную и иную поддержку (которая используется в первую очередь для обеспечения успеха на выборах). Да и сама структура партийных организаций, среди всех политических образований, наиболее близка к тем агентам, которые действуют на традиционных рынках (компании, предприятия). Но сами по себе эти обстоятельства, в целом, были на поверхности и раньше. Принципиальным является именно переход к осознанию и интерпретации этого пространства как рыночного, то есть становление маркетингового дискурса в политическом мышлении.

Политический маркетинг, стал, таким образом, с одной стороны, нормативной деятельностью, а с другой – занял своё место в теоретическом анализе. Заимствование и развитие методов, выработанных для исследования рыночных процессов в экономической науке (с сопутствующим анализом и изучением их реальной применимости и эвристической ценности в политических исследованиях), в этой связи представляется одной из возможностей быстро выработать адекватный инструментарий анализа схожих по структуре и содержанию отношений в политике.

Такая ситуация порождает, однако, целый ряд вопросов: как в рамках собственно теории политических партий, так и междисциплинарных.

Прежде всего, проникновение маркетингового подхода в политические исследования означает ли возникновение новой сферы исследований, которая находится на стыке политических и экономических – «нео-политэкономии»? Либо это свидетельствует о, своего рода, «маркетинговом империализме» – когда вслед за проникновением рыночных отношений в политику, экономические подходы начинают захватывать пространство политического анализа?

Ряд исследователей (в том числе С. Хеннеберг, Д. Ли-Маршмент, Е. Морозова) указывают на то, что такое заимствование не угрожает самостоятельности политической науки, предоставляя ей в то же время действенный теоретический инструментарий.

В то время как критики (О'Шонесси, М. Скамел, и другие) указывают на то, что это приводит к «захвату» отдельных областей самого политологического мышления, смещению исследовательского внимания в сторону изучения соответствующих технологий, на те позиции, которые представляются значимыми именно для маркетинга. А в более широком плане – к фундаментальной экспансии маркетингового дискурса в политическую теорию. Так, маркетинговый подход, в первую очередь, нацелен на анализ коммуникативных аспектов

политического процесса. Применительно к патологии это означает концентрацию исследовательских усилий на изучении процесса (технологий) выстраивания отношений поддержки и лояльности, на анализе того, как (вос)принимается тот или иной вариант поведения партии (или, скорее, её медиа-образа). Оценки, особенности восприятия, предпочтения избирателя становятся центральным элементом такой маркетинговой картины мира. До некоторой степени это логично, ведь согласно именно традиционному подходу партии создаются как раз для того, чтобы выражать интересы определенных групп людей. Но такая ориентация на интересы, всё же, в традиционной модели проходила через фильтр ценностей и идеалов, представленных в виде партийной идеологии, которая всегда не только «учитывает», но и «обещает», задает ориентиры. Такой политический анализ почти всегда неизбежно становился и философским.

Но маркетинговый подход вошёл в патологию именно со стороны практики. Маркетинг – это совокупность действительно эффективных подходов к работе в коммуникативном пространстве. Он связан с новейшими достижениями в области управления как материальными, так и человеческими ресурсами, позволяет формировать различные по характеру отношения «покупателя» и «продавца», в зависимости от конкретных требований того и другого, на основе постоянной обратной связи. Всё началось с привлечения специалистов по маркетингу к проведению избирательных кампаний политических партий в США и Европе в середине XX века. Изменения самих политических партий, которые за этим последовали, отражали именно преимущественную ориентацию маркетинга на коммуникативные аспекты, в угрозу содержательной стороне политического действия. Именно ориентация на предпочтения политического потребителя породила catch-all parties, поскольку любая более-менее явно сформулированная идеология всегда апеллирует (в конечном счёте) к ограниченному числу людей. Но круг предпочтений «среднестатистического избирателя» неизбежно замыкается сам на себе, поскольку любые новации и конкретика – рискованны, а статистический анализ сглаживает все существенные отклонения от медианных показателей. По большому счёту, единственной движущей силой развития идеологий, как и на традиционных рынках, становится собственно межпартийная конкуренция как таковая, а не эволюция и возникновение новых философско-политических концепций и картин мира.

Можно сказать, что маркетинг фактически поставил теорию политических партий перед фактом собственного существования. Безусловно, сегодня речь уже не идёт о грубых технологиях кратковременного захвата политического рынка. Но специфика маркетинга, выраженная в той двойственности, что он, будучи исключительно ориентированным на интерес потребителя, всё же служит максимальному удовлетворению интересов продавца – остаётся неизменной. И в этом смысле логика маркетингового подхода неизбежно двигается от вопроса «как продать (то есть – заработать)?», к вопросам о том, что именно следует продать;

«продукт» сам по себе не важен, главное требование к нему – быть успешным на рынке. В то время как традиционная логика развития института партий всё же была скорее обратной (будь то партии явно выраженных идеологий или вождистские): целью было сделать успешным конкретный политический товар. И такая цель часто оправдывала любые средства. Маркетинговый подход рушит эту схему: теперь средства оправдывают любую цель.

При всём при том, кажется, что отказаться от маркетингового подхода в политической теории сегодня, невозможно. Ведь это приведёт к фактическому отказу от анализа соответствующей части содержания реального политического процесса. Либо поставит исследователей перед необходимостью выработать новый, специфический «не-маркетинговый» подход к анализу «маркетинговой реальности».

Речь, однако, речь идёт не об отрицании или противостоянии таким изменениям политического концепта. Содержательная часть проблемы состоит в том, чтобы попытаться выработать такой теоретико-методологический ответ, который позволит теории политических партий (в частности) и политическая теории (вообще), даже включая в себя элементы маркетингового подхода, оставаться «политологичной». При этом важно не размывание как таковое. Ведь, собственно, сама по себе применимость и высокая эффективность маркетинговых технологий в сфере политики явно свидетельствует именно о том, что границы и различия между рынками товаров и услуг и рынком политическим в действительности весьма размыты, и похожего может быть больше, чем различного. Вызов состоит в том, чтобы всё похожее называть и анализировать не только через явное заимствование соответствующих понятий и подходов в экономике («политический рынок», «политический маркетинг» и т.д.), но ассимилировать рыночные концепции, не смещая центра тяжести. И если речь идет о зарождении новой «политэкономии», то сбалансированное включение в неё как экономического, так и политологического подходов пойдет ей на пользу. А поддержание такого баланса заключается не столько в том, чтобы обозначить границы экономического мышления (это явно контрпродуктивно), сколько в том, чтобы та часть, которую предстоит заполнить политическому, была не менее эвристичной и содержательной.

Литература:

1. Henneberg, S. C. The Conundrum of Leading or Following in Politics. An Analysis of Political Marketing Postures.//Working Paper 2003.1, School of Management, University of Bath
2. Henneberg, S. C. The Views of an Advocatus Dei: political marketing and its critics.//Journal of Public Affairs, Vol. 4, 3, 2004.
3. Lees-Marshment, J. The Marriage of Politics and Marketing.// Political Studies 49(4), pp. 692-713., 2001.
4. Scammell M. Political marketing: lessons for political science.// Political studies, 47 (4). pp. 718-739., 1999.
5. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

Е. Н. Голыгин

МЕТОДЫ АНАЛИЗА КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Голыгин
Евгений Николаевич

аспирант Института политологии государственного университета гуманитарных наук, г. Москва

Менталитет политической элиты является одним из важнейших источников политических изменений. Данный тезис наибольшим образом характеризует положение в странах с переходным периодом. Отсутствие устойчивой системы функционирования формальных институтов выдвигает на первый план институты неформализованные, лежащие в субъективной сфере – главным образом, в ее когнитивной или познавательной части. В этой связи для объяснения поведения политиков необходимо знать, что движет ими изнутри, т.е. выявить субъективный фактор. Когнитивный подход позволяет получить представление о познавательных особенностях политиков. На основе полученных данных можно гораздо яснее увидеть внутреннюю логику поведения политика, а не ту, которую мы можем ему приписать. Разумеется, представители когнитивного подхода не претендуют на абсолютность объяснения поведения с помощью когнитивных методов. Кроме когнитивных факторов принятия решений, существует ряд других, но они изучаются в рамках других подходов (теория рационального выбора, бихевиорализм, инкрементализм др.)¹. Связь между когнитивными конструктами и поведением политиков подтверждается рядом эмпирических исследований, следовательно, когнитивные факторы заслуживают отдельного изучения.

К настоящему времени наиболее разработанными являются четыре метода исследования когнитивной сферы политиков: 1) операционное кодирование («operational coding»), 2) исследование когнитивной сложности («cognitive complexity research»), 3) когнитивное картирование («cognitive mapping»), 4) анализ образов («image theory»)². В данной статье наиболее целесообразно представить первые две методики, поскольку когнитивное картирование и анализ образов в России уже достаточно известны и набирают популярность³. Ограничим внимание на операционном кодировании и исследованиях когнитивной сложности. Здесь необходимо будет дать ответы на два вопроса: 1) какие когнитивные факторы выявляет каждая исследовательская программа; 2) какова связь между выявленными факторами и поведением политиков.

Операционное кодирование. С помощью этого метода можно вывести довольно широкий спектр присущих политике когнитивных. Один из авторов метода А. Джордж разработал шаблон для анализа, который включает в себя десять вопросов, ответы на которые и будут операционным кодом политика⁴. Данные вопросы делятся на два типа: «философские» и «инструментальные».

«Философские» убеждения политика составляют его общее представление о политической реальности. Они могут быть выявлены, если получить ответы данного политика на следующие вопросы: 1) Какова сущность политической жизни (гармония или

конфликт)? Каков базисный образ политического оппонента (дружественный или враждебный)? 2) Каковы перспективы для полной реализации базовых ценностей и стремлений? (оптимистичная или пессимистичная позиция). 3) Является ли политическое будущее предсказуемым (в каком смысле и в какой степени)? 4) Насколько человек способен контролировать историческое развитие (может ли человек «формировать» и «двигать» историю в желаемом направлении)? 5) Какова роль случая в делах человека и в историческом развитии (значительная или незначительная)?

Инструментальные убеждения выявляются из ответов на пять других вопросов: 1) Каков наилучший подход к выбору целей политического действия (стратегический или тактический)? 2) Как наиболее эффективно достигать целей действия (с помощью кооперации или конфликта)? 3) Как просчитывать, контролировать и допускать риски политического действия (ограничивать цели, средства или искать союзников)? 4) Как наилучшим образом выбирать время для достижения своих интересов (какое время использовать для реализации целей)? 5) Какова полезность и роль различных средств для достижения своих интересов (угрозы, переговоры, оказание поддержки, наказания)?⁵

Как мы видим, учеными были предложены типовые ответы на вопросы. Собственно конфигурация этих ответов и составляет операционный код политика. Ответы на эти вопросы будут составлять содержательную структуру убеждений. В эту структуру попадают ценности, интересы, собственно политические убеждения, различные эвристики и другие когниции. Выражаясь метафорически, операционное кодирование – это своего рода «сито», через которое аналитик пропускает высказывания политика и «вылавливает» когниции в соответствии с приведенным выше шаблоном.

Специальных исследований по изучению корреляции убеждений и поведения политиков проводилось мало. Такие ученые как Н. Лейтес, О. Холсти и Д. Мак-Лилан вообще не делали попыток четкого разделения убеждений и поведения политиков. Они выявляли операционный код политика, исследуя не только его убеждения, но и характер поведения. Некоторые ученые интересовались вопросом, каким образом операционный код связан с официальной риторикой политиков (речевой активностью), а именно согласуются ли убеждения, входящие в операционный код, с публичными заявлениями. Исследования Л. Джонсона, Д. Стюарта и Х. Старра подтвердили, что публичные заявления, как правило, не противоречат убеждениям политиков. Кроме того, они пришли к выводу, что знание операционного кода политического лидера позволяет прогнозировать изменения в его официальной риторике, а также стиль переговоров с другими участниками политического процесса.

Пожалуй, самый значительный вклад в развитие темы отношения операционного кода к поведению политиков внес С. Уолкер. Именно он сделал попытку проследить связь между убеждениями и действиями политика, на примере поведения американского госсекретаря Г. Киссинджера, проводившего переговоры с вьетнамским руководством по поводу прекращения

военных действий на территории Вьетнама⁶. По результатам исследования С. Уолкер утверждал: несмотря на то, что Г. Киссинджер не обладал полным контролем над процессом переговоров с вьетнамской стороной, поведение американского руководства во время переговоров соответствовало его операционному коду, следовательно, знание операционного кода госсекретаря становилось необходимым условием для объяснения его поведения. Вместе с тем, С. Уолкер отмечал, что для более точного объяснения поведения политика и его прогнозирования знания операционного кода недостаточно. Необходимы комплексные исследования факторов принятия решений. Однако исследование, проведенное Уолкером, дает основания утверждать, что операционный код политика может рассматриваться как образование, «ответственное» за поведение политика.

Исследование когнитивной сложности. Эта методика концентрирует внимание на разнообразии и организованности когниций политика. Для анализа когнитивной сложности были разработаны различные варианты контент-анализа. М. Херманн определяет уровень когнитивной сложности, выявляя слова в заявлениях политиков, которые служат индикатором сложности/простоты суждений. К примеру, на сложность менталитета указывают такие слова как «условный», «отчасти», «разносторонний», «допустимый» и т.п. О простом когнитивном складе говорят выражения «всегда», «невзирая ни на что», «без сомнения», «определенно» и др. Когнитивная сложность определяется соотношением «сложных» фраз с суммой «сложных» и «простых» фраз вместе. Самым подходящим источником данных для анализа являются спонтанные выражения политика, чаще всего это интервью⁷.

Для измерения когнитивной сложности наиболее популярной является семизначная шкала⁸. Система кодировки материала сфокусирована скорее на структуре оцениваемого материала, чем на утверждениях о фактах или описании процессов. От кодировщиков требуется определить, осознается ли политиком две различные интерпретации или перспективы в отношении какого либо события. При этом конкретное содержание текста опускается. Затем абзацы ранжируются по семизначной шкале и подсчитывается средняя величина. Значения от 1 до 3 присваиваются, если политик видит более чем одну сторону проблемы, 4 – если есть разностороннее видение, но не достаточно связное, от 5 до 7 – если различаются разные обстоятельства при наличии общей, интегрированной картины. Как правило, политики не получают более 4 баллов.

Исследователи выявили ряд зависимостей между степенью когнитивной сложности и поведенческим стилем политиков. В работах М. Драйвера и М. Херманн указывается, что чем ниже уровень когнитивной сложности у политика, тем более он склонен к конфликтному поведению. Политики этого типа также больше склонны к риску, тратам огромных ресурсов и менее – к дипломатическим методам. Ученые пришли к общему выводу, что политики с низким уровнем когнитивной сложности больше склонны бросать вызов препятствиям и ограничениям, руководители с более высоким уровнем – расположены к их учету в своей деятельности⁹.

Исследования Т. Престона, М. Херманн и Д. Каарбо показали, что национальные лидеры (президенты, премьер-министры) по-разному организуют работу совещательных аналитических служб в зависимости от степени когнитивной сложности. Т.

Престон выявил такой факт, что американские президенты с высоким уровнем когнитивной сложности стремились создать аналитические службы, которые бы активно занимались изучением информации о внешней среде, выявляли проблемный контекст деятельности, развивали внутренние дискуссии и в целом делали бы процесс принятия решений совещательным. Аналитические службы президентов с низким уровнем когнитивной сложности, напротив, работали более формально и поддерживали внутреннюю иерархию¹⁰.

В связи с тем, что когнитивная сложность имеет прямую связь со стилем поведения, определение данного показателя может использоваться в политическом прогнозировании. Исследования ряда ученых показали, что в кризисных ситуациях снижение уровня когнитивной сложности может служить свидетельством о намерении решить конфликт силовым путем. Более того, сравнение индексов когнитивной сложности противоборствующих участников конфликта позволяет определить вероятного победителя. Победит, скорее, тот, чей уровень когнитивной сложности выше, чем у оппонентов.

Говоря о методе измерения когнитивной сложности в целом, можно утверждать, что данный метод помогает определить общий характер поведения политика, насколько он склонен к сотрудничеству, его гибкость при принятии решений, манеру организации аналитической работы, а в общем когнитивный стиль.

Продуктивность использования приведенных в статье методов доказана рядом полученных результатов как по изучению собственно когнитивности политиков, так и их поведения. Каждый из представленных методов позволяет нарисовать своего рода портрет политического деятеля, выявив специфическое содержание его менталитета. В результате применения этих методик накопился значительный материал о когнитивных особенностях политиков, позволивший построить новые объяснительные модели политического поведения.

1. См. Дегтярев А. А. Принятие политических решений. – М. 2004.

2. См. Young, M.D, Schafer, M. Is There Method in Our Madness? Ways of Assessing Cognition in International Relations. *Merston International Studies Review*, 1998. Vol. 42.

3. Боришполец К.П. Методы политических исследований. – М. 2005, с 75-89; Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // *Полис*, 2003, № 1; Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2006; Киселев И.Ю. Образы государства в международных отношениях: механизмы трансформации // *Полис*, 2003, № 3; Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. – М.: Логос, с. 53-75 и др.

4. George, A. The «Operational Code»: A Neglected Approach to The Study of Political Leaders and Decision-Making // *International Studies Quarterly*, 1969. Vol. 13.

5. Варианты ответов в скобках даны по источнику Walker, S., Schafer, M., Young, M. «Presidential Operational Codes and Foreign Policy Conflicts in The Post-Cold War World» *Journal of Conflict Resolution* Volume 43 №5 October 1999: P. 615.

6. Walker, S., The Interface Between Beliefs and Behavior: Henry Kissinger Operational Code and The Vietnam War // *Journal of Conflict Resolution* Volume 21 №1 March 1977.

7. Young, M.D, Schafer, M. Is There Method in Our Madness? Ways of Assessing Cognition in International Relations. *Merston International Studies Review*, 1998. Vol. 42, p. 86.

8. Suedfeld, P, Wallbaum, A. B. Modifying integrative complexity in political thought: Value conflict and audience disagreement // *International Journal of Psychology*, 1992, Vol. 26; Satterfield, J. Cognitive-Affective States Predict Military and Political Aggression and Risk Taking // *Journal of Conflict Resolution*, 1998, Vol. 7, N.6.

9. Hermann M., Kegley Ch. Rethinking Democracy and International

Peace: Perspectives from Political Psychology // International Studies Quarterly, 1995, Vol. 39.

10. Young, M.D., Schafer, M. Is There Method in Our Madness? Ways

Р. А. Зайнетдинова

Ю. М. ЛОТМАН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

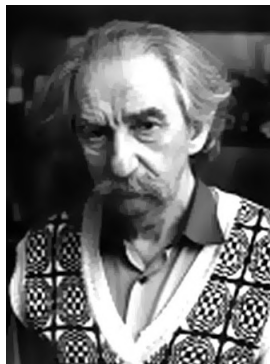
**Зайнетдинова
Регина Аликовна**

ассистент кафедры общегуманитарных
дисциплин Института международных связей,
г. Екатеринбург

В 1960-х годах в Италии и Франции выходят первые труды семиотиков, работающих в то время в Москве и Тарту. В центре этой новой области исследований — в качестве связующего звена и точки опоры (в частности, благодаря серии «Трудов по знаковым системам») — стояло имя Юрия Михайловича Лотмана, который исходил в своих работах из структуралистского подхода к феномену сигнификации и коммуникации (впервые на Западе в статье - «Точные методы в советской гуманитарной науке» - появившейся в 1967 году в журнале «Strumenti critici»¹, которая основывалась в основном на выводах теории информации, кибернетики, структурной лингвистики). В 1968 году Юлия Кристева опубликовала в журнале Tel quel (№ 35) первый французский перевод работ тартуских семиотиков. Вместе они основали Международную Ассоциацию Семиотики; хотя Ю.М. Лотман был «невъездным» и не мог покинуть Советский Союз, чтобы присутствовать на учредительном конгрессе в Варшаве, он стал вице президентом Ассоциации в 1968 году².

Заглавие программной статьи Лотмана «Литературоведение должно стать наукой»³ в полной мере отражает основную идею семиотического движения шестидесятых годов. Ощущение непреложности семиотического мира находит свое выражение в наукообразии семиотической теории, в ее стремлении следовать «научному методу», логически правильному и неукоснительно соблюдаемому, как методы математики и естественных наук, какими они выглядят в представлении гуманитариев. Сам язык семиотических исследований создает ощущение абстрактного порядка, возвышающегося над конкретными личностями и конкретными обстоятельствами. Субъективность позиции исследователя, метафоричность и эклектичность языка описания признаются нежелательным отступлением от принципов твердой науки. Тотальность ранней семиотики, размывание границ между областями знания, идеями и методами, служила отрицанием официозно-традиционалистской науки, укорененной в национальных академических традициях и институтах, будь то советская, или французская, или американская академическая элита. Политические взгляды представителей семиотики также были диссидентскими: специалист по структуральной и генеративной лингвистике, структуральной поэтике и антропологии, семиотике культуры бросал вызов

не только традиционной науке, но и официальной идеологии и ортодоксальности социального поведения (связи между правозащитным движением в СССР в 1960-е годы и «тартуско-московской» семиотикой, французской семиотикой с левым движением). Универсальность и четкость семиотических методов делала несущественными на начальном этапе различия контекстов, реальных человеческих судеб, характеров, интересов, культурной родословной всех тех, кто создавал себя «носителями» семиотической идеи. И это осознавалось как торжество универсальной объективности научного метода. Полная понятность общего подхода и научного языка давала возможность проводить поступивший извне «текст» в свою собственную среду, делая его естественной составной частью своего мира. Работы московских и тартуских семиологов периодически продолжали появляться на страницах «Tel Quel», где они соседствовали с политической и литературной полемикой, ведущейся с левосоциалистических или коммунистических позиций, статьями, трактующими марксистско-ленинскую диалектику и восторженными откликами на китайскую культурную революцию, выяснением отношений между экзистенциализмом и психоанализом, и т.д. Соответственно, в СССР работы Якобсона, Тарановского, Леви-Стросса, Барта, Кристевой, Тодорова, Бремона, Эко ходят по рукам, служат предметом рефератов и дискуссий на семиотических семинарах, оберегаемых от официальной цензуры, фигурируют в качестве библиографических отсылок в работах по семиотике.

В 1972 году в Италии вышла книга Лотмана «La struttura del testo poetico» — самое известное из всех произведений семиотики литературы, также повлиявшее на теоретическую постановку вопросов в отношении семиозиса художественного текста, и не только в России, но и на Западе — во Франции и Италии. Пространственность как принцип организации, произведение искусства как конечная модель бесконечного мира, событие, в котором есть выход персонажа за границы семантической области, явились важнейшим вкладом Лотмана в дискуссию об отношениях между литературой и действительностью, развернувшуюся в Италии в конце 60-х годов. Размышления Лотмана о многогранности произведения искусства, предусматривающей для критика плюрализм подходов и гибкость используемых приемов, отозвались в текстуальных теориях Умберто Эко: от книги «Opera aperta», в которой автор говорил о произведении искусства как об области вероятности, где многообразие означающих воплощается в одно означаемое; через анализ сюжетной схемы в «La struttura assente» к пониманию текста как «презуппозиционного устройства» в «Lector in fabula». В смысле утверждения образа читателя, который является частью смыслопорождающего механизма самого

текста; и понятия истолкования как семантической актуализации того, что текст как стратегия призван выражать посредством сотрудничества со своим «Образцовым Читателем»⁴.

Во Франции во второй половине 1960-х - начале 1970-х годов начинает преобладать стремление вырваться из тотальности семиотического порядка, показать роль центробежных сил, противоречий, непоследовательности в работе знаковой системы. Уже в 1962 году Леви-Стросс, взамен концепции «структурной антропологии», строящейся в категориях структурных оппозиций, выдвинул идею «бриколажа» - произвольного наложения и слияния разных смысловых компонентов, внеположного какой-либо системной соотносительности. Более радикальный разрыв с традиционным структурализмом представляет собой отвергнутая докторская диссертация Мишеля Фуко «История безумия в классическую эпоху», где был нанесен удар принципу системности в развитии культуры, языка и духовного мира личности (теория литературной эволюции Тынянова, теория стадийного развертывания фонологических признаков Якобсона, теория универсальных стадий развития психики Пиаже)⁵. Широкий резонанс получили в шестидесятых годах идеи Жака Лакана. Отрицая подход к индивидуальному сознанию как к системному целому, формирование и развитие которого следует универсальным внутренним законам, общим для каждого индивидуума, Лакан видит основу психического мира личности не в эгоцентрической системности, а в диалогическом «желании»; личность не может существовать без «другого». Одним из источников нового направления явились работы Бахтина; «Проблемы поэтики Достоевского» (вышли в 1963 г.), «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (в 1965 г.). Понятия «чужое слово», «диалогизм», «карнавализация», «гетероглоссия» сегодня используются западным постструктурализмом. Если в России такие идеи, как монтаж разнородных кодов и «точек зрения» в композиции произведения, «принцип противоречий» и введение «чужой речи» в литературное повествование, воспринимали не как отрицающие структурный подход, но как его усиливающие, делающие его более гибким, то на Западе, начиная с ранней Кристевой (конец 1960-х гг.), Бахтин воспринимался в контексте «деконструкции» художественных и культурных текстов и критики лингвистического структурализма и формального литературоведения: «Будучи не только «ученым», но и писателем по призванию, Бахтин одним из первых взамен статического членения текстов предложил такую модель, в которой литературная структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой структуре. Подобная динамизация структурализма возможна лишь на основе концепции, рассматривающей «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом»⁶. Наибольшего размаха эти моменты достигли к концу 1960-х годов. Приехав в Париж в 1966 г., Кристева использовала свое знание русского языка для распространения идей Бахтина в качестве альтернативы структурализма. Развитие идеи полифонии и чужого слова приводит Кристеву в 1969 году к формулированию понятия, ставшего одной из основных категорий постструктурного анализа - интертекстуальность. Сходную направленность имело понятие «письма», занявшее

центральное место в книге Ж. Деррида «О грамматологии» (1967) и работах Барта конца 1960-х начала 1970-х гг. Текст - многомерное пространство, в котором многообразие написанного, но не оригинального, смешивается и сталкивается. Текст не просто обладает несколькими смыслами, но он сам есть воплощенная неизбежная множественность смысла, он пересечение значений, поэтому нуждается не в интерпретации, но во взрывании, в рассеивании. Единственная возможность автора состоит в том, что он может смешать написанное новым способом. Растворение текста и его значения в процессе «письма» означает «смерть автора» как раз и навсегда заданной индивидуальности, поэтому все претензии «дешифровать» текст оказываются совершенно пустыми. Клод Леви-Стросс говорил: «У меня нет чувства, что я пишу мои книги, у меня есть чувство, что мои книги пишутся через меня ..., я никогда не имел, и все еще не имею, чувства моей персональной идентичности. Я обращаюсь к себе как к месту, где что-то происходит, но там нет никакого «Я», никакого «меня»⁷. Письмо отказывается видеть в тексте (или слове) какой-либо окончательный смысл. Как и Лакан, Барт отрицает традиционные правила и критерии научного исследования. Сформулированный им новый принцип «от науки к литературе» звучит как отрицание прежнего: «литературоведение должно стать наукой»⁸.

Общим для этих авторов является противостояние господствующей традиционной идеологии, согласно которой язык и культура «разумно» устроены (с определенной степенью свободы), интегрированы и упорядочены и соответственно должны стать предметом «научного» изучения. Для французских философов и литературных критиков такой взгляд традиционной лингвистики и семиотики является очередной попыткой скрыть стремление сохранить традиционный порядок и расположение сил, находящихся наверху традиционной социальной и духовной иерархии. Господствующая научная элита и привилегированные слои общества представляют свои ценности как воплощение вечных и универсальных принципов разумного, ограничивая множественность голосов культуры и оттесняя альтернативные точки зрения на периферию. Чем сильнее вера в единство и урегулированность культурных языков, тем легче манипулировать сознанием общества, навязывая ему ценности общепринятых и общеобязательных «кодов» мышления и поведения. «Деконструкция» - метод анализа, предложенный Ж. Деррида - знакового феномена (отдельный текст, автор или культурный язык) направлена на выявление присутствия множества взаимно противоречащих и взаимно друг друга уничтожающих голосов в том, что традиционно принимается за некое целое. А также на разоблачение стремления к конформизму, который стоит за претензией данного феномена на единство и упорядоченность.

Формирующаяся в это время концепция «другого» разрушает иллюзию культурной монолитности, обнаруживая противоречие в том, что прежде выглядело «системой» (этому способствует путешествие в 1974 году Барта и Кристевой в Китай). Лакан, например, оценивает стремление проецировать себя на другого как то, в чем личность нуждается для себя самой. «Другой» оказывается нужен для того, чтобы увидеть свой собственный мир в его разноречии и множественности, в свободе движения противоречивых сил. В СССР в это время возникают явления достаточно сходные с тем, что происходило во Франции. Начиная с 1971-го Лотман выступил с серией работ по «типологии культуры»⁹, ознаменовав новый этап его деятельности. Лотман противопоставляет два культурных механизма, построенных

на принципиально различных семиотических основаниях. Эту противоположность между двумя типами он описывает в различных работах каждый раз в новых, но родственных категориях, так что в сумме они образуют «целую типологическую парадигму». Согласно этой парадигме, работа одной из систем регулируется эксплицитными правилами и законами, применяемыми абстрактно, вне зависимости от конкретных лиц и обстоятельств; другая опирается на имплицитное знание традиции, которая неотделима от человеческого фактора и ситуаций, в которых она воплощается. Первая система основывается на рационально построенном, кодифицированном и универсально соблюдаемом порядке, вторая представляет собой органическое коллективное начало, основанное на общей памяти, традиции и конкретном личностном взаимодействии в русле этой традиции.

Хотя типология культуры Лотмана строится как всеобщая семиотическая теория, показывающая различные аспекты, действующие в каждой культуре, его рассуждения неизменно сопровождаются конкретными примерами, в которых западный мир выступает на одном типологическом полюсе, а мир «традиционных» русских ценностей – на другом. В 1970–80-х гг. большое место в его работах занимает детальное исследование конкретных ситуаций, обычаев, человеческих судеб и отношений, устремлений действующих лиц, понимания-непонимания ими того, что с ними и вокруг них происходит. Подобный тип описания был выходом из жесткости традиционной структуральной модели, воплощая в себе свойства разноречья, динамичности, открытости, свойства к которым стремились теоретические поиски на рубеже 1970-х годов. Культурное явление на русской почве представляется разнородным и запутанным, в то время как его западные источники или соответствия вполне прозрачны и обладают унифицированной формой. Западный мир в его работах по истории русской культуры, продолжает жить по законам традиционной семиотической модели, когда на русской почве эти законы, в силу сосуществования и взаимного пересечения многих систем, подвергаются освобождающему размыканию.

Борис Гаспаров считает, что с Бартом и Кристевой Лотмана роднит то, что он также ищет альтернативу рационалистической картине мира с помощью «другого» – не просто структурированного иным образом, но принципиально вырывающегося из самого понятия структуры¹⁰. Только в глазах французских семиологов «другой» (обитатель «восточного» культурного пространства китаец, а также русский), обладает ценностями, к которым стремится западный мыслитель: способностью принять непоследовательность как позитивное начало, не страшась создать интеллектуальный хаос, возможностью бросить вызов монополющему положению рационалистического сознания, не подрывая тем самым ценность культуры, принятием коллективности и диалогизма как естественного и необходимого способа существования личности. У Лотмана же освобождение от утопического рационализма совершается путем конструирования «другого» обитателя «западного» пространства, последователя римско-имперской и римско-католической традиции, с ее культом законов и институций. Этот «другой» принимает на себя все отрицательные признаки, все то, чем культура (и ее модель) не должна быть: абстрактность, формальную жесткость, пренебрежение человеческим аспектом культуры.

Если Барт, Кристева, Деррида пытаются создать новое духовное пространство, атакуя «тоталитарный» духовный

порядок с периферии, извне, как бы с позиции «другого», то Лотман добивается сходного результата путем оттеснения этого рационалистического порядка на периферию своего мира, возлагая ответственность за этот самый порядок на «другого». Выделяя «прагматико-активную напряженность» советской семиотики У. Эко подчеркивал проблематичность некоторых вопросов идеологического характера в культуре страны, как, например, проблему отношения между теорией отражения, нейтральностью семиотической науки и законами знаковых систем. Возникшая в среде лингвистов, кибернетиков, математиков, и, таким образом, поначалу освобожденная от необходимости считаться с официальным марксизмом, семиотика все же в конечном итоге не уходила от обдумывания ключевых вопросов своей культуры и, в этом смысле, выступала как некий провоцирующий элемент в академической среде. «Служители системы» и Правые и Левые несомненно почувствовали нечто подрывное в лотмановских размышлениях: «Истина без сомнения рождает фанатизм. Истина вне сомнения, мир без смеха, вера без иронии – это не только идеал средневекового аскетизма, это и программа современного тоталитаризма»¹¹. Во-первых, таковым было его понимание текста как модели культуры, не в качестве филологического феномена, но как сложной деятельности, которая творит смысл – семиотической деятельности. Такое понимание перевело фокус с текста на его окружение, посредством этого погружая текст в историю и социум: текст порожден не только внутренней игрой лингвистическими элементами в пределах закрытой структуры, но также действиями и движениями культуры. Синхроническая структура, которую мы имеем перед собой (отдельный текст Шекспира, например) таким образом, есть продукт конфронтации текстов с предшествующими и соседствующими языками описания. Порожденный культурным диалогом (Лотман также использует концепцию Бахтина), текст производит значение языка – новое по отношению к уже существующим. Выступая против узкого формализма, Лотман выделял общий принцип важности среды для произведения и показывал произведение как наиболее типичную ее манифестацию, что впоследствии отразится в его концепции семиосферы.

В результате, язык искусства не может быть изучаем простым перенесением лингвистических моделей, как Jakobson и некоторые структуралисты до сих пор утверждали. Параллельно с концептом интертекстуальности Юлии Кристевой, Лотман разработал понимание искусства как «вторичной моделирующей системы». Хотя Ф. де Соссюр и подчеркивал важность отношений знаков к друг другу, одна из слабостей структуралистской семиотики – тенденция трактовать индивидуальные тексты как дискретные, отграниченные объекты и фокусироваться исключительно на их внутренних строениях. Первая аналитическая задача структуралиста часто видится как задача разграничить систему (что должно быть включено и что исключено), которая является логически понятной, но онтологически проблематичной. Даже оставаясь в пределах парадигмы структурализма, мы можем увидеть, что коды выходят за рамки структур. Кристева рассматривает тексты в терминах двух параметров: горизонтальная ось, соединяющая автора и читателя текста, и вертикальная ось, которая соединяет текст с другими текстами. Объединение этих двух параметров используется кодами: каждый текст и каждое прочтение зависят от предшествующих кодов, каждый текст находится под юрисдикцией других дискурсов, которые налагают на него

универсум. Прежде чем рассматривать структуру текста, мы должны изучить его «структуриацию» (как строение возникло). Это подразумевает расположение его внутри всего множества предыдущих или синхронных текстов.

Интертекстуальность — это гораздо больше, чем влияние авторов друг на друга. Для структуралистов, язык имеет полномочия, которые не только превышают индивидуальное управление, но также и определяют субъективность. Структуралисты стремились противостоять тому, что они рассматривали как смещение в литературной и эстетической мысли, которая подчеркивала уникальность и текстов и авторов. Идеология индивидуализма (и связанные с ней концепции авторской «новизны», «творческого потенциала» и «выразительности») — наследие пост-Ренессанса, которое достигло его пика в Романтизме, но которое все еще доминирует в популярном дискурсе. «Авторство» было историческим изобретением. Концепций типа «авторства» и «плагиата» не существовало в средневековье. Люди не придавали такой важности установлению точной идентичности автора книги, которую они читали или цитировали, какую придаем мы теперь. Соссюр подчеркивал, что язык — система, которая существует до индивидуального пользователя. Структуралист и постструктуралист «всегда уже» позиционирован семиотическими системами (и наиболее четко языком). Современные теоретики считают, что язык говорит посредством субъекта, скорее, чем субъект посредством языка. Когда авторы пишут, они также написаны¹².

Введение Лотманом термина «моделирующая» по отношению к «системе» в теоретическом смысле необычайно расширило определение, данное Соссюром. Лотман перестает говорить о «знаке»: искусство рассматривается им не как система знаков, а как моделирующая система, — иными словами, система, позволяющая построить «модель». Модель отличается от знака как такового не только тем, что занимает место денотата (референта), но и прекрасно заменяет его в гносеологическом и нормативном процессах. Знак как культурная единица, в которой прежде всего важно *signifie*, берет начало в русской литературной критике XVIII века, чьей характерной чертой было отражение общественных проблем в литературе. По Лотману основанное на естественном языке, искусство тем не менее феномен другого, «сверхструктурного» порядка: оно перераспределяет первичную логику языка согласно новым логическим правилам, даря человеческой природе новые когнитивные возможности, отличные принципы логики для реконструкции себя самого и мира. С этой точки зрения, семиотика была для Лотмана наукой, которая исследовала интеркоммуникацию и перестроение информации и структур как сущностных фактов культуры, как сущности культурной и социальной жизни. Он утверждал, что не может быть ни культуры, ни ее изучения без принятия в расчет трансформационной сущности значения, а идея эта поднимала проблему и для формализма, и для догматизма. Лотман применял этот семиотический или теоретический концепт не только к русской истории культуры, в особенности к исследованию «Евгения Онегина» Пушкина, но и к Вольтеру, Монтескье, Веласкесу.

В 1985 году в Италии выходит «La semiosfera. L'asimmetria e il dialogo nelle strutture pensanti» (она собрала по большей части неопубликованные в СССР труды исследователя, которые он написал в 80-х годах, таким образом итальянский читатель стал «идеальным читателем» нового лотмановского сообщения), стало

возможным наряду с исследователями из той культурной среды, в которой сформировалось научное сознание Лотмана, назвать и имена крупных ленинградских ученых 20-х годов — таких, как нейрофизиолог Ухтомский или биолог Вернадский, своими «Размышлениями натуралиста» (где широко использованы принципы симметрии, асимметрии, энантиоморфизма) способствовавший более детальной проработке Лотманом концепции диалога. Общей основой для этих размышлений послужила научная революция, совершенная физиками XX столетия, позволившая включить произведение ученого в современный международный эпистемологический контекст. На основе выявления общих механизмов динамического бытия всех живых структур — от атома до человеческого организма, от художественного текста до культуры, и так до самой Вселенной — стало возможным изучать связь идей Лотмана с идеями Бейтсона, Матта Бланко, Элкана, Яуха, Холтона, чтобы через анализ принципиально схожих выводов ведущих современных биологов, физиков, психиатров и эпистемологов, найти подтверждение гипотезам советского семиотика-гуманиария. Результаты, которых достиг Лотман в анализе теории коммуникации и художественного языка в частности, являются прочной основой международных семиотических исследований. В среде итальянских ученых особое значение придается лотмановской мысли о неизбежности «двойной реальности» в культуре: культура как система-модель и культура как текстопорождающее устройство; как система памяти и динамический процесс запоминания; как язык и речь; как граница обозначения и как его отправная точка, а также анализу эвристических возможностей, которые представились с момента обращения семиотики к проблемам культурной типологии. Помимо всего прочего, общая точка зрения более или менее совпадает с новой концепцией текста и вопросом определения его в рамках семиотики и культуры. Если любой текст может рассматриваться и как дискретный, и как континуальный, то художественный текст, в частности, представляет собой как бы многослойный, семиотически разнородный объект. Благодаря своей способности сохранять информацию, он приобретает свойство памяти и совершает «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией, теряя таким образом свое официальное свойство: пользователь уже не «расшифровывает» текст, а «общается с ним». Здесь никогда не присутствует подлинное лингвистическое общение, а в основном — семиотическая деятельность в широком смысле этого слова: значение выражения всегда есть переложение, перевод. Внимание к акту прочтения, интерпретации, сотрудничеству или кооперации с адресатом в целом присуще как Лотману, так и его итальянским коллегам. Чтобы текст функционировал как смыслопорождающий механизм, необходимо наличие собеседника. В действительности, текст в своем функционировании может быть описан (и может постигать сам себя) на основе различных культурных моделей. Ему присуща полисемическая природа, благодаря которой он никогда не перестает создаваться, но и не отрывается от своих корней: следовательно, он может быть декодирован разными способами, каждый из которых законен, если отличается последовательностью. Границы истолкования совпадают именно с правами текста, а не с правами его автора. Речь идет опять же об утверждении образа истолкования, подчиненного законам интертекстуальности. Изучение культуры как универсального единства и изучение отдельного текста — то есть культурология

и литературная критика — выступают в качестве единой области исследований с применением одних и тех же методов. Тенденция к пересмотру отдельных произведений в свете предложенной Лотманом концепции семиосферы, то есть с точки зрения взаимосвязи, взаимодействия и единства всех звеньев в цепи, довольно близка к понятию «энциклопедии» как «семиотического постулата» (*postulato semiotico — tessuto rizomatico di proprietà culturali*) того же Эко. Анализ игры символических воспроизведений с интерпретирующими моделями, информации с общением, творения культуры с ее потреблением, приводит к лотмановской «*La cultura e l'esplosione*» («Культура и взрыв»), где анализ многообразия потенциальных связей между элементами смысла позволяет выявить многомерное смысловое пространство как в синхронии, так и в диахронии¹³.

В 1992 году из тартуской кафедры русской литературы выделилась кафедра семиотики — ее возглавил Лотман. В это время статьи Лотмана продолжают публиковаться за пределами Эстонии: в Москве, в Ленинграде, в Западной Европе. Также выходят книги; ученый получил почетный заказ от английского издательства «I. B. Tauris & Co. Ltd.» на книгу о семиотике, и она вышла в 1990 г. в переводе Анн Шукман и с предисловием У. Эко: *Yuri M. Lotman. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London; New York. Уже посмертно книга вышла в первозданном виде: «Ю. М. Лотман Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история».¹⁴ И самая последняя книга — «Культура и взрыв».¹⁵ Всемирная популярность Лотмана способствовала его избранию в престижные редколлегии научных изданий, в члены-корреспонденты Британской Королевской академии, в члены Норвежской академии наук. В Эстонскую АН он был принят только в 1990 г.

Структурализм Лотмана отправляясь от строгого определения структуры, через понятия вторичной моделирующей системы (открывающее интерструктурную перспективу) и семиосферы (пространства, в котором реализуется знаковая жизнь человека) доходит до утверждения значения непредсказуемости в механизме развития систем. Несмотря на замечание Натальи Автономовой¹⁶ о том, что Лотмана проще представить в обществе Р. Якобсона или К. Леви-Стросса, чем в обществе постструктуралистов, к которым он был ближе по возрасту. Несмотря на смущение западных комментаторов его всегда-предположением существования материальной реальности за знаками и цифрами (для Р. Лахман и Ю. Кристевой этот поиск обозначаемого за обозначаемым прямо противоречит у Лотмана концепции динамических моделей, т.к. ограничивает творческие потенции текста), многие центральные позиции последних работ Лотмана — концепция взрыва и динамики

непредсказуемого, движение к диалогу, обращение к метафоре и личным наблюдениям — имеют постструктуралистский характер. И все же Юрий Михайлович никогда не был в полной мере ни структуралистом, ни постструктуралистом, он стремился получить более точные и новые положения о тонких отношениях между действительностью, текстом, моделью мира, обществом и человеком с помощью дополнительных методов и структурных единиц.

1. См. М. Де Микиел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 295.
2. См. Julia Kristeva On Yuri Lotman // Publications of the Modern Language Association (PMLA) 109(3), С. 375-376 (1994).
3. «Вопросы литературы», 1967, No 1. С. 90-100.
4. См. М. Де Микиел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 297.
5. Лотман считал, что в каждый момент времени любое общество имеет свои модели сигнификации и свои модели коммуникации, признавая одни из них центральными, другие относя к периферии. Подобным же образом М. Фуко описывает проблему признания, что есть правда, что есть ложь: общество борется за то, чтобы те или иные тексты были признаны более правильными, нужными; одни из них начинают вытеснять другие, осуществляя это за счет внимания критики, внесения в списки для обязательного чтения в школе и в университете и т.п.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. Г. К. Косинова; - М.: «Прогресс», 2000. — С. 428.
7. См.: Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // <http://www.aber.ac.uk>
8. См. Гаспаров Б. В поисках «другого» (Французская и восточно-европейская семиотика на рубеже 1870-х годов) // НЛЮ 1996, № 14.
9. «Статьи по типологии культуры», вып. 1 (Тарту, 1970); «Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика» Труды по знаковым системам, 5 (Acta et commentationes universitatis Tartuensis, 284). Тарту, 1971. С. 167-176; «О двух моделях коммуникации в системе культуры» Труды по знаковым системам, 6 (Acta..., 308). Тарту, 1973, с. 227-243; «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры» Труды по русской и славянской филологии, 32 (Acta..., 513). Тарту, 1981. С. 316.
10. См. Гаспаров Б. В поисках «другого» (Французская и восточно-европейская семиотика на рубеже 1870-х годов) // НЛЮ 1996, № 14.
11. Ю. Лотман. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. — М., 1998. — С. 650—669.
12. См.: Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // <http://www.aber.ac.uk>
13. См. М. Де Микиел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. М., 1995. С. 300.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров, М., «Языки русской культуры», 1996, при участии Тартуского университета
15. Лотман Ю. М. Культура и взрыв, М., «Гнозис», 1992
16. Дмитриева Е. Московско-парижская одиссея, или Цена интеллектуального бесстрашия (о тематическом номере журнала «Critique», посвященного современной России) // «НЛЮ» 2002, №55.

«О СИНТЕЗЕ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ»

Киёказу
Накатоми

др. философии, профессор
Высшая школа Ямашита
префектура Шига, Япония

Говорят, что теория относительности и квантовая теория независимы друг от друга. Их отношения похожи на воду и масло. Теперь в рамках современной физики важно синтезировать эти две теории. В физике и математике изучается теория суперструн, но вместо нее появляется десятимерный мир. Он более сложный по сравнению со струной планковской длины. В десятимерном мире физика сталкивается с темнотой и небытием, которым человек не в силах дать объяснение с помощью обычных физических терминов. Решение зависит от философии. Я попытался синтезировать эти две теории и небезуспешно. Вкратце теория относительности и квантовая теория несовершенны, они освящают лишь часть вселенной. Человек может постичь всю вселенную только благодаря философской интуиции небытия и бесконечности (принцип небытия и любви).

Пять лет назад (2002 г.) я опубликовал «Философию небытия и любви» (Хокудзю Ко, Токио), в которой я изложил движение «небытия как реальность», являющуюся течением жизни и движением вселенной и мира. С этой точки зрения, я хочу предложить решение самой важной проблемы в современной физике путем синтеза теории относительности и квантовой теории. Моя философия приводит к синтезу этих двух теорий. Уже говорилось о том, что теория относительности и квантовая теория полностью независимы друг от друга и что их отношения похожи на воду и масло. Однако, для современной физики их синтез очень важен. В физике и математике изучается теория суперструн, подразумевающая десятимерный мир, а не обычный мир трех измерений. Что собой представляет этот десятимерный мир? Десятимерный мир понять намного сложнее по сравнению со струной планковской длины. (10⁻³³ см). В десятимерном пространстве физика сталкивается с темнотой и небытием, которые человек не в силах объяснить в рамках традиционной терминологии физики. Решение требует философского подхода. Так я и поступил и успешно их синтезировал. Следующие утверждения составляют сущность моего синтеза. Во-первых, следует пересмотреть математику, основу, от которой зависит достоверность физики. Сначала я задам вопрос, что такое математическая точность? Затем я продолжу синтез теории относительности и квантовой теории.

Польза и относительность математической точности.

Математическая точность кажется универсальной и абсолютной, например $1+1=2$, $3+4=7$, а согласно евклидовой геометрии параллельные линии не пересекаются до самого

конца вселенной. Но эти математические точности реализуются только на земле и в окружающем ее пространстве. Возможно, математическая точность недостоверна вне солнечной системы, не говоря уже о галактической системе. Математика - наука, объясняющая мир и вселенную посредством цифровых формул и чисел. Объектом и задачей математики является решение и выражение количественных отношений. Поэтому она не включает субъективную эмоциональную оценку, страдание и действительность человеческого существования. Это и ограничивает математику. Математика и абстрактная логика объясняют только внешнюю часть мира. (Эта мысль принадлежит Генри Бергсону и Анри Пуанкаре). Поэтому взять математику за основу достоверности невозможно. Поступая таким образом, мы пытаемся объяснить целое по частям. Используя метафору Майкла Д. Лемоника, часть представляет Род-Айленд в Америке, а целое - земля. Наш мир достоверности размером с Род-Айленд (самый маленький штат в Америке) в соотношении со всей землей. Наука может освятить только Род-Айленд, а не всю землю. В остальном мире нет света, это бесконечная темнота. Темный мир бесконечен в пространстве, пространстве вселенной, которое наука не в силах измерить, так как ее рамки ограничены. Это целое выше традиционных представлений и его можно постичь только с помощью интуиции. Поэтому границы вселенной таковы: если кто-то скажет, что они существуют, значит они есть, если же кто-то скажет, что они не существуют, значит их нет.

Эта логика выходит за пределы бытия и небытия. Мы называем это абсолютным небытием. Эта логика решает самую сложную проблему современной физики.

Сходства и различия теории относительности и квантовой теории.

На фоне евклидовой геометрии, которая господствовала в Европе на протяжении 2000 лет, Декарт и Ньютон разработали трехмерную пространственную систему координат. Эта система координат применялась в конструировании и архитектуре. Она послужила основой для современной науки и цивилизации. Но она имеет силу только на земле и в окружающем ее пространстве. Система координат важна для конструирования и архитектуры. И это правда. Но она не выражает реальность вселенной. Бергсон указал в своих работах ограничения современной науки и математики. В особенности он писал, что трехмерное координатное пространство является лишь абстрактным пространством и не выражает реальности. Эйнштейн добавил временную ось к трехмерной системе координат и разработал таким образом четырехмерное пространство (риманово пространство). Но для объяснения вселенной этого недостаточно. Он использовал оси и трехмерную координату, базирующуюся на прямых линиях. Итак, сами по себе прямые идеальны, следовательно, четырехмерное пространство тоже идеально. Это неидеальное мнение. Несмотря на это Эйнштейн пренебрег абсолютным статическим пространством и отбросил традиционную евклидову геометрию. Но он придерживался математики и координатной системы обозначения. Он принял риманово пространство и опирался на математику.

Но использовать координатную систему обозначения – это значит считать движущуюся и развивающуюся вселенную статической системой. С точки зрения квантовой теории, постижение движущейся вселенной посредством статической системы ошибочно, имеет искажения и неточности. Это отрицание статической системы и неограниченности. Отрицание неограниченности объединяет теорию относительности и квантовую теорию. Далее я укажу на различия двух теорий. Первое различие состоит в отрицании пространственных координат. Поскольку положение и импульс частицы имеют небольшие погрешности, колебания и неопределенность, то существует и недостоверность в колебании и погрешностях. Недостоверность является небытием неопределения. В небытии недостоверности система координат не действует. Пространственные координаты, самый точный инструмент в математике, бесполезны в таком контексте. Эйнштейн отрицал евклидову геометрию и вместо нее ввел риманово пространство. Эйнштейн также опирался на математику. Бор не пренебрегал математикой, но делал больший акцент на факты. В результате он не закончил описание в рамках координатного пространства. Это означает отсутствие математики. Позднее Александр Виленкин имел более радикальное мнение по этому вопросу. Он написал статью «Творение Вселенной из ничего» в журнале «Physics letters» (часть В, 1982) с помощью лишь нескольких цифровых выражений. Второе различие между этими теориями заключается в отрицании непрерывности. В небытии неопределения не существует непрерывности пространства, например квантовое изменение. Это означает отрицание закона причинной связи. Мы не найдем закона причинной связи в небытии недостоверности. Мы находим закон причинной связи только в непрерывности и ограниченном пространстве. Согласно Бору, закон причинной связи берет начало в единственной сознательной попытке, которую мы предпринимаем для применения наших навыков, и стал неотъемлемой частью нашего языка и мышления через опыт. После того как человек овладел навыком познавательного мышления, принцип причинной связи не имел себе равных, и стал идеалом для научного объяснения. Именно этот вид мышления мы находим в философии Китаро. Нисида, первый настоящий японский философ (в том числе и Бергсон).

Происхождение теории относительности.

Теория относительности представляет собой отрицание неограниченности физического явления и недостаток субсистенции с философской точки зрения. Поскольку мир и земля находятся в движении, то не существует абсолютного условия покоя и абсолютного фиксированного пространства. Мне кажется, что я нахожусь в покое, хотя я нахожусь в движении из-за вращения и движения земли по орбите. Я способен понять себя лишь в движущемся мире, в котором все тела находятся в движении. Поскольку абсолютное фиксированное пространство отрицается, не существует абсолютного центра вселенной. У меня нет определенного положения в пространстве. Я знаю лишь мое относительное положение во вселенной. Такое отрицание неограниченности выражает небытие как недостаток субсистенции. Вещь не существует сама по себе, а вещи существуют во взаимосвязи с другими вещами. Мы можем лишь относительно понять землю: как отрицание неограниченности. Одним из методов достижения относительного понимания является трехмерное координатное пространство Декарта и Ньютона. Поскольку абсолютного пространства во вселенной

не существует, каждый человек находится в центре вселенной. Каждый будет в центре вселенной. Это радикальный субъективизм. Бор тоже изложил такой субъективизм. С точки зрения квантовой теории, не существует различия между субъективизмом и объективизмом. Мы должны быть и зрителями и актерами («Дискуссии с Эйнштейном: Атомная физика и человеческое познание», стр. 63). В отличие от Бора, Эйнштейн создал четырехмерное пространство. Он добавил трехмерную координату к временной координате и ввел риманово пространство. Теория относительности Эйнштейна является лишь частичным объяснением вселенной и это не полное объяснение вселенной. Выше я проиллюстрировал относительность математической точности, это ограничивает теорию относительности и ставит ее в зависимость от математики. Эйнштейну нравились простые математические системы, порядок и гармония. Но простая математическая система является идеальной системой, которая отделена от реальности непрерывной абстракцией. Это означает, что он поддерживал значение классической физики и математики.

Происхождение квантовой теории.

Квантовая теория обязана своим началом принципу неопределенности. Этот принцип гласит о том, что невозможно одновременно точно определить положение и скорость частицы. Таким образом, признаются погрешности и искажения. Эта погрешность означает неопределение и неопределенное небытие. Вернер Гейзенберг столкнулся с неопределенным небытием в мире частиц. В своей очередной статье «О наглядном содержании квантово-теоретической кинематики и механики» (1927) он интуитивно постиг неопределенное небытие положения и скорости (момента) электрона и затем описал опыт как принцип неопределенности. В тот же год Хайдеггер, великий синтезатор европейской философии, интуитивно постиг небытие как смерть и опубликовал книгу «Бытие и время». Это не случайность, а неизбежный результат философской интуиции. Интуиция не сводится к философии. Она простирается на каждую область знания. Гейзенберг постиг небытие в физике и выразил его как степень свободы («Часть и Целое» Вернер Гейзенберг, издательство Пипер, стр. 75)) и неопределенности.

Гейзенберг знает границы науки. Наука может охватить лишь малую часть вселенной. В сравнении с этим можно говорить о целостности вселенной следующим образом. Если говорят о ее существовании, значит, она существует. Если говорят, что она не существует, значит, ее нет. Человек не может определить ее точно. Она выходит за пределы бытия и небытия. Я называю это абсолютным небытием. Это соответствует концу вселенной в макро масштабе. В каком-то смысле квантовая теория затронула реальные факты мира и вселенной. Изученный мир является ограниченным миром, а неизученный мир огромен. Изученный мир является неопределенной территорией и открытостью бесконечной возможности (небытия). Позднее Бор также говорил об открытости широкого пространства опыта, описанного квантовой теорией.

«С помощью квантовой механики мы овладели обширной областью исследований; важнее всего, что мы оказались в состоянии описать в деталях многие физические и химические свойства элементов». Теория атома и принципы описания природы; Биология, том 18, 1930, стр. 76.

Согласно традиционной космологии, в пространстве нет энергии. Но пространство вселенной требует энергии, поскольку

ему не хватает энергии Большого Взрыва. Расширение вселенной объясняет вакуумную энергию. Тогда что такое вакуумная энергия? Вакуумная энергия и другие частицы являются реальными, течение жизни, проходящее через весь космос, все вещи (я проиллюстрировал небытие как реальность «Философия небытия и любви»). Поскольку реальность невозможно описать словами, ее называют небытием, небытие как реальность. Квантовая теория и современная космология столкнулись с небытием, которое превосходит границы слов, математики и физики. Теория относительности постигла и выразила небытие как недостаток субсистенции, так как она настояла на использовании математических выражений о движущемся мире. В заключение, теорию относительности и квантовую теорию объединяет отрицание неограниченности; и Эйнштейн и Бор

постигли небытие как недостаток субсистенции (субстанции). Теория относительности настояла на выражении вселенной через математические термины, с другой стороны, квантовая теория, считаясь с математикой, не всегда ограничивается математикой. На мой взгляд, обе теории выражают принцип небытия (небытие продолжается до бесконечности, бесконечность до вечности, вечность до метафизического бытия) и затем продолжают отделять свои теории по моему принципу. После разделения они развивают свои теории независимо. Теория относительности и квантовая теория только части моей философии. Строго говоря, моя философия, принцип небытия и любви, является происхождением теории относительности и квантовой теории, и уже повлияла на синтез обеих теорий.

С. В. Мошкин

НЕПРОЯСНЕННОЕ ПРОШЛОЕ

**Мошкин
Сергей Вячеславович**

доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института философии и права
УрОРАН

О событиях в Петрограде осенью 1917 года мы знаем, кажется, всё. Чего тут еще добавить? — тысячи книг и статей, сотни диссертаций и художественных фильмов, а еще памятники, картины, поэмы, песни и даже балетные постановки... Но всё это ничуть не проясняет сути случившегося. Октябрь 17-го по-прежнему остается самой затуманенной темой нашей исторической памяти. Отсюда и крайние оценки событий тех лет. Для одних — это поистине «великая социалистическая революция», для других — «переворот» экстремистов-маргиналов или даже «жидомасонов». Согласия нет ни у политиков, ни у ученых. Что уж говорить про обывателей. Для большинства из них представление о революции — это набор художественных образов (крейсер «Аврора», штурм Зимнего, Керенский в женском платье), не имеющих никакого отношения к реальным событиям тех дней, а порой и просто пропагандистски лживых.

В последние годы идет буквально лавина публикаций с сокрушительной критикой Октябрьской революции как своего рода исчадия ада, как причины причин всех наших бед. По этим публикациям выходит, что революция сбила Россию с ее «естественного» пути, не дала возможности воспользоваться плодами экономического роста, начавшегося на рубеже XIX и XX веков. При этом дореволюционная Россия идеализируется, изображается в лубочных тонах как страна богатая, благополучная, населенная трудолюбивыми, добропорядочными людьми, между которыми царили лад и согласие, страна, говоря словами Александра Галича, «где рождаются счастливыми и отходят в смирение». Революция становится, таким образом, не следствием глубинных противоречий, а банальным государственным переворотом, свершенным к тому

же горсткой чужаков и маргиналов, которые явились, чтобы реализовать в России иностранную марксистскую утопию, глубоко чуждую русскому народу. Большевизм представляется феноменом маргинальным и к тому же глубоко чуждым русской истории. На такой трактовке Октября особенно усердно настаивают русские националисты, для которых слова «чужой» и «иностранный» всего лишь эвфемизмы слова «еврейский».

Радикальная критика революции, выдаваемая к тому же за восстановление исторической правды, еще дальше, чем классическая марксистско-ленинская интерпретация, уводит от постижения сущности этого события. В самом деле, если революция — вершущечный переворот, совершенный чужаками-фанатиками для воплощения заветов Маркса на не приспособленной для них русской почве, значит, у нее не может быть и собственного глубинного социального содержания. Революция превращается, таким образом, в своего рода, природное, стихийное бедствие, в «катастрофу». Она переходит в категорию явлений, независимых от воли и сознания людей, а, следовательно, люди и не несут за нее никакой ответственности. В итоге интерпретированной таким образом революции получается до полной неузнаваемости искаженное изображение интересующего нас сюжета. С одной стороны — всемогущая, на все способная власть, овладевшая гигантской стихией с названием «Россия», с другой — безгласное, терпеливое, немощное население этой страны. Народ — жертва власти. Власть — чуждый народу изверг. С таким уровнем, с такой «глубиной» постижения прошедшего можно лишь повторять старые глупости и делать новые.

Логика радикальной критики революции в том, чтобы превратить весь советский период вместе с его олицетворением — сталинизмом — в своеобразный исторический шлак, в ничто. Если этот период — результат заговора кучки чуждых русской истории маргиналов, если вся советская история — не что иное, как воплощение не свойственной русской почве марксистской теории, его вполне можно считать в целом досадным завихрением, своего рода продолжительным историческим вывихом, а не собственно историей, а значит, он и не стоит того, чтобы его, как особый период, вписать, на равных с другими, в «правильную» русскую историю.

Так вполне логично из совпадения и соединения, с одной

стороны, политических охранительных интересов властей и, с другой стороны, интересов психологически выбитого из колеи и ищущего хоть какую-то жизненную опору населения наше прошлое в очередной раз «вычищается». Во всем историческом периоде после 1917 года в качестве двух достойных внимания вершин оставляют Победу в ВОВ — для легитимации нынешнего режима — и Октябрьскую революцию — для демонстрации случайности былого «реального социализма» и для социального «обнуления» всего советского периода, чтобы вообще «вычеркнуть» его за ненадобностью из «правильной» русской истории. Обе эти вершины в ходе соответствующих интерпретаций приобретают, казалось бы, совсем не свойственное истории функциональное назначение: не понять, а, наоборот, скрыть сталинистскую сущность нынешнего режима. Или, что одно и то же, если вдуматься, — утвердить в массовом сознании мысль, что коррупция, организованная преступность, беззаконие и безнравственность — всего лишь досадные временные отклонения, а не сущность нынешних власти и социума как преемственного продолжения сталинизма.

Прежде всего, чтобы понять глубинный смысл 1917 года, надо в полной мере представить себе степень разрушения самих оснований еще совсем хрупкого к тому времени общественного устройства России. В конце XIX — начале XX века российское общество только начинало структурироваться, то есть формироваться именно как современное общество. В таком состоянии социальной, национальной, экономической нестабильности и недостаточности это весьма хрупкое общественное устройство подверглось испытаниям сначала японской войны и первой революции, а затем практически без передышки — еще более тотальным и суровым хозяйственным, финансовым, продовольственным испытаниям Первой мировой войны. Если при этом учесть, что война сопровождалась мобилизацией почти шестнадцатимиллионной армии, почти полным расстройством железнодорожного транспорта, финансов, опустением крупных городов, остановкой предприятий, потерей огромных территорий; если учесть, что все эти колоссальные процессы развивались по нарастающей примерно до 1922 года, а 1921 год к тому же — это еще и вызванный двумя неурожайными годами подряд, да к тому же организованный на всю страну голод, унесший шесть миллионов человек, то можно представить, в какую перспективу в целом вписывается 1917 год. При всем при этом надо иметь в виду, что уже с лета 1918 года начинается Гражданская война, а параллельно с ней с того же момента Россию накрывает и еще одна война, не растворяющаяся в Гражданской и не вливающаяся в нее целиком и полностью, — крестьянская война против советской власти.

Даже простой перечень всех этих драматических и трагических событий, грандиозных явлений и процессов дает ошеломляющее представление о происходившем. Но надо еще вообразить, как именно все эти явления и процессы отразились на конкретных судьбах людей, как они преломились в их жизненной повседневности. Разрушительная лавина смела почти все едва проклюнувшиеся начала современной культуры. Жизнь стремительно продвигалась к примитивизации во всех ее формах. Для большинства людей оставались реальными, по существу, лишь самые элементарные формы жизнедеятельности, которые способствовали их физическому выживанию. Будучи преимущественно страной деревенской культуры, Россия

на глазах у современников окрестничивалась еще в большей степени. Архаизация жизни стала повсеместной. Она захлестнула не только быт, способы пропитания, но и все вообще отношения между людьми. Примитивизация всей жизни способствовала пробуждению в людях животных инстинктов, они стали еще в большей степени агрессивными, нетерпимыми, жестокими.

По существу, если иметь в виду весь массив социальности, Россия откатилась куда-то на уровень родоплеменной культуры, подвергшейся к тому же экстремальным испытаниям. Повторять при этом вслед за марксистско-ленинской историографией, что суть социальности определялась тем, что революция экспроприировала помещиков и капиталистов и передала все экспроприированное в руки народа? То есть утверждать, что у эксплуататоров она якобы забрала собственность, активы, финансы и все передала тем, кому это все должно принадлежать по праву и по достоинству? Твердить что-то похожее означало бы просто-напросто выйти из темы, переместиться из рассмотрения определенной исторической реальности в какую-то иную, созданную воспаленным рассудком утопию. Даже реальные факты, которые действительно имели место и которые потом были наречены национализацией, конфискацией, экспроприацией, вписываются в совершенно иное состояние социальности, ничего общего или хотя бы отдаленно схожего с приведенной выдуманной формулой не имеющее.

Но все-таки не менее и даже, скорее всего, более важно для понимания самих себя сегодняшних попытаться ответить на вопрос: а чем же он все-таки был, чем стал и остается ли чем-нибудь этот 1917-й для ныне живущих?

Очевидно, что он не просто остается «чем-нибудь», но и продолжает определять самую что ни на есть нашу коллективную самость. Поскольку, как представляется, 1917 год, как и Победа в ВОВ, относятся к тому типу прошлого, которое в прошлое уходить не хочет. Прошлое, которое не хочет уходить, — это прошлое, еще не преодоленное. Оно еще не стало отчужденным для людей, продолжающих им жить, не превратилось для них в объект отвлеченного обозрения. О таком прошлом не рассуждают отстраненно, исключительно из любознательности, как, например, можно рассуждать о Жанне д'Арк или крестоносцах. Таким прошлым продолжают жить. Не только жить буквально, можно сказать физически, будучи вовлеченными в продолжающиеся из него социальные, экономические, бытовые процессы. Таким прошлым продолжают жить и интеллектуально тоже, психологически, если угодно, духовно. Продолжают жить, не переставая думать, пытаюсь понять и не находя ответов на одни и те же терзающие людей вопросы. А если такое, не преодоленное еще прошлое пытаются подчистить или вытеснить из сознания вообще, оно превращается в то, что болит, — в болезненную память общества. Когда еще не пережитое и не до конца осознанное уже пытаются насильственно отсечь и преуспевают в этом, появляется и постоянно усиливается смутная боль, сводящая иногда людей с ума именно своей неопределенностью, таинственностью. Болезнь эта в медицинских терминах называется амнезией, на языке эпоса, по Чингизу Айтматову, — манкуртством, а на языке социологии общество, лишенное исторической памяти, — это общество, не способное вписаться в определенную традицию и, следовательно, не способное воспринимать себя адекватно. Другими словами — это еще не общество, а пока только население, лишенное идентичности.

ДИСКУРС ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОФЕССИИ: НЕ ТОЛЬКО ЦЕХ, КОРПОРАЦИЯ – НО И СООБЩЕСТВО!

Олешко

Владимир Федорович

доктор философских наук, профессор, заведующий
кафедрой периодической печати УрГУ

Два года назад факультет журналистики УрГУ представил коллегам и общественности сборник «Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры»¹. Он вызвал неоднозначную реакцию уже потому, что мы там не просто впервые заявили и обосновали использование в теории и на практике термина «профессиональная культура журналиста», но и попытались доказать, что в новых условиях всем, кто озабочен судьбой отечественной журналистики, кто системно занимается или планирует заниматься подготовкой и переподготовкой кадров, никак нельзя разделять ментальные и технологические её составляющие. Проще говоря, бесполезно учить человека делать что-то руками, если у него в голове сумбур, сумятица или все силы его направлены на реализацию единственного желания – заработать с помощью нашей профессии побольше денег. Как «альтернатива» – «прославиться», «быстро выйти в люди», «представлять интересы известных людей в журналах и на телевидении», «приобретя опыт, стать писателем» (из ответов абитуриентов факультета журналистики на собеседовании).

Профессор факультета журналистики Московского государственного университета С.М. Гуревич, декан факультета филологии и журналистики Саратовского университета В.В. Прозоров многие другие в своих рецензиях на книгу отмечали необходимость обсуждения проблем формирования и развития профессиональной культуры не только с практиками из СМИ, а прежде всего в студенческих аудиториях. Рецензент журнала «Социологические исследования» – издания Российской Академии наук – подчеркнув актуальность и своевременность книги на данную тему, акцентировала вместе с тем внимание на необходимости системного подхода к отслеживанию тенденций в профессиональной сфере журналистики и в целом массовой коммуникации. Многие журналисты-практики, к примеру, С.А. Тюлькин из Новосибирска, А.Я. Нахтигаль из Челябинска, москвичи А.Н. Шеремет, В.В. Луконин, екатеринбуржцы А.И. Гушин и О.В. Балезин, прямо ставили вопрос о необходимости включения предмета «Профессиональная культура журналиста» в число нормативных на факультетах журналистики России. Мотивация при этом была очень простая: «То, что обсуждают коллеги, говоря о профессиональной культуре, – ничто иное, как технологии повседневной творческой деятельности журналиста, противостоящей пиару, «джинсе», «заказухе» или откровенной халтуре».

Но все эти отклики убедили нас и в том, что проблема дискурсивного подхода к формированию и развитию профессиональной культуры журналистов в целом и информационной культуры деятельности в частности не так проста, как может показаться на первый взгляд. Дело в том,

что процессы демократизации нашего общества, развитие рыночных отношений в сфере деятельности средств массовой информации пробудили инициативу и тех людей, для кого масса-медиа лишь бизнес или газета или телеканал – «подручные», «приводные ремни»... нет, не партии (хотя аналогии некоторых сегодняшних фрагментов медиадействительности с известной цитатой из эры советской журналистики напрашиваются). Они пробудили инициативу и тех конкретных людей, а, говоря языком канцелярским, физических или юридических лиц, для которых СМИ – не более, чем подручные в реализации пропагандистских, пиаровских, лоббистских и иных целей. В этом случае «гнутся» под конкретную идеологию традиционные СМИ, создаются газеты и журналы «однодневки», определённым образом «форматируются» телеканалы. А ещё очень нужны бывают люди, не обязательно с профессиональным образованием, но готовые талантливо воплощать в медиапродукты любые информационные заказы «хозяев».

Нынешнюю ситуацию, связанную со СМИ очень точно обозначил в своей новой книге «Саморегулирование журналистского сообщества» Секретарь Союза журналистов России, Председатель Большого жюри, доктор юридических наук Михаил Федотов: «Отсутствие культуры свободной и честной журналистики на фоне экономического кризиса, политической прессинга, юридической необустроенности и нравственной неразберихи».

Впрочем, и политическое руководство страны, и журналистская общественность также озабочены подобным положением дел. Так 30 мая 2007 года, выступая на заседании Совета при Президенте России по культуре и искусству², Владимир Путин в числе основных проблем, которые стоят перед российской культурой в целом и перед СМИ в частности, назвал прежде всего те, что связаны с восприятием данного рода продукции, а также с утратой навыков свободно и правильно выражать свои мысли. По его словам, молодежь оторвана от своих корней и отличается также невысоким уровнем культуры поведения. Информационное пространство и Интернет имеют большое влияние на молодежь. Несмотря на это, доля ресурсов, которые связаны с культурой, занимает там всего полпроцента от всей информации.

Главный редактор журнала «Эксперт», член Общественной палаты РФ Валерий Фадеев 1 июня 2007 года в ходе заседания нижегородского отделения Клуба политического действия «4 ноября», обвинил средства массовой информации в коррумпированности, заявив: «Очень неэтично, когда СМИ публикуют заказную информацию за деньги под видом редакционных статей, что, по сути, является коррупцией, и сами представители СМИ это признают. Почему никто не говорит о коррупции в СМИ? Ведь средства массовой информации не менее, чем власть, важны для развития гражданского общества».

Председатель Комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности и свободы совести, директор Института этнологии

и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Валерий Тишков, выступая на круглом столе, который прошел 15 марта 2007 года в медиацентре газеты «Известия», выразил мнение, что люди, пришедшие в журналистику в начале 90-х годов прошлого века, сделали своим профессиональным кредо «утверждение самостоятельности, в результате чего были утрачены возможности коллективной этики и самоконтроля... Рейтинг оказался дороже страны, чести, жизни».

Масла в огонь по поводу «политического прессинга, юридической необустроенности и нравственной неразберихи» в современной российской журналистике подлила дискуссия, развернувшаяся в обществе по поводу судьбы газеты «Саратовский репортёр», 18 сентября 2007 года обвинённой в экстремизме. Столкнулись не просто точки зрения по поводу конкретного факта публикации коллажа с изображением Президента России в форме Штирлица, речь шла, о том, что журналисты как профессионалы должны чётко представлять границы дозволенного законом и нравственно-этического «пограничья». Но ведь для этого необходимо прежде всего разобраться в том, что подразумевается под терминами «экстремизм», «ксенофобия», «фашизм», «национализм», «информационная безопасность общества». Чтобы вылечить любую болезнь, её нужно точно назвать, поставить диагноз. «Ответственность журналиста состоит в том, чтобы оставлять за гранью своей деятельности провокационные высказывания деятелей, пытающихся дестабилизировать общество? – заявила в частности на уже упоминавшемся круглом столе в «Известиях» вице-президент «МедиаСоюза», заместитель председателя комиссии Общественной палаты РФ по вопросам глобализма и национальной стратегии развития Елена Зелинская. – Носители экстремистских идей должны находиться в информационном вакууме»...

Да, но вакуум при неумелом запретительстве может очень быстро порождать информационных чудовищ типа «боевых листов» нацболов. Следовательно, журналисты-профессионалы прежде всего внутри своего цеха, корпорации, а лучше сообщества (от приставки СО – сообща) должны разобраться в тех правилах, по которым они хотят жить и которым необходимо следовать, если ты не хочешь быть отторгнут сообществом свободных творцов. Ведь не случайно и то, что всё чаще политики и региональные лидеры различного уровня предлагают свои разнополярные мнения по поводу системной организации деятельности СМИ в новых условиях. И их диапазон воистину безграничен: от «законодательного обуздания распоясавшихся СМИ» – до «полной свободы масс-медиа, определяемой лишь рыночными механизмами и реальной конкуренцией». Звучат и

другие предложения. К примеру, один из членов Общественной палаты при Президенте России на уже упомянутом заседании предложил «немедленно принять этический кодекс журналистов», забыв или просто не подозревая о том, что подобные документы давно существуют в природе.

Документы есть, а профессионального СООбщества со своими писаными и неписаными правилами, общим пониманием того, что происходит в стране, и, главное, реализацией на практике одинаково этических подходов и технологий деятельности, нет. Как нет и тех, кого это сообщество отвергает как НЕпрофессионалов.

В данном контексте очень актуальной является и проблема информационной безопасности общества. Так, к примеру, в ходе наших исследований мы неожиданно выяснили, что лишь единицы наших коллег-журналистов знакомы с Доктриной информационной безопасности, Законом РФ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», не говоря уже о практике применения этих и многих других документов нормативного характера, или о системном опыте предупреждения типичных журналистских ошибок. Не нужно лишний раз повторять и то, насколько они актуальны, особенно в свете перманентного технологического обновления арсенала средств, используемых «генералами» и «рядовыми» информационных войн. Ведь назрела, на наш взгляд, также необходимость обменяться ростками (плодами?), «взращёнными» некоторыми СМИ и отдельными журналистами на плодороднейшей ниве профессиональной.

Оценка степени профессионализма в журналистике, его развития и совершенствования насколько актуальна, настолько и малоисследованна. И, повторим, нельзя её сводить только к профессионально-этической проблематике или кажущимся сегодня продуктивными технологиям творческой деятельности, как это нередко бывает в специальной литературе. Безусловно, и мы, теоретики журналистики, чаще всего только обозначаем сегодня большинство проблем и вопросов, требующих дальнейшего исследования совместно с социологами, политологами, психологами, информациологами. Но, как говорится, кто начал, тот уже не начинающий. Верится, что скоро в этом ряду можно будет назвать и специалистов новой формации – дискурсологов.

1. Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры. Тематический сборник статей и материалов. Под ред. профессора В.Ф. Олешко – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, Издательский Дом «Филантроп», 2005 – 320 с

2. Все цитаты приводятся здесь по сообщениям информационных агентств «РУСБАЛТ» и «ИТАР-ТАСС» за указанные числа.

Ю. В. Чемякин

КОРПОРАТИВНАЯ ПРЕССА И ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

**Чемякин
Юрий Владимирович**

кандидат политических наук,
доцент кафедры истории
журналистики
факультета журналистики
УрГУ

В настоящее время российское общество переживает сложные времена в духовном, нравственном плане. Это имеет множество разнообразных проявлений и печальных последствий - от безучастности людей к бедам и страданиям других до коррупции в органах власти, от бытового хамства до распространения наркотиков. Все это ведет к деградации российского общества и ослаблению государства.

Одним из самых мощных факторов, способствующих усугублению данной проблемы, являются средства массовой информации.

Негативное влияние «свободных и независимых» СМИ (прежде всего, телевидения) на формирование личности человека, на нравственный климат в обществе подтверждается результатами различных исследований, об этом пишут многие серьезные политологи и исследователи СМИ¹. Трудно не согласиться с авторами политического бестселлера «Проект Россия» (М.: Эксмо, 2007), утверждающими: «Если человек примерно до 25-30 лет воспитывается «свободными СМИ», он превращается в социальное животное, которому неведомы высокие темы и все те качества, что составляют суть человека, то есть понятия долга, чести и совести».

Да, современное российское телевидение время от времени демонстрирует качественные телепередачи, способствующие повышению эрудиции и культурного уровня зрителей, прекрасные фильмы, добрые «мультки» и т.д. Но они занимают очень небольшой процент телевещания основных телеканалов... Да, есть в России телеканалы, которые, как нам представляется, стремятся к просвещению зрителей, улучшению нравственного климата в обществе, и делают все возможное в этом направлении (например, телеканалы «Звезда», «Культура», «Союз»). Однако, к сожалению, не они определяют «лицо» современного российского телевидения, их удельный вес в российском телевещании в целом невелик. И не они, в основном, формируют сознание молодежи. Согласно исследованиям TNS Gallup, наибольшей популярностью среди российской молодежи пользуются такие телеканалы, как «Первый канал», ТНТ, «Россия». (Что касается московской аудитории, то в столице развлекательные каналы еще более популярны: лидирует ТНТ (15,2), на втором месте «Первый» (12,7), на третьем — СТС (10,8).)². Это значит, что россияне «воспитываются» на передачах типа «Дом-2», «Секс с Анфисой Чеховой», на бесконечных «мыльных операх» и «танцах со звездами»...

Преобладание подобного контента в ведущих российских СМИ можно объяснить не только беспринципностью и

алчностью владельцев и топ-менеджеров средств массовой информации (хотя и это, очевидно, имеет место), но, прежде всего, самой природой коммерческого телевидения. Если СМИ рассматривается как коммерческое предприятие, для него естественно стремиться к как можно большим прибылям. А понятно, какие передачи обеспечивают самые большие рейтинги (и, следовательно, приток рекламных средств).

На фоне «обычных» СМИ³ привлекательно выглядит корпоративная пресса ...

Под корпоративным СМИ мы понимаем периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмму, интернет/интранет-сайт или иную форму периодического распространения информации, служащую интересам определенной корпорации и созданную по ее инициативе.

Еще десять лет назад корпоративные издания («нюслеттеры») у нас в стране были немногочисленны, воспринимались как экзотика, как дорогие игрушки владельцев предприятий. Сегодня же «нюслеттер» есть не только практически на каждом крупном предприятии или в холдинге (в некоторых из них даже существует целая система собственных СМИ), но и на многих средних предприятиях. Пришло понимание того, что корпоративная пресса — эффективный инструмент менеджмента, с помощью которого можно решать множество важных задач: информировать работников о решениях руководства, формировать определенную корпоративную культуру, создавать положительный имидж предприятия, удерживать старых и привлекать новых клиентов и т. д.

В настоящее время в России, по разным оценкам, насчитывается от 6 до 10 тысяч только печатных корпоративных СМИ, и их совокупный тираж составляет десятки миллионов экземпляров.

В настоящее время корпоративная пресса в России — наиболее интенсивно развивающийся тип СМИ. И это совпадает с мировыми тенденциями последнего десятилетия.

Стремительное развитие корпоративной прессы, на наш взгляд, способно оказать положительное влияние не только на состояние экономики, но и на нравственный климат в обществе⁴, хотя бы в какой-то мере нейтрализовать негативное влияние «обычных» СМИ.

Да, у корпоративной прессы есть свои недостатки. Эта пресса откровенно подцензурна и откровенно служит интересам компаний-учредителей и их владельцев. Да, среди корпоративных изданий немало низкокачественных «рупоров» руководства, не пользующихся у читателей никаким уважением и авторитетом. Однако постепенно ситуация в этом плане улучшается, качество российской корпоративной прессы в целом становится все более высоким.

Одним из самых серьезных преимуществ корпоративных СМИ является их большая по сравнению со многими «обычными» СМИ социальная ответственность, сознательный отказ от публикации развращающих и «отупляющих» материалов (это бы серьезно вредило имиджу компаний-учредителей данных СМИ и их руководства).

Более того, корпоративные СМИ зачастую прилагают

серьезные усилия в плане распространения подлинных духовных ценностей, публикуют (и передают в радио-, телеэфире) не только материалы делового, профессионального характера, но и «общепопулярные», просветительские и т.д. Так, например, телевидение Уральской горно-металлургической компании часто транслирует сюжеты, передачи такого рода. Газета ОАО «Уралбурмаш» «Жизнь Уралбурмаша» (в поселке Верхние Серги Свердловской области) много внимания уделяет народным традициям и обычаям, знакомит читателей с историей православных праздников, объясняет их суть. Газета корпорации ДЭНАС (г. Екатеринбург) «На волне ДЭНАС. Местные события» размещает для сотрудников компании и их детей обзор детских спектаклей в Екатеринбурге; кроме того, редакция этого издания выступает настоящим «коллективным организатором»: организует походы сотрудников компании в театр, помогает в организации сбора подарков для детей из подшефного детского дома (и затем помещает душевные, интересные материалы об этих акциях).

Многие корпоративные СМИ проводят разнообразные акции, направленные на раскрытие творческих способностей людей, повышение их эрудиции и культурного уровня. Чуть подробнее рассмотрим в качестве примера деятельность редакции газеты «Синарский трубник» (ОАО «Синарский трубный завод», компания ТМК, г. Каменск Уральский). В 2003 году при содействии городского филармонического зала редакция газеты провела викторину на знание музыкальной классики, с ценными призами от филармонии и от газеты. «В 2004 году традиционный конкурс «Эксклюзив для трубников» проходил в рамках городского филармонического конкурса «Классика и современность, Короли рейтинга», - рассказывает редактор газеты Л.В. Сапунова. - Результаты поразительные! Победительницей и обладательницей главного приза (сотового телефона) стала контролер ОТК цеха Т-2 Синарского трубного завода Г.Ф. Стараданова, из трех лауреатов двое – тоже трубники: ветеран завода С.А. Дяденькина и начальник бюро торгового дома Л.В. Васильева. Все получили также в подарок абонементы на посещение концертов. Кроме того, газета организовала поездку наших меломанов в Екатеринбург – на концерты в областную филармонию».

С началом музыкального сезона газета «Синарский трубник» регулярно сообщает о концертах, рассказывает об исполнителях, таким образом, готовит читателей к восприятию музыки. Заслугой газеты «Синарский трубник» можно считать тот факт, что среди постоянных посетителей городского филармонического зала большинство составляют трубники (!).

Л.В. Сапунова: «Цепная реакция конкурсов к 70-летию завода, дала знать о себе и в следующем году. В 2004-2005 годах мы провели большой литературный конкурс «Салют, Победа!» посвященный 60-летию Победы. В нем приняли участие 98

человек, из них 20 награждено. Были выявлены победители в номинациях «Проза», «Стихи», «Творчество детей», плюс был поощрительный приз самому плодовитому автору. Несколько человек приняли участие в краеведческой викторине о Великой Отечественной войне».

Особого разговора и внимания заслуживают издания музеев, вузов, театров и других учреждений культуры. Эта часть российской корпоративной прессы в последние годы также активно развивается – количественно и качественно (среди замечательных изданий такого рода можно назвать, например, «Театральную газету», издаваемую Коляда-театром, газету «Уральский музей», которую издает Свердловский областной краеведческий музей).

Эта часть корпоративной прессы прямо нацелена на просвещение читателей и приобщение их к высоким духовным и культурным ценностям, это – ее важнейшая цель. Конечно, другой важнейшей целью этих СМИ является привлечение людей к конкретным театрам и музеям... Но разве плохо, если в обществе будет расти интерес к учреждениям такого рода!?

Итак, мы можем утверждать, что **корпоративные СМИ вносят весомый вклад не только в развитие экономики и промышленности, но и в сохранение национальных традиций, распространение духовных ценностей в обществе.** И отметим, что именно на страницах корпоративной прессы остался тот герой, который в настоящее время зачастую игнорируется «обычными» средствами массовой информации, увлеченными «звездами» политики, криминала и шоу-бизнеса ради повышения рейтингов. Речь идет о «человеке труда». Именно корпоративные издания подробно рассказывают о добросовестных рабочих, мастерах, инженерах...

Конечно, нельзя идеализировать корпоративную прессу или считать ее панацеей от нравственной деградации общества. Так же как нельзя утверждать, что все «обычные» СМИ способствуют «падению нравов». Однако некоторые тенденции прослеживаются довольно отчетливо. В целом, корпоративные СМИ на фоне остальных действительно отличаются большей серьезностью, социальной ответственностью, стремлением духовно развивать и просвещать свою аудиторию.

1. Такие, например, как С. Кара-Мурза, А. Панарин, А. Грабельников, В. Сапунов и др.

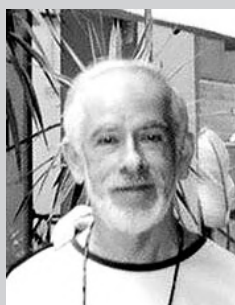
2. Данные – с сайта <http://www.rge.ru>

3. Разумеется, система российских СМИ – большая и разнообразная, включающая в себя и немало прекрасных, качественных СМИ, печатных и электронных. Но самые влиятельные СМИ – это общенациональные телеканалы.

4. Отметим, что качественные корпоративные издания обычно имеют солидную «вторичную аудиторию», то есть, их читают не только работники или клиенты компаний-учредителей, но и члены их семей, друзья и т.д.

И. М. Модель

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЗЕРКАЛЕ ИЗРАИЛЬСКИХ СМИ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ МОЛОДОГО ИЗРАИЛЬЯНИНА)

**Модель
Исак Моисеевич**

доктор политических наук,
профессор, Израиль

Введение

Мне думается, что эти субъективные заметки будут интересны и российскому читателю, ибо в них поднимается проблема, имеющая интернациональный характер. Я бы ее назвал проблемой взаимодействия в системе «политическая социология – СМИ – электорат». Вообще для демократии ее существование не ново. Особенно обостряется эта проблема в периоды бурных политических событий, к коим, с полным на то правом, можно причислить периоды предвыборных кампаний.

Однако проявление ее в различных странах имеет свои особенности, вытекающие из специфики их общей и политической культуры, политической психологии, а также культуры и традиций сообщества СМИ. В последнее десятилетие к названным выше факторам добавился фактор массовой интернетизации.

Предлагаемая российскому читателю статья состоит из двух частей. В первой рассматриваются особенности отражения израильскими СМИ национальной политической жизни. Во второй я счел необходимым акцентировать внимание читателей на непоследовательности израильского общественного мнения в его отношении к политической социологии и результатам ее исследований общественного мнения.

Часть первая

Уже долгое время я наблюдаю процесс систематической профанации и даже дискредитации политической науки во всех отечественных СМИ. Эта тенденция характерна и для телевидения, и для прессы, и для радио, и для Интернет-порталов, сайтов и изданий. Заранее знаю, что мое беспокойство этим разделяют не очень многие. Тем не менее, в ходе дальнейшего изложения я попытаюсь не только раскрыть причины своего беспокойства, но и указать на те последствия, к которым это явление приводит, и тем самым убедить в своей правоте моих читателей.

Сразу замечу, что я никоим образом не считаю, что столь пренебрежительное отношение к политической науке есть отражение некоего злого умысла. Я даже могу допустить и допускаю мысль о том, что его следует рассматривать как дихотомическое, имеющее и положительные, и отрицательные последствия. Вопрос только в их соотношении.

Но вот к чему я склоняюсь со всей определенностью, так это к тому, что для подобного явления у нас есть чрезвычайно благодатная историческая и социокультурная почва. При

этом я напому, что израильская политическая культура лишь с большой натяжкой может быть отнесена к числу демократических политических культур, имеющих солидную, богатую историю.

То, что наша политическая культура складывалась и функционирует сегодня как подражательная, привнесло в нее не только позитивные элементы, но и не в меньшей степени «обогастило» ее инструментально-поведенческий арсенал элементами дешевого популизма, анархизма, непрофессионализма, скандальности и прочими не критически воспринятыми «достижениями» политической культуры старых демократий, но уже давно ими пережитыми. На нашей политической культуре самым непосредственным образом сказывается ее собственная предыстория, своеобразие ментальности нашего народа и его политиков, ... о чем я уже имел возможность писать. Это дает мне основание отнести политическую культуру Израиля к разряду становящихся политических культур. Думаю, что теперь становится более очевидным, что являющаяся ее прямым порождением отечественная политическая журналистика, в самом широком смысле этого термина, не может не отражать ее фундаментальные особенности и трудности становления.

Израильская политическая жизнь только по наивности может быть названа нормальной жизнью. Не зря в одной из своих статей я классифицировал этот феномен как классический политический рынок. А на рынке, как известно, встречаются не только порядочные продавцы и покупатели, но и проходимцы, обманщики и зазывалы, святые и юродивые, и прочая ищущая своей выгоды публика. Но скажите мне, разве может быть иным отражение этого многообразия в зеркале рынка? Отвечу сам – не может! В равной степени это характерно не только для ивритоязычной, но и для русскоязычной политической журналистики, работающей на ниве более чем полуторамиллионной аудитории.

Однако есть еще одна причина социального порядка, заставившая меня писать эти строки. Речь идет о проблеме, широко обсуждаемой израильским обществом – проблеме непрофессионализма журналистов, работающих в сфере политической журналистики. У этого явления есть две основные причины существования. Одна заключается в том, что в наших университетах нет подготовки специалистов по специальности политическая журналистика. Имеющая место подготовка политологов в израильских университетах никоим образом не закрывает общественную потребность в специалистах, способных не только к теоретико-преподавательской работе, но и склонных к столь необходимому нашему обществу изложению научно обоснованных взглядов на нашу мозаичную политическую действительность. Такое сочетание качеств – вообще редкость. Да и чаще всего выпускники-политологи вынуждены устраиваться на работу не по специальности, благо израильский рынок труда предоставляет для этого все возможности. Это, во-первых, А во-вторых, и это происходит чаще всего – изучение политологии завершается получением лишь степени бакалавра, что никак не

способствует дальнейшему прогрессу этой науки в Израиле, превращая ее в сугубо прикладного и приземленного толкователя сиюминутных пертурбаций политической жизни.

И перебивается наше общество, чем Бог послал. Тут уж не до выбора. Вот и соблазняются называться весьма романтичным статусом политолога неустойчивые души, не обретшие себя по разным причинам на рынке труда и по наивности (впрочем, вряд ли только по наивности...) считающие, что политология и политологическое мышление – это тот же здравый смысл и обыденное мышление.

Поэтому нетрудно понять, почему в нашей стране в политологах, ничтоже сумняшеся, себя числят все, кому не лень. Это выгодно, потому что открывает им доступ к читателям и слушателям. Статус политолога не просто греет сердце. Он придает их носителям некую исключительность и придает их суждениям, зачастую поверхностным и банальным, весомость, так ценимую многими редакторами. Политологом сегодня быть очень модно. Ты можешь быть инженером, юристом, юмористом, военным, школьным учителем, музыкантом, вузовским преподавателем математики, полиграфистом... да кем угодно.... Но если ты более или менее владеешь пером, способен более или менее внятно излагать свои мысли и обуреваем жадной толковать израильскую политическую действительность, путь тебе открыт. Да, чуть не забыл. И если у тебя еще есть связи, то полный порядок. Каналы СМИ для тебя открыты.

Я думаю, что читатель уже понял ход моей мысли. А хочу я здесь сказать о том, что в израильское общественное мнение зачастую, но весьма настойчиво и успешно, внедряется ложное представление о том, что политология – это не научная дисциплина, а вид профессионального занятия. При этом лукаво забывается, что политологии учат пять полных лет, что политолог – это, в конце концов, вид профессионального призвания! Чтобы стать политологом, одного профессионального образования мало. Политолог, помимо этого, должен обладать специфическим политологическим воображением и стилем мышления, которые вырабатываются упорным и постоянным постобразованием. И политическая журналистика в этом смысле не исключение.

Современная политология, да простят меня просвещенные читатели, это достаточно строгая научная дисциплина, имеющая длительную историю, собственный категориальный и понятийный аппарат и соответствующую структуру. Она органическим образом связана с правовой наукой. Она включает в себя знания и методы исследования политической психологии, а также такие современные направления исследования политической жизни, как политическую историю и сравнительную политологию. Почти уже полвека развивается математическая политология, привносящая в нее элементы строгости и логической выводимости, так милые сердцам закоренелых технократов.

Но мы, израильтяне, и здесь пошли другим путем. Непрофессионализм, ставший своего рода национальным бедствием, и здесь пробил себе дорогу, хотя кого ни спроси, все возмущены его засильем в нашем обществе. Но, чур, не я... Я вижу, я понимаю, я знаю, как надо! Эта психологическая особенность вообще характерна для израильского общества, а уж для такой сферы, как политический дискурс, тем более. У нас даже изобретен, хотя, честно говоря, позаимствован звучный термин «политическая аналитика», апологеты которого зачастую не только мастерски перемалывают и

перекладывают косточки скелетов политических событий и фактов, но зачастую выступают в облике политических оракулов, предсказывая возможные повороты в политической жизни. Бедные представители электората только вздрагивают, читая эти сценарии, полные (да простят меня читатели) еврейской логики, отличающейся, по мнению некоторых отечественных авторов, от строгой общечеловеческой диалектической логики тем, что каждое истинное высказывание в ней сопровождается еще и сомнением в его истинности. О, какое поле для такой политологии тем самым открывается...!

Попробуйте уличить такого, гордо именующего себя политологом, или бери еще выше – политическим обозревателем оракула в недостоверности или в несбыточности его политического прогноза. Не получится! Он в ответ глубокомысленно сошлется на то, что в Израиле никто, в том числе и он, не знает, что случится через несколько дней! Но в этом-то все дело! Настоящий политолог никогда не будет бегать за жареными фактами: кто, что из политиков сказал, кто куда пошел, кто с кем не поздоровался или косо посмотрел, кто кого поцеловал, а кто кого, извините, просто обругал на нелитературном иврите... Тут уж не до выявления закономерностей – дай Бог успеть проследить, кто, что.... У ученых есть такая шутка: «Если факты не соответствуют теории, то тем хуже для фактов». Однако большинство критикуемых здесь политологов, судя по всему, думают и поступают наоборот.

Поэтому освещение политической жизни Израиля, как правило, и в публикациях, и в выдержанных в едином стиле интервью и ток-шоу с многочисленными эрзац-политологами строится по единой логике, чаще всего лишенной научно-рациональных оценок тенденций политического процесса в нашей стране. Откуда при таком пренебре-жительной трактовке политологии взяться новым идеям, новому взгляду на старое и хорошо забытое? Увы, это прерогатива политологии, но не в ее профанированном виде, а как науки, способной дать приращение теоретического знания и методологической основы мышления журналиста, пишущего и говорящего на политические темы, обогатить его здравый смысл.

Видимо, многим стоит задуматься над тем, что израильский политический корпус, как об этом часто говорят некоторые из авторов и представителей читающей и думающей общественности, практически не обращает внимания на публикации и выступления такого рода аналитиков. Да, собственно говоря, зачем им читать то, что они и так достоверно, чаще всего непосредственно знают? Вот и тшятся понравиться наши горе-полит-журналисты, если уж не политикам, то просто читателям, прибегая ко всем возможным украшениям стиля, к использованию всяких «жареных» фактов и фактиков из политической жизни, к юмору и иронии, а то и просто к нелцеприятным и даже хамским оценкам и высказываниям в адреса власть предержащих.

И невдомек таким авторам, что сия метода может лишь добавить живости их текстам и восторженности от их созерцания у читателей, но такие тексты едва ли способны оставить сколь-нибудь заметный след в политической жизни общества, серьезно повлиять на его политическую культуру. Такой стиль мышления очень точно был назван выдающимся американским социологом Чарльзом Миллсом «либеральным практицизмом». Остается только, согласившись с этим, добавить, что и либерализм, и практицизм наших СМИ в освещении политических проблем

достигли «выдающихся успехов».

Таким образом, становится понятной еще одна из причин, объясняющих столь низкий авторитет СМИ в глазах политиков. И так длится из поколения в поколение. Израильская политическая наука (о, как бы хотелось в ее наличие верить!) не только не обрела авторитета, позволяющего ей влиять на мировоззрение и дела политиков, но и с удивительной настойчивостью, достойной лучшего применения, разрушает свой авторитет в глазах общественного мнения.

Но самое странное, что читатели читают, телезрители смотрят, радиослушатели, посетители многочисленных Интернет-сайтов слушают переполненных собственным достоинством толкователей нашей политической круговерти. Хотя к их, читателей, чести надо сказать, они далеко не всегда делают это по велению сердца, а просто потому, что другого не дано. И с этой точки зрения, только лишь как положительный факт можно рассматривать имеющуюся практически во всех израильских Интернет - сайтах возможность обратной связи между нашими так называемыми политологами и читателями. Конечно, критика, звучащая в комментариях читателей, и сама может хромать и предвзятостью, и простым непониманием, а то и просто огульным отрицанием того, что есть в публикациях. Но, в общем и целом, хочется думать, что авторы не просто читают критические комментарии к своим публикациям, но и делают должные выводы. Школа злословия комментаторов здесь все же работает по назначению. Хотя сетевым авторам, пишущим на политические темы, вполне можно бросить упрек в недостаточном внимании к живой связи с посетителями сайтов. Понять их можно - нет времени, отвлекает от дела, в некоторых случаях срывает и авторское высокомерие и т. д. и т. п. Но на то ведь и демократия...

Я понимаю, что мои заметки полемичны и субъективны. Может быть, кому-то они покажутся стремлением все обмазать черной краской, может быть, кто-то из авторов воспримет эти заметки как выпад против них лично. Предугадывая возможность такой реакции, я преднамеренно не называл ни одной фамилии, не ссылаясь ни на один орган СМИ, хотя вполне мог это сделать. Но таким образом я бы сам впал в тот грех (кто, чего и как...), который я критиковал. И как говорят в таких случаях романисты, я отвечаю за свои слова, но я не отвечаю за то, что кто-то мог узнать себя в стоящих за ними образами.

Часть вторая

А сейчас мне бы хотелось порассуждать об еще одном парадоксальном феномене израильской политической жизни – широко бытующем умалении и даже отрицании роли, которую играет в ней политическая социология. Однако проводить параллели с положением и ролью политологии было бы натяжкой.

Несмотря на неразрывную общность судеб этих дисциплин, реальное соприкосновение с политической жизнью общества и степень их влияния на нее отождествлять нельзя. Это происходит не только в силу разницы их истории (если история политической философии ведет свое начало с Платона, история существования теоретической политологии приближается к веку, то политическая социология сформировалась в сороковых годах прошлого столетия). И в этом одна из причин разной степени их укорененности в общественном сознании.

Если социология, политическая философия и политическая теория, наряду с философией и историей, играют ключевую

роль в современной гуманитарной интеллектуальной культуре и занимают центральное место среди социальных наук, то политическая социология лишь на пути к обретению подобного статуса. Пожалуй, в наибольшей степени она продвинулась в этом направлении лишь в таких странах, как США, Англия и Франция.

Для общественного мнения названных, да и ряда других стран результаты социологических исследований политической жизни уже давно стали обыденным и необходимым явлением, без которого немислима цивилизованная жизнь

Однако то, что политическая социология во многих случаях использует методы и инструменты одной из своих альма-матер – социологии, играет с ней злую шутку. Шутят с ней по-разному. И в зависимости от того, о каком ее продукте идет речь.

Особенно достается политической социологии тогда, когда она касается проблем, казалось бы, вполне доступных пониманию на уровне здравого смысла. Прежде всего, в поле пристального общественного внимания попадают итоги исследования политической деятельности правительств, государственных и политических институтов, электоральные предпочтения, рейтинги политиков, отношение населения к власти и т. п. Тут уж и политики, и общественное мнение дают волю своим чувствам и амбициям!

Вот, на мой взгляд, исчерпывающая выборка из перечня обвинений и претензий в адрес социологов. Я говорю для краткости – социологов, но подразумеваю политических социологов.

Так как политическая социология опирается на две дисциплины, то и претензии к ней могут быть разделены на два класса.

Первый составляют претензии, проистекающие из ее принадлежности к политической науке, и на нее не огульно распространяется всеобщая убежденность в аморальности политики.

– Социологи – продажные люди. Они готовы продать результаты конфиденциального исследования противникам тех политических структур или личностей, которые заказали им исследование.

– Социологи всегда готовы получить или сфальсифицировать результаты исследования в угоду заказчика.

– Социологи не могут находиться вне политики. И в исследованиях на политические темы отражается их политическое мировоззрение. Такого быть не должно.

– Социологи склонны навязывать людям свое видение политических явлений

– Люди склонны лгать, а уж в ходе опросов на политические проблемы лгут всегда, а социологи не умеют отличать искренние ответы от лживых.

– Людям часто предъявляется требование отвечать на политические вопросы, которыми они сами не задавались.

– Человек очень часто сегодня не знает, что будет делать завтра, тем более в ходе выборов. Сегодня человеку нравится один политик, одна партия, а завтра – другая. Поэтому верить выводам политических социологов нельзя.

– Дело социологов – исследовать и предъявлять общественному мнению итоги исследований, дело политиков – не обращая внимания на их выводы, делать дело.

А теперь оценочные высказывания, которые следуют из социологических корней рассматриваемой дисциплины.

– Социологи за деньги могут взяться за исследование проблемы, в которой они некомпетентны.

– Социологи боятся представить на суд общественности истинные результаты своего исследования.

– Они спрашивают без разбора всех, кто попадает под руку.

– Социолог – это накопитель статистических данных о человеческом поведении, который, по существу, является рабом компьютера. Он ходит с опросником, опрашивает людей, потом загоняет данные в машину. Что уж получилось на выходе, то и получилось...

– Социологи задают не те вопросы, которые бы нужно задавать в том или ином конкретном случае.

– Они не умеют формулировать вопросы и поэтому задают такие, которые невозможно понять и правильно на них ответить.

– Социологи, в массе своей, не умеют анализировать результаты своих исследований.

– Социологом может быть любой образованный, не лишенный здравого смысла человек.

Тут я заранее попрошу прощения у тех читателей, кто сочтет приведенный перечень «пустым многословием». Но мне думается, что он будет интересен и для граждан, склонных как доверять политической социологии, так и ее ниспровергателей.

Дотошным читателям сообщу, что словарь я составил как на основе собственных наблюдений, изучения научных социологических публикаций, так и на основе анализа высказываний в газетных публикациях, и на ряде израильских информационных сайтов по поводу социологических исследований и социологов. Так что пользуйтесь на здоровье!

Может быть, кто-то увидит в приведенном перечне этого стихийного проявления массового сознания некие критерии, по наличию которых в выступлениях и комментариях можно с достаточной степенью достоверности диагностировать демагога от политики. Это с одной стороны.

А с другой – этот словарь со всей очевидностью свидетельствует, что в массовом сознании различных обществ наличествует некий негативный образ как социологии и социологов вообще, так и политических социологов. Почему? Попробую объяснить.

Самое любопытное, что этот социально-культурный и психологический феномен имеет глобальный, интернациональный характер. Он имеет место в массовом сознании и граждан развитых демократических стран – США, Англия, Франция, Нидерланды и т.д., и жителей стран СНГ, и жителей ЮАР или Нигерии и т.д. В принципе, это нормальная реакция человеческой психики на способность политической социологии заглядывать в политическую действительность гораздо глубже, чем это может здравый смысл.

Мы привыкли думать, что знаем и о себе, и об обществе, в котором живем, достаточно много. В норме каждый человек уверен, что хорошо понимает причины своих поступков, почему действует так, а не иначе. Назовите мне человека, который и шагу не может ступить без подсказки социолога! Может быть, кто-нибудь и назовет, но это будет скорее исключением из правила. Если это правило справедливо в отношении социальной жизни, то уж в отношении политики оно верно без всяких исключений.

Человек, привыкший опираться на собственное видение и понимание политической жизни, на мнение и оценки своего ближайшего окружения, не понимающий всей сложности и трудностей, сопровождающих социологов на пути к познанию истинных и скрытых от непрофессионального взгляда мотивов и пружин поведения политиков, может, и нередко впадает в огульное недоверие и отрицание результатов их деятельности. И даже более того.

Столкновение глубокой и искренней уверенности в собственной правоте (этого, в общем-то, естественного и нормального человеческого качества), в случае встречи его с принадлежащим профессиональному исследователю политики мнением, может вызвать и нередко вызывает у людей не только неприятие взглядов и оценок последних, но и весьма часто раздражение и даже стрессовые состояния.

Мне скажут, ну и накрутил автор! Но поверьте, во всем этом нет ни грана вымысла.

Выше я сознательно не назвал Израиль. Израильское общественное мнение вообще, а уж по его отношению к политике – это особое культурное, интеллектуальное и психологическое явление. В обществе, где каждый мнит себя политиком, иному быть не дано. И это не может не сказываться на том, как оно воспринимает результаты изысканий наших отечественных социологических институтов в области политики.

А их, только так называемых – ведущих, проводящих национальные социологические опросы в области политики – по некоторым оценкам, не меньше 6-7. Для страны в семь миллионов населения этого вполне достаточно. В общем-то, я отношусь к их деятельности с уважением. Знаю, какой это нелегкий хлеб, как непросто он достается. Я не преувеличиваю. Поэтому и относиться к этому трудному во всех смыслах занятию надо с пониманием и уважительно.

Но, к великому сожалению, и я даже бы сказал, к огорчению, близкое знакомство с результатами их исследований, попадающими в СМИ, часто обнаруживает такие элементарные профессиональные ошибки, что поневоле поймешь недовольство некоторых внимательных читателей. Я бы мог привести и проанализировать наиболее типичные из них, но это уже предмет для специального разговора.

Однако поле, где формируется отношение израильтян к политической социологии, намного шире. Это вообще-то мировая закономерность, но то, что происходит у нас...

У нас, с нашей благосклонностью к непрофессионализму, политической социологией (как и политической журналистикой) занимаются все, кому не лень. Занимаются газеты, телеканалы, Интернет-порталы... Иногда они заказывают исследования профессиональным социологическим центрам, но чаще всего осуществляют их сами. При этом журналистами изобретена лукавая формула для оправдания своих социологических экзерсисов. Одни СМИ, ничтоже сумняшеся, объявляют их социологическими опросами, другие – журналистским зондажем общественного мнения по тому или иному политическому явлению. Одни иногда, судя по качеству вопросов, привлекают социологов, другие обходятся своими силами. Так и дешевле, да и самолюбию приятнее. Казалось бы, что в этом плохого? Просвещают народ и, видимо, даже политиков! Честь им и хвала! Что тут скажешь? Доля истины в этом утверждении есть. Но это, как посмотреть!

Вот мы и посмотрим с другой стороны. И станут нам видны

прорехи на этом стремлении к просвещению нации. Потребители СМИ-информации могут, как говорится, не отходя от телевизора, компьютера и пр., «легко убедиться», какое простое дело эта политическая социология. Если ей можно заниматься на уровне здравого смысла, то он, этот здравый смысл, может с такой же легкостью раскритиковать ее в пух и прах. Что он, как свидетельствует действительность, зачастую и делает.

Но дело-то в том, что в указанных случаях он имеет дело не с политической социологией как наукой, а всего-навсего с одним из ее методических приемов – опросами общественного мнения. Разница между ними примерно такая же, как между школьной органической и современной лекарственной химией. Происходит подмена понятий. И далеко не всегда безобидная. Плохо продуманные, лишенные теоретического стержня, а то и просто логики, опросы, осуществляемые иногда под стыдливым, но пафосным грифом «он-лайн голосования», иногда под грифом «журналистский опрос», иногда под скромным названием «получения общественного мнения», эти эрзац-методы воспринимаются неискушенным населением как «та самая настоящая социология».

Изошренные журналисты выдали сами себе, как им по наивности кажется, некую убедительную индульгенцию, снимающую с них грех непрофессионализма: «наш опрос не выборочный, и мы не претендуем на статистически достоверные результаты». Так что же они тогда делают на самом деле? Отвечу. Дезориентируют общественное мнение!!! Я не боюсь столь

жесткой оценки. Зачем? А затем, чтобы, пользуясь авторитетом науки, повышать свой читательско-зрительский рейтинг и зарплату. Ради этого, на что не пойдешь!

Зато потом, когда к зрителю, читателю, слушателю, к политикам выходят со своими результатами ответственные социологи-профессионалы, они встречаются просто в штыки. Политики, не моргнув, глубокомысленно изрекают мысли о том, что в нашей стране, с ее калейдоскопичной и динамичной политической жизнью, обращать внимание на какие-то там результаты опросов общественного мнения – это моветон.

Обыватель, да и не только он, а даже многие образованные, но не сведущие в социологии люди, в ответ на их те или иные утверждения говорят примерно следующее: «Они (социологи) утверждают, что ..., А вот моя жена, муж, отец, мать, брат, сестра, знакомые, друзья, сослуживцы – думают иначе. Ведь они умные люди, знают, что говорят! Правы он (они), а не социологи!»

И невдомек им, что мир общения обычного человека значим прежде всего лишь для него самого, и мнение, сформировавшееся в этом ближайшем круге, не имеет ровно никакого статистического значения. Оно, как говорят – не репрезентативно. Эта аксиома, несмотря на ее очевидность, почему-то упорно дискриминируется здравым смыслом. И чем этот здравый смысл банальнее, тем упорнее он сопротивляется научному взгляду на политическую действительность. Так проще жить. Так и живем. Зачем в зеркало глядеть?

А. Д. Трахтенберг

ИНТЕРНЕТ И АНТИ-КАПИТАЛИЗМ: ТЕХНОЛОГИЯ ПРОТИВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО РАЗУМА

Трахтенберг
Анна Давидовна

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

В недавней работе «Сопротивление – это сдача», Славой Жижек, обсуждая кризис постмодернистской левой мысли, обратил внимание на ее симбиотические отношения с тем самым глобальным капитализмом и его политическим выражением – либеральным государством, которое она так резко критикует: левые «действуют как супер-эго, с комфортом бомбардируя государство все новыми и новыми требованиями; и чем сильнее государство старается удовлетворить эти требования, тем большая вина на него возлагается»¹. Именно поэтому главным объектом критики левых являются не откровенные диктатуры, но либеральные демократии, которые постоянно обвиняются в лицемерии. Эта позиция «супер-эго» основана на представлении о необходимости вытеснения глобального капитализма с его торжеством рынка и холодными и бездушными отношениями господства и подчинения «обществом равных»,

при болезненном осознании полной невозможности такого вытеснения в условиях, когда сам глобальный капитализм является порождением инструментального разума.

Парадокс состоит в том, что резкая критика инструментального разума сочетается в левых кругах с надеждами на создания сообщества равных путем использования новейших порождений такого разума. Характерно, что такого рода ожидания сопровождали внедрение всех новых средств коммуникации с середины XIX века, когда появился электрический телеграф, который Дж. Цитром не без оснований назвал «исторической синекдохой для всех последующих электронных медиа»². Уже в 1838 году, пытаясь убедить конгресс выделить средства на свою работу, С. Морзе сформулировал классическую метафору «электронного соседского сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая МакЛюэна, Тоффлера и Кастельса: «настанет пора, когда вся поверхность этой страны будет покрыта нервами, которые будут, со скоростью мысли распространять известия о том, что случилось по всей стране; все жители на деле будут превращены в соседей»³.

Данная риторика оказалась необычайно устойчивой, чем еще раз подчеркивается ее для базовый современной культуры характер. Она с неизбежностью сопровождала всякое новое изобретение в сфере электронных средств коммуникации. Естественно, по мере того, как эти средства усваивались

повседневностью и «приручались», обнаруживалось, что надежды с их помощью превратить основанное на неравенстве общество в «сообщество равных» очередной раз не оправдались, и миф был вынужден искать себе новый объект⁴.

Лео Маркс назвал этот миф «мифом о спасении через Электричество» (“Electric sublime”), и хотя его анализ был осуществлен на дискурсивном материале «американской мечты», описанное им своеобразное сочетание технологического инструментализма с пасторальной утопией, оказалось типичным не только для американской культуры, хотя в ней оно, разумеется, приобрело свою специфическую форму. В частности, сделанное в 1964 году замечание Маркса о том, что в Америке «машина превратилась в трансцендентный символ, физический объект, наделенный политическими и метафизическими идеальными свойствами»⁵, в полной мере относится не только к паровозу и электрическому телеграфу, но и к компьютеру с Интернетом.

Появление Интернета очередной раз воскресило надежды, что благодаря технологическому прорыву индивиды и сообщества получают власть, которую у них отняли «большие корпорации» и выражающее их интересы государство. Тезис о том, что Интернет в силу своей нелинейной, неиерархической структуры, со скользящим переходом от одной темы к другой, и принципиальной гетерогенностью автоматически становится носителем альтернативных дискурсивных практик и в силу этого позволяет пользователем успешно вести «позиционную войну» (в граммшианском смысле этого термина) с линейными, иерархическими доминантными дискурсами, уже успел превратиться в общее место. Интернет идеально иллюстрирует любые современные левые теории: в нем с равной легкостью можно обнаружить хабермасианское гражданское общество, «семантическую геррилью», излюбленную теоретиками культурных исследований, ризомные структуры, описанные Делезом, буквальное воплощение рассуждений Деррида о «децентрации» и т.д. и т.п. Как не без яда заметил Дж. Уинтроп-Янг, можно говорить очастливом спасении старомодной теории с помощью современной технологии, так что «технология обосновывает теорию, а теория возвышает технологию»⁶.

Невольно возникает подозрение, что объект, так легко укладываемый в любые разновидности постмодернистского левого дискурса, на самом деле не соответствует ни одной из них. Тем более, что эмпирические исследования показывают, что в Сети все сильнее доминируют процессы «закрытия» и она все больше приобретает черты, характерные для средств массовой информации. В Интернете явно преобладают коммерческие структуры, озабоченные исключительно производством и поставкой пользующейся спросом информации. Пользователи, со своей стороны, концентрируются на небольшом количестве наиболее популярных порталов и сайтов, и игнорируют возможности для гражданского участия, предоставляемые Сетью. Уже высказываются опасения, что если эти тенденции возобладают, модель Интернета как публичной сферы, основанной на прямом участии граждан в рациональной дискуссии на основе открытого доступа и уважения принципов культурного многообразия «станет заповедником для кучки твердолобых теоретиков, с одной стороны, и для самых бедных и недопредставленных сообществ – с другой»⁷, и превратится в маргинальную, не представляющую ни коммерческого интереса для рынка, ни стратегической угрозы для государства.

В то время как теоретики гражданского общества и

публичной сферы пытаются найти способы формирования новых организационных структур, способных предотвратить коммерциализацию и идеологическое «закрытие» Интернета, и с неохотой признают, что «понятие «полного участия» является «демократическим воображаемым» или утопией»⁸, их коллеги по борьбе с капитализмом начали присваивать «политические и метафизические идеальные свойства» новым технологиям (в том числе био- и нано-). Так, Д. Харауэй логически перешла от «Манифеста киборгов» и социалистического феминизма к «Манифесту дружественных [биологических] видов», и от высказываний о том, что «в наше время, мифическое время, мы все – химеры, теоретически выведенные и сконструированные гибриды машины и организма, короче говоря, киборги»⁹, простые носители информации, к рассуждениям о том, как влияет на «онтологическую гигиену» расшифровка человеческого гена, генетически модифицированная еда и искусственное оплодотворение. Такая эволюция весьма типична для постгуманистических исследований и у Д. Харауэй имеются последователи.

Еще одним способом сохранения мифа о спасении через Электричество, является поиск в Сети, и шире – в пространстве информационно-коммуникационных технологий, новых форма «медиа-активизма», которые позволили бы взорвать коммерциализирующийся, т.е. все более подчиняющийся логике глобального капитализма, Интернет. Такой крупнейший теоретик как Ф. Киттлер, положивший начало целому направлению культурно-технологических исследований, рассуждает о принципиальной «нечестности» всех существующих интерфейсов, включая любые Интернет-сайты, закрывающие доступ к реальным способам функционирования сети. Соответственно, единственно честным способом использовать Интернет и добиться демократии в информационном обществе является всеобщий свободный доступ к программным кодам¹⁰. Соответственно, на место семантической геррильи в классическом понимании Стюарта Холла приходит «спекулятивный софтвер» М. Фуллера, который превращает в главного героя протестного движения хакера, способного на «игры с кодом», но при этом порвавшего с традиционной хакерской системой ценностей, ставящей форму выше содержания. В лучших постмодернистских традициях «спекулятивный хакер» М. Фуллера отказывается проводить различие между формой и содержанием, что и позволяет ему «найти в коде правду»¹¹.

Наряду с поисками новых метафизических (точнее, могущих быть «метафизированными») технологий и новых форм медиа-активности, левый дискурс сохраняет надежду заново изобрести «политику множеств», опираясь на информационные технологии. К сожалению, у нас нет возможности подробно рассмотреть основополагающую работу этого направления – «Империю» М. Хардта и А. Негри. Отметим только, что описывая новый, децентрализованный и детерриториализованный аппарат власти, авторы отмечают, что единая некогда анти-капиталистическая борьба, несмотря на современные средства коммуникации, распалась на «некоммуникабельные» ячейки, не связанные между собой горизонтально, «но вертикально атакующие сердце Империи», так что перед левым движением вновь встает задача «пересечения границ и разрушения сегментов, на которые заставили распасться коллективную рабочую силу»¹². Эта задача вполне разрешима с учетом того, что в «обществе знаний», благодаря господствующим в нем информационно-

компьютерным технологиям, базовое противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения постоянно усиливается, что делает возможным переход к «абсолютной демократии».

Таким образом, современный анти-капиталистический дискурс продолжает искать технологическое решение, которое позволило бы покончить с технологическим инструментальным разумом, породившим гегемонию глобального капитализма. Возможно, прав Жижек, отметивший, что более продуктивным путем было бы не ожидание торжества «великого сообщества», а обращение к власти с конкретными, стратегически отобранными и четко определенными требованиями, которые она в состоянии выполнить¹³.

1. Žižek S. Resistance Is Surrender // London Review of Books, 15 November 2007. Размещено в Интернете, URL: http://www.lrb.co.uk/v29/n22/print/zi01_.html.

2. Czitrom D.J. Media & the American mind: from Morse to McLuhan. Chapel Hill, 1982. P.189.

3. Цит. по Czitrom D.J. Op. cit. P.12.

4. При этом он каждый раз определенным образом видоизменялся. Дж. Скоунс, проанализировав развитие этого мифа с момента

изобретения телеграфа, показал, что каждое новое средство коммуникации порождало свою версию этого мифа. Телеграф, радио и телевидение имели собственных электронных признаков и несли свои угрозы, однако общая «мета-политика речи» об этих средствах коммуникации оказывается весьма схожей.

5. Marx L. The Machine in the Garden. Technology and the Pastoral Ideal in America. 2nd ed. N.Y., 2000. P. 206.

6. Winthrop-Young G. Cultural Studies and German Media Theory // New Cultural Studies: Adventures in Theory. Athens, Georgia, 2006. P.96.

7. Frau-Megs D. Civil Society's Involvement in the WSIS Process: Drafting the Alter-Agenda // Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society. Bristol, 2006. P. 91.

8. Cammaerts B., Carpentier N. The Unbearable Lightness of Full Participation in the Global Context: WSIS and Civil Society Participation // Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society. Bristol, 2006. P. 23.

9. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. L., 1991, P. 150

10. Очевидно, что данный тезис не может не обрадовать компании, занимающиеся коммерческой установкой и обслуживанием Linux, что еще раз подчеркивает вездесущность «глобального капитализма».

11. См. Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software. L., 2003.

12. Hardt M., Negri A. Empire, L., 2000. P. 399.

13. Žižek S. Op. cit.

К. В. Киселев

ИДЕОЛОГИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

**Киселев
Константин Викторович**

кандидат философских наук,
зам. директора Института
философии и права УРОРАН

Выборы-2007 в Государственную Думу легитимизировали и, тем самым, усугубили давно меняющуюся в направлении централизации власти ситуацию «авторитарности». В результате однозначно можно утверждать, что политика на уровне федерации не просто стагнирует, но исчезает напрочь уже и с формально-юридической точки зрения. Из этого следует два принципиальных вывода.

Первый. Победа, а она беспорна, «Единой России» есть победа не политическая, но бюрократическая. Тождество политики и административного управления сегодня полное. Достаточно сравнить «руководящие» и кандидатские списки «Единой России» с персональными номенклатурными «перечнями», чтобы сделать вывод о совпадениях и тождествах. Суть этих тождеств очевидна – усиление государственного (бюрократического) контроля за всем и всеми. В российских условиях такая победа бюрократии есть вполне понятный посыл – «назад в прошлое». К номенклатурному языку, к бюрократическому управлению, к советскому телевидению и т.д.

Второй. Выборы в Госдуму стали новым свидетельством того, что большинство политических институтов уже разрушены или все интенсивнее разрушаются. Уничтожены институты

элитных согласований, электоральные и иные институты публичной власти, федерализм и т.д., и т.п. В результате система оказалась переведена с институционального (автоматического) саморегулирования на ручное управление. Другими словами, система деградировала.

О деградации системы говорит и «несовпадение» структур и функций, что выражается в стремлении «соответствующими» структурами выполнять несвойственные им функции. Например, если правоохранительные органы начинают выполнять политический заказ, то это есть прямое свидетельство отсталости системы. Или, если секретарь парткома вмешивается в конкретный экономический процесс, то это есть прямое свидетельство неустойчивости, кризисности и неэффективности политической системы. Или еще более распространенный случай смешения структур и функций – профессиональный чиновник, простой клерк начинает решать политические вопросы. Наконец, менеджер, работающий на предприятии, находясь под административным давлением, агитирует за ту или иную партию.

Причем, создается впечатление, что бюрократия явно перестаралась. По свидетельству Г.Голосова, крупнейшего в России специалиста по сравнительной политологии, существует правило, согласно которому страна, в которой на выборах одна партия получила более 60 % голосов, исключается из всего круга исследований, связанных с демократией, ибо указанный процент есть достаточное доказательство отсутствия самой демократии.

В результате возник вопрос о возможности применения традиционных электоральных технологий и их эффективности. Особенно остро этот вопрос затронул партии, позиционирующие себя как «правые». Дело в том, что уличные технологии, активно

применяемые «Яблоком», показали свою неэффективность, а попытка запустить сетевые технологии, подкрепленные «пенсионным» популизмом, вообще привела СПС к краху. Одновременно с этим, нужно отметить, что и иные проектные партии (в том числе, «партии-победители») также не стали жизнеспособными, устойчиво самовоспроизводящимися. Любой из этих проектов можно распустить в 24 часа. По приказу. И перспектив у этих проектов не видно, кроме административных, конечно.

В результате у «Единой России» в коллапсирующем политическом пространстве не оказалось конкурентов. Назвать конкурентами «Справедливую Россию» и ЛДПР нельзя, ибо они столь же проектные и контролируются бюрократией, как и «партия власти». Кроме того, «Единая Россия» не позиционировалась как идеологическая партия. Поэтому разоблачение идеологии «Единой России» бессмысленно, а потому и идеократическая КПРФ оказывается практически в абсолютном идеологическом вакууме. Заметим, что далеко не случайно КПРФ использовала технологический (но не идеологический) прием, позиционируясь, как единственная оппозиция. И в этой связи далеко не случайно, что на зарубежных участках многие избиратели, естественно не жаждущие возвращения коммунизма, голосовали именно за КПРФ как хоть какую-то оппозицию.

При этом отметим, что «всеядная» (правда, лишь на первый взгляд) партия власти исповедует логику бюрократии, которая не может быть иной, кроме как, идеологией расширения своего влияния, т.е. логикой огосударствления, деприватизации, коррупции, nepотизма и прочих иных «удовольствий». Ситуация в результате сложилась уникальная. С одной стороны, партиям предлагают конкурировать с «Единой Россией» как партией, с другой, сама «Единая Россия» действует не в партийной логике, но в логике бюрократии. У логики бюрократии - один идеологический враг и множество технологических.

Идеологический враг - идеология свободного рынка, конкуренции, демократии, федерализма и всего того, что называется либерализмом, правой идеологией, демократией налогоплательщиков, если хотите, современностью и Европой. Причем, этот идеологический враг безопасен для «Единой России», когда она выступает именно как партия, но смертельно опасен для «Единой России» как структуры тождественной государственной бюрократии.

Технологические враги - партии и политики, которые размывают электорат «Единой России», т.е. электорат власти, электорат бюрократии, т.е. работают на ее электоральном поле. Например, часть туловища власти - «Справедливая Россия». Другие враги - КПРФ, СПС, ЛДПР, Яблоко и прочие аграрии. Они технологически опасны тем, что точно также, в логике бюрократии, исповедуют патернализм, необходимость государственного вмешательства в экономику и т.п. Экстаз перераспределения, который охватил эти партии, опасен для «Единой России», у которой есть еще ощущение некоторых границ реальности. Эти партии опасны для «Единой России» тем, что размывают электоральную повестку «Единой России», ибо слишком близки к ней. Не случайно, И.Мельников, один из немногих коммунистов-интеллектуалов открыто заявлял, что избирателям придется выбирать между КПСС и КПРФ. Так оно и есть. А для КПСС технологически КПРФ более опасна, чем заклятые враги - либералы. Поле одно, электорат один. Кстати, вспомним «Манифест Коммунистической партии».

Для основоположников марксизма главными врагами были не понятные либералы, отстаивающие интересы буржуазии, а различного вида социалисты!

Правда, не всегда изложенная выше логика доходит до «единороссов» и в центре, и на местах. Хотя все очевидно, электорат «Единой России», позиционирующейся как политическая партия, отбирают только технологические оппоненты, но не идеологические, ибо первые работают на поле власти, а вторые на своем. Странник КПРФ легко проголосует за «Единую Россию», а сторонник свободного рынка - только в крайнем случае, т.е. выбирая из двух зол (КПСС или КПРФ) или, другими словами, во втором туре, которого нет и не предвидится.

В итоге, «Единая Россия» сегодня есть идеологический призрак на бюрократических костях. Бюрократические кости иначе называются «административной вертикалью» или «вертикалью власти», а призрак идеологии формируется кучей слов и цитат, которые часто не сочетаются друг с другом, противоречат сами себе (достаточно вспомнить историю со Знаменем Победы).

Результатом сворачивания политической жизни в «центре» стало ее постепенное умирание и в регионах, хотя здесь, безусловно, еще есть исключения.

Таким исключением, на мой взгляд, была избирательная кампания «Гражданской силы» в Свердловской области.

Во-первых, при планировании кампании все ее участники (и консультанты, и кандидаты) сошлись на том, что независимо от результата кампания должна принести пользу. Принцип - не навредить, но развивать. Сегодня большинство избирательных кампаний делаются без оглядки на будущее, делаются для достижения тактического результата - получения голосов, не взирая на более отдаленные последствия для массового сознания. Именно этого и пытались избежать. В результате основной темой кампании стала тема налогов и отношений налогоплательщиков и власти. Очевидно, что если после кампании хотя бы 5-10 процентов людей осознают себя налогоплательщиками, то это будет хоть и небольшим, но вкладом в развитие массового сознания, демократии налогоплательщиков, институтов гражданского общества, наконец, в становление субъектности, в том числе и среднего класса.

Во-вторых, «Гражданская сила» принципиально отказалась от применения традиционных политических технологий. Таких как популизм, раздача бессмысленных обещаний, негативные технологии. Региональное отделение избрало не язык призывов и бессмысленных лозунгов, но нормальный язык дискуссии. «Гражданская сила» не призывала, но разъясняла свою позицию. Партия не пугала кризисом, но оперировала фактами, не публиковала в своих газетах кроссворды и кулинарные рецепты, но печатала достаточно сложные статьи об экономике, о политических закономерностях. И этот язык общения с избирателями был услышан наиболее продвинутой частью общества, теми, кого называют референтными группами. Кроме того, впервые в Екатеринбурге «Гражданская сила» начала организовывать публичные политические дебаты, на которые приглашались все желающие «слушатели и ораторы», а также представители всех партий. Цели дебатов понятны - сохранение институтов политической коммуникации, демонстрация отсутствия страха в изложении самых проблемных вопросов, формирование навыков политических дискуссий и политических

компромиссов у представителей политического класса. Итог известен, каждый десятый голос, полученный «Гражданской силой» в стране, был голос избирателя из Свердловской области. Более того, в Екатеринбурге на целом ряде участков «Гражданская сила» даже обгоняла коммунистов.

Сама эта региональная избирательная кампания позволила сформулировать два принципиальных вывода.

Во-первых, в сложившейся ситуации при любых пропорциональных выборах «малым и средним» партиям нужно вырабатывать «нишевые» стратегии, не пытаясь работать со всеми, не распыляя ресурсы, очень жестко и сознательно ограничивая свое электоральное пространство. Иного не остается. Кроме того, этим «инакомыслящим» партиям нужно отказываться от «кризисного» языка, который по определению есть язык партии власти, язык бюрократии. Критика власти в повестке самой власти, также как ответ на вопрос в подавляющем большинстве случаев в логике самого вопроса. А вопросы пока ставит власть. Несмотря на поражение «инакомыслящих» необходимо, чтобы выжить, перестать говорить в логике власти, то есть в логике «все сгорело, все пропало», необходимо

удержаться от скатывания к банальному отрицанию, к уличному экстремизму. Другими словами, нужно стремиться задавать власти свою повестку. СПС и «Яблоко» поступили с точностью до наоборот. Результат известен. И вывод понятен: либерализм как будущее России – неизбежность, старые «правые» партии остаются в прошлом.

Во-вторых, если подавляющее большинство партий во главе с «Единой Россией» декларировали необходимость укрепления государства, расширение его роли, в том числе и прежде всего в распределении благ, и такие декларации были и в духе бюрократии, и в повестке «Единой России», позиционирующей как партия, то вызов бюрократии, связанный с программными призывами об ограничении роли и функций государства, при определенных условиях оказаться и электоральным вызовом партии власти. Тем более, что во многих случаях ее представители разницы между партийной кассой и государственным/муниципальным бюджетом просто не осознают. Наконец, далеко не случайно, именно либералы и либеральные преобразования 90-х гг. стали в итоге основным объектом критики и со стороны «партии власти», и со стороны самой власти.

И. А. Савченко

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Савченко
Ирина Алексеевна

кандидат политических наук, доцент кафедры теории и практики управления Московского городского психолого-педагогического университета, г. Москва

В различных областях научного знания об обществе разрабатывается и широко используется категория политического действия. При этом каждая из научных дисциплин имеет собственное представление о содержании данного понятия и трактует его, исходя из того, какая смысловая нагрузка политического действия может быть полезна в исследовании феноменов, лежащих в предметной области данных наук. Вследствие этого возникает необходимость в формулировании более общего понятия политического действия и формировании исходного представления о его базовых характеристиках. Эта необходимость обусловлена не только требованиями квалификационного порядка, культурой политологического исследования, но и тем, что каким бы очевидным не представлялось содержание понятия «политическое действие» в прикладных политических исследованиях, оно не является общезначимым, хотя именно оно имплицитно формирует теоретико-познавательные установки, служащие своеобразной призмой, через которые осмысливается конкретная политическая проблема.

Недостаточно четкая определенность понятия «политическое действие» отражается на теоретической и, тем более, практической неразрешенности проблемы технологии политического действия, которая является классической не только для политологии, но и для всех без исключения гуманитарных и социальных наук. Такой

интерес к данной проблеме, с одной стороны, создает достаточно большой простор для выбора исследовательской позиции и аргументации, а с другой, требует большой тщательности в отборе и формулировании исходных понятий и практических рекомендаций. Возникает необходимость определения критериев научности в осмыслении проблемы технологии политического действия, последующего отбора и анализа теорий и концепций, которые соответствуют этим критериям, и, наконец, попытки синтеза этих теоретических построений и практических технологических разработок.

Основной целью данной работы является исследование политического действия как технологического института. Для достижения этой цели необходимо определить понятие политического действия, выявить его технологию в контексте политических, экономических и социокультурных преобразований.

Политическое действие как одна из форм политической активности представляет собой субъективно-рационально обоснованную, упорядоченную реализацию социальной власти, многообразных конфликтных интересов в определенном пространственно-временном континууме. Анализ политического действия предполагает рассмотрение его субъективных, технологических, институциональных и ситуативных компонентов в их динамике. Н. Макиавелли, по мнению А.С. Панарина, был первым, кто рассмотрел политическое действие как технологический институт.¹ Главным критерием эффективности политического действия для Макиавелли является не соответствие его моральным или религиозным принципам, а целесообразность, то есть соответствие основополагающим целям государства. Само политическое действие понимается им как поступок политического деятеля, который стремится

к захвату и удержанию власти. Все политические действия государя должны быть подчинены принципу целесообразности, который собственно и отличает политические действия от других видов действий. Для него наука политики учит тому, как достигать результатов, а не тому, как следовать ценностям. В целом рассмотрение политического действия с позиции технологического принципа у Макиавелли включает в себя несколько важных моментов. В первую очередь, технологический принцип предполагает использование тех инструментов и рычагов, посредством которых можно удержать власть вопреки всяким представлениям о ценности и социальной справедливости, причем эффективность политического действия возрастает по мере своего освобождения от моральных норм и запретов. Следующим важным моментом технологического принципа в политике является рассмотрение власти как самоцели, в возрастании которой для субъекта политического действия не существует никаких пределов. Таким образом, свобода от моральных норм и ненасытное честолюбие могут служить, по мысли А.С. Панарина, залогом эффективности политического действия как технологического института.

Для определения политического действия как технологического института необходимо решить проблему соотношения понятий «ценность» и «цель» действия. По мнению А.И. Демидова цели и ценности в ходе их взаимодействия и взаимовлияния не должны замещать друг друга, так как они играют разные роли в детерминации политического действия.² Цель – это идеальный образ результата планируемых действий. В цели осуществляется идеальная концентрация, синтез всех детерминант политического действия, происходит выбор одного из множества вариантов возможных действий. Она придает направленность действию, служит его законом, образцом, нормой. Однако цель, имея направленность в будущее, находится под давлением ситуации, ценность же вводит критерий желательности и субъективного предпочтения в формировании как самой цели, так и в выборе средств ее реализации. Если цель не соответствует требованиям конкретности (не учтены обстоятельства и возможности действия) и реалистичности (то, насколько возможно наиболее полное воплощение цели в приемлемые для субъекта сроки), то она становится абстрактной, превращается в идеал. Замена цели идеалом негативно сказывается на эффективности политического действия, делает его нетехнологичным, поскольку практически всегда, предполагая множественность путей своего достижения, различные варианты действий, идеал снова вводит субъекта в ситуацию выбора целей и средств, обрекая его тем самым на топтание на месте часто в самый критический для обеспечения успеха действия момент. Цель не может быть ни абсолютной, ни неизменной, она подвергается изменениям в ходе реализации под воздействием новых обстоятельств.

Важное место в структуре политического действия занимают условия, в которых оно происходит. Исследования западных ученых в области политической социологии показали, что социальные условия, недоступные для индивидуального контроля, оказывают большое воздействие на политические действия индивида, поскольку влияют на вероятность социального взаимодействия внутри групп и за их пределами, таким образом воздействуя на поток информации, связанной с политикой.

Социальные условия определяются в терминах социального состава – как социальный состав среды, характеризующийся

по различным основаниям (этническое, религиозное, профессиональное и т.п.). Существует несколько моделей описания влияния социальных условий на политическое действие. Например, социальный детерминизм утверждает, что социальные характеристики прямо и неизбежно переходят в набор интересов и сопутствующих им политических предпочтений, на основе которых действует индивид. Существуют и более сложные объяснительные модели влияния условий. Так, Л.Эрбринг и А. Янг полагают, что воздействие условий должно рассматриваться как эндогенные обратные связи взаимозависимого поведения индивидов.

Важное место среди компонентов, определяющих условия политического действия, занимают политические нормы, правила и институты. Политические отношения всегда нормативно организованы. Существует множество установленных или спонтанно сложившихся правил поведения, которые придают действиям субъектов в сфере политики направленный, регулируемый, должностующий характер. Однако реальное политическое действие, строясь по норме, постоянно выходит за ее пределы. К тому же правила имеют свойство конкретизироваться в соответствии с новыми требованиями и обстоятельствами действия и искажаться в зависимости от способа истолкования и социальной потребности действовать так, а не иначе.

В рамках неинституционального подхода существует ряд исследований, посвященных проблемам взаимообусловленности политических институтов и конкретных политических действий. Так, Э.Остром разработала подход, основанный на правилах, которые «позволяют, предписывают и запрещают» членам определенного института те или иные действия.

В соответствии с одной из версий структурного подхода к изучению институтов они представляются как некая совокупность «запретных контрольных точек». Это некие точки в единой последовательности принятия решений, когда автор может предотвратить то или иное действие. Институты рассматриваются в качестве комплекса взаимосвязанных узловых точек, на которых действие может быть заблокировано. В целом же сторонники неинституционализма обращают внимание на то, что воздействие институтов на политическое поведение носит ситуативный характер, иначе говоря, в одном случае индивид может принять решение действовать в соответствии с правилами, а в другом – против правил. Однако само существование правил сокращает разнообразие вариантов политических действий, которые могли бы быть предприняты, если бы эти правила отсутствовали.

Рассмотрение структуры политического действия было бы неполным без анализа такого его элемента как политическая ситуация. Свойственное данному времени, месту сочетание условий и обстоятельств, непосредственно определяющих возможности и задачи политической действительности, называется политической ситуацией. В политической ситуации осуществляется отбор, фокусировка отдельных противоречий, к которым привлекается всеобщее внимание, акцентируется их значимость. Преобразуя состояние целостности, субъект политического действия имеет возможность, не меняя содержащих компонентов политической ситуации, воздействовать на их соотношение.

Политическое действие как технологический институт представляет собой рационально организованный и устоявшийся в политической практике способ эффективного достижения

поставленных целей. При этом технологичность заключается в единстве традиционности, творчества и инновационности в применении совокупности приемов, процедур и способов деятельности политическим субъектом для решения конкретных политических проблем. Достижение планируемого результата зависит от многих обстоятельств, среди которых большое значение имеют наличные условия, выдвигаемые цели, применяемые средства. Поскольку между поставленной целью и достигнутым результатом существует множество опосредствующих звеньев, только часть из которых принимается во внимание при планировании действий, а значительная часть возникает уже в ходе достижения цели. К тому же очень многое зависит от степени интенсивности действий, совпадение результата с поставленной целью и с первоначальными намерениями может быть только относительным, но не абсолютным, имея сходство по одним характеристикам цели, намерений и результата и различаясь по другим. Степень их различия зависит от уровня

обоснованности намерений их реальности, подкрепленности соответствующими средствами, наличия или отсутствия необходимого для достижения желаемого результата комплекса условий. Нередко политическое действие рождает результаты противоположные намерениям, и в этом заключается специфика политики, в невозможности учета всех обстоятельств и возможностей действия, а также предвидения его результатов. Цепь социальных взаимосвязей, затрагиваемых тем или иным политическим действием, столь сложна, что здесь всегда надо быть готовым к самым неожиданным последствиям, в том числе и весьма неблагоприятным.

1 Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999. С.12.

2 См.: Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. – М., 2001, С. 124.

О. Е. Гришин

ИДЕОЛОГИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

**Гришин
Олег Евгеньевич**

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
и социальной политики
Российского государственного
социального университета
г. Москва

Одной из основных задач политического брендинга, является решение вопроса партийной интеграции, идентификации и дифференциации в политическом пространстве. В этом плане политическая символика играет ключевую роль как инструмент позиционирования на политическом рынке. Символы принимают активное участие в политической конкуренции среди отечественных партий. Анализ показывает, что смена власти сопровождается изменением политической символики. Политическая символика находится в сложных и многогранных взаимосвязях с политическими процессами, интересами разных социальных групп и структур. Символы тесно связаны с идеологическими программами политических сил, выступая специфическим носителем содержания разных идеологий.

Актуальность исследования проблем политического бренда усилилась в контексте введения в российское законодательство таких новелл, как ужесточение норм партийного строительства, запрет на участие в парламентских выборах избирательных блоков, повышение порога заградительного барьера для партийных списков и др. Именно обретение бренда может позволить партиям усилить связь с массами, опереться на долгосрочные предпочтения избирателей, обеспечить себе политическое долгожительство. Вот почему проблемы бренда и брендинга как процесса формирования бренда становятся интересными не только для предпринимателей, но и для политиков, государственных деятелей (Вихров А.Н. Бренд в системе современного маркетинга: концептуальные основы и

политическая практика: Автореф. дисс. ... к. полит. наук. - М., РАГС, 2005.).

Мы солидарны с А.Г. Арзамасовой (Арзамасова А.Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов: Дисс. ... к. полит. наук: 23.00.02. - Казань, 2004.), в том, что проблема понимания политических процессов теснейшим образом связана с проблемой понимания их важнейшего компонента — политической символики. Исследование роли и значимости символов в политической культуре, и в том числе, добавим от себя в партийном строительстве, приобретает особую актуальность, ибо сегодня, несмотря на десятилетия, прошедшие после распада советского государства, общество все еще находится в поисках парадигмы, соответствующей характеру и масштабу задач, поставленных временем, а символы являются тем цементирующим элементом, на базе которого строится и укрепляется дух гражданства в государстве, а так же способствуют более глубокому проникновению в понимание сущности политического выбора альтернативы развития страны.

Политический символ как быстродействующий образ или действие, влияющее, прежде всего, на эмоции людей, минуя их сознание и побуждая к действию (Борисов Б.Л. Технологии рекламы и ПР. - М.: Фаир-пресс, 2001. - С.236.). Государственный символ подобен глобальному бренду, способствующему не только узнаванию, но и вовлеченности (Музыкант В.Л. Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике. – М., 2001. - С.20–22.). Итак, политический символ – можно определить как условный эталон определенных политических идеалов, важнейшее средство их агитации и пропаганды.

Как выделяет О.Е. Елизарова (Елизарова О.Е. Образы государства и нации в политической культуре современной России // Pro et Contra, Т.7, №3, Лето 2002.), опираясь на ряд авторитетный исследователей, содержательно «политические символы служат саморепрезентации идеологических и ценностных установок стоящих за ними политических элит». В качестве таких символических форм могут выступать исторические термины, церемонии, знаки различия и формальности. Эти знаки могут

быть, как унаследованы, так и изобретены, но главное — они должны быть доступны пониманию большинства. Тот, кто стремится получить и/или удержать власть, старается заработать популярность и по возможности одобрение. Именно поэтому столь важную роль в процессе формирования политической культуры играет социальная технология производства политической символики: с одной стороны, ее утверждают «наверху», а с другой — она проходит тест на привлекательность у потенциальной аудитории (если речь идет о политических партиях, то это электорат). Следуя такой логике, изучение символов может оказаться весьма полезным, позволяя выявить идеологические установки и предпочтения политических акторов.

Символы выступают активным элементом политической борьбы, средством воздействия и коммуникации с целевой аудиторией. Тот, кто владеет символами, определяющими в настоящий момент общественные чувства, в значительной мере овладевает дорогой в политику (Ученова В.В., Шомова С.А., Гринберг Т.Э., Конаныхин К.В. Реклама: палитра жанров. — М., 2000. — С.50.).

М.Н. Грачев (Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: Автореф. дисс. ... д. полит. наук: 23. 00. 01. — М., 2005.) в свою очередь фиксирует термин «символьная власть». Символьная власть — как понятие, акцентирующее внимание на использовании символов, точнее — символьных форм (речь, жесты, изображения и т.д.), передающих некоторое смысловое содержание, с целью оказать влияние на какое-либо действие или событие, вмешаться в его ход. Для осуществления символьной власти привлекаются ресурсы, которые называются средствами коммуникации. Они включают технические средства приема и передачи символьных форм, а также используемые в этом коммуникационном процессе соответствующие знания и навыки. Не претендуя на всеобъемлемость, можно заключить, что политическая символика является самостоятельным, а иногда самодостаточным элементом реализации политической власти, мощным средством психологического воздействия в политической конкурентной среде.

Анализ более двух десятков определений термина «бренд» показал, что это понятие шире, чем понятия символ и символика. Символ включен в бренд и играет ключевую роль в его формировании. Символ призван воздействовать на сознание и поведение индивидов. Политический бренд, на наш взгляд шире, чем понятие партийный бренд. Политический брендинг может формировать образы государств, политических союзов, блоков, международных организаций и т.п.

Мы согласны с А.Н. Вихровым: «... в России в направлении научного изучения бренда и брендинга сделаны пока только, первые шаги. Невелико количество научных монографий по данной теме, в корпусе источников преобладают журнальные и сетевые статьи». В экспертном сообществе не выработано пока общих позиций относительно даже того, как транслитерировать ключевое для всех исследований понятие — «бренд» или «брэнд». Слабая степень от-refлексированности понятийного аппарата характерна и для таких взаимосвязанных и сопрягающихся понятий, как «имидж организации», «репутация организации», «бренд организации» и т.п. ... конструктивный потенциал бренда востребован практикой политического управления в целях организации политического пространства и продвижения

позитивного имиджа партии. В то же время, эффективному использованию брендинговых технологий в политике препятствует все большее удаление бренда от товара, придающее его развитию антигуманистический характер и провоцирующее антибрендовые социально-политические движения экстремистского толка.

Брендинг — процесс создания бренда и управления им. Он может включать в себя создание, усиление, ре-позиционирование, обновление и изменение стадии развития бренда, его расширение и углубление. Степень известности бренда — один из самых популярных и доступных методов изучения бренда. Обычно она определяется как процент целевой аудитории, который может вспомнить данный бренд. Степень известности бренда — это достаточно широко используемый способ измерения эффективности маркетинговых коммуникаций.

Брендостроительство в политике — это деятельность, которая напрямую связана с управлением поведением потребителя на политическом рынке с целью подведения его к принятию решения или определенного политического выбора.

Политический брендинг близок к корпоративному, в рамках которого брендированию подлежат не столько товары, сколько взаимоотношения, принципы и этика ведения дела, культурные стандарты управления и коммуникации. Бренд в этих условиях становится своеобразной системой, вбирающей в себя понятия имиджа и репутации. Отныне реально участвовать в политической жизни страны смогут только партии, имеющие сильные бренды. Специфика политического бренда состоит в том, что политический товар значительно отличается от экономического, не существуя как материальный предмет и трудно воспринимаемый как рациональная категория. Поэтому брендинг партии требует максимально достижимой опредмеченности ее отношений с гражданами, а также определения той социальной роли, которую данная партия играет по отношению к обществу (Вихров А.Н. Бренд в системе современного маркетинга: концептуальные основы и политическая практика: Автореф. дисс. ... к. полит. наук. — М., РАГС, 2005.).

В политической сфере конструируемый образ партии — просчитывается, планируется, его проявление в сознании гражданина должно быть не случайностью, а прогнозируемым результатом многоуровневого воздействия. Таким образом, политический брендинг можно определить — как процесс управления коммуникативным воздействием по созданию уникального и привлекательного образа политического актора (партии). Бренды формируют на основе ряда атрибутов — эмблем, рекламного сообщения, названий (в т.ч. аббревиатур) и слоганов и т.п. В основе политического бренда должна лежать идеология его потребления: четкое понимание смысла присутствия бренда на политическом рынке, понимание создаваемого образа как предпосылок поведения граждан. Важной составляющей в брендинге является личностная ценность гражданина. Личностная ценность в брендинге — не просто один из параметров, на который следует обращать внимание при разработке бренда, это основная часть понятия бренд, это фундамент понятия бренд, это единственный компонент, приводящий бренд к цели.

Политический технолог синтезируют и аккумулируют множество слагаемых бренда, строя полифонический образ партии. В этом смысле, бренд — это визуальный ряд, формируемый технологическими средствами рекламы. Создать его не менее сложно, чем название партии. Бренд — это еще и объемные

и звуковые знаки. Оригинальные формы подачи рекламной продукции. Неотъемлемый элемент сильного бренда — слоган, он важен, так как является выражением политической концепции.

Технология брендинга для политической партии необходима для формирования собственной аудитории будущего политического продукта, товара или услуги. Создание политического бренда — один из главных ресурсов, который следует использовать в политической конкурентной борьбе. Эффективность бренда зависит от креативных способностей рекламистов и бюджета маркетинговых исследований.

Не претендуя на всеобъемлемость, предположим, что сегодня создание партийного бренда включает в себя следующий комплекс мероприятий:

- разработка названия партии (в т.ч. эффективной аббревиатуры);

- выбор альтернативных названий для партийного бренда;
- создание устава и программы партии;
- формирование партийных девизов;
- конструирование имиджа партии;
- разработка дизайна партийной эмблематики;
- определение партийных бренд персон;
- дизайн рекламных материалов.

Итак, партийный брендинг — это политическая технология, так как конечная цель — получение власти. Политический брендинг — это процесс политической объективации и формирования значимых политических ценностей гражданина. Политический бренд в этой связи может стать важным компонентом политической социализации. Политический брендинг — это технология в системе интегрированных маркетинговых коммуникаций в политике.

В. В. Уфимцев

ВЫБОРЫ В ГОСДУМУ ПРЕВРАТИЛИСЬ В «ХОРОШИЙ» ФАРС

**Уфимцев
Виктор Владимирович**

доктор социологических наук,
проректор по научной работе
Европейско-Азиатского
института управления и
предпринимательства
г. Екатеринбург

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»
русской демократии

Прошедшие в декабре 2007 года выборы в Государственную Думу Российской Федерации западные наблюдатели не смогли назвать ни свободными (Й. Леннмаркер (Парламентская ассамблея ОБСЕ), ни справедливыми (Л. Бранде (миссия наблюдателей ПАСЕ)).

Хотя не обязательно было обращаться к мнению западных наблюдателей. Достаточно было обратиться к мнению отечественного научного сообщества, чтобы услышать то же, или почти то же самое. Действительно, прошедшие выборы нельзя назвать свободными и справедливыми, больше они напоминали «хороший» фарс. Речь идет, конечно, не о самой процедуре голосования — конечной стадии достаточно длительного предвыборного процесса. Данная формальная демократическая процедура присутствовала. Речь идет в целом о прозрачности всей избирательной компании. Прозрачности, соревновательности, равенства условий для всех кандидатов; как раз этого не хватало. Такого беспардонного неправового применения административного ресурса не было, по-моему, даже в печально известной президентской кампании 1996 года. Начиная со снятия партий, изъятия печатных тиражей и заканчивая арестами (пардон, задержаниями) оппозиционных кандидатов в депутаты Госдумы. Кто-то «шакалил» у иностранных посольств, кто-то организовывал мелкие

провокации и большие форумы поддержки, собранные явочным порядком... И горько, и смешно.

Демократия допускалась, но допускалась ровно в той степени, в какой это не угрожало власти имущим.

Хотя справедливости ради надо сказать, что президентские выборы в России 1996 года, мало чем отличающиеся от выборов 2007 года по применению неправового административного ресурса, западные наблюдатели почему-то не осудили. Тогда на предвыборную кампанию были брошены миллионы долларов черного «нала», были «скуплены» под это дело многие деятели «культуры», «халтуры». При молчаливом согласии Запада удалось на очередной срок купить президентское кресло, получить своего рода «бройлерного, искусственно вскормленного цыпленка».

Замечу, что тогда никто из западных наблюдателей не ставил под сомнение свободу и справедливость выборов.

Что на сегодняшний момент мы имеем, в том числе с учетом политического положения в других постсоветских государствах? По мнению ряда столичных политологов (Мельвиль) на территории постсоветских государств укрепились сформировавшиеся авторитарные режимы, демократия в которых выполняет роль вывески, фасада.

Это правильный вывод. С другой стороны, а что еще ждали столичные политологи? Они ждали демократии. Но это заблуждение. На постсоветских пространствах вызреет именно такой политический режим, который будет соответствовать социокультурным условиям. То же самое касается и России. Этого до сих пор в большинстве своем не может понять отечественная столичная богема.

На сегодняшний момент надо констатировать следующее: нельзя рассматривать Россию в рамках транзитологической парадигмы по схеме авторитаризм-демократия. Парадигма развития на самом деле — более сложная. В России мы имеем дело с совершенно иной цивилизационной моделью, отличной от модели западной. И втягивать Россию «за уши» в западное сообщество не получится. «Мы не хуже, мы не лучше, мы другие».

У нас будет формироваться именно такой политический режим, который будет соответствовать реальной социальной почве, политической и общей культуре не только населения, но и правящей элиты (как она себя называет устами придворных политологов). (Какую уж элиту имеем; «у меня для тебя других писателей «нэт»).

В чем суть происходящего с аналитической точки зрения? Почему так не хочется кому-то делиться властью и обеспечивать прозрачность избирательных процедур? Суть заключается в том, что добравшиеся до собственности и до власти узкие социальные группы, перераспределившие в свое время общенародную собственность в свои руки и уцелевшие от бюрократического передела, ищут опору, ищут «шпагу», которая могла бы защитить их «добро» от, не дай бог, нового передела. И президент Путин для них – это не самый лучший вариант, но, по крайней мере, более предсказуемый с точки зрения возможной экспроприации, чем какой-нибудь неизвестный «еще не ведомый избраннык». Поэтому и нагнеталась истерия, нагнетался накал борьбы во время предвыборной кампании во имя удержания власти и собственности.

Теперь о типе политического режима, который сформировался и формируется в России. Политический режим – это конкретное воплощение в жизнь системы конституционных порядков через устойчивую совокупность приемов, методов и способов осуществления политической власти.

Да, то, что у нас построено, – это не демократия, в чистом виде. Хотя и идеальной модели демократии нигде в мире нет. Какой же сформировался политический режим в России?

Есть три основных типа политических режимов:

- 1) тоталитарный политический режим
- 2) авторитарный политический режим
- 3) демократический или режим политического плюрализма

Начнем с того, что и в 90-е годы у нас не было демократического режима. Тот режим можно было назвать по форме режимом

ограниченного политического плюрализма, причем легко переходящего в режим авторитарный при появлении реальной угрозы власти имущим.

Эта возможность была продемонстрирована в период выборной кампании 1996 года. («Если победят коммунисты, то придут колхозы, расстрелы, ГУЛАГИ» и т.д.).

По сути – это был автократический олигархический режим с формально демократической легитимацией.

А по содержанию – этот режим представлял собой господство мафиозно-компрадорской плутократии.

В СМИ господствовала олигархическая цензура.

На сегодняшний момент те олигархические структуры, которые себя скомпрометировали, оттеснены от власти.

Предоставить в российских реалиях условия для открытого плюрализма – это значит снова дать шанс для возвращения скомпрометировавшим себя олигархическим структурам при слабости, рыхлости гражданского общества и недостаточно высокой политической культуре населения.

Поэтому и выбирается властью другой путь – снова по форме – режим ограниченного политического плюрализма, легко переходящий в авторитарный режим при угрозе власти имущим. С одной стороны – это зло, но это меньшее зло по сравнению с тем, что мы имели в 90-е годы.

Это по форме. По сути – это вновь автократический режим (но уже с креном в сторону не олигархии, а больше в сторону бюрократии) с формально-демократической легитимацией.

По содержанию – это власть крупной частично коррумпированной бюрократии, в большей или меньшей степени сросшейся с подведомственными лояльными олигархическими структурами.

Олигархическая цензура в СМИ по существу сменилась бюрократической цензурой.

Таков путь всех наших побед.

И, к сожалению, на сегодня – это объективный процесс. И нет автора, единолично написавшего данный сценарий развития. Этот сценарий пишет сама жизнь.

А. В. Новоселов

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА»

**Новоселов
Алексей Владимирович**

Председатель «Свердловского
Молодежного Яблока», студент
УрГУ

С фактическим назначением Дмитрия Медведева на роль «преемника» Большие Выборы 2007/08 гг. вступили в фазу своего завершения. Предыдущий акт этой драмы был озаглавлен в какой-то степени даже неприличной по своей выразительности победой «Единой России» и её партий-сателлитов на выборах в российский парламент, вследствие которой КПРФ вновь вынуждена довольствоваться галеркой Государственной Думы. Несмотря на многочисленные протесты международных

наблюдателей и российского правозащитного сообщества, Центризбирком эти выборы признал состоявшимися. Что ж, «горе побежденным» – ибо они проиграли.

В предсказуемости президентских выборов и подавно ни у кого нет никаких сомнений. Имя будущего Президента называется с такой уверенностью, как –будьто, его инаугурация уже состоялась. И всё это уж очень напоминает далекий уже 2004 год, когда так же казалось, что ничего нового в политике уже не может произойти.

Однако, произошло и много чего, но в данной статье речь пойдет о том, как жила и живет с того момента публичная политика – жанр, которого по замыслу главного режиссера сегодня в России быть не должно.

Что было

После прошлого большого избирательного цикла парламент с легкой руки его нового руководителя Бориса Грызлова

перестал быть местом для политических дискуссий, а прямой политический телеэфир прекратил свое существование. Лидеры проигравших на думских выборах либеральных партий впали в оцепенение и достаточно редко напоминали о себе. Сложно сказать, послужило ли это прямым поводом для возникновения среды, ставшей впоследствии «альтернативной» публичной политикой. Но, тем не менее, с лета 2004 года молодежные объединения разного толка, ранее воспринимавшиеся лишь как массовка для серьезных политических лидеров, встали в авангард оппозиционной активности. Воспользовавшись безмолвием переживавших депрессию партийных бонз, демократический уличный протест застолбило за собой «Молодежное Яблоко». Чрезвычайно агрессивную деятельность развернула НБП, осуществившая за полгода несколько захватов административных зданий. Можно с уверенностью сказать, что «молодежная политика» стала первым явлением альтернативного публичного пространства.

«Оранжевая» революция в соседней Украине и бунт льготников уже под собственными окнами, произошедшие на рубеже 2004/05 гг., дали дополнительный импульс развитию сектора молодежной политики. Образования укрупнялись, создавались коалиции. Возникло Движение «Оборона» - крупнейшее молодежное образование на либеральном фланге. Мода на «оранжевый» протест породила массу виртуальных молодежных движений, декларировавших ценности Майдана. Власть ответила симметрично – созданием массового пропрезидентского движения «Наши». Таким образом, улица стала главным полем политических баталий и на некоторое время приковала к себе внимание политических обозревателей. Но, несмотря на всю креативность «молодой шпаны», публичная деятельность лидеров молодежных движений ограничивалась лишь довольно однообразными уличными протестными акциями, иногда завершавшимися в отделениях милиции, и активностью в блогосфере (в Живом Журнале). Последняя, кстати говоря, стала отдельным элементом нового политического пространства - сетевым СМИ, средством связи и общения политических активистов и мощным инструментом раскрутки, с помощью которого молодой политик мог завоевывать аудиторию в несколько тысяч постоянных читателей.

Однако бурный рост молодежной политической активности выливался исключительно в молодежный «антипутинский» протест, выражавшийся в достаточно однообразных формах митингов и шествий у демократов и захватов административных зданий у «лимоновцев», не смог найти для себя какого-либо соразмерного логического продолжения, перестал быть интересен и пошел на спад. В целом можно говорить о закате «молодежного парада» в альтернативной публичной политике уже к середине 2006 г.

Что есть

Столкнувшись с «тупиком» молодежной политики, молодые лидеры, уже ставшие к тому времени ньюс-мейкерами и героями светских хроник, пустились на поиски себя в дальнейшей политической жизни. Их место на улице с этого времени занимают более «взрослые» лидеры «Другой России», обладающие куда большими ресурсами для организации массового уличного протеста – «Маршей Несогласных», которые привлекли к себе внимание даже не столько относительно большим количеством

участников, сколько регулярными столкновениями с ОМОНОм, которые с ажиотажем транслировались зарубежными и некоторыми российскими СМИ. Своего апогея «Марши Несогласных» достигли весной 2007 года, когда в Москве и Санкт-Петербурге прошли самые массовые из всей серии маршей, отмеченные беспрецедентным насилием над их участниками со стороны силовых органов. Массовые беспорядки стали логическим продолжением молодежного уличного протеста.

Другой альтернативой стандартным уличным акциям стали яркие «вылазки» сопредседателя «Молодежного Яблока» Ильи Яшина, акцент в которых ставился не на количество участников, по которому демократы не могут соперничать с прокремлевскими движениями в силу абсолютной несоразмерности ресурсов, а на эпатаж и шокирование публики. Так 23 ноября 2006 г. в кампании Марии Гайдар с помощью альпинистского снаряжения Яшин спустился с Большого Каменного Моста в Москве и растянул растяжку «Верните народу выборы, гады!». А 12 сентября 2007 г. вместе с лидером петербургского «Молодежного Яблока» А. Шуршевым, Яшин совершил ритуальное самосожжение у стен Кремля в знак протеста против операции «преемник». Такие дерзкие поступки естественным образом привлекали к себе огромное внимание со стороны СМИ, что позволило Яшину и его товарищам высказывать своё мнение перед достаточно большой аудиторией, и, безусловно, могут быть признаны значительным политическим успехом.

Ещё одним из главных трендов альтернативной публичной политики стали «Дебаты» - публичные баталии между известными политиками, проходившие в неформальной клубной обстановке. Этот «политический Колизей» в свое лучшее время собирал сотни зрителей, что в наше время является абсолютным рекордом среди любых дискуссионных мероприятий. Кульминацией популярности «Дебатов» была попытка выйти в телеэфир в формате программы канала «ТВЦ», однако, первый же её выпуск был снят с эфира без объяснения причин. «Дебаты» показали, что сделать политические мероприятия массовыми может только их адекватность потребностям потенциальных участников: они должны быть интересными и модными, давать возможность для неформального общения внутри «тусовки».

Отдельным направлением в нынешней альтернативной публичной политике можно назвать систематизированную протестную активность гражданских групп, в основном – собственников жилья. В Москве флагманом борьбы против уплотнительного строительства стал Комитет Защиты Москвичей, возглавляемый депутатом Мосгордумы от Партии «ЯБЛОКО» Сергеем Митрохиным. Организация акций протеста, порой, довольно экстремальных, буквально поставлена им на поток: каждые 2-3 дня в разных дворах Москвы проходят митинги жителей против уничтожения их двора, нередко сопровождающиеся сносом строительных заборов, препятствием работе строительной техники и т.д. Конечно, такая деятельность вызывает самый положительный отклик граждан, но мало освещается в СМИ в силу своей однообразности и низкой общеполитической значимости.

В виртуальном пространстве также идет политическая борьба: на различных порталах регулярно объявляются голосования, в которых участвуют представители основных политических движений. Хотя в победе в таких голосованиях грамотная мобилизация своих сторонников часто играет большую роль, чем

собственно позиция «кандидата», а иногда результаты попросту «накручиваются» с помощью обмана компьютерной программы, участники «политической тусовки» придают большое значение участию в таких голосованиях, так как они являются одним из способов презентации их точки зрения перед потенциальными сторонниками, да и просто для раскрутки их имени и бренда организации. Кроме того, Интернет-пространство стало полем для проведения различных «вирусных» кампаний, когда рядовые пользователи сами являются главными агентами распространения месседжа. Так было во время кампании по выборам в Госдуму V-го созыва, когда Мария Гайдар изготовила очень интересный и оригинальный агитационный ролик СПС, который, передавая друг другу ссылку, посмотрели десятки тысяч человек.

Условный второй этап развития альтернативного публичного пространства привнес в свои формы гораздо больше разнообразия по сравнению с этапом доминирования «молодежной политики», и сделал «политический андеграунд» гораздо более интересным и способным к вовлечению новых участников. Кроме того, активисты политических организаций значительно «продвинулись» в своих навыках ведения борьбы, а вокруг основных лидеров альтернативного публичного пространства сформировались настоящие пиар-команды. Можно констатировать, что на данном этапе альтернативная публичная политика стала профессиональной.

Однако, несмотря на все достижения, на данный момент большинство перечисленных форм политической активности переживают кризис, если не упадок. И к массовым акциям, и к «Дебатам» неуклонно снижается интерес как прессы, так и непосредственных участников. Скорее всего, это обусловлено необходимостью дальнейшего развития альтернативного политического пространства, которому препятствуют некоторые факторы.

Во-первых, большинство этих трендов имеют исключительно «столичный» характер, то есть осуществляются лишь в Москве и Санкт-Петербурге. Автору данной статьи не известно ни одного случая успешного экспорта этих форм в менее крупные города, что в определенной степени обусловлено как низким количеством «политизированных» людей в регионах, так и крайне низким или вовсе отсутствующим обеспечением деятельности региональных представительств этих проектов. Таким образом, замыкаясь на одной и той же «тусовке», проекты быстро изживают себя и требуют резкого обновления.

Во-вторых, опять же, большинство этих форм реализуются вне какой-либо борьбы за реальную власть: выборов,

распределения полномочий и т.д. Напротив, подавляющим числом их участников пропагандируется саботаж выборов как несправедливых и заведомо проигрышных. Этот фактор является реальной преградой для развития альтернативного политического пространства, так как в данном случае оно работает на один и тот же круг людей, являющихся абсолютным меньшинством по сравнению с общим числом избирателей. Показательно, что все перечисленные тренды в основном инициированы политическими силами, не представленными во власти, и, напротив, в основном игнорируются парламентскими партиями и официальными лицами. Таким образом, происходит противопоставление официальной и альтернативной публичной политики, что влечет за собой антисистемный характер последней.

Что будет

Несмотря на вступление альтернативной публичной политики в очередную фазу «затухания», в сложившихся по итогам выборов в Государственную Думу V-го созыва обстоятельства она может обрести новую жизнь. Речь идет об осознании всеми участниками внесистемной политической среды необходимости кардинальных перемен во всех оппозиционных политических структурах. Очевидная неотвратимость обновления либеральных партий под угрозой полного исчезновения из политической жизни дает большой шанс тем молодым лидерам, которые закалились за несколько лет политического «андеграунда» и готовы привести новизну нуждающимся в реформах структурам. Они чувствуют этот шанс и не собираются его упускать. Показательным в данном контексте стало выдвижение Ильи Яшина на пост Председателя Партии «Яблоко».

Скорее всего, впереди у внесистемной оппозиции – масштабная перегруппировка сил, в ходе которой старожилам политики придется поделиться партийной властью с новым поколением. Очевидно, что никакого иного пути у них нет. Вероятно, следующей жизнью альтернативной публичной политики станет вовлечение в неё крупных политических структур, таких, как «Яблоко» и СПС, через омоложение их руководства и модернизацию форм их работы со сторонниками. В то же время, такое развитие событий даст трендам альтернативной сцены возможность максимально расширить свое влияние и выйти за рамки узкой «тусовки». Я полагаю, что это будет очень интересный опыт совмещения влияния крупных структур и инновационных тактик альтернативного пространства.

МЕНТАЛИТЕТ НАРОДА КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ

Белов В. А.

к. т. н., генеральный директор НП Интерлинк Уральская академия государственной службы г. Екатеринбург

Исследование процессов взаимодействия органов власти и населения, оценка эффективности управления социальными процессами и влияния рынка политических технологий на эти процессы являются острыми вопросами социальной теории и практики. Что заставляет народ покоряться административному ресурсу? Как используют политтехнологии менталитет народа? Мы часто задаемся вопросом, в чем же особенность менталитета русского народа, ведь идут же и голосуют. Западные наблюдатели отметили - демократии на выборах в Государственную Думу 2 декабря 2007 г. не было. Естественно, тут же получено опровержение со стороны заинтересованных российских политологов.

Да, процент явки большой, но каким образом получен? Наблюдения за ходом голосования показали, что народ просто сгоняли на избирательные участки. Что бы ни говорили кандидаты в депутаты от остальных десяти партий, как бы они не объясняли, что бюллетень не именной, результат был заранее предопределен.

Все же неясно, откуда такой процент? Из-за боязни, что начальник рядом, но ведь человек пришел голосовать. Из-за хорошего отношения к непосредственному начальнику, в понимании, что над ним тоже стоит начальник? Но ведь не всегда, что хорошо для нашего начальника хорошо для нас. Возможность выслужиться, но ведь не известно, за какую партию отдан голос? Из идейных соображений? Но сейчас даже идейных коммунистов практически не осталось, не говоря о других партиях. Опрос показывает, что ряд голосовавших из двух зол выбирает меньшее. Тут видимо, необходимо подумать, является ли выбор партии власти меньшим злом.

Но дело в другом – насколько четко срабатывают политтехнологии на уровне обывателя, добиваясь требуемых результатов. Сам президент похвалил Центризбирком за такие результаты, хотя признал, что понимает, как нелегко было этого достичь.

Разработка проблемы влияния политического маркетинга на менталитет народа весьма актуальна. В каждом государстве эта проблема существует со своими особенностями, со своими положительными и отрицательными чертами. В

настоящее время происходит уточнение и расширение предметной области политического маркетинга, разрабатывается методология теории, методы исследования. По этой тематике можно выделить разработки английских ученых, таких как Маргарет Скаммелл, Николас О'Шоннес. Среди западных исследователей значительный теории политического маркетинга сыграли отечественные исследователи В.Б. Житенев, Г.Г. Почепцов, С.Н.Пшизова, О.Ф. Русакова и др. При разработке проблем теории и практики политического маркетинга в государственном управлении определенное значение имеют подходы, сформулированные в работах А. А. Александрова, В.Э. Бойкова, Т. Е Зерчаниновой, Д.В. Резниченко, Н. Г. Чевтаевой, А. А, Федоровских. По мнению английских ученых института маркетинга Великобритании, маркетинг - это процесс управления, включающий в себя определение, прогнозирование, и удовлетворение запросов потребителей с целью получения прибыли. Также, маркетинг можно рассматривать как анализ и прогнозирование рыночной ситуации в целях ориентации производства и обеспечения лучших экономических условий реализации произведенной продукции, т.е. влияние одной определенной политтехнологии на население. И это влияние мы стали ощущать буквально на следующий день после выборов. Так осуществляется государственное управление в демократической стране.

Содержание государственного управления социальными процессами заключается в: выявлении законов и закономерностей, разработке принципов, функций, форм и методов целенаправленной деятельности людей в процессе управления обществом, его главными сферами. Поэтому основа политического маркетинга, т.е. изучение рынка технологий в политической направленности - социальные законы и их роль в управлении социальными процессами. Государственное управление социальными процессами на основе политического маркетинга - это комплексная система знаний, использующая данные различных социальных наук для разработки принципов и методов воздействия на людей в социальных процессах на основе установления законов и закономерностей государственного управления обществом. В связи с этим нами предлагается следующее определение: политический маркетинг - это изучение системы воздействия политических технологий на управление обществом с целью изменения менталитета населения в нужном направлении.

О. Ф. Русакова, А. Е. Спасский

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПРАКТИКА»,

ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Ж. БОДРИЙЯРА

21 ноября – 14 декабря 2007 г.,

Екатеринбург – Тюмень – Челябинск

**Русакова
Ольга Фредовна**

председатель оргкомитета
конференции, доктор
политических наук, профессор,
главный редактор
Издательского Дома
«Дискурс-Пи»

**Спасский
Александр Евгеньевич**

заместитель председателя
оргкомитета конференции,
кандидат политических наук,
генеральный директор
Издательского Дома
«Дискурс-Пи»

Вторая международная конференция по дискурсологии, организованная Институтом философии и права УрО РАН, Уральским государственным университетом им. А.М.Горького и Издательским Домом «Дискурс-Пи» прошла в необычном формате: вначале в разных городах и на различных площадках состоялась работа двенадцати тематических сессий, а затем, в завершении работы конференции прошло пленарное заседание и «круглый стол» «Дискурс соблазна и соблазн дискурса».

В конференции приняло участие более 300 чел из 19-ти городов России и из-за рубежа. В числе зарубежных участников конференции:

Хуеналь Варгас Муньос (Juvenal Vargas Muñoz), профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико (Мексика).

Манола Сепульведа Гарса (Manola Sepúlveda Garza), профессор-исследователь Высшей национальной школы антропологии и истории (Мексика).

Михаил Алексеевич Малышев (Mijail Malishev), профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико (Мексика),

Мария Луиса Бакарлет (María Luisa Bacarlett Pérez), профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико (Мексика).

Оскар Хуарес Сарагоса (Óscar Juárez Zaragoza), профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико (Мексика).

Сальма Аль Фахди (Salma Al Fahdi), менеджер управления г. (Дубай),

Ахмед Халифа Шериф Аль Заркани (Ahmad Khalifa Sherif Al Zarkani), менеджер авиакомпании Egypt Air, (Дубай),

Вейзель Батмаз (Veysel Batmaz), профессор факультета массовых коммуникаций Стамбульского университета (Турция),

Грегори Саймонс (Greg Simons), научный сотрудник Центра антикризисного управления национального Колледжа обороны, Стокгольм (Швеция).

Зенкова А.Ю., к.ф.н., Cambridge, MA, USA (США).

Коломеец А.В., магистр политологии, соискатель кафедры политологии Донецкого национального университета, руководитель исследовательских проектов компании «Research&Branding Group». Донецк (Украина),

Воецкая Т.В., Национальный морской университет, Одесса (Украина),

Черныш А.М., профессор кафедры философии Национальный морской университет, Одесса. (Украина).

Заседание сессий проходили с 21 ноября по 14 декабря 2007 г. Первая сессия была посвящена дискурсу региональной идентичности (руководитель – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политологии Тюменского государственного университета Богомяков В.Г.). Вторая и третья сессии были организованы факультетом Связей с общественностью и рекламы УрГУ и были посвящены следующим темам: «Дискурс интегрированных маркетинговых коммуникаций, рекламы и PR», «Город как дискурс» (руководители – декан факультета СО и рекламы УрГУ, профессор С.А.Большева, доктор философских наук, профессор Быстрова Т.Ю.). Далее в Институте философии и права УрО РАН 28 ноября 2007 г. состоялось заседание сессии на тему «Дискурс новых политических идеологий и движений» (руководители – зам. Директора ИфиП, председатель Уральской гильдии политконсультантов Киселев К.В. и доктор политических наук, доцент Фадеичева М.А.

Эстафету «долгоиграющей» конференции подхватили философский факультет УрГУ, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), Гуманитарный университет, Уральский государственный университет путей сообщения,

Екатеринбургская академия современного искусства, факультет политологии и социологии УрГУ, на площадках которых прошли заседания следующих сессий: «Современное философское мышление: парадигмы и дискурсы» (руководитель – кандидат философских наук, доцент УрГУ Суслов Н.В.), «Дискурс национальной безопасности» (руководитель – зав. кафедрой политологии ЮУрГУ Хвощев В.Е.), «Культура как взаимодействие дискурсов» (руководители – ректор Гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор Закс Л.А., проректор Гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор Мясникова Л.А.), «Туризм и сервис: особенности дискурса» (руководитель – зав. кафедрой философии и культурологии УрГУПС, доктор философских наук, профессор Коркунова О.В.), «Дискурс социальных процессов и институтов» (руководитель – доктор политических наук, профессор УрГУ Грунт Е.В.), «Современный арт-дискурс» (руководитель – ректор Екатеринбургской академии современного искусства, доктор философских наук, профессор Кропотов С.Л.), «Марксизм и постмодернизм: особенности дискурса» (руководители – магистранты факультета политологии и социологии УрГУ Ильченко М.С., Коваленко Е.Н.), «Современный молодежный дискурс» (руководитель – кандидат политических наук, зам. Декана факультета политологии и социологии УрГУ Москвин Д.Е.).

В работе пленарного заседания конференции (14 декабря 2007 г.) приняли участие: вице-консул Генерального консульства США доктор Вирджил Стромайер, начальник департамента внутренней политики администрации губернатора Свердловской области, доктор философских наук Александров А.А., президент УрГУ чл.корр. РАН Третьяков В.Е., ректор УрГУ Бугров Д.В., директор Института философии и права УрО РАН Руденко В.Н., проректор Уральского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор Чудинов А.П. и др.

Среди ключевых докладов, прозвучавших на конференции, – выступление известного специалиста в области изучения творческого наследия Ж.Бодрийяра и переводчика его произведений Суслова Н.В. В своем докладе «Жан Бодрийяр и философия» Н.В.Суслов отметил, что в произведениях Бодрийяра под именем философского дискурса фигурирует в основном новоевропейское философствование. Среди всех философских концептов наибольшее подозрение у французского мыслителя вызывало метафизическое понятие реальности, а также связанное с ним «гуманистическое» понятие свободы. Решение Бодрийяра относительно реального широко известно: «реальности в себе, реальности как таковой не существует», а «допущение реальности всегда было равнозначно ее созданию, ибо реальный мир не может не быть результатом симуляции». Данную симуляцию производит не только метафизика, но и мир, который «мстит» философскому дискурсу за его стремление навязать ему реальность. В этом плане философия является порождением симулированной реальности.

Активное участие в работе пленарного заседания, сессий и круглых столов приняли крупные специалисты в области дискурс-исследований - доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД РФ Ильин М.В. (доклады «Драматургические модели политического дискурса», «Соблазн: между дискурсом факта и дискурсом фантазии») и зав. кафедрой дискурса и коммуникаций

филологического факультета МГУ Венедиктова Т.Д.(доклад «Жертвы соблазна как агенты культурных революций: к апологии наивного читателя»).

В своем докладе Т.Д.Венедиктова отметила, что внутри литературы как сложившегося культурного института высшее место в иерархии принадлежало всегда не писателям, а экзегетам, т.е. авторитетным толкователям, знатокам, наделенным правом определять и тем самым стабилизировать «истинный смысл» произведений. Остаточный сакральный статус, каковой литература сохраняла в европейской культуре Нового времени, способствовал устойчивому воспроизведению такого порядка, и поддержание его не составляло большой проблемы, пока пишущие, читающие и судящие составляли сообщество с обозримыми границами. История чтения была историей расширяющегося доступа к тексту. В эпоху «читательской революции», которая началась во второй половине XVIII века, произошел массовый переход от интенсивного чтения (медленного, исполненного пиетета перед текстами) к экстенсивному – в режиме однократного беглого восприятия множества разных текстов. К такому чтению рано начинает применяться метафора потребления, почти поедания, приема внутрь. Романы уподобляются сладостям. Цензура и школа выступают как средства дисциплинирования массового литературного чтения. В эпоху медийной революции литература утрачивает свое господство в системе массовых коммуникаций. Если бы Шекспир жил в наши дни, он писал бы не пьесы, а кино-сценарии или телесценарии. Меняется привычный властный баланс между учителями литературы и ее массовым потребителем. Потребитель все более расположен руководствоваться собственным вкусом в выборе чтения и в способах взаимодействия с книгой. Движение от печатного слова к движущемуся кинообразу, а от него к электронной виртуальной реальности приводит к усилению чувственно-телесного взаимодействия с подвижными визуальными образами, к усилению игрового момента, к расширению человеческого воображения. Вместе с данными трансформациями меняется эстетическая природа текста, которая требует своего изучения с позиций культурной антропологии.

Большой интерес у слушателей вызвали выступления доктора исторических наук, профессора, зав. отделом Института экономики УрО РАН Берсенева В.Л. (доклад «Дискурсивность сослагательного наклонения в истории экономики»), доктора политических наук, профессора факультета журналистики УрГУ Стровского Д.Л. (доклад «Медиадискурсология как объект научного познания»), доктора философских наук, главного научного сотрудника Института философии и права УрО РАН, профессора Лобовикова В.О. (доклад «О немонотонности современного философского дискурса: алгебра формальной этики как средство разрешения спора «милитаристов» и «пацифистов»), кандидата политических наук, старшего научного сотрудника Института философии и права УрО РАН Трахтенберг А.Д. (доклад «К вопросу об Интернете как объекте символического присвоения: академическая теория, государственная практика и массовое сознание»), кандидата философских наук, старшего научного сотрудника Института философии и права УрО РАН Романовой К.С. (доклад «Жизнь взаимы как соблазн дискурса») и др.

Доклады конференции опубликованы в трех томах, изданных Издательским Домом «Дискурс-Пи».

В первом томе напечатаны краткие тексты докладов по следующим разделам:

- 1) Проблемы теории и методологии дискурс-исследований (авторы: Бабайцев А.В., Вертянкина Н.В., Гредневская Е.В., Зайнетдинова Р.А., Ибрагимов Р.Н., Кожемякин Е.А., Миронова Н.И., Никитин С.А., Палеева Н.В., Фан И.Б., Шурыгина Е.Г.);
- 2) Современное философское мышление: парадигмы и дискурсы (авторы: Juvenal Vargas Munoz, Борисов С.В., Manola Sepulveda Garza, Mijail Malishev, Oscar Juarez Zaragoza, Maria Luisa Bacarlett Perez, Волкова Е.Л., Гильмутдинова Н.А., 3),
- 3) Дискурс соблазна и соблазн дискурса (авторы: Зенкова А.Ю., Коломоец А.В., Красавин И.В., Лучанкин А.И., Романова К.С., Рубцова Е.В.
- 4) Культура как взаимодействие дискурсов (авторы: Белоусова Е.В., Брандт Г.А., Гудова М.Ю., Девятова Н.Л., Дроздова А.В., Ковален),
- 5) Дискурс социальных процессов и институтов (авторы: Аквазба Е.О., Алейников А.В., Андрюхина Л.М., Анфалова И.В., Берсенева В.Л., Борисова О.С., Борисов С.Н., Васильева Е.О., Воецкая Т.В., Волков Э.В., Герцог Г.А., Грунт Е.В., Денисова А.В., Кожемякин Е.А., Спасский А.Е., Талалаева Г.В., Черникова Е.Г., Черныш А.М., Шигаева Е.С.).

Во втором томе опубликованы доклады по следующим тематическим разделам:

- 1) Политический дискурс (авторы: Бакина А.В., Баландин А.А., Грибовод Е.Г., Кайгородов С.В., Киселев К.В., Киуру К.В., Козлов Г.В., Малаховский С.П., Мартьянов В.С., Мухаметов Р.С., Москвин Д.Е., Негров Е.О.Р., Переверзев Е.В., Першина Е.В., Придорожный А.В., Руденко В.Н., Русакова О.Ф., Фадеичева М.А., Грибовод Е.Г., Ряпосова А.Б., Спасский А.Е., Тропников А.И., Трофимов Н.И., Уфимцев В.В., Фан И.Б., Фишман Л.Г., Чуудинов А.П., Шабуров А.Г., Юрченко И.В.).
- 2) Дискурс марксизма, постмодернизма, современной молодежи (авторы: Березин С.Н., Давыдова М.А., Ильченко М.С., Сысолятина Е.О.Л., Таирова Н.Р.),
- 3) Дискурс региональной идентичности (авторы: Богомяков В.Г., Ганопольский М.Г., Литенкова С.П., Жаде З.А., Заболотная

- Г.М., Карандей Ф.С., Котельников Д.М., Кулаковский Р.К., Кутузова А.А., Назукина М.В., Рассказов С.В., Фадеичева М.А., Шуклин А.В., Янков И.В., Ильичев А.П.),
- 4) Город как дискурс (авторы: Анферова Н.С., Веселова Ю.Е., Гавриляченко Е.В., Горнова Г.В., Кочухова Е.С., Мурзина И.Я., Нарсеева Е.А., Романова К.С., Сыкалов И.А., Чашин Е.В.),
- 5) Дискурс интегрированных маркетинговых коммуникаций, PR, и рекламы (авторы: Жерлыгин С.А., Житенева О.А., Корнеева Е.Л., Жуковская Д.А., Канаева Н.Ю., Кулакова К.С., Никифорова Ю.В., Преображенская А.С., Русакова О.Ф., Рыжикова Т.Л., Саенко А.И., Федотовских Т.Г., Хисамова Л.В., Хома А.Ю., Шаршапина Е.О., Шабашов В.Ф.),
- 6) Массовые коммуникации: особенности медиадискурса (авторы: Андреева А.Р., Дьякова Е.Г., Кириллова Т.С., Лисова С.Ю., Спасский А.Е., Трахтенберг А.Д., Шапошников Г.Н.),
- 7) Дискурс туризма (авторы: Акишева Н.Б., Гусаренко Т.Ю., Задорогина Л.В., Киселев Е.А., Киселева Н.А., Корзунина Е.Г., Малыгина Н.В., Николаенко В.Н., Русакова О.Ф., Сандакова Е., Скоробогатова Н.В., Скоробогатова Л.Г., Тарасова О.В., Ушенина Н., Чалиди А.Г., Чемякина А.В., Salma Al Fahdi, Ahmad Khalifa Sherif Al Zarkani).

В третий том вошли доклады, посвященные дискурсу угроз и безопасности, разнообразным типам политического и социально-гуманитарного дискурса. Среди них - доклад О.Ф.Русаковой «Актуальный ретро-дискурс: борьба за означивание», доклад О.В.Коркуновой «Феномен туризма в свете дискурсивного анализа», доклад Л.А.Мясниковой «Дискурс: символы культуры и реалии жизни», доклад М.А.Фадеичевой «Нашизм» и его дискурсивные практики», доклад К.Н. Любутина и В.М.Русакова «тенденции трансформации современного философского дискурса» доклад Г.Симонса «Проблемы применения PR в современных национальных проектах».

Далее публикуются краткие отчеты о работе заседаний конференции, а также доклады, которые по ряду причин не вошли в три тома докладов конференции.

Дискурсы о дискурсе: проблема региональной идентичности в обсуждении участников секции «Дискурс региональной идентичности», 21 октября 2007 г., Тюменский государственный университет

Работа секции состоялась в рамках второй международной научно-практической конференции «Дискурсология: методы, теория, практика». Обсуждаемые вопросы, скорее, относились к разряду «практики», однако, некоторые методологические и теоретические проблемы все-таки были подняты.

В первую очередь заслуживает внимания высокий уровень «символических инвестиций» в обсуждаемую тему региональной идентичности: из 15 выступавших более чем половина имеет звание профессора, среди которых есть доктора философских, политических, социологических, исторических наук. Скорей

всего, это свидетельствует о хорошей организации, но и о том, что в диалоге на тему заинтересованы на высоком интеллектуальном уровне, что в иерархии современных проблем социально-гуманитарных наук (или в российском дискурсе научного знания) «региональная идентичность» занимает не последнее место. Безусловно, эта тема волнует не только российских ученых, но в той или иной мере другие «национальные» науки. «Сегодня о идентичности региона задумываются все», - говорит Ольга Русакова, вдохновитель и организатор конференции. Что стоит за стремлением ввести в глобальную научную повестку

дня проблему региональной идентичности - поиск новой предметности для научной карьеры, новая сфера услуг для государственной власти или определенные реалии современного общества? Этот вопрос можно прояснить только обратившись к самому «дискурсу о дискурсе».

Нельзя сказать, что в рамках секции был поставлен какой-то один конкретный и всем ясный вопрос, скорее, акцент был сделан на свободе выбора предмета разговора и формы его подачи. Таким образом, «дискурсов» о региональной идентичности получилось ровно столько, сколько было выступающих. Все же можно попытаться рискнуть и выделить три направления, отличающихся «общим пафосом», пересечением «общих мест», способом означивания. Условно их можно назвать «технологический», «философский» и «социокультурный» дискурсы.

Наиболее «самоочевидное» направление — технологическое, для которого региональная идентичность (точнее, их множество) предстает как данность и весь вопрос заключается либо в отслеживании этих идентичностей, либо в их создании. Любая идентичность является социальным конструктом, а значит — потенциальным объектом применения технологий. Постольку постольку идентичность является одним из способов мобилизации населения в борьбе за власть или политический курс, она становится политической проблемой. Другой вариант практического использования идентичности — создания региональной/ локальной мифологии, чтобы сделать регион/ место привлекательным объектом инвестиций (например, в туристическую отрасль).

В этом плане интересно выступление Марианны Фадеичевой, указавшей на тот факт, что дискурс вне предметного воплощения — дискурсивных практик - остается далеким от масс. Практики — это тот способ, каким дискурс репрезентирует себя в повседневной жизни «населения». Причем, характер этой репрезентации претерпел значительные изменения при переходе от традиционного (в котором этническая и территориальная идентичности тождественны) к современному (добавляющему национальную, профессиональную и ряд других идентичностей) и постсовременному обществам. Для последнего характерна т.н. «конгломератная идентичность», присутствие множества не связанных между собой способов идентификации. Сам способ идентификации — один из инструментов политической борьбы, яркий пример тому — создание в начале 90-х гг. прошлого века Уральской республики, или обращение «уральцы» к жителям Екатеринбурга и Свердловской области (тогда как к условному «большому Уралу» можно отнести и Челябинскую, и Пермскую, и Курганскую области, Удмуртию). Борьба за самоназвание является символическим отражением реальной политической борьбы за доминирование в Уральском регионе.

Подобная же ситуация анализируется профессором Галиной Заболотной. В качестве объекта анализа здесь выступает сложнопостроенный субъект — Тюменская область (вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами). Формально единая, Тюменская область фактически состоит из трех субъектов, постсоветская история которых — конфликт по поводу распределения полномочий. В рамках области, таким образом, наблюдаются фиксируемые стандартными социологическими методами 3 идентичности - «тюменская», «ханты-мансийская» и «ямальская», так идентичность предстает способом определения границ (в т.ч. политических) региона.

Механизм идентификации зачастую запускается «сверху», для как ставка в политической игре, дополнительный ресурс в торге региональной элиты с Центром.

Отдельные аспекты «технологического» подхода звучали в других выступлениях и ряде реплик. Доцент кафедры политологии ТюмГУ Сергей Трофимов предложил в качестве основы новой «сибирской» идентичности использовать образ больших рек — Оби, Иртыша, а его коллега Галина Медведева — противопоставить «трудовую Сибирь» досуговой Москве. В этом ключе было выдержано и выступление студента ТюмГУ Андрея Шуклина о «проблемах формирования региональной идентичности в Тюменской области», коих оказалось большое количество, так что слушатели серьезно засомневались в осуществимости такого рода проекта.

Критика «технологического» дискурса прозвучала в первую очередь со стороны «философов». Для этого направления характерна проблематизация очевидности идентичности (в том числе и региональной) как конструкта. С одной стороны, обсуждаемое явление стало предметом морального осуждения. Для профессора Михаила Ганопольского региональные идентичности, воплощенные в символах, «людям должны быть безразличны», так как они «питаются нашей жизнью, кровью». Кроме того, «идентичность противоположна общности, в общении человек себя не идентифицирует», значит, идентичность сужает диапазон человеческих возможностей в построении общности. Такая «поэтическая» экзистенциалистская трактовка человеческой ситуации совмещается в докладе с представлением о России как о принципиально «пространственной» стране, для которой, видимо, понятие региона важно лишь в смысле условной разметки принципиально некартографируемого пространства.

Свое видение роли идентичности предложил профессор Николай Скалон, который также попытался связать идентичность со спецификой национальной культуры («ценностному центру»). Чтобы прояснить этот вопрос, Николай Скалон вводит в оборот термин «политологема», под которой понимается некая базовая характеристика культуры, разворачиваемая в практики. Для России такой политологемой является глубинная связь между конкретикой времени и места (топоса) с универсальностью. Однако, в разворачивании этой политологемы Россия может зайти в тупик — ситуацию «какотопии» (лат. «cacos» - «плохой»). Региональная идентичность в таком случае, видимо, будет реплицировать государственную реальность.

Другую опасность «разворачивания» идентичностей в современности обозначает профессор Александр Павлов. Полагая, что единственным очевидным примером идентичности является самоидентификация, он констатирует, что в других случаях неясен субъект (население, народ, нация, человечество) и способ связи с этой идентичностью. Вопросы региональной идентичности (как не вполне ясного явления) становятся важными в эпоху глобализации, которая угрожает ряду народов полным культурным исчезновением. Здесь возникает два варианта ответа на этот вызов. Первый — похожий на африканскую концепцию негритуа — заключается в том, что «если мы не с Западом, то мы чище, нравственнее, ближе к природе». В сущности этого ответа заложен один момент - «ничего делать не надо, мы и так хорошие». Такая позиция - это позиция инфантилизма. Другой ответ — когда идентификация адресуется себе как проблема, в результате чего становится источником внутреннего развития. Таким образом, «поиск самоидентичности - это поиск средств

и способов самосохранения в глобализующемся мире, а не способ успокоения», поиск своего языка, своей литературы и философии, а не технологии его конструирования.

Если первые два дискурса соотносятся друг с другом как тезис и антитезис, то третий «социокультурный» подход *sum grano salis* может быть назван «снятием». Профессор Владимир Богомяков в своем выступлении, касаясь темы конструирования региональной идентичности, прямо указывает на довольно-таки провальный и бездарный характер множества таких попыток. Анализируя некоторые «тюменские» дискурсивные практики, он находит апелляции в них к региональной идентичности неубедительными, неживыми, а то и вовсе страшными. Искусственное зачисление в разные идентификационные класса — дело ненужное и неблагодарное, человек сам должен изобретать себя. Идентификация — это социокультурный дискурсивный процесс, который не задается государством или иной властью, но должен быть выстроен изнутри жизни, истории общности.

Своеобразное доказательство тезисов В. Богомякова — доклад старшего преподавателя кафедры истории древнего мира и средних веков Федора Корандея об открытой им гомологии между тюменским праздником «ключи» и ирландским праздником «патерн». Между этими двумя праздниками, выступавшими в свое время основой региональной идентичности, наблюдается явное структурное сходство. Сергей Рассказов приводит примеры «постсоветского городского мифа» городов Тобольск (Тюменская область), Енисейск (Красноярский край), Суздаль, основной смысл которых — создание чувства полноценности с помощью образов «духовного» или «исторического» центра региона.

Интересен тот факт, что региональная идентичность как явление наиболее ярко проявляет себя в городах, тогда как в деревнях и селах она зачастую отсутствует. локальное самопонимание может присутствовать, но оно не закрепляется в каких-то конкретных практиках. Таким образом, «социокультурный» подход признает факт существования региональных идентичностей, но связывает их не с политическими и иными технологиями, но с социокультурными процессами.

Какие выводы можно сделать из всего этого разнообразия дискурсов региональной идентичности? Во-первых, это нарастающее административное и экономическое давление на «жизненный мир» населения: нестоличная власть нуждается в способах легитимации собственного места, в компенсационных механизмах нарастающей поляризации (когда жители стремятся из деревень в города, оттуда — в большие города, оттуда — в Москву). Региональная идентичность в этом плане является способом удержания ресурсов, а необходимость конструирования таковой — «государственный заказ» местным интеллектуальным элитам и технологах. Во-вторых, существует дискурс (в том числе и среди этой элиты) противостояния этим попыткам определить судьбу населения, «загнать» его в рамки идентичности с помощью различных символических инструментов — от апелляции к хайдеггерианскому пониманию человека, до рафинированных теорий современной глобализации. Наконец, в разнообразии современных дискурсов присутствует и возможность свободного определения региональной идентичности с негарантированным результатом при отсутствии административного давления, где она предстает одной из потребностей человека в понимании места, которое он обустраивает.

ОТЧЕТ О СЕССИИ «КУЛЬТУРА КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСОВ»

Для участия в заседании секции «Культура как взаимодействие дискурсов» предварительно было заявлено 20 сообщений (список прилагается). В работе секции приняли участие 22 человека, из них: представителей Гуманитарного университета — 12 человек, УрГУ — 6 чел, других вузов и научных организаций Екатеринбурга — 4 человека. В работе секции принимали участие 6 докторов наук, профессоров, 8 кандидатов наук, доцентов, 6 аспирантов и соискателей, других — 2 человека. Для публикации в сборник материалов конференции представлено 14 тезисов докладов и выступлений.

В ходе заседания были заслушаны и обсуждены 9 докладов, раскрывающих различные аспекты проблемы. В докладе д.ф.н., проф. Л.А. Закса «Дискурсивное тело культуры» дискурс связывается с функциональным, коммуникативным срезом культуры, проводится различие языка и дискурса (язык определен системой правил, формален, дискурс — неформален и нелинеен). Дискурс можно осмыслить и как разговор культуры с собой (аутокоммуникация), как высказывающееся и определяющееся самосознание.

В сообщениях к.ф.н., доц. А.В. Севастеенко, д.ф.н., проф. Л.А. Мясниковой, д.ф.н. Г.А. Брандт предприняты попытки представить, с одной стороны, терминологический и методологический анализ дискурса, а с другой — применить его к решению конкретных социокультурных проблем. Севастеенко А.В. выявила различные подходы к дискурсу

и обратилась к дискурсу кино, который понимается как претендующая на полноту экзистенциально-техническая конструкция, включающая языковые и неязыковые факторы. Дискурс «собирает» разные контексты: технические аспекты кинематографа, способ осмысления социокультурных процессов, внутреннего мира личности, выраженных разными языковыми средствами. Автор разделяет «дискурс кино» и «дискурс о кино», выделяет признаки кинодискурса и различные формы (экзистенциальный, феноменологический, психоаналитический, фантазмогорический, шизофренический) и его функции. Особое значение для автора имеет вопрос о киноидентичности как результате перформативных действий кинодискурса.

В сообщении Л.А. Мясниковой «Дискурс: символы культуры и реалии жизни» подчеркивается методологическая многоаспектность и «вязкость» понятия «дискурс». Сложность решения многих конкретных проблем связана зачастую с непроясненностью этого понятия. Культура в качестве смыслового, символического пространства представляет собой «продукт» дискурсов, сеть нарративов. На примере взаимодействия этнокультур (цыганской и русской) показано, что многие символы русской культуры возникли под влиянием цыганской. Но в реалиях повседневного со-бытия культур титульного и нетитульного народов, последние остаются париями, так как не имеют равного права на участие в дискурсе, а без него толерантность остается пустым термином.

В сообщении Г.А. Брандт «Дискурс материнства в русской культуре: место разрыва» показываются преимущества дискурсивного анализа образа женщины в русской культуре. В описании русской женщины преобладающим оказывается взгляд на женщину как возлюбленную мужчины, а образ матери представлен либо очень абстрактно, либо с преобладанием принижено-уничижительных оттенков, т.е. между декларацией «Матери Родины» и «Матушки России» и реальным дискурсом материнства наблюдается существенный разрыв. Автор подчеркивает, что дискурсивный анализ позволяет выявить нерелексированные аспекты культуры.

Связь дискурса с психоанализом подчеркнута в выступлении к.ф.н., доц. Б.В. Орлова «Психоаналитический дискурс в современной культуре» Главной заслугой З. Фрейда автор считает создание нового дискурса, позволившего высказаться бессознательному. Продолжил эту работу Делез. Главное – не анализ психических состояний, а возможность выявления иррациональных смыслов культуры.

Возможность выявления важных, но рационально не осмысленных аспектов культуры через столкновение разных дискурсов посвящено выступление к.ф.н., доц. А.В. Дроздовой «Прецедентный дискурс: классический текст в контексте массовой культуры». Прецедентный текст – дискурс, нехарактерный для определенного типа культуры, но используемый в ней в качестве «цитаты». Текст классической культуры, будучи перенесенным в массовую культуру, решает задачи массовой культуры, но и провоцирует ее, выявляя разрывы и слабые места.

Д.ю.н., проф. М.Н. Семякин в докладе «Современное цивилистическое правопонимание как элемент культуры: взаимодействие дискурсов» показывает, что разные концептуальные рамки понимания гражданского права (историческая, догматическая, социологическая, психологическая, экономическая, либеральная, критическая) являются узкими. Реально гражданское право не укладывается в эти узкие рамки,

надо его понимать из более широкого культурного контекста, где гражданское право предстает как взаимодействие дискурсов, а кроме того, реальные социокультурные практики защищают правовые нормы от догматического «засыхания» и отрыва от принципов справедливости, морали.

В докладах к.к.н. Е.А. Калужниковой и Е.А. Батюты шла речь о конкретных аспектах культуры и определенных видах дискурсов. В докладе «Коды паломнического ритуала» Е.А. Калужникова обратилась к структурно-семиотическому анализу как предтече и одному из возможных аспектов дискурса. Выявив вербальный, пространственный, акциональный, временный, предметный элементы паломнического ритуала, автор показывает, что помимо религиозного возможно светское паломничество. Она отметила, что обычное туристское путешествие может стать паломническим в результате введения в него элементов паломнического ритуала, и, напротив, как паломничество может стать туризмом. Теоретические выводы имеют большое значение для развития практики туризма.

Сообщение аспирантки Гуманитарного университета Е.А. Батюты «Потребительский дискурс постсовременного общества» посвящено специфике современного потребительского дискурса. В рамках современной иллюзорной и имитационной культуры выявлен тип нового компетентного потребителя, которым нельзя манипулировать прежним способом, но которого можно побуждать к реализации сиюминутной прихоти с помощью скрытых элементов дискурса.

Все выступления вызвали живой интерес аудитории. Каждому докладчику задавались интересные вопросы и высказывались комментарии как по сообщению в целом, так и по различным аспектам.

Итоги работы секции были подведены представителем оргкомитета д.полит.н. Русаковой О.Ф. Принято решение рекомендовать на пленарное заседание доклад д.ф.н. Л.А. Мясниковой «Дискурс: символы культуры и реалии жизни».

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МАРКСИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ:

13 декабря в Уральском государственном университете в рамках II-й международной научно-практической конференции по дискурсологии, посвященной памяти Жана Бодрийера, состоялось заседание сессии «Марксизм и постмодернизм: особенности дискурса». Организаторами мероприятия выступили магистранты факультета политологии и социологии УрГУ Михаил Ильченко и Елена Коваленко. Заседание прошло в форме круглого стола с участием экспертов, представляющих различные гуманитарные дисциплины, – философию, политологию, социологию и филологию.

В своём вступительном слове Михаил Ильченко обратил внимание на тот факт, что в последнее время о марксизме и постмодернизме нередко приходится говорить в едином контексте. Начиная от особенностей современной критической теории и заканчивая провозглашением кризиса всей социальной философии. Частыми становятся пересечения дискурсивных пространств обоих направлений, а порой и попытки их методологического синтеза, как у Джеймсона и Харви.

Дискуссию открыла доктор политических наук, профессор Ольга Фредовна Русакова, которая заметила, что сегодня можно наблюдать не просто тенденцию соприкосновения дискурсов марксизма и постмодернизма, а фактически замещение

последнего новыми формами неомарксизма. При этом их спектр оказывается достаточно широк. Так, по мнению профессора, перелицовщиком марксизма на постмодернистскую модель является Бодрийер, который успешно использовал теорию эксплуатации с помощью знаков.

Предложенную тему в своём выступлении продолжил доктор филологических наук, профессор Леонид Петрович Быков. Согласно его точке зрения, сходство между марксизмом и постмодернизмом заключается в том, что марксизм – это тоталитарная философия, основывающаяся на принципе «быть свободным от общества нельзя», а постмодернизм – максимально демократичная философия, опирающаяся на принцип «быть свободным от знака невозможно». Кроме того, объединяющей обе парадигмы категорией выступает отчуждение. Притом, что в случае с постмодернизмом речь идёт не только об отчуждении между людьми, но и об отчуждении от смысла.

Под сомнение возможность осуществления методологического синтеза марксизма и постмодернизма поставил доктор политических наук, зав. Кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ Михаил Васильевич Ильин. Согласно учёному, этот синтез возможен лишь на уровне дискурсов, тогда как методологические принципы в данном случае

не пересекаются. Единственное, что сближает марксизм и постмодернизм, - это явление форм отчуждения. Постмодернизм исходит из позиции, что все есть формы превращения, марксизм же полагает, что реальна и действительна только экономика, всё остальное – формы отчуждения. При этом главная заслуга марксизма, считает Ильин, в том, что он показал наличие капитализма.

Согласно мнению доктора философских наук, доцента Надежды Ивановны Савцовой, постмодернизм являет собой лишь один из возможных интеллектуальных проектов, который сегодня вызывает крайне неоднозначное отношение в самой Франции. Попытки соединить его с марксизмом интересны, но непродуктивны и в любом случае не выходят за рамки публицистики.

Как предположила доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории дискурса и коммуникации филологического факультета МГУ Татьяна Дмитриевна Венедиктова, существует несколько способов соположения модусов «марксизм» и «постмодернизм». Однако самым целесообразным является обсуждение дискурсивных интерпретаций. В данном случае, считает специалист, интересна позиция радикальных подозрений в отношении властных социальных форм, а также их критический анализ.

В заключении дискуссии участники пришли к выводу, что пересечение марксизма и постмодернизма носит по большей части характер дискурсивного взаимодействия и уже само по себе говорит о стремлении каждого из направлений нащупать пути дальнейшего развития в современных условиях.

Доклады

О. Б. Подвинцев

ПРОБЛЕМА «ВЕЛИЧИЯ РОССИИ» И СОВРЕМЕННАЯ

**Подвинцев
Олег Борисович**

доктор политических наук,
директор Пермского филиала
Института философии и права
УрО РАН, г. Пермь

Признание желательности и необходимости для России быть «великой» является общим фактически для всех ведущих современных политических сил и идейно-политическими течениями страны и задает рамки для дальнейшей полемики. При этом позиции по вопросу о том, в чем именно должно заключаться «величие России», как и следовало ожидать в такой ситуации, зачастую не только различаются, но и исключают друг друга. Как правило, «величие» непосредственно связывается с «державностью». Последнюю в рамках данного дискурса мы бы определили как «мощь и/или превосходство государства, выявляемые при сопоставлении с ему подобными».

Характерной чертой современных представлений о «державности» России является стремление распространить ее не в целом на результаты соревнования государств, а лишь на отдельные его стороны и критерии. Понятие «великая держава» в отношении настоящего, а чаще даже будущего России употребляется с тем или другим определяющим прилагательным. Самый яркий пример – «великая энергетическая держава». Но есть и множество других: от «великой космической» до «великой футбольной».

Еще один показательный момент, с нашей точки зрения, заключается в том, что традиционные показатели державности, такие как военная мощь, наличие сфер влияния, роль в решении глобальных мировых проблем, как правило открыто используются лишь маргинальными политическими силами. Все же солидные игроки на современном политическом поле России признают необходимость переосмысления «державности».

Не является исключением и «партия власти». При чем в этом отношении она демонстрирует определенное постоянство. Так, еще в одном из проектов программы партии «Единство» говорилось: «В современном мире державная мощь страны проявляется не столько в военной силе, сколько в способности генерировать и использовать новые технологии, охранять свою безопасность, отстаивать национальные интересы на международной арене, обеспечивать высокий уровень благосостояния народа, поддерживать морально-психологическое единство граждан». В предвыборной программе партии «Единая Россия» в 2007 г., провозглашающей в качестве стратегической цели «строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации», далее сочетание «великая держава упоминается еще дважды – один раз в связи с необходимостью перехода к инновационной экономике, а второй формирования «психологии победителем», примером которой должны послужить «предки». В этом отношении нет формального основания для противопоставления с «Единой Россией», которое проводится в предвыборной программе Союза правых сил: «Они – за «великую державу», и поэтому хотят, чтобы в мире нас боялись. Мы – за великую Россию - комфортную для жизни, процветающую и динамично развивающуюся страну, которую поэтому будут уважать во всем мире». Более значимо еще одно различие, подчеркиваемое в другом программном документе СПС: «Основой истинного величия России является наша свобода. Для свободных граждан естественно любить свою страну, а для великой державы естественно всемерно поощрять свободную инициативу своих граждан».

Наконец, следует отметить, что при обосновании новой российской державности очень большое значение представителями различных идейно-политических лагерей придается духовной сфере. При этом происходящие в ней процессы могут рассматриваться как необходимое условие и основание для возрождения державной мощи (та же самая «психология победителей» единокороссов), но могут подаваться и как самодостаточное ее выражение. Характерным в этом отношении можно считать такие суждения как «Сегодня многие

считают, что Россия уже не является великой державой, но ее величие сегодня состоит не в материальном производстве, а в возрождении духа Православия, православной культуры, науки, забытых миром с времен гибели Византии», но при этом могут даваться и принципиально иные трактовки духовности.

Все эти черты «державного дискурса», включая и

его всеобщность, с нашей точки зрения свидетельствуют о продолжающемся процессе адаптации общественно-политического сознания российского общества к постимперским реалиям. И о вступлении этого процесса в новую, решающую, стадию, которая может привести как к обострению имперских рецидивов, так и к постепенному снятию проблемы.

Т. Д. Венедиктова

ЖЕРТВЫ СОБЛАЗНА КАК АГЕНТЫ КУЛЬТУРНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ (К АПОЛОГИИ «НАИВНОГО» ЧИТАТЕЛЯ»)

Венедиктова
Татьяна Дмитриевна

доктор филологических наук, зав. кафедрой теории
дискурса и коммуникации Филологического факультета
МГУ, г. Москва

*Масса – это матрица, из которой... всякое
привычное отношение к произведениям
искусства выходит перерожденным.*
В. Беньямин

Слово «литература», заметил английский литературовед Джон Эллис, в использовании похоже на слово «сорняк». Оно может обозначать любую траву, которая не имеет ценности и предполагает определенный род действий – удаление с грядки. Так и словом «литература» обозначаются тексты (вообще-то на удивление разные!), которым приписывается заведомая повышенная ценность и в отношении которых приняты особые практики производства. А также восприятия, хотя эти последние в особый предмет систематического внимания стали выделяться лишь в недавно. История литературы сложилась как история писателей, и иерархия пишущих и читающих многими по сей день воспринимается как естественная, даже – культуuroобразующая. Автор в этой системе – фигура с именем и авторитетом, уподобляемая отцу-зачинателю, если не Богу-творцу, читатель, напротив, – фигура анонимная, подчиненная, инертная, пассивная, массовидная, невидимая.

Впрочем, высшее место в вышеупомянутой иерархии (т.е. внутри литературы как сложившегося культурного института) принадлежала всегда не писателям, а экзегетам, авторитетным толкователям, знатокам, наделенным правом определять и тем самым стабилизировать «истинный смысл» произведений. Остаточный сакральный статус, каковой литература сохраняла в европейской культуре Нового времени, способствовал устойчивому воспроизведению такого порядка, и поддержание его не составляло большой проблемы, пока пишущие, читающие и судящие составляли сообщество, – хоть и обширное, но с обозримыми границами.

История чтения, однако, была историей расширяющегося доступа к тексту. Новая степень доступности всякий раз ассоциировалась с опасностью со стороны «новичков» – лиц, не принадлежащих или принадлежащих не вполне к образованной элите, отмеченных тем или иным видом культурной «незрелости», инаковости. Кто оказывался в «группах риска»? женщины, дети,

простолудины, – невымуштрованные школьной дисциплиной и потому грешившие, как правило, склонностью к т.н. «наивному» чтению. Последнее подразумевало незнание условности или пренебрежение ею, неумение выдержать должную дистанцию по отношению к воображаемому миру, неспособность отличить второстепенные, поверхностные, субъективные смыслы от глубинных, предполагаемо имманентных тексту. Образец тому – казус Паоло и Франчески из «Божественной Комедии» Данте. Эти беспечные, слишком юные читатели предавшиеся чтению романа наедине, в отсутствие благого учительского попечения, прочли, вместо назидания, заключенного в тексте, желаемое для себя – сладкий соблазн, и в итоге оказались обречены на вечную муку.

У несчастных любовников – обширная родня из «малых сих», в разное время павших жертвами букв и строчек, безобидных только на первый взгляд. Микроисторик Карло Гинзбург в книге «Сыр и черви» представил нам такого безвестного героя – мельника Меноккио, любителя чтения, жившего в XVI веке в затерянном среди гор селении на севере Италии. Выбор книг, доступных Меноккио, был невелик – Библия, Декамерон, некая анонимная Легенда страшного суда, – и главное заключалось вовсе не в том, что он читал, а в том, как. Из книг, вполне благонамеренных, он умудрялся вычитывать странную ересь, за которую был дважды судим святой инквизицией и в конце жизни, упрямец, взошел на костер. «Восприятие книжного текста, – комментирует историк, – было у Меноккио односторонним и произвольным: он как будто лишь искал подтверждения своим уже прочно укоренившимся идеям и убеждениям... выхватывал... отдельные слова и фразы, которые при этом не могли не искажаться... соединял разведенные в источнике места, устанавливал между ними неожиданные аналогии»¹. И здесь речь идет о «неправильном», дробном, поверхностном чтении, откровенно эмоциональном, субъективном, нестойком к соблазнам метафоры и не рассчитанном на удержание в памяти последовательности аргументов... Что это: исключительный печальный случай, курьез? Или Меноккио для Гинзбурга (как Франческа и Паоло – для Данте) – в каком-то смысле «всечеловек»: его относительная неученость делает ситуацию не исключительной, а всего лишь ярко выраженной? Разве мы не всегда читаем не вполне то, что написано? Применительно к литературе актуальность этого вопроса особенно очевидна. Художественный текст, в силу самой своей образно-иносказательной природы, не только дает право, но даже обрекает на своеволие, необходимость выбора «своего» смысла из многих возможных. Это право на выбор, творческий по своей сути, мы реализуем в меру сил, бессознательно,

вовлекая все ресурсы личности в этот процесс, который лишь частично поверяем рассудочным суждением, - благо, что став приватной практикой, чтение не предполагает ни обязательного публичного отчета, ни суда со строгостью инквизиции.

Есть основания предполагать, однако, что в определенных ситуациях казусы, подобные двум описанным, умножаясь, складываются в критическую массу, а ее присутствие в культуре начинает выступать и осознаваться как симптом революционного сдвига.

Революция первая - читательская

Термином «читательская революция» (Leserrevolution) сегодня уже устойчиво обозначается совокупный эффект секуляризации общественной жизни, распространения рыночных практик в культуре, развития печати и количественного роста читающей публики. Все это наблюдалось во второй половине XVIII века и сопровождалось, как считают исследователи, массовым переходом от интенсивного чтения (медленного, исполненного пietetа, предполагавшего многократное перепрочтение избранных, часто священных текстов) к экстенсивному - в режиме однократного, беглого восприятия многих разных текстов, по преимуществу светских. Эту оппозиция, предложенная Р. Энгельсингом², принимается, впрочем, не всеми и не буквально. Американский исследователь Р. Дарнтон указывает, например, на специфическую интенсивность «экстенсивного чтения» - своеобразную, простодушную свободу, с которой начинают инвестироваться в текст личные эмоции³. Свобода эта шокировала еще современников и описывалась нередко как губительная разнузданность страстей. Из авторитетнейших уст (И.Канта, С. Джонсона, В. Вордсворта и др.) звучали на удивление сходные жалобы: все нынче бросились читать, в том числе и те, кому не надо бы и, Боже! что они читают (жанр романа воспринимается пока как «низкий» - время его восхождения к славе впереди - Т.В.) и как читают! Библиомания, одержимость чтением часто описывались как недуг, чреватый физическим заболеванием или еще худшим ущербом для жизни.

И впрямь: волны «романной лихорадки» прокатывались то по Франции (вослед «Эмилю» Руссо), то по Англии (вослед «Памеле» Ричардсона), то по Германии (вослед публикации «Вертера» Гете). Симптомы всякий раз отмечались сходные. Поверхностность, рассеянность восприятия текста в режиме грезы наяву плюс «чрезмерная» непосредственность, избыточная острота аффективных реакций в широком спектре от проливаемых самозабвенно слез до подражательного самоубийства. К такому чтению, кстати, очень рано начинает применяться метафора потребления, почти буквально поедания, бесконтрольного приема внутрь. Романы уподобляются сладостям («конфетам», варенью, пуншу и т.д.), на что так падки дамы и от чего - ни для дам, ни для потребляемой ими словесности - не ожидается ничего, кроме вреда⁴. «Потребить» произведение искусства значит воспринять его неправильно - в пределе, уничтожить в акте восприятия (таков буквальный смысл слова «consume», от которого произошел современный «консьюмеризм»).

Укротить беспредел потенциально небезопасной словесной магии призвано становление института литературы в его современном виде. Цензура и школа выступают как средства дисциплинирования массового литературного чтения, а литература, в свою очередь, начинает широко опознаваться как воплощение регулятивных норм культурности. Последние

М. Арнольд связывал со «стремлением видеть вещи как они есть на самом деле, умением среди них выделить лучшее и утвердить его превосходство». Прерогатива видеть, выделять и утверждать приписывалась, разумеется, авторам, в меру их близости к желанному статусу классиков, а реально охранялась их наместниками - учителями словесности. Отсюда короткое определение литературы, которое Р. Барт иронически цитирует в «S/Z»: «то, что преподают в школе. И все. И точка». Точка, однако, исполненная национально-государственного значения и соответствующего пафоса⁵. Литература, учил тот же М. Арнольд, толкует жизнь, учит истине и добру, дает образцы духовного равновесия, возвышая над низшими (эмоциональными, тем более телесными) реакциями. Отсюда представление о «подлинном» художественном произведении как о прекрасном объекте, которому должна быть присуща некоторая холодность, в отношении которого законны прежде всего умственные, герменевтические реакции. Их, собственно, и демонстрирует толкователь словесности, в чем состоит его преимущество над автором (XIX век, как мы помним, был веком великих - и притом великолепно самоуверенных - критиков!). То в эстетике, что связано с непосредственным чувственным опытом ссылается «вниз», к восприятию популярного сенсационного чтива, а возвышается то, что связано с оценкой, заданием нравственной и эстетической иерархии, внутреннего канона. Эта система приоритетов сохраняется, кстати, и в XX веке как основа для различения литературы «серьезной» и «несерьезной», достойной внимания (с точки зрения элиты, «экспертов по культуре») - и недостойной.

Революция вторая - медийная

Фраза «конец литературы» звучит сегодня часто, отдает дешевой драматизацией, а отсылает к тому (очевидному) факту, что печать, медиум с которым литература тесно и не внешним только образом связана, утратила былое господство в системе коммуникаций. Один из очевидных парадоксов сегодняшнего дня: в то время как в качестве особого института и/или академического, школьного предмета «литература» хиреет, бледнеет, утрачивает центральное место в культуре и образовании, - ее гибридизированные формы (рождаемые взаимодействием печатного текста с визуальными, аудиальными, электронными медиа) процветают и множатся на зависть. Если бы Шекспир жил в наши дни, он писал бы кино- или телесценарии. Вполне вероятно, что живет и пишет, а это на «конец» уж никак не похоже. Откуда тогда погребальные формулировки? Чаще всего - из среды людей, «ответственных за литературу», - тех, для кого утрата предметом знакомого контура и ряда традиционно важных функций ассоциируется с потерей собственной идентичности и культурного статуса. Меняется привычный властный баланс между хранителями и охранителями, учителями литературы и ее массовым «потребителем». Этот самый потребитель все более расположен руководствоваться собственным вкусом и в выборе материалов для чтения, и в определении способа взаимодействия с книгой. Что может вести к культурным потерям (в ряде случаев они слишком очевидны), но не только.

Нынешняя растерянность школьного литературоведения всех уровней связана, таким образом, во-первых и прямо, с кризисом культурной идеологии, которая долго служила обоснованием литературы-как-ценности. А во-вторых и косвенно (и это гораздо важнее, но в то же время гораздо меньше исследовано!) - это

симптом более широких изменений, происходящих с практиками, привычками, мотивациями, установками восприятия: тем комплексом, что описывается часто обобщающим словом «чувствительность» (sensibility).

Движение от печатного слова к движущемуся кинообразу, а от него к электронно генерированной виртуальной реальности связано с нарастанием эффектов непосредственности восприятия: телесные реакции опережают (иногда кажется – вытесняют, отменяют!) рефлексию. Увлеченное чтение романа сравнимо с погружением в виртуальную реальность, но только отчасти. Декодировка печатного текста все же требует от грамотного человека хоть минимального, но усилия: благодаря ему создается микроскопический зазор времени, в который и вклинивается рефлексия. Читатель, даже очень увлеченный, все время колеблется между ролью соучастника воображаемого действия и ролью внешнего отстраненного созерцателя, - примеривает попеременно то ту, то другую. Этот двойственный статус сложнее удержать в кино, а для актора в виртуальном пространстве - еще более проблематично. Печать повествует, кино показывает – транслирует, иначе говоря, некоторые представления об опыте. Электронное же гиперпространство предъявляет стимулы, реакция на которые предельно непосредственна, то есть позволяет воплощать опыт как таковой.

В таком описании нынешняя ситуация выглядит и новой, и не новой одновременно. Как по поводу романа в конце XVIII века, как по поводу кино в начале XX-го, так в наши дни по поводу компьютерных игр и иных электронных продуктов звучат разговоры об опасностях - опасности самопотери (для индивида) и безвозвратного упадка ценностей (для культуры). С другой стороны, рассматривая литературную культуру «обратным ходом», из современного медийного контекста, мы начинаем замечать и выделять в ней то, что прежде казалось несущественным: чтение как процесс, процесс творческий и притом аффективный, телесный – требующий осмысления именно в этих, до сих пор маргинализированных качествах. Уважение к привилегиям рационального нормативного суждения должно быть уравновешено трезво-критическим к ним (привилегиям) отношением, что требует такта, а его как раз часто не хватает.

В. Беньямин, описывая становление современного типа культуры, говорил о переходе от чтения сосредоточенного, развертывающегося в пространстве, ответственно проработанном сознанием, требующего высокого, фиксированного уровня

компетентности и концентрации - к иному модусу, который описывался раньше не иначе, как под знаком сомнительной легитимности, плебейства, незрелости или вырождения. Это чтение, развертывающееся в бессознательно освоенном пространстве, рассеянное; оно общедоступно и массовидно, поэтому не случайно сравнивается со просмотром кино. Чем интересен Беньямину этот «внешкольный», бесконтрольно распространяющийся тип чтения? Тем, что (по его предположению) в ситуациях широкого, революционного преобразования чувствительности именно здесь срабатывает эффективный механизм адаптации, творческого приспособления к будущему. «Развлекательное, расслабляющее искусство незаметно проверяет, какова способность решения новых задач восприятия»⁶ - мы замечаем, что решение новых задач стало привычкой, когда оказываемся способны решать их в расслабленном, несобранном состоянии.

Эстетическая природа текста современными теоретиками все охотнее связывается со способностью генерировать чувственно-эмоциональные, бессознательно-телесные реакции, эмоции и желания: литература культивирует их, отливает в образцовые формы и в то же время расщепляет, распыляет, сообщает им игровую свободу. Серьезная аналитическая работа в этом обширном поле только начинается. Для филолога это возможность, увидев свой традиционный предмет, литературу, как медиум (т.е. «расширение») человеческого воображения, открыть заново и литературоведение – как актуальный вид культурной антропологии.

1. Карло Гинзбург Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в 16 веке. М. 2000 (1976), с.106, 127
2. См.: R. Engelsing Der Burger als Leser: Lesegeschichte in Deutschland 1500 bis 1800. Stuttgart 1974
3. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. Новое литературное обозрение, 2002. См., в частности, главу. Читатели Руссо откликаются: Сотворение романтической чувствительности
4. См. об этом: Patrick Brantlinger The Reading Lesson. The Threat of Mass Literacy in Nineteenth-Century British Fiction. Indiana University Press: Bloomington and Indianapolis 1998
5. Можно вспомнить анекдот про оксфордских литературных донов, к которым дама (дело происходит во время Первой мировой войны) пристает с вопросом: почему же вы не на фронте, где защищают нашу цивилизацию. Мадам, гласил ответ, мы и есть та цивилизация, которую защищают.
6. В. Беньямин Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М. 1996, с.61

А. Д. Ахунова

ДИАЛОГ КАК ДИЗАЙН-КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

**Ахунова
Айгуль Дамировна**
магистрант УрГАХА

*Вызов в том, чтобы выйти из колеи обычного мышления,
изобразить модели чуждого сознания,
открыть новые горизонты для фантазии,
вводя в поле мысли небывалое.*

А. Генис

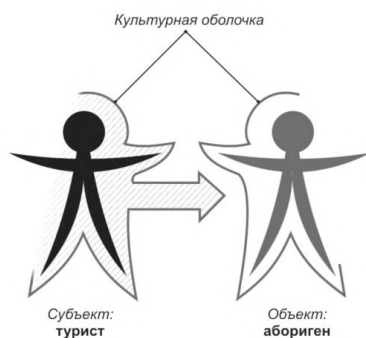
Настоящая статья посвящена проблеме дизайн-концепции музейной экспозиции в культурном и этнографическом сегментах системы туризма Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Всему есть свое время появиться на свет. Рождение вещи, как и рождение человека, сакрально по своей сути. Предметы – внешняя оболочка любой культуры: попадая в новую обстановку (культуру (другая страна, народ) или, как частный случай, субкультуру (офис, клуб, армия)), мы считываем первичные ее характеристики именно через предметное наполнение. Это так называемая *explicit*-культура, слой «опредмеченных» норм и ценностей.[5, 13] Технологические приемы создания вещей у коренных народов уникальны, экологичность их мышления поразительна для инокультурного взгляда. В традиционной культуре, где главенствует принцип «необходимо и достаточно», каждая вещь имеет единственного хозяина, для которого она подходит на сто процентов. Поэтому каждая вещь здесь – неповторима, в ней можно увидеть отражение личности создателя. Рождение вещи в культуре коренных народов Севера для пришлого, постороннего человека происходит незаметно. Это не шоу, а таинство.

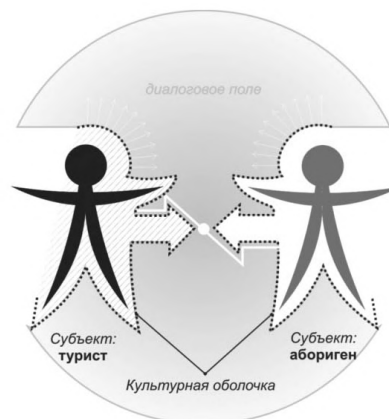
Воочию увидеть, как создаются вещи в культуре северных народов можно, например, побывав в национальном поселке/стойбище в рамках познавательной этнографической экскурсии. Несмотря на стихийность предложения, это направление на рынке туристских услуг сегодня процветает – спрос на этнографический туризм высок и стабилен. К тому же мировая практика показывает, что в современных условиях развитой этнографический туризм – один из залогов выживания аборигенов в естественной среде. Региональная сеть туристских агентств частным порядком

налаживает линейные связи с аборигенными поселениями, однако освоение и реализация указанного туристского ресурса имеет выраженный экстенсивный характер. Стоит понимать, что поданная в чистом виде первобытная культура – это не более чем музей под открытым небом. Современного туриста, например состоятельного горожанина, многое в ней шокирует, многого он не понимает и не поймет, потому что он из другого мира. Экспедиция не «работает» на туриста как музей – живая культура на то и живая, что, не поясняя сама себя (зачем?), просто существует и функционирует сообразно своим законам (в нашем случае, естественно, неписанным законам – мы ведь говорим о реликтовой культуре).

Сегодня в Югре функционируют около полусотни различных музеев. Среди них выделяется Государственный музей природы и человека в Ханты-Мансийске (Ханты-мансийский АО). Основа его экспозиций – богатая история округа и его культурное наследие, в первую очередь – древнейшая автохтонная культура народов Севера. Музей собирает и изучает артефакты этой культуры, отжившие свой век вещи – одежду, утварь, украшения и проч. – а также реконструирует мифологию и национальный эпос. Затем все это подвергается музеефикации, после чего формируются экспозиции. Писатель Александр Генис писал: «Письменность заготавливает культуру впрок: книги – это консервы, рассчитанные на долгое хранение».[2, 176] Так, музей, как и библиотека, консервирует историю. Но что такое экспонат? Это – не-функционирующий, а, следовательно, не-живущий предмет. *De facto* экспонат – труп. Борис Гройс, известный критик искусства, писал: «Музеи – это могильники живого искусства». С позволения сказать, так же обстоят дела и с культурным наследием, выраженным в предметах. Экспонат нельзя взять в руки, «пережить», говоря феноменологическим языком, – на него можно только смотреть. Опять же непонятно, каким этот предмет был в своей «молодости», из чего и как он пришел в этот мир. Конечно, собственное воображение посетителя и толковые разъяснения музейных работников несколько помогают в поисках ответов. Но экспозиция не рассчитана на примитивные, а можно

Ситуация 1: наблюдение "Субъект-Объект"

Ситуация 2: Диалог "Субъект-Субъект"

Рис. 1

сказать – естественные навыки телесного контакта с миром. Получается, музей представляет собой полигон для работы сознания; составители экспозиции думают, как эффектно и понятно продемонстрировать экспонат, в то время как посетители стараются «прочсть» экспозицию.

В системе туризма жизненный цикл вещи представлен не полностью: музей демонстрирует «отжившее», делая вещь понятной для глаз, для ума, но не для чувств; познавательные этнографические экспедиции вроде бы дают туристу возможность прикоснуться к таинству, как было сказано, рождения вещи.

Но можно ли показать туристу жизнь вещи? Можно, но только включив его в культурный и личностный диалог с реликтовой аборигенной культурой, отодвинув шторы культурной оболочки.

Для этого необходимо искусственное наращивание диалоговой среды, в которую помещаются оба субъекта: турист и абориген. Ударение здесь на то, что объект становится субъектом, равноправным участником диалога. (Диалог по природе требует равноправия сторон). (Рис.1)

Диалог культур – это проникновение в систему ценностей иной культуры, уважение к ним, преодоление стереотипов, это всегда развитие, взаимодействие. Причем в диалоговом общении смыслообразование тем интенсивнее, чем более различаются субъекты. М.Ю. Лотман писал, что если диалог двух культур представить в виде своеобразного пересечения двух множеств, то обнаружится, что область пересечения (тождества) относительно невелика, а сфера непересекаемого огромна. Область тождества выступает лишь предпосылкой для проникновения в сферу нетождественного, неизвестного для проникающей культуры, а потому нетривиального и интересного. «Живая» культура аборигенов Севера, диалог и взаимодействие туриста и коренного жителя в некоей «синтетической диалоговой среде» – вот недостающее звено в туристской системе округа. Внутринаходимость туриста и живое экспонирование – в сравнении с музейной практикой. Как на идейном (концептуальном) уровне, так и на проектном этапе эта проблема находится в сфере профессиональных интересов дизайнера. Диалог в данном случае ведется через предметное окружение. Отношение человека к вещи воспроизводит отношение к себе/Другому. «Покажи мне свои вещи, и я скажу, кто ты». [1, 89] Если вещь в таком диалоге – наименьшая единица (слово), то создание такого диалогового пространства – в первую очередь задача дизайнера. Срабатывая как своего рода «переводчик», дизайн может «говорить» одновременно на нескольких эстетических языках.

Для установления контакта «турист-абориген», для

формирования системы «субъект-субъект» в туризме необходимо участие третьей стороны – дизайнера, у которого свой арсенал технологий. Коренному жителю легко внутри «диалогового поля» объяснить туристу процесс изготовления (рождения) например нарты, а туристу легче понять красоту и сложность самого акта создания вещи через контекстные включения дизайна, говорящего его (туриста) языком. Дизайн обращает таинство в увлекательное и познавательное зрелище.

Ключевой момент: жизнь вещи как таковой. Зная, откуда вещь пришла, как она родилась, турист должен иметь возможность прикоснуться к ней, исследовать, «пережить» ее. Проехать на нарте, пройти по тундре в кисах или на лыжах, которые только что, при нем, были созданы. Увидев и узнав – прочувствовать! Вот тут-то и задействуются подсознательные человеческие навыки телесного контакта с миром. Пользуясь вещью так, как делает это хант, турист «встает на его место», «вживается» в его мировосприятие. Кроме того, взаимодействие представителей культур обогащается непосредственным со-участием субъектов в ритуальных действиях, непрерывно сопровождающих жизнь аборигенов. Здесь может произойти некоторое усиление, как бы «энергетический узел» в диалоговом поле – сакрализация экскурсионного процесса. Как качественное приложение к предметной среде выступает миф, легенда, сказка – и это выводит диалог на новый эмоциональный уровень. Туристский акт, вовлекающий путешественника в другой, «потусторонний» мир. Все образы воздействуют на человека, минуя сознание, и создают эмоциональный фон высокого напряжения. [6, 10] Такой тактический ход сплавляет воедино аттракцион и ритуал, позволяя потребителю самому решать, насколько погружаться в сакральные глубины. Джон Хенч, главный имаджинер (инженер воображения) Walt Disney Corp., говорил: «Как дизайнеры мы, имаджинеры, создаем Места – регулируемые переживания, осуществляемые в тщательно структурированных средах, давая нашим гостям возможность видеть, слышать, даже обонять, касаться и испытывать ощущение вкуса неким иным образом. ...Мы усиливаем воображение гостей, выводя их за рамки повседневной рутины». [3, 264]. «В создании такого тотального произведения участвует как культура, так и природа, как прошлое, так и настоящее, как чужой умысел, так и свой душевный настрой. И исполняется такая «симфония» прямо в душе путешественника». [2, 300-301]

Следующим этапом, по правилам диалога, турист «выходит из игры» – возвращается к себе в культуру, но уже диалогически измененным – и это есть логическое завершение акта диалога.

Итак, эффективная демонстрация туристу жизни вещи в культуре требует соблюдения условий-этапов диалога:

1. Открытость обеих сторон	}	<i>Базовые условия туристской деятельности</i>
2. Мотив		
3. Равноправие сторон		
4. Наличие Другого ¹	}	<i>Условия, необходимые для межкультурного диалога в системе туризма</i>
5. Поиск общего, «вживание»		
6. Возвращение к себе		
7. Осознание, оценка и переоценка	}	<i>«Потребительский эффект»</i>

Рис.2. условия-этапы диалога.

Диалоговая функция дизайна в рамках музейной подсистемы системы туризма заключается в создании «поля», провоцирующего взаимодействие туриста и аборигена. Задача дизайнера – приоткрыть «скафандр» культурной оболочки субъектов, создать условия для возникновения диалога, побудив субъекты пройти необходимые для этого этапы.

Сегодня функция туризма в условиях ценностного дефицита сводится к поставлению туристам все новых и новых ценностей для включения их в индивидуальные миры ценностей. [4, 188] Задача дизайнера – эстетически и этически максимально обогатить процесс поставки/потребления туристской ценности, принимая тем самым непосредственное участие в формировании и изменении фактических этосов туристов.

Библиография

1. Быстрова Т.Ю. Вещь. Форма. Стиль. Введение в философию дизайна. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2001 – 288с.
2. А. Генис. Сочинения в 3 т. Т. 1 Культурология. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 539с.
3. Глазычев В. Л. Дизайн как он есть. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 320 с.
4. Углов В.А. Туризм и мир ценностей человека//В сборнике «Туризм и региональное развитие». Выпуск 4. – Смоленск: Универсум, 2006. – 640 с.
5. Усенок С.Г. Дизайн-модель транспортной системы северного туризма: магист. дис. – Екатеринбург - 2006.
6. Юсфин И.А. Атракцион – реликтовая форма развлечения// Техническая эстетика. – № 3. – 1987- с.6-12.

А. В. Бакина

РОЛЬ ДИСКУРСА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

**Бакина
Алла Владимировна**

соискатель кафедры истории и
теории политической науки
УрГУ

Права человека, имеющие источником общечеловеческие морально-этические нормы и ценности, прошедшие путь своего стремительного генезиса, в конце XX – начале XXI веков изменили свое качественное содержание и функциональное назначение. Они стали инструментом осуществления геополитической экспансии развитыми государствами в отношении развивающихся стран, а также средством узурпации и искажения прав и свобод человека в самих государствах-экспансионистах. При этом дискурс как речь, способ говорения, движение информации в рамках коммуникативной ситуации, как некоторая структура диалогового взаимодействия (Дискурс. -(<http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>) технически обеспечил трансформацию содержания и функционального применения прав и свобод, легитимизацию и легализацию данных тенденций на внутригосударственном и международном уровнях. Вместе с тем выгоды, получаемые от осуществления геополитической экспансии, носят спорный характер.

На рубеже веков грубая сила уступила место «мягкой», хотя демонстрация «мускулов» и осуществление «назидательных» военных операций стали постоянным атрибутом современного мира. Одновременно власть и господство изменили свое содержание и структуру: стали почти невидимы, неосязаемы, неуловимы для человеческих органов получения информации, но более нацелены на бессознательное, архитипичное и животное начало человека. Процессы обретения необходимых ресурсов, их сохранения и приумножения, маркировки времени и пространства, живой и неживой природы – стали протекать по иным законам, где основную роль играют «мягкая сила» и научно-технические достижения. Так, «мягкая» сила есть

«способность (ability) заполучить то, что вы желаете, не путем принуждения (coercion) или вознаграждения (payment), а путем привлечения [на свою сторону] (attraction) <...> вырастает из притягательности культуры, политических идеалов и политического курса страны...» (Nye J.Jr. The Paradox of American Power: Why The World's Superpower Can't Go It Alone.- N.Y.P.8.). Научно-технические достижения позволяют «мягкой» силе реализовывать поставленные цели и задачи в любой точке земного шара, максимально «сжимая» время и пространство. Однако «мягкая» сила не была бы так эффективна, если бы не использовала универсальные инструменты, которыми стали права человека и дискурс. Права и свободы человека, провозглашенные общечеловеческой ценностью, носящие универсальный и всеобъемлющий характер, превратились в инструмент, открывающий доступ ко всем сферам жизнедеятельности индивида, почти всех обществ и государств. Западноевропейская база прав человека, синтезирующая либерально-демократические ценности, принципы и нормы, привлекает представителей многих культурно-цивилизационных сообществ. Это способствовало использованию прав человека в качестве ширмы для осуществления рядом развитых государств, относящих себя к истинным демократиям, геополитической экспансии в конце XX-начале XXI веков в отношении развивающихся стран. Дискурс, использующий «новояз», например, Storytelling, и апеллирующий к правам человека, становится все более предпочтительным средством в решении задач внешней и внутренней политики. Вопросы глобального изменения климата, энергоресурсной обеспеченности и безопасности, международного терроризма, ядерной безопасности, межэтнических конфликтов, бедности и другие – это неполный список, позволяющий государствам-экспансионистам, ссылаясь на права человека граждан своих и чужих государств, получать доступ ко всем локусам стран-реципиентов, перекраивать их по своему вкусу, использовать чужие ресурсы в своих интересах. Так, используя дискурс, государство-экспансионист обоснует свои действия самыми благородными мотивами: морально-этическими нормами и ценностями, необходимостью реализации прав и свобод человека, выгодным сотрудничеством, потребностью в совместном решении острых глобальных проблем и т.д.

Особой уловкой экспансиониста становится исключение явного, но реально существующего монолога, посредством специально выстроенного дискурса. Данная уловка призвана скрыть насилие со стороны государства-экспансиониста и исключить сопротивление страны – реципиента. Поэтому взаимодействие между представителями обеих сторон должно выглядеть как диалог.

В процессе подобного дискурса экспансионист намеренно искажает и подменяет смысл и содержание понятий, целых фраз и блоков информации. Намеренно осуществляются попытки изменения интерпретационного кода и языка реципиента. Образные сравнения, мифологемы и метафоры, логические ловушки и лингвистические уловки – органично вплетаются в устную и письменную речь представителей государства-экспансиониста. Начиная с 80-х годов XX в. геополитический дискурс все более осуществляется в формате Storytelling, дословно – рассказ историй, где широко используется нарратив. Рассказ или небольшая история (story) становятся средствами передачи нужной информации, убеждения, прельщения, стимулирования и влияния.

В процессе осуществления экспансии государство-экспансионист не только потребляет ресурсы страны-реципиента, но и неосознанно создает себе подобное общество и государство. Создание себе подобного сообщества происходит через «экспорт» идей, информации, технологий, предметов материального мира и т.д. По существу, «экспорт» запускает механизм смены экономического и социально-политического устройства страны-реципиента. Однако протекание процесса трансформации при «экспорте» и его результат не могут быть полностью предугаданы. Страны-реципиенты и их представители, ощутившие в полном объеме геополитическую экспансию, прошедшие все этапы культурно-идеологического прессинга, весьма быстро обучаются технологии Storytelling и начинают применять ее к своим оппонентам. Столь мощное оружие, направленное против своих творцов, может полностью обезоружить последних. При этом жажда наживы и обладания дополнительными ресурсами, присущая государству-экспансионисту, посредством цепной реакции переносится или вызывается в стране-реципиенте, после чего вновь возвращается к экспансионисту.

Особая ситуация возникает когда качественно изменяются общественные и государственные институты страны-реципиента, а сфера прав человека становится содержательно и функционально идентичной сфере прав человека государства-экспансиониста. Граждане страны-реципиента начинают более осмысленно участвовать в жизнедеятельности общества и государства, что приводит к качественно новым отношениям между страной-реципиентом и государством-экспансионистом. Порой роли меняются, и экспансионист подвергается экспансии со стороны реципиента. Ярким примером стала нарастающая с конца XX в. экономическая экспансия Китая по отношению к США. При этом государство-экспансионист не может эффективно сопротивляться, т.к. страна-реципиент, используя технологии Storytelling, апеллируя к правам человека и либерально-демократическим ценностям, полностью «снимает» его сопротивление.

Осуществляя геополитическую экспансию, государство – экспансионист вынужден обосновывать свою внешнюю политику не только перед лицом мировой общественности

и представителями страны-реципиента, но и перед своим обществом. С этой целью осуществляется ряд мероприятий, вырабатывается и реализуется специальный внутривнутриполитический курс. Они технологически напоминают мероприятия идеологического обоснования экспансии в стране-реципиенте, но имеют специфические особенности содержательного характера.

Также можно выделить несколько специфических особенностей внутренней жизнедеятельности государства-экспансиониста. Например, используя ресурсы страны-реципиента, государство-экспансионист прямо и косвенно осуществляет права и свободы своих граждан. Одновременно в отношении своих граждан государство-экспансионист может расширить или неявно сузить содержание прав и свобод, позитивно или негативно качественно их изменить. Это выявляет специфику современного государства-экспансиониста: его общество пронизано агрессией, направленной вовне и вовнутрь. Данная агрессия есть своего рода движущая сила, обеспечивающая расширение жизненного пространства и привлечение дополнительных ресурсов. При этом дискурс и права человека также становятся инструментами осуществления внутривнутриполитического курса.

Агрессия, направленная вовнутрь, является суммой издержек высокоразвитого сообщества, где права и свободы изменили свое качественное содержание. Властные структуры общества и государства, пораженные агрессией, содействуют узурпации и искажению прав и свобод человека. Фактически, права человека становятся инструментом воплощения интересов узкого круга лиц, обладающих широким спектром ресурсов. Права человека приобретают элитарный характер и реализуются как права и свободы избранных. Так, при помощи Storytelling, мнение, интересы и решения большинства, независимо от их истинности, могут быть навязаны меньшинству, либо интересы влиятельного меньшинства провозглашаются интересами большинства. Например, иракская кампания Соединенных Штатов никак не завершается, хотя американское общество давно настоятельно требует вывести американские войска из Ирака. Права и свободы также могут приобрести статус обязанностей. Это находит выражение в переносе издержек функционирования высокоразвитых обществ и государственных институтов на своих граждан, которые не всегда готовы их оплачивать. Высокие требования и стандарты социально-политического и экономического характера, предъявляемые к обществу и государству для обеспечения прав и свобод индивида, могут служить предлогом для ограничения прав и свобод человека. К примеру, с 2003 г. в ряде европейских государств (Великобритании, Франции, США) были приняты законодательные акты, значительно ограничивающие принцип habeas corpus. Это было осуществлено под предлогом необходимости повышения индивидуальной, общественной и государственной безопасности, пресечения попыток осуществления террористических актов и разжигания этнических и конфессиональных конфликтов. Одновременно роли и функции общественных и государственных институтов могут перераспределяться и подвергаться коренной трансформации, ряд государственных институтов выводиться из-под контроля и управления со стороны общества и индивидов. Наглядный пример – деятельность администрации Дж. Буша-младшего. Сначала стихийно, а затем специально можно сформировать

воинствующее экспансионистское массовое сознание и мобилизовать силы общества и государства для разрешения конкретных геополитических задач.

Среди основных тенденций внутренней агрессии, частично описанных Ф. Голубом (Голуб Ф. Хроническая чрезвычайщина // Свободная мысль. -2006. -№6. -С.110.), в развитых государствах-экспансионистах можно выделить: максимизацию разрыва между формальной и реальной демократией; обособление элит от основной массы народа; концентрацию исполнительной власти и маргинализацию сил, которые могли бы ее ограничить и уравновесить; как следствие - недостаточную легитимность исполнительной власти (слабая обратная связь на требования общества, постоянное оспаривание прав на власть со стороны оппозиций); пересмотр институциональных механизмов баланса сил, лежащих в основе либерально-демократической системы; нарастание реакционных социальных «реформ»; усиление репрессивных мер по обеспечению дисциплины и безопасности в обществе и государстве.

Так, в Великобритании укрепление исполнительной ветви власти происходит за счет других ветвей. Например, сокращаются полномочия парламента, независимость судов, ограничивается ряд гражданских свобод. Граждане не могут эффективно контролировать и корректировать деятельность государства. Это нашло свое выражение в законе «О криминальной юстиции» 2003 г., «О предотвращении террористических актов» 2005 г., «О расследованиях» 2005 г., при этом антитеррористическое законодательство подрывает принцип *habeas corpus*, обеспечивающий защиту прав человека от произвола государства. Секретные декреты и решения президента все чаще используются в структуре государственного управления Соединенных Штатов. Сеть тайных тюрем, законодательно частично разрешенная слежка за гражданами США и резидентами внутри страны, законодательно разрешенное использование пыток в отношении лиц, обвиняемых в причастности к терроризму, создание тайной параллельной судебной системы, контролируемой Пентагоном и Белым домом, юридически спорные аресты политиков посткоммунистических стран проамериканскими

международными институтами, «превентивные» войны, попрание международного законодательства и т.д. есть реальность свободной Америки. Во Франции общество изнутри охвачено латентными межэтническими и конфессиональными противоречиями, что выразилось в социальных беспорядках и погромах 2005 г., в росте подозрительности к «иностранцам» и «иммигрантам», в обращении к законодательству колониального периода и введении чрезвычайного положения и т.д.

Таким образом, внутренняя агрессия, имеющая место в высокоразвитых странах, претендующих на роль общемировых лидеров, пожирает их общества изнутри. Посредством прав человека и использования определенного формата дискурса, происходит постепенная реструктуризация верховной власти, которая разрушает основополагающие принципы классического либерализма и демократии: права и свободы человека, принципы разделения властей и конституционных гарантий, защищающих человека от произвола и принуждения со стороны государства, механизмы общественного контроля и управления государством. Права человека становятся легальным инструментом осуществления явного и скрытого принуждения, навязывания воли одних групп людей другим группам, а также легализации необходимых определенным политическим и экономическим группам процессов и явлений. Эта же агрессия, направленная вовне, содействует осуществлению геополитической экспансии, в процессе которой рождаются новые общества и государства. Эти новые общества и государства также несут в себе семена агрессии. При этом «новоиспеченные демократии» выступают в роли новых стран-экспансионистов, содействуют развитию инструментария геополитической экспансии. Вместе с тем, права человека становятся не только инструментом трансформации обществ и государств, их институтов, осуществления геополитической экспансии, но и демонстрируют новую черту – элитарность. Права человека становятся правами избранных, несмотря на социально-политическое и экономическое устройство обществ и государств.

М. М. Колышкина

МИФ ИЛИ ИСЧИСЛЯЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ? О ПРОЕКТИРОВАНИИ ТУРИСТСКОГО ИМИДЖА

**Колышкина
Марина Михайловна**

магистрант Ур ГАХА

Туристская отрасль одна из самых бурно развивающихся и экономически выгодных во всем мире. В России на подходе новый этап развития туризма, притом не только выездного, но и внутреннего, и въездного. Для многих регионов страны именно эта сфера представляет перспективы в развитии. В связи с этим, налицо стремление властей повысить региональную привлекательность в плане туризма, попытки стимулирования интереса к культурным и историческим ценностям отдельных территорий. Безусловно, туристский товар, как и любой другой, требует продвижения. Наряду с

решением проблем лакун транспортной системы, отсутствия оборудованных маршрутов и мест отдыха, необходимо решать проблему привлечения инвестиций и самого туриста. Развитие туризма как отрасли экономики подразумевает под собой не только создание инфраструктуры сервиса, но и продвижение туристского продукта. Именно в сфере туризма продвижение является более жизненно важным аспектом деятельности, чем во многих других отраслях². Потенциальный турист или потребитель не может сначала попробовать, протестировать предлагаемый товар, а затем решать: приобретать его или нет. В сфере туризма потребитель, выбирая, опирается на рекламные материалы, устоявшиеся мнения, слухи или на личный опыт (при повторном приобретении). Поэтому здесь продвижение играет более важную роль в сообщении сущности продукта². Продвижение туристского продукта включает в себя целый ряд маркетинговых коммуникаций: реклама, PR (паблик рилейшнз),

стимулирование продаж и др. Между тем, все эти составляющие должны находиться в единстве, являясь частями планомерно выполняемой программы. Базой такой программы для страны или региона становится туристский образ территории (имидж), то есть система эмоциональных и рациональных представлений, которые формируются стихийно либо целенаправленно. Имидж, в свою очередь, неотъемлемая часть системы туризма, ее медиа-оболочка, посредник между товаром и потребителем⁸.

Единый образ территории, сформированный в целях продвижения туризма, это инструмент, который при правильном использовании позволяет не просто «продать» территорию, но сформировать о ней устойчивое мнение. Последние играет огромную роль не только в плане экономики. Важная роль туристского образа носит социальный характер и заключается в формировании стереотипа поведения, в частности проведения досуга, на конкретной территории. Например, планируя поездку в Санкт-Петербург, уже на стадии принятия решения турист настраивается на «культурный» отдых, и, оказавшись в городе, не бросается по магазинам, как поступил бы, например, в Москве. Санкт-Петербург обладает давно сформировавшимся образом – Культурная столица России. Этот образ живет отдельно от города в информационном пространстве, переливаясь и дыша. В каждый момент он может изменяться: менять оттенки, ритм, но суть его, между тем, остается прежней. Именно это информационное поле доступно потребителю, то есть туристу. Искусственно созданный, иначе, спроектированный, или естественно сформировавшийся, поддерживаемый или реконструируемый, туристский образ – это тот ресурс отрасли, который приходит к потребителю сам.

Однако, на наш взгляд, действия в данной сфере, предпринимаемые сегодня, носят тщетный характер, страна в целом и отдельные ее территории остаются малопривлекательными для туристов. По некоторым международным рейтингам, Россия попадает в десятку стран столь же неблагоприятных для туризма, как Афганистан и Ирак¹. Причиной, может быть, служит недостаточная трансляция их, скупая форма подачи, а возможно, и неверный подход к формированию туристского имиджа территории. Что нужно современному туристу? Что привлечет его?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать ситуацию, в которой живет потенциальный турист или потребитель туристского товара. Современное общество изобилует коммуникационными каналами, непрерывный поток информации приводит к перенасыщению и потере ориентации. Рациональный подход становится все менее доступным, так как количество действительностей неуклонно растет. Следствием становится дезориентация сознания. Но человеку необходима определенность, во всяком случае, базовая, он начинает искать ее подсознательно. Здесь в игру вступает мифология (Примечание 1). Как ни странно, данная категория вполне применима к современному обществу. «Рассматривая окружающий мир можно с удивлением обнаружить, что реальности в нашем мире не так уж и много, лжи – существенно больше, но мифов – просто хоть пруд пруди – чрезвычайно много. По сути дела мы живем в поле мифов»⁷. Авторы «Новейшего философского словаря» разделяют: мифологию классическую, как тип культуры, базирующийся на архаических формах ментальности, и современную, как феномен, представляющий собой вкрапление мифа в немифологическую по своей природе культурную традицию³. Современная мифология выполняет

по отношению к человеку те же функции, которые выполняла классическая во время своего расцвета, то есть замещает недостающие знания о мире. Однако не может быть приравненной к ней, так как не обладает той долей сакральности.

Следующие отличия обозначает А. Ульяновский. Первое, визуальная репрезентированность социальных мифов (Примечание 2), когда «доверительности телесности приходит на смену, в первую очередь, иллюзорность визуализаций». С этим автор связывает возможную интерпретацию современной мифологии как искусственной по отношению к классической. Второе, обязательное наличие в социальной мифологии следующих фигурантов: живущий в мифе и создатель мифа (заказчик и следующий его воле проектировщик). Тогда как в классической мифологии мы не встречаем непосредственного «сочинителя» мифа. Третье, проявленность современного мифа «в каждый момент времени относительно и локализована, является возможной: в каждый момент времени одновременно существуют живущие в мифе, для которых он не проявлен, проявляется и явный». Таким образом, исследователь говорит о неоднородности поля социальной мифологии. Непроявленный миф, для живущего в нем, является объективной реальностью, и, значит, не существует для него. Проявленные мифы представляют собой фрагменты верований, бытовые предрассудки, предпосылки рекламы, общепринятые мнения (современная реальность характеризуется рационалистической с вкраплениями мифов именно этой группы). Явные мифы считаются большинством людей вымыслом. Четкой границы между этими тремя группами нет, она подвижна и контекстуальна⁶. Поле современных мифов чрезвычайно велико, в него, в первую очередь, входят средства массовой информации, реклама, брендинг (Примечание 3), имиджейтинг (от англ. “image making”), кино, политика. Созданные и транслируемые этими областями мифы, чаще всего, выполняют коммерческие функции и служат интересам создателей мифов. «Социальные мифы произрастают из интересов»⁶. Однако, современный человек, склонный к анализу и рефлексии, все же принимает на веру предлагаемые ему мифы, встраивая их в пространство субъективной реальности. Возможно, потому что миф, основанный на вере и, соответственно, не требующий верификации, в какой-то мере «упрощает жизнь» в определенных сферах его носителю.

Пресыщенность информационного общества цифрами и буквами обуславливает все нарастающий интерес к чувственным формам передачи и восприятия сведений. Отсюда огромный успех такого подхода как брендинг, когда продвигаются не материальные качества продукта, а ощущения от его приобретения и использования. Бренд, как и имидж, требует проектного подхода в решении. Соответственно инструментами проектировщика, становятся подтекст, визуальные и вербальные образы с опорой на потребности живущего в мифе более глобальном, чем заложен в основу бренда, например, миф успешности европейской цивилизации. Таким образом, создается своеобразное мифическое поле вещи, которое и является предметом выбора потребителя.

Обращение к такой практике, названной отечественными авторами «мифодизайн», описывает известный шведский футуролог Ролф Йенсен. Современный рынок, охватывающий более одного миллиарда потребителей, нуждается не только в качественных товарах, но требует обращения к эмоциям, чувствам, ощущениям. Автор говорит о необходимости и

успешности такого подхода, как создание информационного поля товара, которое называет «история». Именно прикрепленная к товару история обеспечивает его конкурентоспособность, то есть выбор потребителя. На поверхности переход к «чувственной экономике», уже сегодня рыночная цена складывается из производственной стоимости продукта и сопровождающей его истории (мифа).

$\text{Production cost} + \text{story} = \text{price}^9$.

Все сказанное выше, в равной степени, необходимо относить и к туристскому рынку. Вставая перед выбором места отдыха человек, сегодня, располагает огромным количеством предлагаемых ему туров и круизов с определенным количеством привлекательных или отталкивающих характеристик. Определиться среди идентичных рекламных обещаний и практически одинаковых изображений поистине сложно. Путешествующему «просто роскоши уже недостаточно; нужна тема, идея, эмоциональная цель»⁴, притом своеобразное информационное поле, сопровождающее туристский товар, может даже «затмить» негативные стороны. Например, большое количество комаров превращается из отрицательного фактора в фактор экстрима, преодоление которого обогащает тур в купе с другими, делает его острее, соответственно интереснее для потребителя. Заключение туристского товара в оболочку, которая представляет собой миф (историю) или совокупность их, упрощает процедуру выбора, за счет переноса ее в подсознательную область, область чувств и эмоций.

Таким образом, проект туристского имиджа, безусловно,

должен основываться на мифе, истории, сказке, чтобы являться успешным. «Мифы – придают силу имиджу, это содержание, идея той формы, которая получает название имиджа»⁷. Безусловно, речь не идет о продуманном обмане потребителя. Важно верное обращение к чувствам и эмоциям, которое обеспечит выбор потенциального туриста.

1. Голубчиков Ю. Туристское измерение России. Туризм: практика, проблемы, перспективы № 08'2007, стр. 25.
2. Морган, Н., Причард, А. Реклама в туризме и отдыхе: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 350700 «Реклама» и 230500 «Соц.-культур, сервис и туризм» / Н. Морган, А. Причард / Пер. с англ. под ред. Б.Л. Ерёмкина. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
3. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003.- 1280 с. - (Мир энциклопедий).
4. Рольф Йенсен. Общество мечты – Стольгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
5. Словарь по экономике и финансам. // <http://www.Глоссарий.ru>
6. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. – СПб.: Питер, 2005.
7. Ульяновский А.В. «Мифы в рекламе», YES!, 1995
8. Усенюк С. Г. Дизайн-модель транспортной системы северного туризма (на примере Западно-Сибирского региона). Диссертация на соискание академической степени «магистр дизайна», УралГАХА.
9. Rolf Jensen. Sell me a story – Some important marketing tools for the “experience economy”. CriticalEYE, 2005

М. А. Малышев

ПРЕВРАТНОСТИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА (афоризмы и ироничные изречения)

**Малышев
Михаил Алексеевич**

профессор Автономного университета штата Мехико Мексика, член редколлегии научных журналов «La Colmena», «Coatepec», «Ciencia ergo sum»

Чтобы смириться с крахом своих притязаний, неудачник говорит, что он – жертва заговора коварной судьбы.

Некоторые люди мечтают дожить до преклонного возраста, ибо не без основания полагают, что уйти из жизни в старости – значит, избавиться от множества забот и лишиться немногих удовольствий.

Привыкая к лучшему, человек с трудом переносит худшее. Этот парадокс может объяснить причину падения более культурных народов под натиском менее развитых, но более привычных к лишениям соседей.

Нелегко приходится тому, кто сегодняшний день нагружает завтрашними заботами и вчерашними невыполненными обязательствами.

Иногда на человека сваливается столько забот, что бедняге не хватает времени, чтобы подумать: а стоит ли вообще за них браться?

Упущенные шансы, несбывшиеся надежды, горькие разочарования – такова плата неисправимого мечтателя за величие своих грез.

Переход от надежды к уверенности облегчает муки ожидания, но повышает вероятность перерастания разочарования в отчаяние.

Когда нам кажется, что нашим возможностям нет предела, возникает искушение осуществить невозможное, и это может привести нас к краху, если мы во время не остановимся.

История повторяется не только потому, что потомки не желают учиться на ошибках своих предков, но и потому, что предки не считали возможным признаваться в собственных заблуждениях.

Чтобы иметь шансы на успех, мало верить в счастливую судьбу; следует использовать и другие альтернативы.

Случайность не только может «объяснить» происшедшее, но и «оправдать» нелепость случившегося.

Безостановочный бег становления порождает утопию – идиллию «замороженного времени».

История мало чему учит, и все потому, что уроки, извлекаемые настоящим из прошлого, совсем другие, чем задачи, которые будущее ставит перед настоящим.

В идее «железной поступи» истории содержится горький привкус цинизма.

Одни истины нас опьяняют, другие отрезвляют, а третьи вызывают желание снова напиться.

Жизнь открывает перед нами различные возможности, но мы выбираем только одну из них, не будучи уверенными в том, что нам удастся достойно её прожить.

Твоя надежда не сбылась, но ведь ты много лет с ней жил, и она тебя окрыляла. И, тем не менее, разочарование от несбывшейся надежды обесценивает радость прошлой мечты.

Некоторые люди рождаются с гримасой отвращения к жизни и не расстаются с ней, даже превратившись в покойников.

Если ты хочешь быть погребенным в пантеоне истории, постарайся обогнать эпоху, в которую тебе выпало жить.

Невозможное в одну эпоху становится возможным в другую, и это нередко порождает ложную идею, будто невозможное – всего лишь вопрос времени.

Желание обладать только возможным делает нас реалистами, но, к сожалению, не предохраняет от чувства неудовлетворенности.

В состоянии эйфории, мы много обещаем, сокращая, тем самым, время беззаботности, источника будущей радости.

Память – это сентиментальная вдова, вспоминающая несуществующие достоинства покойного мужа и забывшая горькие слезы, пролитые по его вине.

Поскольку кража времени законом ненаказуема, каждый человек должен охранять его собственными подручными средствами.

Не сетуй на судьбу; не исключено, что судьбе предназначено вынести все твои жалобы.

Нетерпение и отчаяние – это непослушные дети благородной дамы, по имени «Надежда».

Каким бы суровым ни было наше прошлое, в нем всегда можно отыскать то, что заставляет наше сердце сжиматься.

Если, утратив все свои иллюзии, отчаявшийся не пытается свести с собой последние счета, значит, существование – это последняя его иллюзия.

Стремление представить личность актера по исполняемым им ролям или личность писателя по его произведениям аналогично попытке вообразить крокодила по сумочкам, изготовленным из его кожи.

Слово «почти» фигурирует при объяснении почти каждой неудачи.

В своих критических суждениях о других людях мы склонны приписывать им больше возможностей, чем в действительности они располагали, и это помогает «оправдывать» суровость наших оценок по их адресу.

Некоторые люди тратят усилия на то, чтобы заложить прочный «фундамент» жизненного проекта, но им часто не хватает интеллектуальных ресурсов, чтобы возвести «стены», а тем более – завершить все «сооружение».

Справедливость – это вторая жертва преступления.

Кто требует радикального преобразования мира на основе добра и справедливости, тот должен вначале поставить этот эксперимент на себе или на своих близких, если, они, конечно, на это согласны.

Власть предрежащим свойственно путать привилегию с достоинством.

Скромный вправе гордиться собственной скромностью, но гордость униженного чем-то сродни демонстрации прокаженным своих язв.

Несмотря на зубную боль, человеку делается веселее, когда он вспоминает о разбитом носе у субъекта, выбившего у него зуб.

Терпимость – это замаскированное безразличие, за которым нередко скрывается желание отвести оплеуху.

Убеждение в превосходстве прошлого над настоящим – это проделки воображения над памятью.

Количество – это, разумеется, не качество, зато количество производит впечатление, и это хорошо известно каждому диссертанту.

Опасней непроходимой глупости может быть только принудительный энтузиазм.

Боязнь совершить глупый поступок может уберечь от неблагоприятного мнения, но этот же страх ведет к сохранению глупости.

Не каждый человек может выдержать «истязание» похвалой, не став пленником самообмана.

Человек – это единственное животное, способное на себя рассердиться и даже от этого умереть.

То, что человек о себе думает, отнюдь не исчерпывает всей его личности, хотя, несомненно, составляет важную её часть.

Если человек себя уважает, зачем он тогда добивается признания своих заслуг другими людьми? Видимо для того, чтобы иметь ещё большее основание для собственного уважения.

Возможности воспитания чувств безграничны: человек может вежливо обойтись со своим недругом, но его не может не обрадовать весть о том, что последнему надавали тумаков.

Кто мечтает стать интеллектуалом, тот вынужден будет проводить часть своей жизни в согнутом положении. А кто надеется стать известным интеллектуалом, тот должен быть готовым находиться в этой позе всю свою жизнь.

Хмурить брови и улыбаться заложены в генетическом коде человека, но смысл иронической улыбки или удивленно поднятой брови можно расшифровать только на основе знания кода культуры.

Полуправда – это дань уважения, воздаваемая ложью правде, чтобы, втеревшись в доверие к последней, причинять ей как можно больше вреда.

Не беда, если глупый прикидывается умным. Беда, если глупый, занимая место умного, заставляет его притворяться дураком.

Земная жизнь человека – ничтожный миг по сравнению с вечностью. Но именно от этого мгновения зависит «качество» его вечной жизни за гробом.

Еврей слишком хорошо знает еврея, чтобы поверить в божественность Иисуса Христа.

Трудно полюбить ближнего на пустой желудок, но нельзя, апеллируя к пустому желудку, оправдывать мораль людоедов.

Нельзя полюбить человека, если ты его не уважаешь, но можно, полюбив, потерять к нему уважение, терзаться сознанием, что он тебя недостойн, и, несмотря на это, любить его, сукина сына.

Умереть холостяком – достойный выбор, если только это выбор самого холостяка.

Любовник обладает преимуществом перед мужем: у него слишком мало времени, чтобы разочаровать свою даму.

Возлюби ближнего своего, но не так страстно как свою жену, иначе она бог знает что может о тебе подумать.

В мире существует много заблуждений, возможно, потому, что каждый человек хотел бы утвердить свою истину.

Творческие муки автора - далеко не всегда залог эстетического наслаждения читателя.

Он достиг такого возраста, когда ничто уже не могло доставить ему удовольствия, кроме вести о неприятностях его недругов.

Два разных взгляда на причину автомобильной аварии невольно превращают нас в скептиков. А две исключаящие друг друга версии на причину развода заставляют нас думать, что истины вообще не существует.

Если дурак тебя не раздражает – это уже тревожный симптом.

Познай самого себя - и перестанешь обвинять ближнего в собственных недостатках!

ТРИУМФ ДУХА

(по мотивам книги О.Матвейчева «Суверенитет духа»)

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук,
профессор, зав. отделом
философии Института
философии и права УрО РАН

Предисловие

Вся великая философия развивается в следующем направлении: от «Феноменологии духа» Гегеля к «Суверенитету духа» Матвейчева. Абыдно, да?

Пошлем Европу в баню

Все русофобы любят повторять слова поэта «Прощай, немытая Россия». А судьи, кто? Кто на самом деле немытый, грязный замарашка?

Прежде, чем ответить на поставленный вопрос, определимся с понятиями.

Понятия мытый/немытый – важнейшие для постижения иерархии мира. Кто мытый, тот чистый, значит, лучший. Следовательно, чистые и мытые должны быть наверху, поверх других. Мытые призваны руководить мировым процессом, командовать разного рода чистильщиками. Здесь уместно вспомнить бессмертные строчки другого поэта, посвященные идеологу мытости Мойдодыру: «Умывальников начальник и мочалок командир».

На противоположном полюсе мытости находится немытое или грязное, нечистое, т.е. разная нечисть. Место нечисти в мировой иерархии – внизу.

Если посмотреть на Европу, которая согласно авторитетным источникам в течение 700 лет (с V по XI вв.) вообще не мылась, то именно она является «нечистым трубочистом». Европейские монархи перед большими праздниками мылись в бочке в собственной грязи и пене. От остальных европейцев разило, как от бомжей. Главным инструментом знати были чесалки и блохоловки. Именно они выставлены во всех исторических музеях как достояния европейской культуры. Россия же, напротив, ловлей блох не занималась, поскольку в огромных количествах лила воду. Критерий мытости очевиден: кто больше льет воду, тот и более чист.

Русские, как известно, моются в проточной воде. Европейцы же, затыкают раковины и ванны пробками, т.е. воду вовсе не льют, а моют себя и нечистую посуду в ополосках, т.е. в смешанной с грязью воде. Для нас, русских, мытье под струей настолько естественно, что нас тошнит, когда мы видим рекламу, где некая дива вся в пене вылезает из ванны и, на ходу напялив на необмытое тело халат, ставит в сушилку посуду с несмытыми водой объедками. Вот гадость!

Кроме того, Европа долго не знала, что такое баня. А когда узнала, то церковь поставила ее под запрет, узрев в ней источник

разврата. В итоге, галантные рыцари, трубадуры и прекрасные дамы источали вонь на несколько метров вокруг себя. Впрочем, благодаря европейской вонючести, возникла парфюмерия, а с нею – парфюмеры Зюскинда и другие манипуляторы массовым сознанием.

В целом же, парфюм не смог заглушить вонь, которая привела к распространению эпидемии чумы по всей Европе. Чума остановилась только на границе с Россией. Почему? Да потому, что Россия парилась в банях, чем и спаслась от европейского смрада.

Баня – это стратегическое оружие России и чисто русская забава. Россия и Баня неразделимы: мы говорим Россия – подразумеваем Баня, мы говорим Баня – подразумеваем Россия!

Ни один раз Россия устраивала себе и всему миру Большую Баню. Традиционно мы посылаем своих друзей и знакомых в Баню, чтобы, в первую очередь, скрепить дружбу, как герои новогодней культовой сказки «Ирония судьбы или, с легким паром». Дружья познаются в Бане. Ну, что, Европа, попаримся?

Наше все как жертва геополитики

Известно, что Пушкин – наше все. Он гений чисто русского духа. Он – не какой-нибудь Чаадаев или Шендерович, поставившие крест и другие предметы на Россию как на никчемную нацию. Пушкин – продолжатель дела Петра, а потому он – питерский. План Петра – план Пушкина.

Каков же был план Петра? Если кто считает, что Петр был западником, то крепко ошибается. Прорубая окно в Европу, Петр мечтал превзойти Запад технически, как потом Пушкин превзошел своего учителя поэтически. Для западника – счастье быть последним в Европе, для Петра и Пушкина – видеть Россию первой во всем. Петровско-пушкинский дух – дух великодержавной геополитики. В этой связи убийство Пушкина следует рассматривать как хорошо спланированную геополитическую акцию. Любовный треугольник и ревность – детские сказки. Подстрелив «наше все», русофобы всего мира нанесли России удар посильнее, чем поражение в региональном вооруженном конфликте, покруче, чем сбой глобальной Матрицы. План Пушкина остался недоделанным, недооцененным, незрелым. Вместо патриотов его матрица стала штамповать пошлых либералов и взбесившихся социалистов, которые убили царя и пустили Россию под откос.

Если бы лавелас и проходимец Дантес не исполнил геополитический заказ Запада, то наше все, дожив до преклонных лет, смогло бы увидеть картину светлого будущего: на одном полюсе – смердящий и загнивающий Запад, на другом – суверенная духом процветающая Россия. Каков следует сделать выбор – ежу понятно. Кто смотрит на Запад, тот – некрофил.

Маркетинговый проект «Знай наших»

Сегодня у России появился уникальный шанс взять геополитический реванш и наконец-то осчастливить мир своей духовностью. Ситуация просто шикарная. Во-первых, скончались

почти все французы, которые придумали беспринципный постмодернизм и кормили этим «измом» интеллектуалов всего мира. Во-вторых, у американцев уже не осталось сколько-нибудь крупного философа, способного заполнить духовную лакуну. Рорти и Хомский не в счет – они в лучшем случае простые публицисты.

В-третьих, у немцев из философских кумиров – один Хабермас, да и тот давно бесплоден.

В общем, момент для реализации наших духовных амбиций крайне благоприятен. Однако, надо торопиться. Свято место пусто не бывает. В этой связи предлагаем маркетинговый план экстренной духовной экспансии под кодовым названием «Знай наших». Вот его основные пункты:

1) Под руководством О. Матвейчева подбирается команда, состоящая из 10 дерзких ребят, которым поручается написать 10 философских бестселлеров.

2) В целях духовного очищения и просветления ребят запирают в бане на месяц и обещают полное обеспечение с пометкой «все включено» на всю оставшуюся жизнь при условии

выполнения заказа.

3) Как только книги написаны, к делу подключаются мировые монстры рекламы, PR и шоу-бизнеса. Для этого распечатывается стабилизационный фонд.

4) Промоушн приобретает тотальный характер: Джеймс Бонд в каждой серии цитирует русских философов; телеведущая Опра приглашает в своё шоу новых русских гениев и рекомендует американским домохозяйкам вместо посещений психоаналитиков читать на ночь по одной странице из их книжек; лучшим мировым брендом объявляется товарная линия под названием «Русский дух»; на майках футболистов «Челси» – портреты новых русских мыслителей; Голливуд вручает Оскара за экранизацию комиксов, нарисованных по мотивам русских философских шедевров; Нобелевский комитет вручает премию мира российскому президенту за выдающийся вклад в укрепление духовного единства народов.

5) У России больше не остается ни одного серьезного конкурента в духовной сфере. Она одерживает полный триумф – триумф духа.

К. Н. Любутин

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ КИМОЛОГИЯ

Чествование классиков Уральской философии продолжается

**Любутин
Константин Николаевич**

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Института философии
и права УрО РАН

А. Из истории проблемы

Внимание сотрудников кафедры истории философии давно привлекал В.В. Ким как мыслитель. Проф. В.Т. Звиревич неоднократно брал у него юбилейные интервью. Тонкий наблюдатель и знаток самых тайных уголков психологии человека В.Т. Звиревич выявил интересную закономерность: в 50 лет на дверях квартиры Кима красовалась медная табличка «Homo sapiens», в 60 лет – «Homo sexualis», в 70 – «Homo ludens», в 75 – «Homo oesopomiscns». Заканчивая интервью в 50 Ким по поводу образа жизни сказал: «Встаю в восемь. Просматриваю вчерашнюю «Вечерку», начинаю с некрологов. Если там нет ничего про меня, звоню Чуриной. Вообще, имейте в виду, я живу только раз, но зато, так сказать, каждый день». Заполняя тогдашнюю анкету личного дела, в графе «как зовут» Ким написал «смотря куда». А в графе «член партии» — «ее мозг».

В 60 Ким заключил: «Хорошее настало время, теперь не надо избегать соблазнов, они сами избегают меня. На кафедре очень интересные люди. Один смотрит так далеко, что ничего не видит, другой стесняется говорить правду, ибо не знает, что от него ждут, третий полагает, что лучше балета бывает только кордебалет и ходит в оперетку с большим морским биноклем. Четвертый, как Евгений Дюринг, не терпит вина, табака и кошек. Чурина страдает бессонницей и говорит, что если долго вечером

пишет, не может потом заснуть». «А вы попробовали почитать написанное?! - спросил мудрый Ким.

В 70 лет на вопрос В.Т. Звиревича, какие его волнуют проблемы, Ким сказал: «А разные. Например, проблема любви. Руткевич меня учил: человек в начале должен освоить теорию, потом приступить к практике. В любви все наоборот: теоретиками становятся тогда, когда практика уже кончилась».

А вот еще интересный вопрос: Почему в Китае удалось накормить людей, а у нас нет? «Потому что у них едят палочками, а у нас ложками». В 70 лет Ким стал писать поэму и даже прочел начало:

«От Москвы до самых окраин,
С южных гор до северных морей.
Человек приходит как хозяин,
Если он, конечно, не еврей».

Б. Современное состояние - 75

1. Беседы с Л. П. Чуриной на кафедре

Ким (смотрит телевизор): Вот говорят Статистика, статистика. Она знает все. А Статистика, как мини-юбка, все показывает, а самое интересное скрывает.

Чурина: Верите ли Вы в то, что правда восторжествует?

Ким: Говорят так, но это не правда.

Чурина: А какие уроки Вы извлекли из жизни?

Ким: Во-первых, не умеешь жить, - не берись.

Во-вторых, у меня такое ощущение, что я уже жил. Вон Любутин утверждает, что в прошлой жизни был китайцем.

В-третьих, старость - это когда понимаешь, что в жизни было все. Кроме денег.

Чурина: Все дорожает. Цены так и скачут.

Ким: Я вчера был на визовском рынке. Не скачут. Просто деньги дешевеют. У нас всегда было неплохо с революционным духом. Хуже было с революционным телом.

Чурина: Я слышала, что некоторых опьяняет даже демократия.

Ким: У них, наверное, не было закуски. Кто не работает, тот должен хотя бы есть.

Чурина: Вы мне объясните, Владимир Васильевич, почему в Советском Союзе официального секса не было, а дети рождались?

Ким: Потому что секс был тогда самым живучим пережитком прошлого.

Чурина: А теперь столько болтовни о секс-символах по телевидению, а все без толку.

Ким: А все потому, что секс-символ - это человек, которому секс доступен только символически.

2. Ким в магазине

- Сколько стоит эта штука?
- 5 у.е.
- Что еще за у.е.?
- Условные единицы. Сейчас цены в них измеряют.
- А..а..а! Понятно. А вон та почему?
- 90 рублей.
- А сколько это будет в у.е.?
- А это товар не у-евый.
- А который у-евый?
- Вон тот у-евый.
- Да, выглядит действительно у-евато.

3. Последний вопрос В. Т. Звиревича

- Чем займетесь, когда отойдете полностью от Ипэковских дел?

Ким: Разведением ежей. На даче. Вдруг появится спрос на ежовые рукавицы.

И вообще, если каждый день бывать на даче, не понадобится, так сказать, огородное пугало.

P.S.: Поздравляя нашего друга Владимира Васильевича Кима с 75-летием, скажем:

Мы вспомним все:

Капустники, застолья,

Советов бесконечный марафон,

Хмельную жизнь времен застойных

И трезвость перестроечных времен.

И крикнем Солнцу: «Снова брызни!»

Гони свой негасимый свет!»

Мы пьем за русский образ жизни,

Где образ есть, а жизни нет.

7 ноября 2007 г.

А. А. Коряковцев

«ДЮПОНИЗМЫ»

Коряковцев

Андрей Александрович

докторант Института философии и права УрОРАН

«Новому веку — новый язык!»

Это лозунг дюпонистического движения, существующего в Екатеринбурге уже более 10 лет — движения за обновление русского языка, наследующего традиции футуризма и обериутов. Названо оно так в честь своего легендарного основателя, французского литератора и теоретика искусства с уральскими корнями Франсуа Дюпона. Он же и считается открывателем нового малого жанра в литературе, названного его именем — Дюпонизмы. Так называются результаты нестандартного обращения со словом и смыслом, связанные с неожиданным сопоставлением звуков, с разрушением привычных алгоритмов мышления и речи. Это либо усеченные афоризмы, либо самодостаточные реплики, либо названия — названия пусть даже несуществующих объектов. Цель дюпонистической практики — освобождение человеческого сознания от всякого рода штампов. В дюпонизмах можно увидеть и своеобразную форму публицистики и этюд для упражнений поэтов и философов.

Настоящая выборка сделана мной из книги «Мильтен названий», выпущенной в 2006 г. издательством ИГНПИС г. Екатеринбург и получившей приз на конкурсе «Книга года» в номинации «Уникальный издательский проект».

Андрей Коряковцев, докторант ИФП УрО РАН,
член Московского клуба афористики

Сергей Ивкин, поэт

1. Президентов не выбирают
2. Ну, кто еще напишет об исламе?
3. Фаберженщина
4. Фейербахус
5. История православия от Владимира до Владимира
6. Всероссийская перепись христианских заповедей
7. Вот оно простое еврейское счастье: работать в книжной лавке и читать философов
8. Лев хорош поводком

Александр Седов, философ

1. Путиновыводитель
2. Эзопов новояз
3. Нищета философии
4. Гегель просил за ним не занимать
5. Гнать гениальное
6. Происхождение Вселенной из Большого Взрыва смеха
7. Нищиагнец
8. С новым богом!
9. Терровизор
10. Воображенщина
11. Барби-Яга
12. Поест в России — больше чем поест
13. Уж Познер близится, а времена все те же
14. Слова и вещи не оставляйте без присмотра
15. Депутана
16. Лебединая пенсия

17. Как мыслю — так и существую

Ина Домрачева, поэтесса

1. Апокалипсисадмин
2. Грейся, пока я теплая
3. Хорошая девочка — ни сжечь, ни канонизировать
4. ...Это вредно для кармы владыки Викентия...

Владимир Ланицберг, поэт, автор-исполнитель

1. Как бог, он еще ничего, а как человек — дрянь
2. Дюма — отец, Дюма — сын, Дюма — Святой Дух
3. Джек — потребитель

Сергей Вискунов, историк, философ

1. Родина любит своих детей нежно и нетрадиционно
2. Рабочий день укорачивает жизнь на 8 часов
3. У самовара — я и Че Гевара

Франсуа Дюпон, теоретик, практик и критик современного искусства

1. Нужны прочные, как стихи, тапочки
2. Что за неуместный секс?
3. Интеллект, обросший телом
4. В такую погоду хороший хозяин дома сидит
5. ...Дети хорошо переносят бессмертие...
6. ...А музыка такая, будто мертвых нет на этом свете...
7. У каждого свое солнце
8. Не все, что написано, нужно читать
9. Смотри на себя богом
10. Ыкляпка.

Павел Ложкин, архитектор

1. Когда на Руси жить хорошо!?
2. “Единая Россия — родина пенсионеров”
3. Различай и властвуй
4. История ложь — да в ней намек!
5. Экзистенциальное кафе «Тошнота»
6. ЖК-потрошитель

Андрей Коряковцев, философ

1. Город Цареубийск
2. Капитализм — школа коммунизма
3. Кто не способен сделать судьбу, тот делает карьеру
4. Россия — лаборатория смеха
5. Политика — экспериментальная мифология
6. Разум, свобода и здоровье как источники порока. Невежество, рабство и немощь как источники добродетели
7. Религия — поэзия политики
8. Россия — шестая часть меня
9. Монашество: умирание как профессия; наркомания: умирание как хобби
10. Гениталии всех стран, соединяйтесь!
11. Социальная закономерность
12. Коммунистические инстинкты народа
13. Купола цвета хаки
14. Дегенерал
15. Религия — это частная собственность на небо
16. Атеизм — это бескорыстное отношение к богу, доведенное до логического конца
17. Кандидат склифосовских наук
18. Ничто человеческое — мне чуждо

Л. Г. Фишман

НАШ ПОИСТИНЕ ВОЛШЕБНЫЙ МИР

**Фишман
Леонид Гершевич**

кандидат политических наук
Старший научный сотрудник
ИфиП УРОРАН

Легко можно представить себе ситуацию, когда в результате какой-то глобальной катастрофы все достижения науки и техники будут утрачены. Потомки, если только до них дойдут разрозненные сведения о нас, будут строить самые невероятные гипотезы о том, как на самом деле мы жили и чем занимались. Да кто знает? Может и в прошлом существовали какие-нибудь Атлантиды и Лемурии с высокими технологиями, но только научные труды и технические инструкции после неоднократных попыток интерпретации дошли до нас в виде эзотерических трактатов. И пытаюсь, скажем, достигнуть нирваны, наши современники в качестве руководства по медитативной практике используют донельзя искаженную инструкцию по пользованию

электрической мясорубкой.

Так и наши потомки, найдя какой-нибудь учебник по физике и попытавшись понять его, станут вкладывать в непонятные и даже понятные термины только доступный им смысл. А если учесть, что более или менее адекватно понять они смогут только то, что относится к человеку, к его душе, физическим и прочим состояниям, то учебник физики вполне может превратиться в какой-то теологический трактат. В этом нет ничего удивительного: научно-техническая цивилизация — хрупкая штука и быстро погибнет в катаклизме, лишившись своей материальной базы. Вот гуманитарное знание имеет гораздо больше шансов выжить — ему кроме книжек ничего не нужно. Философы, историки, служители культа, литературоведы и прочие подобные им субъекты останутся и, в отличие от представителей точных наук, успешно передадут свои дискурсы по наследству. А уж как в поле зрение какого-нибудь гуманитарного дискурса попадет нечто ему изначально чуждое, то только держись: сразу вся правда и откроется.

Это сейчас нам физики, химики и техники мешают, претендуют на то, что уж им-то известен настоящий смысл всяких мудреных научно-технических словес. У наших потомков такой проблемы не будет — и они получат шанс узнать всю правду о нашем

времени.

Потому что на самом деле мы живем в поистине волшебном мире, только не понимаем этого. Но на одном небольшом примере, подобно нашим гипотетическим потомкам, я открою вам краешек истины.

Итак, забыв все, чему учили меня в школе, и оставшись с одним только гуманитарным дискурсом в голове, я переносусь на примерно две тысячи лет вперед. Передо мной лежит невесть как уцелевший любопытный документ из далекого прошлого: тоненькая книжка с рисунком прямоугольного предмета. В верхней его части – большой черный квадрат, ниже – ряд квадратиков поменьше, испещренных цифрами и непонятными мне символами. Еще ниже – надпись на древнеанглийском языке: «Designed for life AX 75». «Придумано для жизни!» А что такое AX 75 я не знаю... Но все равно – какое многообещающее начало! Великие тайны жизни раскроются передо мной. Я открываю книжицу и попадаю в фантастический мир наших предков.

Несомненно, этот предмет, называемый мобильным телефоном, был каким-то широко применявшимся артефактом – но для чего он использовался? Понятно одно – для общения. Но с кем? Нигде не сказано, что с человеком. Зато многократно попадаются указания на некое общение с таинственным абонентом. Или с абонентами – видимо, их было немало. Связываться с абонентами было непросто и видимо, не всякий мог доставить себе такое удовольствие. Для того, чтобы получить право связываться, вначале следовало вставить в мобильный телефон некую «SIM-карту». Скорее всего, эта карта служила путеводителем по миру, в котором обитали таинственные «абоненты», причем обитали они в разных странах этого мира. Иначе как понимать фразу «нажмите дисплейную клавишу СПИСОК и выберите страну»?

И вот из какой-то такой «страны», скорее всего, «абонента» надо было «вызывать». Ибо слово «вызов» повторяется в древней книжке очень часто и практически всегда в связи с «абонентом». Для общения с «абонентом» требовалось использовать какие-то «символы», причем обращение с этими символами, судя по всему, требовало немалой силы, ловкости и искусства. Ибо человек, пользующийся сим таинственным артефактом, часто должен был «один раз нажать и тут же отпустить» клавишу с символом, или же «удерживать нажатой» эту клавишу в течение неопределенного времени. Вероятно, если требования эти не выполнялись, «абонент» не «вызывался», или общение с ним происходило не так, как бы хотелось человеку.

Я гуманитарий и живу в принципиально нетехногенном мире. Поэтому картина становится для меня все яснее и яснее. Да неужели...? Нет, этого не может быть! Но как понять иначе? Наши предки, по-видимому, общались с духами и демонами! Они называли их «абонентами» и постоянно «вызывали». А зачем же? Я долго штудирую книжку и понимаю только одно: эти демоны давали людям некие «данные». И, как всякое данное демонами, эти «данные» были неустойчивы и при нарушении каких-то запутанных правил («программ») имели тенденцию исчезать. Ну, вроде превращения наколдованного золота в черепки, а вкусных яств со стола Бабы-Яги – в жаб и лягушек. Был, однако, способ, избежать исчезновения «данных», «сохранив их на компьютере».

Что такое были эти «компьютеры»? Особые места для сохранения «данных», предоставленных демонами-«абонентами». Как они выглядели – непонятно. Может быть, они

представляли собой нечто вроде алтарей в храмах, а «данные» на них клали. Или же клали прямо на крыши этих храмов. Так я себе это представляю.

Я восхищенно вздыхаю. Ну и круты же были предки! Видно многие из них, пройдя специальное посвящение и приобретя сим-карту («Сим-сим, откройся!» – не оттуда ли?), владели этими чудесными амулетами-телефонами! Телефоны давали им возможность проникать в таинственные страны духов и демонов, вызывать их оттуда и заставлять платить данные-дань! И не могли духи уклониться от этой дани, ибо знали толк наши предки в каббалистических символах, проворно нажимали на них и отпускали столь быстро, что и демоны не могли угнаться за ними и, скрежеща зубами, являлись по их зову. А если и попадался упрямец, тщившийся вырваться из-под власти человека, то наш предок крепко удерживал его, прибегая к клавише с каким-то могущественным символом. Некоторые из абонентов, кажется, были поистине страшны. По крайней мере, они обладали очень громкими голосами и норовили оглушить человека, если только он забывал инструкцию, гласившую: «обязательно выключите «громкую связь» перед тем, как снова поднести телефон к уху, чтобы не повредить слух!» Да, и был еще такой могучий, но все-таки подчинявшийся воле людей демон по имени SOS, которого в экстренных обстоятельствах можно было вызвать даже без непременно сим-карты! (Хоть бы краешком глаза взглянуть на него!)

Конечно, мобильный телефон, дававший власть над демонами, не решал всех проблем. Это был сложный и капризный амулет, постоянно требовавший «подзарядки» для своего «аккумулятора». К телефону прилагалось некое «зарядное устройство», которое, в свою очередь подключалось к «источнику питания» с «напряжением» не выше какого-то указанного уровня! (Речь, вероятно, идет о каких-то «местах силы», вроде стоунхеджей или храмов – не всякое место силы можно было использовать для зарядки описываемого амулета!) Причем для каждого телефона можно было безопасно использовать только свой аккумулятор, иначе он мог взорваться! Телефоны плохо переносили пыль, влагу, сотрясения, их нельзя было использовать на полную мощность в каких-то мифических «самолетах», близкое соседство с «кардиостимуляторами» и «слуховыми аппаратами» отрицательно влияло на работу последних. Также телефоны на близком расстоянии мешали «телевизорам», «радиоприемникам» и даже «персональным компьютерам» – да, да, именно тем могучим храмовым сооружениям, которые одни только и могли сохранить демонскую дань! В общем, колдуну прошлого, дабы невозбранно пользоваться описываемым амулетом-телефоном, требовалось соблюдать множество табу, избегать некоторых, видимо, имевших важное значение мест (может быть, это были культовые сооружения других религий?), ограничивать себя в использовании иных, вероятно также очень могучих амулетов. И, все-таки, оно этого стоило – использование мобильного телефона. Даже трудно себе представить – какую дань могли платить человеку демоны!

Я продолжаю вчитываться в древнюю книжку.

М-да..., не все было так просто. «Если во время разговора вам поступил второй вызов...» Как, черт возьми, это понимать?! Неужели некоторых людей..., да их кажется было много... демоны-абоненты сами вызывали?! Да, так оно, судя по книжке, и было. Как же все происходило на самом деле-то? Но и тут, кажется, все ясно. Так ведь всегда происходит – вначале черт

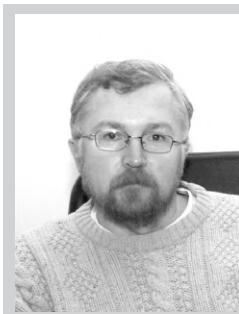
служит человеку, потом – человек черту. У наших предков даже и смерти ждать было не надо: за дьявольские услуги они очень быстро попадали в рабство к могучим демонам-абонентам – и те уже сами могли вызывать их в любое время. И люди прибегали по первому «сигналу». А некоторые падшие души попадали в рабство сразу нескольким демонам, так что во время получения

приказов от одного, их мог вызвать другой... Designed for life, говорите? Вот, значит, какая была у них life.

Картина безумно прекрасного мира наших предков меркнет перед моими глазами. Как же им, несчастным, приходилось крутиться!

К. В. Киселев

О РЕВОЛЮЦИЯХ, ЮБИЛЕЯХ И ПРОГРЕССЕ

**Киселев
Константин Викторович**

кандидат философских наук,
зам. директора Института
философии и права УрОРАН

2007 г. – год 90-го юбилея Великой октябрьской социалистической революции, или октябрьского переворота, или просто ВОСРа.

Несколько слов о прошлом. Лично я застал только вторую половину 20 века. И то не всю, а примерно с полета В.Терешковой летом 1963 г. А помню вообще лишь последнюю треть. Примерно с начала 70-х гг.

Помню время, когда все знали о существовании где-то цветных телевизоров, но никто их не видел. И тогда на экран черно-белого натягивалась прозрачная бумага, покрытая цветными пятнами. Человек, проходя из одного конца экрана в другой, мог изменить цвет лица с синего на желтый, следом на зеленый, но ощущение цвета было.

Помню время, когда в Екатеринбурге появился один из первых лифтов в одной из первых 9-этажек. Ученики нашей школы на переменах выстаивались в очередь, чтобы покататься вверх – вниз... Бедные жильцы нас гоняли, но все было без толку. Домофонов тогда не было, и мы все одно просачивались.

Помню компьютер, который «заводился» с дискеты и работал только с «Лексиконом». Причем, эта машина была передана в дар нашему Институту философии и права УрО РАН институтом Велихова! Как они там открытия делали?

Помню первые сотовые телефоны, которые весили около килограмма и от которых «закипала» голова. Помню также, как нужно было заказывать междугородние переговоры через оператора по 07 и по 09.

Помню появление лапши быстрого приготовления, которую японцы считают самым важным японским изобретением 20 века. Кстати, лапша начала продаваться в 1971 г., а ее изобретатель Момофуку Андо скончался совсем недавно в январе 2007 г.

Можно продолжать, но главное понятно – все это случилось всего за 30 лет. Октябрьский переворот в сравнении с сотовой связью и Интернетом – лужа в сравнении с Тихим океаном.

Так что, первый вывод, не нужно преувеличивать значение В.Ленина и его деяний. Да, был талантливый агент Парвус. Да, был у Парвуса на связи агент Ульянов. Да, нагадили люди

в России. Затормозили прогресс. Но еще лет через тридцать о них едва ли кто-то будет вспоминать. И недобрым словом тоже. Уже сегодня процентов 90 детей не знают «дедушку Ленина». Оно и к лучшему. Туда его, к свечкам, прялкам, мумиям и окаменевшему мусору.

Революции 21 века будут, скорее технологическими, возможно, биотехнологическими, чем политическими. Например, революцией будет продление жизни любого за 100 – 150 лет. А то и дальше. Революциями будут массовое клонирование, массовое распространение летательных аппаратов, изобретение препаратов для улучшения работы мозга, с помощью которых будет задействованы большие объемы клеток, и т.д., и т.п. Или революция языка... Представляю исчезновение языковых барьеров в обществе гениев, живущих лет по 150. Причем, в этом обществе будут и добропорядочные гении и гении-мерзавцы. Фантастика. Голливуд. Впрочем, специалистам: физикам, биологам, медикам, лингвистам – виднее.

Впрочем, и для политических переворотов есть место. Геополитические разломы еще не преодолены. Однако, основная опасность здесь видна – распространение технологий массового поражения. Террорист с бомбой под мышкой имеет локальное влияние, хотя может иметь массовое распространение. Но все это преодолимо. Усама, Курдская рабочая партия и прочие обречены. Другое дело, когда подобные субъекты получают соответствующие технологии и соответствующее оружие. Тогда все будет много печальнее.

Однако, главная политическая революция 21 века – революция границ и революция правил. Границы станут мобильными. Они будут исчезать и появляться. Государственные границы начнут терять и, в конце концов, потеряют свое значение. Мир столкнется с ситуацией (и уже сталкивается!!!), когда защитником национальных границ станет лишь национальная бюрократия. С другой стороны, мир станет многообразнее. Возникнет множество виртуальных границ, которые могут оказаться прочнее, чем границы с карацунами и мухтарами. Такая же ситуация с правилами. С одной стороны, правила будут унифицироваться. С другой, возникнет (и уже возникает) множество сообществ со своими уникальными форматами и нормами коммуникации.

Революция границ и правил началась в Европе и здесь продвинулась уже гораздо дальше, чем даже в Америке и/или Японии. О России, увы, только с печалью. К сожалению, сегодня российские элиты, как это случилось 90 лет тому назад, вновь стоят на пути прогресса. Изоляционизм и стремление создать замкнутое самодовлеющее (автаркичное) хозяйство – вот объективная логика Путина и его окружения. Какой Путин – такой и План. Но все эти сечины, медведевы и прочие патрушевы,

к счастью, не на всегда.

В заключение две истории о поколениях, которое уже другое. Революционное в сравнении с теми, что родились в прошлом веке.

Первая история случилась, когда дочери было примерно года три. Зашли в квартальный продуктовый магазин. Сделали покупки. Все руки заняты: телефон, ноутбук, тележка с продуктами. Плюс Катя капризничает. Видя такое «безобразие», нам начинает помогать охранник. Катя под впечатлением. Прекращает шалить. И на выходе меня тихо спрашивает:

- Папа, это кто?
- Охранник.
- А что он тут делает?
- Работает.
- Обманываешь!!! – восклицает дочь.
- Почему ты так решила? – удивляюсь я.
- Здесь нельзя работать. Здесь нет ни одного компьютера!

Вот такой вывод. Все просто. Для ребенка работа изначально связана только с компьютером. Иного она дома не видела. В шесть лет Катя уже пользуется собственной «аськой» и прочими программами. Завтра она будет это делать лучше меня.

Вторая произошла совсем недавно, весной 2007 г. К этому времени шестилетняя Катя побывала более, чем в десятке стран, где часто передвигалась на арендованной машине. Для нее ситуация переезда за пару часов из Австрии в Германию, из Хорватии в Боснию и Герцеговину, из Италии во Францию – абсолютная норма, хотя с географией у нее пока еще большие проблемы. Весной же мы решили посетить Кунгурскую пещеру. Часа четыре ехали в одну сторону. Осмотрели. Решили пройтись по городу. Катя задает вопрос:

- Папа, это Кунгур?
- Да.
- А страна какая?
- Россия.
- Не может быть!

У ребенка неподдельное удивление. Ехать четыре часа и оказаться вновь в России. А ведь действительно: какая разница между Кунгуром и Миланом, Новосибирском и Вупперталем... Не такая уж и большая. Как и расстояния. И для ребенка, который знает слово Родина и страстно болеет за Россию во время любых соревнований, это очевидно. А грязь, хамство и бомжи на улицах преодолимы.

А. М. Воробьев

МИСТЕР ПРЕЗИДЕНТ

**Воробьев
Алексей Матвеевич**

доктор философских наук,
профессор

Так называют в США не только нынешнего главу государства, но и бывших руководителей: им отдают (пусть часто формально) дань уважения. В нашей стране первого и последнего президента СССР М.С.Горбачева именуют экс-президентом, Б.Н.Ельцина – первым президентом России, В.В.Путина, после ухода с этого поста, видимо, будут называть вторым президентом РФ.

Итак, какое же содержание вкладывается в понятие «президент»?

Институт президентуры, как он именуется в юриспруденции, а в политологии как институт президентства, впервые появляется в Древнем Риме. В переводе с латинского «praesidens (praesidentis)» - «сидящий впереди». На время экстремальных событий: война, извержение вулкана, наводнение и т.п. одному из магистров вручались бразды правления на 6 месяцев. Когда ситуация становилась стабильной, этот магистр возвращался к исполнению своих обычных обязанностей.

Впервые институт президентуры в законодательном плане был закреплен в Конституции США в 1787 году. Сначала срок президента определялся в 4 года, а после второй мировой войны, когда 32-ой президент Ф.Д.Рузвельт был избран в четвертый раз, поправкой XXII было установлено, что ни одно лицо не должно быть избрано на пост президента более двух раз.

Президент является главой государства в странах с республиканской формой правления, избираясь прямыми или косвенными выборами, парламентом.

Наиболее известными президентами в мире были уже упоминаемый нами Ф.Д.Рузвельт, президент Франции Ш. де Голль, президент Югославии И.Б.Тито.

В России после 1917 года и в СССР официальной должности президента не было. Но, с учетом специфики нашей жизни и политики, «сидящими впереди» были В.И.Ленин (в ранге Председателя Совнаркома), еще более И.В.Сталин (Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Председатель Совета Министров), Н.С.Хрущев (Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совмина СССР), Л.И.Брежнев (Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР), Ю.В.Андропов (Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР), К.У.Черненко (Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР).

Впервые пост Президента в СССР был учрежден официально в марте 1990 года. Президентом СССР стал М.С.Горбачев. Это случилось на третьем съезде народных депутатов СССР.

В новой России пост президента РФ был учрежден год спустя - в 1991 году на референдуме. Первым президентом России был избран Б.Н.Ельцин. Аналогичный институт был установлен и в прежних союзных республиках. «В советском государстве в теоретической литературе (со слов И.В.Сталина) часто называли коллегиальным президентом Президиум Верховного Совета СССР».¹

Как становятся президентами?

Однозначного ответа на этот вопрос, разумеется, нет. Существует несколько тенденций в плане занятия поста главы государства. В США, где впервые был учрежден пост президента, более половины (из 43 президентов) 24 были по

профессии адвокатами, 9 - чиновниками, государственными служащими, 5 - военными, остальные - издателями, инженерами, актерами. Но, заметим, ни одного, кто бы ни имел отношения к общественной жизни, был совсем неизвестен. Если перенестись в Европу, то и здесь мы встречаемся с подобной тенденцией, когда президентами становились люди, известные в той или иной стране, прежде всего военные, политики. (Ш. де Голль, Ф. Миттеран, Ж.Ширак и др. во Франции).

Новая тенденция появляется в связи с распадом СССР, развалом социалистического лагеря. На волне популизма и национализма к государственному рулю приходят люди, совершенно ранее неизвестные. Бывший председатель колхоза А.Г.Лукашенко правит в республике Беларусь уже третий срок. Президентом Латвии становится Вайра Вике Фрейберга, приехавшая из Канады. В соседней Финляндии на второй срок переизбрана «простолюдника» Т.Хайлонен. Действительно, на наших глазах к власти нередко приходят люди, на первый взгляд ординарные, без харизмы, как об этом принято говорить. Примеры: в США Д.Буш младший, в России – В. Путин.

А сейчас - конкретный рассказ о том, как стал президентом РФ Б.Н.Ельцин.

... Впервые я увидел Бориса Николаевича Ельцина в Свердловске на субботнике на строительстве будущего ТЮЗа. То есть в привычной для него, строителя по основной профессии, обстановке.

Борис Николаевич, уже, будучи в ранге секретаря обкома по строительству, таскал в паре с первым секретарём Яковом Петровичем Рябовым носилки с цементом.

Яков Петрович действительно, как об этом пишут, приложил руку к судьбе Бориса Николаевича, помогал ему подниматься по ступеням карьерной лестницы. В это время – конец шестидесятых - начало семидесятых в стране шла ротация кадров, рождалась новая политическая элита. Как видим на примере Свердловского обкома, она пополнялась за счёт специалистов народного хозяйства. В обком приходили из разных сфер: педагоги, как Л.А.Худякова, возглавлявшая отдел культуры; врачи – один из них В.И.Стародубов - потом он станет министром здравоохранения России; юристы и много-много инженеров – в области тяжёлой промышленности, машиностроения, лесной промышленности и в других отделах. На смену «львам», забронзовевшим от власти, приходили «лисы», молодые продвинутые кадры. Предшествующий первый секретарь Свердловского обкома партии К.К.Николаев был отправлен на пенсию. По-человечески было жаль этого неординарного человека. Мне показывали в областной больнице №2 (бывшая спецполиклиника по ул. Набережная Рабочей молодежи) книгу, которую читал, находясь здесь, Константин Кузьмич. Это была «Планета людей» Экзюпери. На одной из страниц были подчеркнуты следующие строчки: «Надо осознать свою роль на Земле, пусть даже самую маленькую, незаметную. Тогда будет легче жить и умирать». Но на смену К.К.Николаеву и его поколению руководителей шла уже другая генерация лидеров. К их числу принадлежал Борис Николаевич Ельцин.

Ельцина нередко изображают малоинтеллектуальным, «уральским валенком», который умел только давить на кнопки. Приведём два сюжета, говорящие об обратном.

При подготовке на бюро обкома вопроса по «ошибочным» публикациям в журнале «Урал» в 1983 г. (по аналогии со «Звездой» и «Ленинградом», где печатались А.Ахматова,

М.Зощенко) главному редактору В.П.Лукиянину «светил», по крайней мере, строгий выговор. С работы, как это раньше делалось, его бы не сняли, но неприятности, конечно, пришлось бы пережить в виде падения тиража и популярности журнала, являвшегося литературной и общественно-политической трибуной целого региона. А, может, наоборот. Ознакомившись со скандальными публикациями (роман К.Лагунова «Бронзовый дог», повесть Н.Никонова «Старикова гора»), члены бюро горели желанием дать отпор «распоясавшимся писакам», на их взгляд, очернявшим нашу советскую действительность. Но планам их не суждено было сбыться. Борис Николаевич дипломатично всё спустил на тормозах, и главный редактор отделался предупреждением. А где-то через год - полтора получил новую квартиру, был награждён орденом. Вот такое «наказание»!

Другой сюжет. Хватило, как говорится, ума Борису Николаевичу и в случае с областным комитетом по телевидению и радиовещанию. Дело в том, что, как и в целом по стране, в семидесятые, а особенно в начале 80-х годов творческая интеллигенция стала наращивать усилия по борьбе с цензурой, за свободу творчества прежде всего через художественно-развлекательные передачи на ТВ. Они становятся предметом обсуждения чаще, чем общественно-политическое вещание. «Смотрящим» в партии по идеологической части (ведомства М.Суслова, Ю.Андропова), ясное дело, это не могло понравиться.

В Москве вспоминаются процессы, связанные с Даниэлем и Синявским, высылка за рубеж А.Солженицина, М.Растроповича, Г.Вишневецкой и т.д.

Из Свердловска, правда, никого не высылали. Художник - абстракционист Эрнст Неизвестный сам уехал в США, поэт Григорий Варшавский тоже эмигрировал добровольно в Израиль.

Но после его отъезда в театре музыкальной комедии оперетта «Екатеринбургский бал» на его слова было снята, как и была запрещена к исполнению прекрасная песня «Свердловский вальс», завоевавшая популярность за пределами области. Спрашивается, а чем провинился композитор Е.Родыгин?

В областном комитете по ТВ и РВ к этому времени сложился прекрасный творческий коллектив во главе с И.С.Бродским. Но беда этого коллектива заключалась лишь в одном. Здесь, как и во многих творческих коллективах, тон задавали лица, не принадлежащие к русской национальности. Отсюда особо ревностное отношение к передачам, к которым приложили руку возможные «недоброжелатели», потенциальные перебежчики.

Короче, по мелочам вопросов накопилось много в деятельности комитета (ТВ становилось мощнее, более сильным фактором влияния на людей, чем другие СМИ). Да и сказывалось крыловское: «уж виноват ты тем, что хочешь мне кушать».

В общем, подготовили на бюро обкома вопрос о недостатках в деятельности областного ТВ. Некоторые в аппарате предвкушали вкус победы над идеологическим противником; предлагалось даже руководству комитета избавиться от некоторых одиозных фигур. Как некогда некоторые горячие головы предлагали закрыть все церкви, и религия, мол, отомрет сама собой, не надо будет с ней бороться.

Однако, как показывает жизнь, улучшений после этого не происходит. Скорее, наоборот. Уехал в Израиль народный артист РФ Семен Духовный, один из ведущих мастеров, и театр музкомедии и в шутку, и всерьез стал «бездуховным».

Я думаю, что Б.Н.Ельцин хотя и не был интеллектуалом, либералом и тем более нонконформистом, но понимал, может быть, своим особым, политическим чутьем, что в этой идеологической сфере, в отличие от производственной, где можно и кулаком стукнуть, и сломать, что называется, «через коленку», таким образом нельзя действовать.

Дело, как и с журналом «Урал», ограничилось обсуждением, без каких-либо оргвыводов. Предлагалось лишь оказать помощь комитету в подборе кадров.

Таким образом, первый секретарь сознательно или бессознательно оказался политически выше на голову своих помощников по идеологической части. Конечно, есть соблазн объяснить все это, нежеланием влезать в непростую, тонкую сферу, непониманием её. Да, Борис Николаевич, как и известный персонаж анекдотов о Чапаеве Василий Иванович, мог сказать о себе, что «академиев не кончал». Вряд ли в то время, когда Ельцин учился на стройфаке в УПИ, преподавали этику, эстетику. Да, если бы и преподавали! Но, оказавшись на партийной работе, стремительно выведшей его на орбиту лидеров, он предпочитал по возможности учиться, быть в «мейнстриме», чем плыть по течению.

В Свердловской области развернули энергичную работу по выполнению решений ноябрьского 1982 г. Пленума, направленного на укрепление дисциплины и общественного порядка. На улицах и в кинотеатрах празднично шатающихся людей, правда, не хватало, как это было в Москве, но приглядывались. И начали в Свердловске с исследования общественного мнения о деятельности партийных, советских, хозяйственных органов и вообще, как живет и о чем думает народ. Прошли встречи первого секретаря обкома партии Б.Н. Ельцина с молодежью, студентами, ставшие настоящей сенсацией (четыре часа отвечал на вопросы!), потом с ветеранами, обществоведами, журналистами. Чувствовалось, что Борис Николаевич теперь знал уральскую публику не хуже областного Управления КГБ.

Надо было идти дальше, искать новые формы работы с населением области, чтобы дойти до сердца каждого уральца. Так родилась идея выступить по областному телевидению, рассказать о текущих делах, проблемах, задачах, призвать уральцев принять активное участие в их реализации. В связи с этим и последовало обращение к жителям области направлять письма в адрес первого секретаря обкома КПСС со своими мнениями и предложениями. Область, что называется, всколыхнулась. Такого еще не было, чтобы приглашали писать о том, что волнует, болит. Обычно убеждали: писать никуда не надо, работайте, не покладая рук, как Данила-мастер, а руководители, власть предрежающие, о вас думают денно и нощно. Это только в газетах можно было встретить кокетливое: «Пишите, звоните, приходите!» Но то газеты.

Почта начала приносить ежедневно по несколько десятков писем, потом они пошли сотнями. Всего пришло около 6 тысяч писем, что превысило годовую норму корреспонденции, поступавшей обычно в обком, в канцелярии не знали, как быть с ними, посадили для регистрации дополнительно нескольких работников с тем, чтобы письма классифицировали по проблемам.

Писали, как обычно, о штурмовщине, плохих условиях труда, о волоките с квартирой, о том, что в городах плохо с транспортом, зимой замерзают батареи. Но наряду с этими, рутинными, были и совсем другие письма, где содержалась

не только критика недостатков, но и поступали дельные предложения, как действительно навести порядок, улучшить дела в сельском хозяйстве (помню, даже чертеж уборочной машины прислали), эффективнее бороться с бюрократией, привилегиями руководителей и их семей («почему жены (дети) ездят на черных «Волгах» с двумя нулями?»). И это были не самые слабые вопросы. Может, читая эти письма, Борис Николаевич впервые ощутил подземный гул, первые, пусть робкие толчки, и как политический сейсмограф, уловил их?

Считаю, что «звездный час» Бориса Николаевича пробил в декабре 1982 года, после передачи по Свердловскому телевидению. В течение двух с половиной часов он отвечал на вопросы телезрителей, целых коллективов области. Видеозапись же передачи содержала материал на пять с лишним часов.

На этой передаче следует остановиться поподробнее, она является ключевой в деятельности Б.Н.Ельцина, оказала большое влияние не только на уральцев. Мы готовили ее в течение двух месяцев. Полученные на имя Ельцина письма (со многими он ознакомился сам) передавали в партийные, советские органы для принятия мер. Ответы монтировали в соответствующие блоки: промышленность, сельское хозяйство, коммунальные дела и т.д. Непосредственно перед записью передачи работа не прекращалась и ночью. Мы отправляли вариант сценария с машиной на Балтым, дачу обкома КПСС, где в эти дни работал Борис Николаевич. Ответы от него приходили с пометкой: 2 часа ночи, 5 часов... Зато после передачи, как говорят в таких случаях, он стал знаменитым.

Таких передач в стране еще не было, и информация о ней ушла в ЦК КПСС. Может, под влиянием этой передачи в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС было рекомендовано руководителям вести телевизионные диалоги. Главным была готовность, решимость выйти на прямой разговор с людьми - до него на это никто не решался.

Передача была выдана в эфир 12 декабря 1982 года сразу по двум программам, перекрыв на первой официальную программу «Время», что было неслыханной дерзостью для регионов, даже для такого, как Урал. Разумеется, вопрос был заранее согласован и с Центральным телевидением, и с ЦК КПСС. Затем передача по многочисленным просьбам, как это было лишь с праздничными концертами, была продублирована по второй, местной программе.

Телепередача, как и встреча со студентами, стала настоящей сенсацией, вызвала огромный общественный резонанс. По сути, это была первая проба гласности в условиях цензуры, пусть сверху. Разумеется, не все было сказано в полный голос, от некоторых вопросов Борис Николаевич дипломатично отказался. Но вместе с тем он постарался повести честный, искренний разговор с земляками, и это было замечено в первую очередь. «Молодец! Так держать!» — был один из восторженных откликов.

Сейчас, двадцать пять лет спустя, я размышляю: для чего же все-таки на самом деле была организована эта передача? Для рекламы, как поговаривали за спиной Ельцина некоторые секретари обкома и горкомов, или для того, чтобы придать новый импульс делам во всех сферах жизни области, инициировать новые идеи и предложения, как тогда было принято говорить и писать, по дальнейшему совершенствованию уровня партийного руководства народным хозяйством?

Однозначно на этот вопрос не ответишь. Может быть, стоит

обратиться к биографии Бориса Николаевича Ельцина? Как известно из его книги «Исповедь на заданную тему», он родился в крестьянской семье на Урале, дед его был репрессирован. И ему пришлось скрывать этот факт при вступлении в комсомол, при поступлении в вуз. В отличие от М.С. Горбачева, дед которого был председателем колхоза, и судьба внука была ровной, гладкой, благополучной вплоть до президентского кресла, Ельцин остро переживал социальную несправедливость, борьба с ней у него, что называется, была запрограммирована в генах. Приходя с матерью в магазин, он видел, что лучшие продукты достаются с «черного хода» большим начальникам. Вот тогда он и воскликнул: «Я обязательно буду большим начальником!»

И вот его мечта исполнилась. Он — Президент. Очень хотелось верить, что вся изнурительная политическая борьба, которую он вел после 1987 года, была не ради стремления к государственному Олимпу, не сводилась только к «процессу», а была все же продиктована высшими этическими соображениями — борьбой за изменение жизни всех советских людей к лучшему.

Ему, как и многим, остро не хватало гуманитарной культуры. ВПШ ее не добавляла, конечно. Поэтому некоторые, как Ельцин, пытались восполнить этот пробел самообразованием. Но времени катастрофически не хватало! Б.Н. Ельцин, как я показал на примере телепередачи, работал над докладами сам. Однако, ни на одном совещании или партсобрании обкома партии Ельцин, прежде чем стать секретарем, ни разу не выступил, как человек инакомыслящий. У него, как и у всего аппарата, было нормативное мышление. И меняться оно стало, как и у всех, в конце семидесятых годов, когда мы стали задумываться: а так ли живем?

Однако возникают некоторые вопросы. Почему Ельцин порвал с партией, и не просто порвал, запретил ее деятельность после августовских событий 1991 года? Вопрос другой, еще более существенный. Представьте себе, что в апреле 1985 года генсеком избирают не Горбачева, а Ельцина — стал бы последний разгонять партию? Я задавал этот гипотетический вопрос многим моим знакомым, студентам и везде мнение было практически единодушным: ни в коем случае! Скорее, он «почистил» бы от скомпрометировавших себя, коррумпированных кадров (эта работа уже была начата Ю.В. Андроповым), как в Китае, и пошел бы дальше, «укрепляя дисциплину, общественный порядок.»

В прессе нередко изображают Б.Н. Ельцина горьким пьяницей. «Безответственный пропойца» — так жестко охарактеризовала Б.Н. Ельцина писательница Т. Толстая. Защитим, в порядке объективности, нашего земляка. В принципе, мы никогда своего шефа в непотребном виде не встречали. Можно предположить, что, как и все много и тяжело работающие мужики он иногда расслаблялся в кругу своих, но этого никто не видел.

А вот то, что произошло с Борисом Николаевичем дальше, в Москве... Возможно, началось перерождение личности. Особенно, когда Б.Н. Ельцин стал «президентом всея Руси...» Кстати, не без помощи москвичей, людей во многом двуличных: сначала безудержно восхвалявших диссидента Ельцина, а потом отшатнувшихся от него с презрением.

Как бы ни было, жизнь убеждает в том, что одними постановлениями, хорошими намерениями и добрыми словами мир не изменишь. Нужны и люди решительные, не боящиеся поначалу вызвать град оскорблений и даже гонения, то есть личности пассионарные. Но, разумеется, не деструктивные.

Миром должны управлять одаренные люди - с этим мнением ЮНЕСКО нельзя не согласиться. Об этом говорили и философы древности - Платон, Сократ. Так, Сократ утверждал, что цари и правители не те, которые достигли власти посредством жребия или насилия, обманом, но те, которые умеют править. По мнению Аристотеля, необходимыми качествами людей, занимающих высшие должности, являются следующие: сочувствие существующему государственному строю, большая способность к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью, добродетель и справедливость.

Как известно, политиками и маршалами не рождаются. Их надо готовить, как готовят будущих высококлассных государственных служащих в престижных колледжах и университетах Англии. Так, Итонский колледж дал стране за свою почти 570-летнюю историю 19 премьер-министров!

Мы тоже можем вспомнить опыт Царскосельского лицея в России в XIX в. В нем учились А.Пушкин, М.Салтыков-Щедрин и многие известные люди, ставшие затем государственными и общественными деятелями.

Как показала жизнь, всему нашему обществу присущ низкий уровень политической культуры. Недостаточно высоким оказался он и у «прорабов» перестройки, реформ. Импульсивность, непредсказуемость, непомерные амбиции, мания величия оказались характерными для многих руководителей, в том числе ставших президентами бывших республик СССР. Как написал в свое время в «Известиях» А.Плутник, не так просто трансформироваться из товарищей секретарей в господ президентов. Если вообще это возможно. Подготовка будущих политиков в стенах бывших ВПШ (ныне это Академия государственной службы при Президенте РФ), возможно, компенсирует недостаток образованных, культурных людей на поприще власти. Вполне вероятно, здесь уже учится один из будущих президентов страны. Это основательная подготовка в самых различных вузах, знание иностранных языков, этикета. Думается, они не будут пытаться обнять королеву Великобритании или другую царственную особу при встрече, пусть и, демонстрируя при этом широкую русскую душу. Надо брать другим - интеллектом. Когда при встрече с деловой элитой Германии Президент России заговорил на хорошем немецком, публика воодушевилась...

В.В. Путин - представитель новой генерации политиков - не из строителей, как Б.Н. Ельцин, не из газиков, как В.С. Черномырдин, прошедших лишь через рабочие и партийные университеты, а через большую интеллектуальную работу, начиная с юридического факультета Ленинградского университета. В том, что это человек - очень способный и даже талантливый, мы убедились в течение 7 лет, пока он стоит у руля государства. Из человека закрытого, с профессиональным сознанием разведчика, т.е. не торопящегося принимать решения, не просчитав их последствий, он стремительно вырос до публичного политика, лидера не только национального, но и мирового масштаба. Я полностью согласен с оценкой его личности, данной в «Московских новостях» (№ 37 за 2006 г.) известным специалистом в области политической психологии, доктором философских наук Е.Шестопал. Вопрос, который поставил в заглавие своей книги о В.В. Путине «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» В.Третьяков, что называется, риторический. Разумеется, нужен и не важно, на каком посту он будет находиться. Хотя понятно, смысл заголовка другой...

Воздавая должное нынешнему президенту России, я вовсе не собираюсь заниматься его апологией. По большому счету следует согласиться с известным философом, социологом и писателем А. Зиновьевым в том, что сегодня к руководству государствами приходят (в ходе смены властных элит) политики, не соответствующие масштабным задачам, стоящим перед мировым сообществом. Пример нынешнего главы администрации США и в некоторых других странах Запада убеждает: нельзя строить мировую политику по-ковбойски, как на своем ранчо в Техасе. Ощущается недостаток образования, культуры, опыта. А именно это и делает политика масштабной личностью.

И далеко не все здесь и всегда решается «демократическими процедурами», голосованием. На волне популистских лозунгов и обещаний вчера, сегодня и завтра приходили, приходят и, будут приходить люди, совершенно неискушенные, которые наделают много ошибок, оплаченные ценой жизни не одного поколения. Легко быть «левым», все ниспровергать, всем нравиться...

В заключение разговора об институте президентуры хочется

привести притчу о дамокловом мече.

«Дамокл, один из приближенных сиракузского тирана Дионисия Старшего, стал завистливо говорить о нем как о счастливейшем из людей. Дионисий, чтобы проучить завистника, посадил его на свое место. Во время пира Дамокл увидел, что над его головой висит на конском волосе острый меч. Дионисий объяснил, что это – эмблема тех опасностей, которым он, как властитель, постоянно подвергается, несмотря на кажущуюся счастливой жизнь.

Отсюда выражение «дамоклов меч» получило значение нависшей, угрожающей опасности».

«Дамоклов меч» и сегодня висит, прежде всего, над лидерами государств, политиками, принимающими нередко судьбоносные решения. И это не только импичмент, процедура позорного отрешения от государственной должности, прежде всего президента, но и историческая память, часто во многих поколениях. Можно войти в историю, а можно, что называется, «влипнуть»...

М. Ф. Казанцев

САКИ-БОКИ

**Казанцев
Михаил Федорович**

кандидат юридических наук
заведующий отделом права
ИФиП УрОРАН

Кулага, сусло, саки-боки...

Все это было и осталось в детстве. Что такое кулага и сусло, помню смутно. Кулага – такая кашка, похожая на фруктовое пюре, только не из фруктов. Сусло – тягучая сладковатая жидкость. Что такое саки-боки, я бы вообще толком не вспомнил (кроме того, что играл когда-то в раннем детстве в эту старинную игру). Если бы не Лёха.

Лёха – Алексей Владимирович Лобашёв, ныне директор Уральского института регионального законодательства – большой знаток всяческих игр, может быть самый большой в России и, подозреваю, далеко не последний в мире. Он знает тысячи игр со всего света, у него дома – сотни книг о играх на десятках языков. Ходит даже байка, что Лёха, дабы прочитать заинтересовавшую его книгу о играх на иностранном языке, выучивает этот язык. Еще поговаривают, что он целый год работает, чтобы съездить на какой-нибудь иностранный или международный конгресс по играм. И вообще иногда кажется, что Лёха работает, ест и пьет только для того, чтобы заниматься своими любимыми играми.

Так вот, лет 15 назад я спросил у Лёхи, который тогда работал еще в Институте философии и права, знает ли он игру саки-боки. Лёха не знал. Для него это обстоятельство было нетерпимым. Но и я мало, что мог поведать Лёхе о саках-боках, кроме того, что в эту игру играют за столом деревянными самодельными пешками. Лёхе этой информации было недостаточно, и я поехал

на свою малую родину выпрашивать про саки-боки у мамы и сестер Галины и Валентины.

О том, что я узнал и вспомнил про саки-боки, я рассказал Лёхе и даже передал ему кое-какие записи. Лёха, однако, до сих пор ничего не написал о саках-боках (он вообще мало что написал о играх – знаток, но не писатель). Но саки-боки, эта старинная, поистине народная игра не должна кануть в лету. И я сам решил рассказать о саках-боках. Я не знаток игр, но в отличие от Лёхи я сам играл в эту игру.

В родном селе Северо-Конёво (Невьянского района Свердловской области) игра саки-боки была популярной. В нашей семье в саки-боки играли целыми вечерами, особенно зимой, когда уже не надо было пахать, сеять и косить. Я начал играть лет с пяти-шести (это было начало шестидесятых прошлого века), благо игра по своим правилам детям вполне доступна. Да и пешки, которыми играют в саки-боки, мы делали сами. Брли черемуховую или ивовую палку в палец толщиной, распиливали ее на маленькие чурочки (длиной примерно в толщину палки или чуть больше), раскалывали их на две равные половинки и пешки готовы. Таких пешек для игры надо было несколько десятков. Эти пешки один из игроков брал в пригоршню и бросал их покато, стараясь равномерно рассыпать на столе, собирав особым образом выпавшие пешки (взятки и попов с попаданиями) и далее старался щелчком пальца по одной пешке попасть ею в другую, лежащую на той же стороне (плоской или выпуклой) и если удавалось, забирал себе обе пешки. Если же промахнулся или задел другие пешки, игру продолжал следующий игрок, заново бросая на стол оставшиеся в игре пешки и затем выщелкивая их. Выигрывал тот, кто набирал больше пешек. Игра требовала ловкости и смекалки и даже быстроты реакции. Стремление выиграть усиливалось тем, что победитель имел право сообразно количеству набранных пешек надавать щелбанов проигравшим. В общем, увлекательная была игра.

Но всему свое время. В середине шестидесятых у нас в семье

в саки-боки играть перестали. Игра забылась на долгие годы, пока интерес к ней не пробудился в наше время уже в историко-культурном исследовательском аспекте.

Выяснилось, что исследуемая игра была известна по меньшей мере с XIX века, а скорее всего с более древних времен. В конце XIX века эта игра под названием «щелчки» была (с пометкой «игра Вятской губернии») описана Е.А. Покровским в книге «Детские игры, преимущественно русские. В связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной» (Москва, 1887). У Лёхи нашелся даже иностранный источник с описанием игры (Brewster, P. G. "The Cheremis Game Sëlčekteny-Mudone and the Russian Ščelčki," Zeitschrift für Ethnologie, Braunschweig, 90 (2), 1965, pp. 265-267). Известны и другие названия игры, например «свинки».

Название игры «саки-боки», под которым я узнал ее в детстве и использую здесь в качестве основного, в словарях, иных литературных источниках и даже в Интернете (!) обнаружить не удалось. Однако достаточно очевидно, что оно связано с названием пешек в зависимости от того, какой стороной они легли на стол в ходе игры. Пешка, занявшая на столе положение выпуклой стороной (горбом) вниз, а плоской стороной (пластью) вверх называется «сака». Пешка, оказавшаяся на столе пластью вниз, а горбом вверх, называется «бока». Название пешек в указанных положениях дало название игры – саки-боки. Любопытно, что слова «сака» и «бока» обозначают также положение бабок в другой, самой популярной и древней (из известных) русской игре, именуемой «бабки». Такое значение этих слов зафиксировано в Толковом словаре живого великорусского языка Даля (и только в нем!): «сака» – бабка хребтом вверх (том 4), «бока» – бабка на левом боку (в статье «баба», том 1).

Главная задача в исследовании забытой, редкой игры – выявить и описать ее правила. Известные мне описания игры (их всего несколько) содержат весьма краткое или даже отрывочное изложение правил игры. В этих описаниях правила игры различаются, но с сохранением основы игры. Правила саков-боков, по которым я играл в детстве, гораздо детальнее и тактически более содержательные. Поэтому считаю своим долгом, полагаясь на свою память и рассказы тех, с кем я играл в детстве, восстановить (так сказать, для человечества) правила игры саки-боки и, используя собственный опыт законопроектных работ (в том числе опыт участия в подготовке проектов Гражданского кодекса Российской Федерации, Конституции Уральской Республики и Устава Свердловской области, десятков других законов), изложить эти правила законодательным стилем в виде структурированного текста, который далее следует:

ПРАВИЛА игры в саки-боки с элементами техники и тактики (ЗАКОН САКОВ-БОКОВ)

Статья 1. Понятие игры

Саки-боки – получившая распространение в XIX и первой половине XX веков в отдельных местностях России, в том числе в уральском селе Северо-Конёво, старинная русская игра, в которой игроки (обычно от двух до четырех человек) поочередно бросают

на стол покато пригоршню небольших, имеющих форму полуцилиндра деревянных пешек и щелчком пальца бьют по одной пешке, стараясь попасть ею в лежащую на той же (плоской или выпуклой) стороне другую пешку, не задевая остальных, и, в случае удачи, забирают себе обе столкнувшиеся пешки и далее тем же способом стремятся набрать как можно больше пешек, чтобы выиграть и получить удовлетворение посредством щелчков по лбу (щелбанов) проигравшим игрокам.

Статья 2. Цель в игре

Цель каждого игрока в игре состоит в том, чтобы в ходе игры набрать пешек больше, чем у других игроков.

Статья 3. Игроки

В саки-боки могут играть люди обоего пола любого возраста, начиная лет с пяти-шести. Количество игроков, участвующих в одной игре, должно быть не менее двух и может быть как четным, так и нечетным. Максимальное количество игроков формально не устанавливается, но ограничивается размерами стола и количеством пешек в игре. Оптимальное количество игроков в одной игре с сорока-шестидестью пешками составляет два-четыре человека.

Статья 4. Пешки, используемые в игре

В саки-боки играют деревянными пешками, которые имеют форму полуцилиндра и являются единственной принадлежностью (инвентарем) игры.

У пешки в целях определения ее положения на столе различают две разных стороны, а именно пласть (прямоугольная плоская сторона) и горб (выпуклая сторона), а также два одинаковых ровных торца в форме полукруга.

Размер пешки определяется ее шириной (поперечиной пешки, совпадающей с диаметром круглого деревянного прута, из которого изготавливаются пешки) и длиной (расстоянием между торцами пешки).

Пешки имеют ширину около 15 – 20 миллиметров и длину, равную ширине или несколько ее превышающую (примерно в 1,2 раза).

Пешки изготавливаются из черемуховых (предпочтительно), ивовых или липовых, круглых неошкуренных (предпочтительно) или ошкуренных (то есть с удаленной корой) просушенных (предпочтительно) прутьев (палок) примерно в палец толщиной (диаметром около 15 – 20 миллиметров) путем нарезки мелкозубчатой (желательно) пилой (ножовкой) под прямым углом отрезков (цилиндров) длиной, равной их диаметру или несколько их превышающей (примерно в 1,2 раза) и последующей расколки полученных цилиндров по линии диаметра на две половинки (полуцилиндра).

Количество пешек в игре может быть различным (обычно в одной игре используется около 40 – 60 пешек).

На каждого игрока должно приходиться равное количество пешек.

В зависимости от числа игроков количество пешек может быть как четным, так и нечетным.

В ходе игры пешки могут занимать относительно стола и друг друга различные положения и в зависимости от этого имеют специальные названия.

Если пешка лежит горбом вниз, а пластью вверх, то она называется «сака».

Если пешка лежит пластью вниз, а горбом вверх, то она называется «бока».

Если пешка стоит на торце, то она называется «поп».

Если одна бока одним своим краем лежит на другой боке и они не касаются других пешек, то они в совокупности называются «взятка».

Если две или более пешки в любом положении касаются друг друга и при этом не образуют взятку, то они в совокупности называются «куча».

Статья 5. Место игры

В саки-боки играют за столом с гладкой ровной поверхностью, рассаживаясь таким образом, чтобы каждому игроку было удобно играть, не вставая со своего места.

Статья 6. Значение специальных слов, используемых в игре

Используемые в игре саки-боки и соответственно в настоящих правилах специальные слова имеют следующее значение:

1) пешки – принадлежность игры саки-боки в виде предметов, которые имеют форму полуцилиндра и изготавливаются из деревянных (обычно черемуховых или ивовых) круглых, примерно в палец толщиной, прутков путем их распиловки на небольшие цилиндры, которые затем раскалываются по линии диаметра на две половинки;

2) пласть – плоская сторона пешки, имеющая форму прямоугольника;

3) горб – выпуклая сторона пешки;

4) торец – две одинаковые, противоположные друг другу, имеющие форму полукруга поверхности пешки, которые образуются в результате поперечного распила деревянного круглого прута на цилиндры при изготовлении пешек;

5) сака – пешка в игре, которая лежит горбом вниз, а пластью вверх;

6) бока – пешка в игре, которая лежит пластью вниз, а горбом вверх;

7) поп – пешка в игре, которая стоит на торце;

8) попада – пешка, которая забирается игроком вместе с попом;

9) взятка – образующаяся в ходе игры совокупность двух пешек, когда одна бока одним своим краем лежит на другой боке и они не касаются других пешек.

10) куча – образующаяся в ходе игры совокупность двух или более пешек в любом положении, когда они касаются друг друга, если при этом они не образуют взятку;

11) сакана – слово, произносимое игроком сразу после вбрасывания пешек в игру, если он хочет сохранить выпавшее положение пешек на столе;

12) бокана – слово, произносимое игроком сразу после вбрасывания пешек в игру, если он хочет повторить вбрасывание пешек в игру;

13) вбрасывание пешек в игру – игровое действие, состоявшее в том, что игрок берет находящиеся в игре пешки в одну или обе руки (пригоршню) и бросает их на стол с небольшой высоты покатом (то есть сверху вниз в наклон по нисходящей линии) с тем, чтобы пешки образовали по возможности равномерную, удобную для игры россыпь на середине стола.

14) выщелкивание пешек – игровое действие, состоящее в том, что игрок щелчком пальца бьет по одной пешке, стараясь попасть ею в лежащую на той же стороне вторую пешку (то есть сакой по саке или бокой по боке), не задевая остальных пешек, и в случае удачи забирает себе обе столкнувшиеся пешки.

Статья 7. Общий порядок игры

В общем случае игра проходит в следующем порядке:

1) в начале игры игроки определяют количество используемых в игре пешек и распределяют их между собой поровну;

2) затем определяется начальный игрок (то есть игрок, который первым начнет игру);

3) потом начальный игрок собирает у игроков все пешки и вбрасывает их в игру;

4) после этого начальный игрок забирает себе пешки, занявшие на столе после вбрасывания особое положение, а именно взятка и попов с попадами, если таковые оказались;

5) вслед за этим начальный игрок приступает к выщелкиванию пешек, забирая себе выщелкнутые пешки, и делает это до тех пор, пока не выщелкнет все пешки или не допустит ошибку, влекущую переход игры к очередному игроку, или же при наличии в игре пешек среди них не останется пешек, пригодных для выщелкивания, что также влечет переход игры к очередному игроку;

6) далее игрок, к которому перешла игра, собирает оставшиеся в игре пешки, вбрасывает их в игру, и затем игра продолжается также, как после вбрасывания пешек начальным игроком вплоть до перехода игры к следующему игроку, причем с каждым очередным игроком игра продолжается в том же порядке и до тех пор, пока игроки не заберут все пешки;

7) по окончании игры определяются ее результаты и удовлетворяется интерес выигравшими игроками.

Переход игры к каждому следующему очередному игроку осуществляется по часовой стрелке.

Вслед за первой игрой игроки при желании могут начать новую игру.

Статья 8. Определение количества используемых в игре пешек и распределение их между игроками

В начале игры игроки определяют количество используемых в игре пешек и поровну распределяют их между собой (например, четыре игрока отбирают для игры 60 пешек и распределяют их по 15 штук каждому).

Статья 9. Определение начального игрока

Для определения начального игрока каждый игрок поочередно бросает на стол (обычно одной рукой) полученные в начале игры пешки и подсчитывает количество выпавших бок.

Игру начинает игрок, у которого бок (без учета взятков) выпало больше, чем у других игроков.

Если у двух или более игроков выпало равное количество бок, то эти игроки бросают пешки вновь, пока не определится начальный игрок.

Статья 10. Вбрасывание пешек в игру

Вбрасывание пешек в игру осуществляется начальным игроком (всех используемых в игре пешек) и каждым следующим вступающим в игру игроком (пешек, оставшихся к тому времени в игре).

Игрок, вбрасывающий пешки в игру, берет их в одну или обе руки (пригоршню) и бросает их на стол с небольшой высоты покатом (то есть сверху вниз в наклон по нисходящей линии) с тем, чтобы пешки образовали по возможности равномерную россыпь на середине стола. Если одна или более пешек упали на пол, вбрасывание повторяется.

Сразу после вбрасывания (в течение 1 – 2 секунд) бросавший игрок и другие игроки с учетом оценки степени выгодности расположения пешек вправе произнести слово «сакана» (в этом случае положение пешек сохраняется и игра продолжается дальше) либо слово «бокана» (в этом случае пешки собираются

и вбрасывание повторяется).

Слово «сакана» и «бокана» могут быть произнесены при повторном и последующих вбрасываниях.

Выгодным расположением пешек на столе считается такое расположение, когда пешки легли удобно для их выщелкивания, то есть равномерно, не задевая друг друга, причем количество сак и бок примерно одинаково, а также когда имеются взятки и попы.

При выгодном расположении пешек бросавшему игроку тактически целесообразно произнести слово «сакана», чтобы сохранить выгодное расположение пешек, а другим игрокам, наоборот, целесообразно произнести слово «бокана», чтобы повторить вбрасывание, надеясь, что при повторном вбрасывании расположение пешек будет менее выгодным.

При невыгодном расположении пешек тактическая ситуация меняется противоположным образом.

Если сразу после вбрасывания первым произнесено слово «сакана», то игра продолжается дальше, а если «бокана», то вбрасывание повторяется.

Если сразу после вбрасывания ни один из игроков не произнес слова «сакана» или «бокана», то игра продолжается дальше.

Статья 11. Сбор игроком, вбросившим пешки в игру, взяток и попов с попадьями

Игрок, вбросивший пешки в игру, далее осматривает их и забирает себе взятки и попов, если таковые имеются. Вместе с попом игрок забирает себе также любую другую пешку по своему выбору, которая именуется попадью. Попадью тактически целесообразно брать с таким расчетом, чтобы создать более выгодное для игры положение пешек на столе.

Если игрок, вбросивший пешки в игру, по какой-либо причине не забрал себе всех взятков и попов с попадьями и на это указали другие игроки, то игра переходит к очередному игроку. При этом взятки и попы с попадьями, забранные игроком, вбросившим пешки в игру, остаются у него. Очередной игрок заново вбрасывает в игру оставшиеся пешки.

Статья 12. Выщелкивание пешек

После вбрасывания пешек в игру и сбора взятков и попов с попадьями, если таковые оказались, бросавший игрок приступает к выщелкиванию пешек, которое состоит в том, что игрок щелчком пальца бьет по одной пешке, стараясь попасть ею в лежащую на той же стороне другую пешку (то есть саккой по сакке или бокой по боке), не задевая остальных пешек, и в случае удачи забирает себе обе столкнувшиеся пешки.

Игрок может щелкать пешку любым пальцем (обычно указательным, средним или большим).

Выщелкивание пешек продолжается до тех пор, пока игрок не выщелкает все пешки или не допустит ошибку, влекущую за собой переход игры к очередному игроку.

Считается ошибкой игра переходит к очередному игроку, если:

- 1) пешка, которую щелкнул игрок, не задела других пешек;
- 2) пешка, которую щелкнул игрок, попала в пешку, лежащую на другой стороне (то есть сак в боку или бока в саку);
- 3) пешка, которую щелкнул игрок, попала в лежащую на той же стороне вторую пешку (то есть сак в саку или бока в боку), но какая-либо из этих пешек или они обе задела одну или несколько других пешек;
- 4) игрок, щелкая пешку, задел рукой другие пешки.

Игра переходит к очередному игроку также в случае, когда среди оставшихся на столе пешек нет как минимум двух пешек, пригодных для выщелкивания, то есть лежащих на одной стороне (двух сак или двух бок), в том числе когда:

1) оставшиеся на столе пешки образуют кучу или когда кроме кучи имеется только одна пешка;

2) на столе остались две пешки, лежащие разной стороной (сак и бока);

3) на столе осталась одна пешка

В случае, когда к игроку перешла игра с оставшейся на столе одной пешкой, этот игрок прибавляет к ней одну из своих пешек и вбрасывает их в игру.

Если пешки выпали разными сторонами (сак и бока) либо они выпали одинаковой стороной, но игроку не удалось выщелкнуть их, игра переходит к очередному игроку с одной пешкой. Если у очередного игрока нет своих пешек, он делает одну попытку бросить последнюю оставшуюся в игре пешку на попа, и в случае удачи забирает ее себе, а в случае неудачи игра переходит к очередному игроку.

Игра продолжается до тех пор, пока игроки не заберут все пешки

Статья 13. Окончание игры и определение ее результатов

Игра заканчивается, когда на столе не остается ни одной пешки.

Для определения результатов игры подсчитывается количество выигранных каждым игроком пешек и сравнивается с их первоначальным количеством, полученным игроками в начале игры.

Выигравшими признаются игроки (игрок), набравшие в ходе игры пешек больше, чем их первоначальное количество.

Проигравшими признаются игроки, набравшие в ходе игры пешек меньше, чем их первоначальное количество.

Абсолютным победителем признается игрок, набравший наибольшее количество пешек.

Статья 14. Удовлетворение интереса выигравшими игроками

Выигравшие игроки вправе удовлетворить свой интерес посредством щелчков по лбу (щелбанов) проигравшим игрокам. При этом каждый выигравший игрок имеет право на количество щелчков, равное количеству набранных им пешек, превышающему их первоначальное количество, а каждый проигравший обязан принять количество щелчков, равное количеству пешек, недобранному игроком до их первоначального количества.

Удовлетворение интереса осуществляется выигравшими игроками поочередно, начиная с абсолютного победителя и продолжая другими выигравшими игроками по мере убывания их результатов. При этом выигравший игрок по своему усмотрению определяет проигравшего игрока (игроков), в отношении которого он удовлетворяет свой интерес.

Статья 15. Новая игра

Если игроки в том же составе решают сыграть новую игру, то ее начинает абсолютный победитель предыдущей игры.

Если в новой игре состав игроков изменяется, начальный игрок определяется в общем порядке.

Игроки могут договориться, что они играют количество игр по числу игроков, причем новую игру начинает другой игрок по очереди.

Статья 16. Разрешение споров в игре

Споры, возникшие в игре, разрешаются самими игроками по доброй воле на основе правил игры, а также исходя из принципов добросовестности, разумности и справедливости.

Статья 17. Уточнение и изменение правил игры по соглашению игроков

Правила игры по соглашению игроков могут быть уточнены и изменены перед началом игры.

ЛЕОНИД СТОЛОВИЧ

Леонид Наумович Столович широко известен в нашей стране и за рубежом и как корифей эстетической мысли, и как последний из могикан Тартуской философской школы, и как историк русской философии. Любители юмора знают его как автора, собирателя и издателя нескольких изданий книги «Евреи шутят».

Обращаю внимание читателей еще на одну сторону творчества тартуского философа - поэзию. Стихи он начал писать еще в годы войны и пишет по сию пору. Трудно выбрать из их собрания «самое-самое». Вам я предлагаю мой выбор. А желающие могут ознакомиться с последней книгой стихов Л. Н. Столовича «Размышления: стихи, афоризмы, эссе» (Тарту-Таллий, 2007)

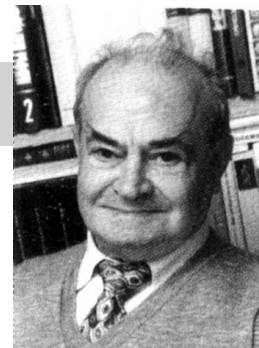
Б. В. Емельянов

Могила Канта

Трамвай скрипит на повороте - там,
Где дом стоял Иммануила Канта.
Чуть вправо убегает эстакада,
А за рекой вдали простерся храм.
Продымленный готический собор
Вздымает свой величественный остов,
Оставшийся один на целый остров.
Все остальное сметено, как сор. . .
Мы, мудрые теперь, отлично знаем:
Мир познаваем, но не узнаваем.
Конечно же, нет в мире постоянства.
Не вечны ни цветочек, ни гранит.
Сознание не создает пространство,
Но лишь оно одно его хранит.
А думал Кант, что беды отвратит
Категорический императив.
Смеясь над кенигсбергским пацифистом,
При этом ближнего не возлюбя,
Растормошенный разумом нечистым
Весь мир в себе вдруг вышел из себя.
Но мудрая случайностей причуда
Могила Канта сохранила чудом.
Гранит надгробный, словно вещь в себе,
Непостижимая в своей судьбе.
И строгий портик около стены
Собора. Из цепей ограда. –
Вот все, что уцелело от войны,
От Кенигсберга до Калининграда.
И это, может, убеждает мир,
Что для него спасенье - ВЕЧНЫЙ МИР.

1980

Л. Н. Столович

Алексею Федоровичу Лосеву

В ком многознание с мудростью слились,
Век девятнадцатый и век двадцатый?
Чей дух в себя вбирает даль и близь,
Бесчисленные даты и цитаты?
Как перекличка сотен соловьев,
В том духе, вовсе не лишенном плоти,
Являются Платон и Аристотель,
И Вагнер, и Владимир Соловьев.
Сокровища своих несметных знаний
Он дарит, а не копит, как Кашей.
Пускай другие - мера всех вещей.
Он - мера духа, честности исканий.
А жизнь - отнюдь не праздничный парад.
Своим трудом одолевая косность.
Он выстоял достойней, чем Арбат,
Как музыка и как античный космос.
Кто он, собой украсивший наш век,
Классический филолог и философ
И просто бесподобный человек?
Есть имя, что звучит как званье - ЛОСЕВ.

23.09.1983

Завидуя другим, Ты признаешь
Ничтожество свое перед собою.

1944

Я ощутил трагедию травы,
В булыжниках проросшей мостовых.

1944

История все ставит по местам -
Так время превращается в пространство.

Жизнь, она богата иль убога,
Если строго описать ее, -
Это нас манящая дорога
Из небытия в небытие.

7.08.2006

Светлана Светлая

Светлана Светлая – певец Сибири. Автор почти 40 лет живет в г. Нижневартовске. В книге «Сибирские поколения» представлены стихи, посвященные разным поколениям сибиряков, современной Сибири, которую знает, тонко чувствует и любит автор. Вниманию читателей альманаха предлагаются стихи философского характера.

Св. Светлая

СВОБОДА В СОЗНАНИИ

Сознание - великая основа,
Дарованная Господом в миру.
Читается исконно, как свобода,
Воспринимаясь в собственном мозгу
Возвышенно и отстраненно
От суеты, от пошлости, от зла.
Источник жизненных ресурсов человека,
Которых нет у розы и козла.
Свободно от житейских обязательств,
Свободно от врагов и палачей
Освенцима, фашизма, экстремизма...
Самодостаточно сознание людей!
Судьбою Диогена кто-то счастлив,
Кто день и ночь богатства стережет.
Один уверен в том, что он несчастен,
Другой, босой и бедный, но поет!...
Не обстоятельства уничтожают нас,
Но правосудие вершится в нас самих.
Тот выбирает жизнь, а этот - пас!
В своих ошибках так легко винить других.
Вне человеческого разума бесчинства
Себе подобных все шадят в природе.
Вне категорий зла, добра и веры
Не может быть у человечества свободы!

Ноябрь 2004 г.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Знакомый мне философ написал
О мировой и о родной культуре.
О языках и нравах рассказал,
Но в философской нет литературе
О толерантности - терпимости людей,
Да, о призвании, дарованном Всевышним,
Отличьи главном человека от зверей,
Истории, народам - нетипичном.
О доброте, как качестве культуры,
Об отношении к больным и старикам,
Другому полу, недостаткам иль фигуре,
К национальности других, другим «мозгам»:

К суждениям, религии, поступкам...
И чукчу, между прочим, создал Бог!
Да, тяжело принять рассудку,
Что ненависть - людской порок!
В войну фашисты наблюдали тупо,
Как кровь евреев из земли текла.
Ворочались, стенали и вспухали трупы,
Так кровоточили, что трескалась земля.
Но Баха слушая - по человечеству свинцом!
Под плачь - проклятие солдатских матерей,
По трупам гибнущих детей и их отцов...
Наверно, запах смерти веселей,
Чем осознание отсутствия культуры?
Убийства и увечья, пули, крик!...
Стара, как мир, агрессии скульптура.
Быль. Современность. Человек велик!...
Но бескультурен!

2005 г

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

В сравнении все в мире познается.
Пещерным эхом слово отзовется
Истории древнейшие страницы
Развитие Европы сладко снится...
Судьбою схожа с жизнью человека
Эпоха бытия в разрезе века:
Доисторически античность - просто детство:
Расцвет цивилизаций - роста средство.
Сократа обвинили в том,
Что отрицает он Богов,
Чем развращает молодежь:
- Стремленье мыслить - это ложь!
Учителю налили яду
И принял он его в награду.
Казнен призыв: «глядеть в себя...» -
Античности идея вся.
Сократа ученик - Платон
Потомкам рассказал о том,

Что в отражении идей
 Пещерный дух живет теней...
 Европе жизнь несла античность
 Уж тем, что воспевала личность.
 И тела красоту, и острый ум,
 Рождение наук, искусства шум.
 Затем средневековые - школьный возраст
 Типичный Недоросля образ.
 Здесь мракобесия диктат и лживость
 Находит инквизиция наживу.
 Горят костры и меркнет красота.
 Основа в страхе – философия проста,
 Опасен мир, а в нем еретики!
 Исподтишка вонзаются клинки...
 Охота мрачная на ведьм и колдунов.
 Европа помнит много мрачных снов.

Средневековья длинная основа
 Тревожит память людям снова...
 Мне помнится, такое повторялось
 Эпохой новой вдохновлялось,
 Орудий пыток многие примеры
 В садизме вечно здравствуют химера.
 Настал и Ренессанс – мятеж юнцов,
 Прогресса всплеск и блеск творцов
 Бруно, Коперник и Шекспир...
 Полотна Рафаэля... мир.
 Боготворит своих отцов,
 Свободу гения борцов...
 Сегодня зрелые в Европе перемены
 Истории в ней видятся дилеммы.

2004 г.

Любовь Ладейщикова

Имя поэта Любови Ладейщиковой хорошо известно и любимо читателями Урала и России. Она – автор двенадцати прекрасных книг, среди которых: «Рождение женщины», «Свеча негасимая», «Колыбельная тайна», «Крестный ключ», «Бездна», «Цветенье» и т.д. Заслуженный работник Культуры РФ, академик Поэзии, лауреат литературных премий, в том числе Губернаторской «За выдающиеся достижения в области литературы», ныне отмечает сорокалетие своей творческой деятельности. В юбилейный год вышла книга её избранных произведений «Премия Солнца».

Л. Ладейщикова

ЗАТМЕНИЕ

Как звон от конского копыта,
 Как стон пронзающей стрелы,
 Подковой счастья – в землю вбита
 Кровь нержавеющей страны,

Чтоб корчась в материнских муках,
 Как придорожная трава,
 Упрямо проросла во внуках
 Молва былинного родства,

Смахнув, как пыль, свинец и порох,
 Дух возвышающий воскрес,
 И рухнул на колени Молох,
 Прося пощады у Небес,

А годы смуты, лжи и тленья,
 Как тень у взлетной полосы,
 Минутным солнечным затмением
 Остались в памяти Руси.

2005

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА

Я на исповедь душу веду сама –
 Наступает её черёд...
 Но, как чуда, прошу: Не сходи с ума,
 Поднимайся к солнцу, народ!
 Не сходи с пути, ненаглядный сын,
 Ты – опора моя и плоть.
 Внучек, семечко малое, славянин, -
 Нас не просто перемолоть.

Внучка, с искоркой Божией на челе, -
 Ты прозренью любви и слух, -
 Береги, как звёзды, цветы на земле, -
 Сбереги, хоть одно из двух...

Если в сердце мир до краёв погружён,
 То глаза – Вселенной портрет, -
 И душа листает дневник времён
 И с надеждой смотрит на свет.

2007

Юрий Конецкий

Известный русский поэт, переводчик, историк литературы. Родился 25 мая 1947 года. Заслуженный работник Культуры РФ. Академик Поэзии. Лауреат ряда всероссийских литературных премий, в том числе им. П.П. Бажова, им. Б.П. Корнилова...

ПОЭТ

Под землёй, где комбайны со скрежетом
Вырубает калийную соль,
Алексей Леонидович Решетов
Не роптал на земную юдоль.

И в мечтаньях отнюдь не коммерческих
На Парнас подымаясь пешком,
Он руду вдохновенья, как в Нерчинске,
Старомодным кайлил обушком.

И сквозь пенё моторов частушкино,
Различал он - строку за строкой -
Декабристскую музыку Пушкина,
Соль, как снег, отряхая рукой.

И, дитя воспитания барачного,
Светом русского Слова крещён, -
Безотцовщина времени мрачного, -
Доброту исповедовал он.

Был пристрастен и к Музе, и к водочке,
Как Хозяйкиных недр мастера,
Что, избегнув Хароновой лодочки,
Возвращались живьём на-гора ...

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ ХАНТЫ

Марии Вагатовой

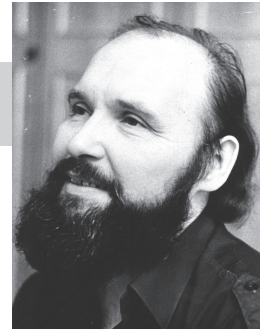
Две женщины ханты сидят за столом,
И радуясь встрече, поют о былом,
Как в праздничном чуме с кипящим котлом ...

В прихожей – олени, с узором, кисы*,
За окнами - город морозной красы:
Куржак кружевами украсил парчу...
Лежит на балконе разобранный чум,
И бубен шаманский притих на стене,
Где скачет Георгий на белом коне...

Стерлядки наструганной вволю поев,
Подруги припомнили старый напев,
Что слышали в детстве от бабок своих,
Которых полвека уж нету в живых.

«Трёхмужняя» Маша живёт с мужиком,
Который с её языком незнаком —
С рыбалки удачной пришёл с Иртыша,
И – в телек уткнулся -
там жизнь хороша!

Ю. Конецкий

«Трёхногая» Дуся живёт без дружка,
Опора её – только ствол бадожка.

Два Машиных мужа ушли в нижний мир, -
Вовек не придут на сегодняшний пир,
Оттуда и муж Евдокии-вдовы
Глядит на две женских седых головы...

Поёт Евдокия:

- Ты, шурин мой,
Ты, шурин мой,
Возьми меня к себе домой!
Ушёл от нас твой брат, мой муж –
Покинул мир в разгаре стуж.
В твоём посёлке свет, уют, -
Там даже вороны живут!
Там Сиснэ-птица**, - неба дочь,
Печаль-лисицу гонит прочь.
Ты, шурин мой,
Ты, шурин мой,
Возьми меня к себе домой.

- Сноха моя, моя сноха! -
Я не гожусь для жениха.
Перевезти в посёлок свой –
Что угол осквернить святой!
Я память брата берегу,
И быть с тобою - не могу,
Не доводи нас до греха,
Сноха моя, моя сноха!

- Ты, шурин мой,
Ты, шурин мой,
Возьми меня к себе домой!
Я горяча, я молода,
А ты – как идол изо льда.
Ты, шурин мой,
Ты, шурин мой,
Возьми меня к себе домой!
Три хора*** в нарту запряги
И прикажи быкам: - Беги!
И три оленя молодых
Помчат в просторах снеговых
На быстрых нартах, шурин мой,
К тебе домой!
К тебе домой!
- Сноха моя, моя сноха!

Упряжка, вправду, неплоха.
В той нарте, что запряг я вмиг,
Все ножки – мамонтовый клык.
Быстры олени на бегу,
Но взять тебя я не могу...
Святые морды у быков –
Но сам-то, буду я каков?
Прости, сноха моя, сноха, -
Ищи другого жениха...

-Ты, шури́н мой,
Ты, шури́н мой,
Возьми меня к себе домой!
Мой ларь открыть давно пора:
Меха в нём выдры и бобра,
Собольи шкурки без числа –
Ведь я охотницей росла.
Всё это я отдам тебе,
Начнём житьё в одной избе -
Не сомневайся, шури́н мой:
С приданым привезёшь домой!

- Сноха моя, моя сноха,
Оставь себе свои меха! -
Слова твои - гнилой орех.
Мой пёс в тайге – не пустобрех:
И кроме выдры и бобра,
В моём дому полно добра.
Сама ты видела не раз,
Как попадаю белке в глаз...
К чему – тобой добытый мех? -
Чтоб слушал я соседей смех?
Уж лучше я, моя сноха,
Один поеду от греха...

- Ты, шури́н мой,
Ты, шури́н мой,
Не заплутай в пути домой! -
Живи до смерти без забот -
Но на тебе заглохнет род.
Ты всех друзей переживёшь -
Их род продолжит молодёжь...
А твой, – сколь ни копи добра, -
Погаснет искоркой костра!

Две женщины ханты плеснули вина,
Ножом настругали - уже муксуна! -
Мария, поправив узорный браслет,
В концовку добавила новый куплет.

Вариант Марии:

- Ты, шури́н мой,
Ты, шури́н мой,
Возьми меня к себе домой!
В твоём посёлке свет, уют,
В нём тридцать девушек живут.
Но мне подобных мастериц
Ты не найдёшь среди девиц -
На томре**** я могу играть,

Стеклярус, бисер нашивать,
Тому, кто в дом меня возьмёт,
Рожать я стану каждый год.
В твоём посёлке тридцать жён,
Но без меня – тебе урон.
Ты, шури́н мой,
Ты, шури́н мой,
Возьми меня к себе домой.

- Сноха моя, моя сноха, -
Мой пояс ярче петуха!
И ни одной из мастериц
Не сшить узорней рукавиц.
От той, кем вышит мягкий гусь*****,
Я никогда не отвернусь.
И в праздник убажует слух
В её руках тоорых-юх*****...
Пусть мой очаг хранит она –
Моя прекрасная жена.
Сноха моя, моя сноха! -
Ищи другого жениха...

- Ты, шури́н мой,
Ты, шури́н мой,
Поторопись к себе домой!
Живёт в посёлке тридцать дев, -
Но ценишь ты жены напев!
Там тридцать рукодельниц-жён,
Но ты - своею покорён.
Она рождает каждый год -
Твой род с тобою не умрёт.

А я открою свой секрет:
Не просто женщина я, нет, -
Из мира верхнего мой путь,-
Пришла я на тебя взглянуть.
И ты не нужен мне, как муж, -
Я проверяю крепость душ...

Зачем, в облинии снохи,
Искала на тебе грехи? –
Мы, духи леса, духи вод,
Должны века хранить народ,
У нас особый интерес:
С какой душой пойдёшь ты в лес...

В прихожей – олени, с узором, кисы,
За окнами город морозной красоты -
Куржак кружевами украсил парчу...
Лежит на балконе разобранный чум,
И бубен шаманский притих на стене,
Где скачет Георгий на белом коне...

Кисы* - меховая обувь с длинными голенищами.
Сиснэ-птица** - мифическая орлица.
Хор*** - самец оленя, «бык».
Томра**** - губной музыкальный инструмент, костяная пластина.
Гусь***** - верхняя меховая одежда.
Тоорых-юх***** - девятиструнная арфа в виде лебедя.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПРАВУ

Подготовила Е. М. Сурина

Гайда Анатолий Войцехович: биобиблиография ученого (к 60-летию со дня рождения) / В.Н. Руденко, И.Б. Фан, Е.М. Сурина, А.Ю. Яжук; РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т философии и права; Под ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 132, [2] с.

Книга посвящена видному представителю Уральской философской школы, д. филос. н., проф. Гайде А.В. Она включает краткую биографию, интервью с ученым и его коллегами, библиографию трудов, вспомогательные указатели.

Для ученых-философов и историков науки.

Дискурс-Пи: Науч.-практ. альм. Вып. 6: Дискурс современных мифологий / РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т философии и права, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Екатеринбург. обществ. благотворит. фонд «Дом ученых» и др.; Гл. ред. О.Ф. Русакова. – Екатеринбург, 2006. – 160 с.

Дискурсология: методология, теория, практика: Докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Ж. Бодрийяра, г. Екатеринбург, 21 нояб. – 14 дек. 2007 г.: В 2 т. / Ин-т философии и права УрО РАН, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Гуманит. ун-т и др.; Под общ. ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2007. – (Дискурсология. Вып. 5, 6) 156 с.

Т. I. – 156 с.

Настоящее издание включает доклады участников Второй Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика», посвященной памяти Ж. Бодрийяра, заседания которой прошли с 21 ноября по 14 декабря 2007 г. в Институте философии и права УрО РАН, в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, в Тюменском государственном университете, в Южно-Уральском государственном университете, в Гуманитарном университете, в Уральском государственном университете путей сообщения.

В первом томе представлены доклады, в которых рассматриваются проблемы теории и методологии дискурс-исследований, парадигмы и дискурсы современного философского мышления, дискурсы соблазна и соблазны дискурса, проблемы культуры как взаимодействия дискурсов, дискурсы социальных процессов и институтов.

Т. II. – 212 с.

Во втором томе представлены доклады, посвященные анализу политического дискурса, исследованиям дискурса марксизма, постмодернизма, современного молодежного дискурса, дискурса региональной идентичности, дискурса интегрированных маркетинговых коммуникаций, PR и рекламы, особенностям медиадискурса и дискурса туризма.

Издано при поддержке гранта РГНФ № 07-03-83305 а/у.

Киселев К.В. Акторы и тренды региональной политики: Политическая ситуация в Свердловской области в электоральном цикле 2003–2007 гг. / РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т философии и права; Науч. ред. сер. В.Н. Руденко, К.В. Киселев; Отв. ред. Матвейчев О.А. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 376, [1] с. – (Феноменология полит. пространства).

Монография посвящена исследованию политических процессов в Свердловской области в период электорального цикла 2003–2007 гг. В работе детально, месяц за месяцем, проанализированы и прокомментированы политические события, происходившие на Среднем Урале в это время. Работа К. Киселева – своеобразная «политическая летопись», охватившая значимый для Свердловской области и России в целом временной интервал.

Особое внимание в монографии уделяется изучению конкуренции элитных групп и взаимоотношений региональных отделений политических партий. При этом в монографии представлена не только ретроспекция политической жизни, но и проанализированы тенденции и перспективы ее динамики.

Выводы автора исследования о судьбах региональной политики часто парадоксальны, но научно обоснованы и технологически выверены.

Книга адресована политикам и политологам, специалистам по связям с общественностью и политическим консультантам, а также всем интересующимся данной проблемой.

Киселев К.В. и др. Публичные слушания в муниципальных образованиях / К.В. Киселев, М.В. Ляпустина, В.Н. Руденко; Урал. фонд соц. исслед.; Отв. ред. М.Ф. Казанцев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 151, [1].

В издании, посвященном конституционно-правовому институту публичных слушаний в системе местного самоуправления, рассматривается сущность и правовое содержание данного института, его цели и основные задачи, поднимаются проблемные вопросы, связанные с организацией и проведением публичных слушаний, учетом результатов публичных слушаний органами местного самоуправления. Даны рекомендации по совершенствованию данного института, приводится примерное «Положение о публичных слушаниях в муниципальном образовании».

Работа адресована органам местного самоуправления муниципальных образований, а также всем, кто заинтересованно относится к проблемам организации общественной жизни.

Изд-е осуществлено при поддержке гранта Общественной палаты РФ «Власть и общественные науки: поиск оптимального взаимодействия».

Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии) / РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т философии и права; Науч. ред. Н.В. Бряник. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 408, [2] с.

Монография посвящена исследованию формально-логических противоречий-антиномий, возникающих на стыке этики, метафизики и права, а также изучению возможностей разрешения этих противоречий с помощью логико-математических моделей указанных дисциплин. В книге впервые конструируются и обсуждаются простейшие дискретные математические модели объединения морали, естественного права и метафизики. Впервые формулируется и систематически исследуется гипотеза, согласно которой в сущности метафизика есть формальная аксиология.

В качестве простейшего искусственного языка теоретического описания фундаментального единства метафизики, этики и естественного права используется алгебра поступков – двузначная математическая модель естественного права как системы. В монографии впервые предлагается и всесторонне изучается некий вариант алгебры формальной метафизики. Эта алгебра используется в книге для прояснения и уточнения целого ряда метафизических концепций (Парменида, Р. Декарта, Г.В. Лейбница, Д. Юма, И. Канта и др.), имевших место в истории философии. Всесторонне исследуется взаимосвязь концепций модальностей Аристотеля и Г.В. Лейбница, При этом модальности трактуются как бинарные операции алгебры формальной метафизики (=аксиологии).

Книга адресована научным работникам, преподавателям и студентам философских и юридических факультетов.

Любу́тин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход / Ин-т философии и права УрО РАН, Урал гос. ун-т им. А.М. Горького, Рос. филос. о-во. – Екатеринбург, 2007. – 295 с.

В современной России идеи Карла Маркса либо подвергаются вульгарной критике, либо их пытаются предать забвению, либо «по старинке» воспринимаются сквозь призму суловского «марксизма-ленинизма».

Между тем, объективно-научное прочтение трудов великого мыслителя ныне как никогда необходимо. Авторы монографии пытаются рассмотреть философию Маркса посредством категории «повседневности». Речь идет об осмыслении повседневного бытия людей как практического бытия, выявляются огромные эвристические и гуманистические возможности марксовской теории практики.

Книга адресована философам, социологам, политологам, историкам – всем тем, кто интересуется творчеством Карла Маркса.

Любу́тин К.Н., Кондрашов П.Н. Философская антропология Карла Маркса: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 238, [2] с.

В учебном пособии рассматривается философская антропология К. Маркса (1818–1883). Выявление антропологической проблематики в философии Маркса осуществляется авторами непосредственно на основе текстов самого К. Маркса и четко отграничивается как от сциентистских взглядов Ф. Энгельса, так и от более поздних прочтений Маркса. Философия Маркса, считают авторы, представляет собой учение о человеке, включающее в себя собственно антропологию, социальную философию и философию истории.

Особое внимание уделяется анализу такой мало исследованной стороны марксовской антропологии, как учение об историчности человеческой природы.

Хотя пособие предназначено для студентов философского факультета, тем не менее, оно будет интересно и социологам, и политологам, а также всем, кто интересуется творчеством Карла Маркса.

Мартьянов В.С. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред.: Руденко В.Н., Киселев К.В. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 340, [6] с.

– (Феноменология полит. пространства).

Книга посвящена анализу изменений институтов, смыслов и целей российского общества в постбиполярном мире. Рассматривая социально-политические трансформации Современности, автор доказывает, что прощание с Модерном преждевременно. Утопических альтернатив равновеликих Модерну-Современности, Демократии и Капитализму в глобальном масштабе так и не появилось. С другой стороны, стратегия консервации актуального статус-кво все более дискредитирует российский Модерн. Поэтому российское общество нуждается в консолидации посредством легитимирующих утопий и проектов, апеллирующих к будущему. Иначе более справедливое будущее просто не возникнет взамен слишком многих не устраивающих настоящего. Работу отличает полемическая направленность и парадоксальность многих оценок и выводов.

Издание адресовано политикам и обществоведам, а также широкой публике, интересующейся актуальными социально-политическими проблемами и процессами в России и современном мире.

Мирошников Ю.И. Аксиология: концепция эмотивизма / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права. Каф. филос.; Отв. ред. В.В. Ким. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 160, [4] с.

В монографии исследуются аксиология как часть философского знания, история становления аксиологических идей и основные понятия – ценность, ценностное отношение, ценностное сознание, эмоция, оценка и др. Исходной позицией в построении аксиологической теории избран эмотивизм, сущность которого заключается в том, что разнообразные эмоции человека являются основанием и простейшей «клеточкой» ценностного сознания. Изучая диалектику чувственного и рационального, индивидуального и общественного, исторического и логического в ценностном сознании, автор приходит к мысли о том, что все современные виды культуры несут в себе определенное ценностное содержание. Специальное внимание в работе уделено анализу ценностных аспектов науки.

Книга адресована преподавателям философии, аспирантам, соискателям, студентам, специалистам, занимающимся теорией ценностей.

Мошкин С.В. Россия как демократия? / Рук. проекта: О.Ф. Русакова и А.Е. Спасский; [Гл. науч. ред. О.Ф. Русакова]. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2007. – 140 с. – (Звезды современной мысли. Вып. 3).

В новой книге известного политолога С. В. Мошкина представлены очерки о насущных проблемах политического развития России, написанные в последние шесть лет. Собранные вместе, они дают достаточно цельное представление о характере политического режима, сложившегося в «путинской» России.

Книга будет интересна всем, кто интересуется политикой и политическими процессами в современной России.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 7 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Гл. ред. В.Н. Руденко; Ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков и др.; Отв. за вып.: М.Ф. Казанцев К.В. Киселев, В.С. Мартьянов.

– Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 355, [1] с.

В седьмом выпуске Научного ежегодника философии и права УрО РАН представлены наиболее значимые результаты научных исследований в области философии, политологии, права, выполненные в институте в 2006 г.

Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания: [Коллектив. моногр.] / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Каф. филос.; Под ред. Ю.И. Мирошникова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 519, [1] с. – (Филос. проблемы науки и культуры; Вып. 4).

Данный сборник продолжает серию «Философские проблемы науки и культуры», предлагаемую к изданию кафедрой философии Института философии и права УрО РАН. Основная задача серии – отразить исторически изменяющуюся роль науки в эволюции общества и культуры, уловить те особенности научной деятельности, которые принес с собой наступивший XXI век.

Настоящий выпуск посвящен теоретическим вопросам аксиологии, истории становления аксиологических идей и проблемам ценностного сознания, составляющим важнейший компонент различных видов культуры, среди которых центральное место занимает наука.

Сборник адресован философам, научным работникам, аспирантам и читателям, интересующимся проблемами истории и философии науки.

Подвинцев О.Б. Политические процессы в постсоветском пространстве: Курс лекций для студ. спец. «Политология» и «история» / Федер. агент. по образованию. ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т». – Пермь, 2007. – 133, [1] с.

Специализированный курс «Политические процессы в постсоветском пространстве» читается на историко-политологическом факультете Пермского государственного университета с 2001 г. Рассматриваются проблемы становления, развития и распада империи, специфика Советского Союза как империи. Основную часть курса составляют темы, посвященные политическому развитию бывших союзных республик СССР (за исключением России). При этом анализируются также исторические факторы, обусловившие своеобразие политических традиций и политической ситуации в каждом из новых независимых государств.

Издание в первую очередь адресовано студентам, изучающим соответствующий курс, но может представлять интерес для специалистов и исследователей и всех интересующихся данной проблематикой.

Проблемы испанской идентичности в контексте глобализации: Сб. статей / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии

и права, Перм. филиал по исслед. полит. ин-тов и процессов; Пер. с исп. и примеч. Ю.В. Василенко; Науч. ред. сер. В.Н. Руденко, К.В. Киселев; Отв. ред. Руденко В.Н.; Координатор с исп. стороны Блеса Аледо П.С. – Екатеринбург, Пермь: УрО РАН, 2007. – 245, [4] с. – (Феноменология полит. пространства).

В книгу вошли статьи профессоров и преподавателей Католического университета Сан-Антонио (г. Мурсия, Испания), посвященные актуальным проблемам трансформации испанской идентичности в ее культурно-историческом, политологическом, юридическом и информационном аспектах. В частности, рассматриваются такие проблемы как становление христианства в Испании, наследие «Черной легенды», проекты реформ территориально-государственного устройства, специфика иммиграционных процессов, электоральное законодательство, доступность информации и развитие электронных СМИ. Испанский опыт и предлагаемые подходы являются актуальными и для современной России и могут быть востребованы в российской общественно-политической практике.

Издание адресовано политологам, юристам, историкам, журналистам и всем, интересующимся прошлым и настоящим Испании.

Изд-е подготовлено по гранту УрО РАН, предоставленному Ю.В. Василенко по итогам конкурса проектов молодых ученых, проведенного в 2006 г.

Федерализм и централизация: [Кол. моногр.] / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Науч. ред. сер. В.Н. Руденко, К.В. Киселев; Отв. ред. К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 372, [4] с. – (Феноменология полит. пространства).

Монография является итогом десятилетнего исследования федеративных процессов в России, начатого учеными Института философии и права УрО РАН в 1998 г. В работе детально проанализированы этапы развития федеративных отношений, описаны их основные модели. В контексте тенденции централизации власти определены основные направления и особенности трансформации публично-политических институтов.

Особое внимание в монографии уделяется изучению изменений российского федерального и регионального законодательства и их последствий. Детально анализируются новые механизмы разграничения совместных полномочий Российской Федерации и ее субъектов. Особое внимание в монографии уделено осмыслению актуальных процессов позиционирования российских регионов.

Работу отличают оригинальность применяемых научных методов, нетривиальность многих оценок и выводов.

Книга адресована политикам, политологам, юристам, культурологам, а также всем интересующимся актуальными проблемами российской политики.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

Тема следующего выпуска:

Дискурс Пи. Выпуск 7: Новый левый дискурс
/ Под редакцией О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2007 – 196 с.

ISSN 1817-9568

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук*

Екатеринбург, 2007

Главный редактор
О.Ф. Русакова

Технический редактор
С.Б. Григорьева

Дизайн-макет
А.А. Панов
Дизайн обложки
В.В. Русаков
Компьютерная верстка
В.В. Русаков

Корректор
Е.П. Арапова

Подписано в печать
... 2008

Формат 60 x 84 1/8.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. ...

Тираж 500.

Отпечатано в типографии ООО ДРП «Локомотив».
620102, Екатеринбург,
ул. Посадская, 21, оф. 233.
Заказ № ...